

М. АРЦЫБАШЕВЪ.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ.

„МОСКОВСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО“.

М. АРЦЫБАШЕВЪ.

РАЗСКАЗЫ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ.

„МОСКОВСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО“.

Типографія „ЗЕМЛЯ“, Москва,
1-я Мѣщанская, д. 5.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Человѣческая волна	1
Милліоны	165

ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ ВОЛНА.

ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ ВОЛНА.

I.

Можно было забыть, что черезъ нѣсколько часовъ городъ будетъ разгромленъ пушками, что на тротуарахъ будутъ валяться окровавленные трупы, что жизнь приняла странныя и тревожныя формы, что судьба каждого человѣка виситъ на волоскѣ, но нельзя было забыть, что на землѣ стоитъ теплый, весенній вечеръ, въ потемнѣвшемъ небѣ тихо зажигаются звѣзды, отъ газоновъ бульвара тянетъ густымъ, прянымъ запахомъ земли, съ моря дуетъ теплый, почти лѣтній вѣтеръ, и дышится такъ легко, какъ можетъ дышаться только теплой, тихой и ясной весной.

И оттого самые страхъ и тревога принимали форму любопытнаго и бодрого оживленія, а идя черезъ городской садъ и глядя вверхъ, гдѣ между черными вѣточками, отчетливо чеканящимися въ воздушно синемъ просторѣ, золотистыми искорками мигали звѣзды, студентъ Кончаевъ думалъ не о томъ, что будетъ завтра, не о взбунтовавшемся броненосцѣ, сѣрыя трубы котораго и въ весеннемъ сумракѣ жутко чернѣли далеко на морѣ, не о многоголосой толпѣ, изъ которой онъ только что вырвался и гулъ которой все еще стоялъ у него въ ушахъ, а о томъ, что на свѣтѣ есть радость и красота.

И въ душѣ у него было такое чувство, точно — гдѣ-то тутъ, вокругъ него, во влажномъ, свѣжемъ и темно-прозрачномъ воздухѣ весенняго вечера невидимымъ хоромомъ обвиваются, улыбаясь и маня, милыя нѣжныя дѣвушки и гибкія, лукавыя женщины сладострастныхъ сновъ. Грудь дышала легко и глубоко, по тѣлу распространилась какая-то мечтательно-сладкая истома и хотѣлось чего-то сильнаго, красиваго и страстнаго до восторга.

«Хорошо, интересно жить!» — бессознательно чувствовалъ Кончаевъ.

Ему захотѣлось сейчасъ же, никуда не заходя, пойти въ тотъ знакомый переулокъ, гдѣ жила Зиночка Зекъ, потихоньку вызвать ее на темную улицу, рассказать ей что-то хорошее, задушевное и въ сумракѣ близко смотрѣть на нѣжное молодое, какъ весна, личико, съ большими, какъ-будто радостно удивленными свѣтлыми глазами и мягкими пушистыми волосами, что двумя недлинными косами перекинуты черезъ гибкія плечи на невысокую молодую грудь.

Но Кончаевъ сейчасъ же вспомнилъ, что раньше надо разыскать доктора Лавренко и передать ему предложеніе комитета объ организаціи летучаго санитарнаго отряда.

Ему сдѣлалось немного стыдно, что онъ чуть было не забылъ о важномъ большомъ дѣлѣ, но такъ было сильно въ немъ радостное, весеннее чувство, что и самъ докторъ, и летучій лазаретъ, и завтрашнее страшное и кровавое дѣло никакъ не укладывались въ его мозгу и все казались ему короткими, мелкими, которые сейчасъ пройдутъ и исчезнутъ, и тогда можно будетъ дѣлать самое важное и интересное: идти къ Зиночкѣ Зекъ, вызвать ее на темную, тихую и теплую улицу.

Одвинувъ палку на затылокъ, распахнувъ пальто и бессознательно, но радостно, чувствуя себя сильнымъ и красивымъ, Кончаевъ повернулъ за уголъ и сразу увидѣлъ желтые огни ресторана, гдѣ, какъ онъ отлично зналъ, всегда можно найти доктора Лавренко.

Въ ресторанѣ было очень мало народу—все ушло на улицы, набережныя и бульвары, и оттого ресторанъ казался по-праздничному прибраннымъ, чистымъ, а открытыя окна, отъ которыхъ глаза отвыкъ за зиму, придавали ему особенный, свѣжій и праздничный видъ. Зато въ билліардной, несмотря на раскрытыя окна, было по-обычному душно, накурено и шумно. Игроковъ было много, и ихъ напряженные потныя лица, со страннымъ полубезумнымъ огонькомъ въ глазахъ, поразили Кончаева.

— Вотъ ужъ ничто ихъ не беретъ,—со смѣшливymъ и чуть-чуть презрительнымъ недоумѣніемъ подумалъ онъ.

Докторъ игралъ за вторымъ билліардомъ, и когда Кончаевъ его увидѣлъ, Лавренко, перетнувъ надъ ярко зеленымъ сукномъ билліарда свое большое, лѣнивое тѣло, увѣренно и странно ловко для того большого, неуклюжаго человѣка цѣлился въ дальній шаръ, красиво маячившій на ровномъ зеленомъ полѣ.

...Тра-тахъ!—щелкнули шары и разбѣжались во всѣ стороны торопливо и весело, какъ живые.

Кончаевъ сзади взялъ доктора за локоть.

— А, шо?—лѣниво спросилъ Лавренко, оборачиваясь.—А, это вы!

— Я, здравствуйте!.. Послушайте, докторъ, вы скоро кончите?.. Мнѣ съ вами надо поговорить...

— Сейчасъ,—не поворачиваясь и не спуская глазъ съ повисшаго надъ лузой шара, отвѣтилъ Лавренко и пошелъ кругомъ билліарда.

— Четырнадцать въ уголъ налѣво,—громко и отчетливо выкрикнулъ онъ, не обращая вниманія на Кончаева, и, съ особой своеобразной граціей хорошаго билліарднаго игрока, впередъ и взадъ замахнулъ кіемъ.

Бѣлый шарикъ, какъ бѣлая молнія, мгновенно мелькнулъ по зеленому полю и съ характернымъ трескомъ скрылся въ лузѣ.

— Партія! — торжественно провозгласилъ маркеръ и длинной машинкой загребъ остальные шары къ борту.

Высокій, черный армянинъ, партнеръ Лавренко, съ досадой швырнулъ свой кій на сукно. Лавренко съ минуту стоялъ, опершись кіемъ на билліардъ и самодовольно глядѣлъ на армянина. Потомъ съ сожалѣніемъ глубоко вздохнулъ и, тихо положивъ кій, отошелъ къ умывальнику.

— Ну, голубь мой, въ чемъ дѣло?—мягкимъ и лѣнивымъ голосомъ спросилъ онъ у Кончаева, старательно вытирая полотенцемъ пухлые, какъ у булочника, безволосыя и бѣлыя руки.

— Тутъ неудобно,—сдержанно и выразительно отвѣтилъ Кончаевъ, искоса оглядываясь:—пойдемте, лучше пройдемтесь.

Лавренко опять тяжело вздохнулъ, посмотрѣлъ на билліардъ, которымъ уже завладѣли какіе-то люди съ сомнительными жадными фізіономіями, и съ усиліемъ сталъ натягивать заворачивающееся пальто на свои круглыя, какъ у пожилой толстой бабы, массивныя плечи. Маркеръ подержалъ ему рукавъ.

— Анатолій Филипповичъ, время, за кѣмъ прикажете?—спросилъ онъ, и по его почтительно-фамиллярному тону видно было, что докторъ Лавренко тутъ свой человѣкъ.

— За ними, за ними, Иванъ,—машинально, но почему-то очень грустно, отозвался Лавренко.

Они медленно вышли на темную улицу, и сразу имъ въ лица пахнуло свѣжестью, вѣтромъ и смѣшаннымъ запахомъ сырости и тепла. Фонари не горѣли, и земля была черна, какъ тьма, но отовсюду во мракѣ слышались голоса, и смутно виднѣлись живыя тѣни.

Все было странно и необычно: и мракъ, и закрытыя окна магазиновъ, и громкіе возбужденные голоса, и необычное таинственное движеніе невидимыхъ, но чувствуемыхъ вокругъ людей. Въ этомъ было что-то лихо-

радочное, путающее, но возбуждающее сердце къ ка-кимъ-то несознаннымъ порывамъ. Какъ-будто надъ горо-домъ пронеслось что-то свободное и, однимъ взмахомъ невидимаго могучаго крыла смета всю привычную акку-ратную жизнь съ ея порядкомъ, равномернымъ шумомъ и тусклыми огнями, открыло жизнь новую, загадочную, тревожную и бодрую, въ которой было что-то похожее на предразсвѣтную зыбь въ морѣ.

Чѣмъ дальше углублялись во тьму улицъ Лавренко и Кончаевъ, тѣмъ сильнѣе охватывало ихъ радостное оживленіе. Вокругъ въ темнотѣ двигались цѣлыя толпы, слышались голоса и смѣхъ, нарядка то близко, то далеко вспыхивало и обрывалось начало пѣсни. Было похоже на какой-то ночной праздникъ, и въ темнотѣ всѣ люди казались одинаковы и одинаково радостны и бодрны.

Кончаевъ, какъ молодая собака въ полѣ, чутко пово-рачивалъ во всѣ стороны голову.

— А, здорово, ей-Богу!—вскрикнулъ онъ молодымъ восхищеннымъ голосомъ.

— Да!.. Надолго ли только?..—тихо пробормоталъ Лавренко.

— Ну, что жъ?.. Все равно!—еще громче, еще моло-же крикнулъ Кончаевъ, коротко и безшабашно махнувъ рукой.—Важно то, что всѣ почувствовали, что такое сво-бодная жизнь, почувствовали, какъ съ нею и всѣ стано-вятся лучше, общительнѣе, интереснѣе... Этого ужъ не забудутъ, а все остальное чепуха.

— Вѣрр-но!—необычайно внушительно и такъ не-ожиданно близко, что Лавренко даже отшатнулся, про-гремѣлъ изъ темноты громадный басъ: — р-руку, то-варищъ!..

Передъ ними выросло нѣсколько темныхъ, какъ-буд-то безличныхъ силуэтовъ, и кто-то напелъ и сжалъ руку Кончаева твердой шершавой ладонью.

— Свобода, а на все прочее начхать!.. Правильно я говорю, товарищъ?—пробасилъ голосъ.

— Правильно, товарищъ! — задушевно и ласково отозвался Кончаевъ.

— Пуцай завтра всѣ помремъ, а ужъ мы имъ покажемъ,—сказалъ еще чей-то голосъ, такой же молодой и задорный, какъ у Кончаева.

— Да, да...—тяжело вздыхая, согласился Лавренко.

Они разошлись, но у Кончаева еще долго сердце билось восторженно и на глазахъ выступали слезы.

— Взять хоть одно это слово: «товарищъ»,—прерывисто говорилъ онъ, глядя передъ собой въ темноту широко раскрытыми влажными глазами:—только въ такое время люди чувствуютъ, что они дѣйствительно товарищи...

— По несчастію... — съ тихой ироніей подсказалъ Лавренко. — Впрочемъ, вся жизнь человѣческая — несчастье, — прибавилъ онъ задумчиво.

— Ну, такъ что же вы мнѣ скажете, голубь мой? — спросилъ онъ, когда они дошли до бульвара и остались одни среди еще черныхъ прозрачныхъ деревьевъ и запаха первой травы передъ лицомъ далекаго звѣзднаго неба. Днемъ отсюда было видно открытое голубое море, на которое каждый день приходилъ подолгу смотрѣть Лавренко, но теперь было темно и только по тому, какъ низко, точно подвѣшенныя надъ какой-то пустотой, блестя звѣзды, чувствовалось оно. Горизонта нельзя было отдѣлить отъ чернаго неба, и все сливалось въ одну воздушную, безграничную пустоту. Далеко, далеко внизу слабо свѣтились два неподвижные огонька, красный и зеленый.

— Вонъ видите,—оживленно и быстро сказалъ Кончаевъ, протягивая куда-то во мракъ руку:—это должно быть на броненосцѣ.

По звуку его голоса можно было догадаться, какъ блестятъ у него глаза и горятъ щеки.

Лавренко тяжело вздохнулъ въ темнотѣ. Лица его тоже не было видно, но чувствовалось, что оно тревожно и грустно.

— Что-то будетъ, что-то будетъ, голубь мой,—тихо и печально проговорилъ онъ.

— Ну, васъ, кажется, это не очень беспокоитъ,—вспоминавая бильярдъ, смѣшливо возразилъ Кончаевъ.

Лавренко вздохнулъ еще глубже и промолчалъ.

— Такъ вотъ что, докторъ, — заговорилъ Кончаевъ, беря его подъ толстую теплую руку и, сразу мѣняя тонъ на серьезный и даже неестественно торжественный, передалъ Лавренко распоряженіе комитета.

Лавренко слушалъ молча, а когда Кончаевъ замолчалъ, опять тяжело вздохнулъ.

Эти вздохи почему-то раздражали Кончаева.

— Да что вы все охаете, докторъ?—досадливо спросилъ онъ, выпуская его руку.

— Да что, голубь мой,—искренно и мягко отвѣтилъ Лавренко.—Грустно, все-таки...

— Что жъ тутъ грустнаго?

— Будутъ стрѣлять, народу перебьютъ много, а что изъ того? Для чего?

— Какъ для чего? — вспыхивая переспросилъ Кончаевъ. — Жертвы нужны для каждаго большого дѣла. Безъ этого нельзя... За что? — За общее дѣло, за свободу.

— Для кого?—тихо спросилъ Лавренко.

Кончаевъ почувствовалъ, что докторъ грустно улыбается во тьмѣ.

— Для всѣхъ!—мгновенно раздражаясь молодымъ и пылкимъ задоромъ, отвѣтилъ онъ.

— Нѣтъ, не для всѣхъ...—еще печальнѣе и тише возразилъ Лавренко. — Свобода будетъ для тѣхъ, кто останется въ живыхъ, кто въ число жертвъ не попадетъ, голубь мой... А для тѣхъ, кто погибнетъ, будетъ ужъ не свобода, а только смерть... Тѣ, которые принесутъ въ жертву сотни жизней, будутъ видѣть: для чего, за что, а тѣ, которые умрутъ, умрутъ, голубь мой, такъ, ни за что, ибо для нихъ все будетъ кончено и кто же покажетъ имъ,

за что они умерли... Да!.. Если бы можно было вѣрить... Не говорю уже въ будущую жизнь, а хоть въ торжество своей идеи... Но люди живутъ уже тысячелѣтія, а посмотрите: не несчастіе ли они тѣхъ, что умерли еще въ каменномъ вѣкѣ? Кто знаетъ?.. Эта радость, которую мы видимъ сейчасъ въ людяхъ, не есть радость побѣды, а только оживленіе борьбы и самообманъ. А если бы мы и побѣдили, то кто же поручится, что и черезъ тысячу лѣтъ, когда принципы нашей революціи восторжествуютъ, люди будутъ на іоту счастливѣе... Да, голубь мой!.. Съ большимъ страданіемъ и скорбью можно думать о борьбѣ, ибо ничего тутъ не подѣлаешь, но радоваться тутъ нечему. И ни одинъ человѣкъ, совершенно спокойно, а не въ состояніи аффекта, не согласится на роль жертвы, всякому хочется жить и пережить и получить свободу именно и прежде всего для самого себя... У всякаго есть надежда, что убьютъ не его... Оттого только и идутъ.

— Не всѣ такъ думаютъ,—пожалъ плечами Кончаевъ, почему-то не удерживая въ мозгу всѣ слова Лавренко и возражая только послѣднимъ:—многіе жертвуютъ совершенно сознательно... Да что! Я, напримѣръ, вовсе не герой, но никогда объ этомъ не думалъ. Ну, убьютъ... что жъ изъ этого? Умирая, я буду сознавать, что погибъ за общее дѣло, за огромное дѣло, въ миллионы разъ большее моей маленькой личной жизни.

— Это потому вы будете такъ сознавать, голубь мой,—ласково проговорилъ Лавренко,—что это общее, какъ вамъ кажется, дѣло есть прежде всего ваше дѣло. Вы хотите свободы, хотите, выражаясь грубо, поставить на своемъ, сдѣлать революцію и освободить людей, и за это ставите свою жизнь на карту. Это такъ, и я это понимаю... Но мнѣ кажется, что вы ставите революцію выше своей жизни только потому, что вы еще очень молоды душой и не успѣли сознать, какое единственное, ни съ чѣмъ несравнимое сокровище для васъ—ваша жизнь.

— А вы сознаете,—насмѣшливо вставилъ Кончаевъ, заглядывая на него сверху внизъ и ничего не видя, кромѣ блѣднаго, расплывчатаго пятна.

— Я сознаю,—тихо отвѣтилъ Лавренко.—Вѣдь все, что есть вокругъ, существуетъ только потому, что вы существуете... Это старая мысль, голубь мой, конечно... А только все-таки—это правда... Какъ хорошо все, что вокругъ насъ... И море, и звѣзды, и ночь, и наше созерцаніе!.. Сколько на землѣ радости, жизни, солнца!.. Вѣдь мы только потому и бьемся такъ за свободу для всѣхъ, что жизнь такъ хороша, и что много есть людей, которымъ не даютъ жить, отнимаютъ у нихъ всякую радость и преждевременно гонятъ, вколачиваютъ, вмариваютъ ихъ въ могилу... Если бы жизнь для каждого человека не была такъ дорога, такъ чего ради стали бы мы такъ страдать, мучиться и бороться за нее для всѣхъ... Ну, гонятъ ихъ въ могилу и пускай. Стоитъ ли изъ этого беспокоиться... Тогда не революціонныя, а самоубійственныя идеи стали бы мы проповѣдывать... И самымъ великимъ человекомъ, истиннымъ благодѣтелемъ человечества считался бы тотъ, кто выдумалъ бы рациональнѣйшій безболѣзненный способъ самоубійства... Оттого, что жизнь такъ свѣтла сама по себѣ, оттого и чувство самопожертвованія такъ свѣтло... Жертвуется самое дорогое, самое свѣтлое, самое незамѣнимое... Я, голубь мой, жизнь люблю, люблю солнце, милыхъ дѣвушекъ, молодость, воздухъ, счастье люблю!..

Въ его всегда лѣнивомъ голосѣ зазвенѣли и сорвались страстные и скорбныя нотки.

«Вотъ... а самъ только и дѣлаетъ, что на билліардѣ играетъ!»—удивленно мелькнуло въ головѣ у Кончаева, и тихая задумчивость залегла у него въ душѣ, точно кто-то задалъ ему глубокую и печальную загадку.

— Но вы, однако, предложеніе комитета принимаете все-таки?—озабоченно встряхнувъ головой, послѣ долгаго молчанія, спросилъ онъ.

Лавренко отвѣтилъ не сразу.

— Объ этомъ что говорить... — медленно отвѣтилъ онъ.—Хотя, по правдѣ сказать, трудно это для меня.

— Почему?

— Лѣнивъ я очень,—улыбаясь въ темнотѣ, отвѣтилъ Лавренко:—а главное, что грѣха таить, боюсь... Боюсь, голубь мой... Вы знаете, чѣмъ это кончится... Насъ, конечно, разобьютъ, потому что силы у насъ мало, организація слабая, а тогда, если не убьютъ раньше, многихъ постигнетъ такая расправа, что... Ну, да что объ этомъ говорить!—повторилъ, махнувъ рукой, Лавренко. — Вы куда теперь?

Смутная тревога шевельнулась въ мозгу Кончаева. Но онъ опять встряхнулъ головой и отвѣтилъ:

— Я тутъ недалеко, къ знакомымъ.

— Ну, прощайте, голубь мой, можетъ, завтра еще увидимся!

Лавренко подалъ ему свою руку и Кончаевъ не сразу напелъ ее въ темнотѣ. Рука доктора была горяча и какъ-будто слегка дрожала.

— Тогда можно будетъ бѣжать за границу,—неожиданно сказалъ Кончаевъ, отвѣчая тому внутреннему, что какъ-будто передалось ему по рукѣ доктора.

Лавренко помолчалъ, точно обдумывая.

— Нѣтъ, гдѣ ужъ мнѣ, голубь мой, бѣжать! — съ добродушно грустной ироніей возразилъ онъ.—Толстъ я очень, не побѣгу.

— Да вы не волнуйтесь такъ, докторъ,—весело сказалъ Кончаевъ, крѣпко встряхивая его руку.—Можетъ, еще ничего ужаснаго и не будетъ.

— Боюсь, голубь мой, боюсь,—съ грустной стыдливостью отвѣтилъ Лавренко.—Не хочется умирать!.. Страшно и жаль всего бѣлаго свѣта! Ну, прощайте пока!.. А ужасное и сейчасъ есть и, быть можетъ, оно-то и есть ужаснѣе самой смерти.

— Что?—не понявъ, спросилъ Кончаевъ.

— То, что мы люди, располагающіе огромнымъ красивымъ земнымъ шаромъ, прекраснымъ сложнымъ умомъ и богатыми чувствами, должны бояться, что вотъ придетъ самый глупый и самый дрянной изъ насъ и простой палкой расколеть намъ черепъ... точно пустой глиняный горшокъ, въ которомъ никогда ничего и не бывало... Какую же роль играетъ тогда и этотъ умъ и чувства?

— Ну, это...

— Да, смерть—это непреложный законъ, но въ такіе моменты яснѣе и неотвратимѣе ее видишь, а главное ужасно то, что мы сами, вмѣсто того, чтобы напрячь всѣ человѣческіе силы и умы для борьбы съ нею, сами приближаемъ ее къ себѣ и въ какой пусной, отвратительно безсмысленной формѣ... Ну, да что ужъ тутъ... Прощайте, голубь мой!.. дай вамъ Богъ!..

Они разошлись, и Кончаевъ долго слышалъ за собой удаляющійся шорохъ подошвъ доктора. Онъ снялъ фуражку, потряхнулъ по своей привычкѣ головой, опять надѣлъ ее и, моментально вспомнивъ о Зиночкѣ Зекъ, забылъ все, что чувствовалъ, пока говорилъ докторъ, и пошелъ вдоль бульвара, съ наслажденіемъ подставляя грудь упругому морскому вѣтру, чуть слышно налетающему откуда-то изъ звѣзднаго мрака.

Двѣ крупныя неподвижныя звѣзды низко блеснули передъ нимъ, не то близко, не то далеко.

II.

Въ узкомъ переулкѣ, гдѣ жила Зиночка Зекъ, было такъ темно, что Кончаевъ вспомнилъ свое дѣтство и свой уѣздный, глухой городишко. Свѣтъ падалъ только изъ оконъ и ложился на бѣлую пыльную мостовую длинными яркими полосами, отъ которыхъ мракъ вокругъ еще болѣе чернѣлъ и сгущался.

Кончаевъ подошелъ къ окнамъ и черезъ узкій палисадникъ заглянулъ въ комнаты. Какъ всегда, когда изъ темноты смотришь въ освѣщенный домъ, тамъ казалось удивительно свѣтло, нарядно по-праздничному, точно ждали гостей. Въ столовой, однако, никого не было и на бѣлой скатерти одиноко блестѣлъ потухшій самоваръ. Въ другой комнатѣ, за тюлевыми занавѣсями, горѣли свѣчи и расплывчато виднѣлись люди. Два силуэта были темны, а два бѣлѣли сквозь тюль, и нельзя было узнать, кто это.

Въ гостиной было полутемно и красно отъ большаго абажура, неярко багровѣвшаго въ углу, какъ опромное огненное насѣкомое, усѣвшееся на стѣну. Черезъ открытое окно слышались звуки рояля, тихіе и рѣдкіе, точно кто-то задумавшись трогалъ клавиши кончиками пальцевъ, и по знакомому сладко тревожному замиранію сердца Кончаевъ почувствовалъ, что это она—Зиночка. Онъ облокотился на рѣшетку палисадника, инстинктивно принялъ красивую позу и, глядя въ окно, тихо позвалъ:

— Зиночка!.. Зиночка!..

Рѣдкіе хрустальные звуки продолжали медленно сплетаться въ какой-то задумчивый мотивъ.

— Зиночка!—громче позвалъ Кончаевъ.

Звуки оборвались. Скорѣе почувствовалось, чѣмъ слышалось легкое движеніе, и въ освѣщенномъ окнѣ, несмотря на напряженное ожиданіе, все-таки неожиданно обрисовался мягкій и милый силуэтъ дѣвушки, съ невысокой грудью и покатыми полными плечами. Отчетливо было видно, какая тонкая и гибкая у нея талія, и какъ золотятся на красномъ свѣту пушистые волосы.

Она облокотилась однимъ локтемъ на подоконникъ и, вся изогнувшись, выглянула въ окно. Темный силуэтъ женской головки смотрѣлъ прямо на Кончаева, но съ какимъ-то сладкимъ, смѣшливымъ умиленіемъ онъ догадался, что она его не видитъ.

— Кто это? — спросилъ звучный и свѣжій голосъ.
Кончаевъ улыбался ей и молчалъ.

— Кто тамъ? — повторила Зиночка, но Кончаевъ опять промолчалъ. Видно было по нерѣшительнымъ движеніямъ плечъ и груди, что она начинаетъ волноваться. Кончаеву хотѣлось откликнуться и засмѣяться, но что-то нѣжно-игривое удерживало его. Онъ чувствовалъ, что она хочетъ уйти и не можетъ и тоже чувствуетъ что-то особенное. И между ними создалась какая-то молчаливая волнующая игра, отъ которой у него усиленно и напряженно билось сердце, а у Зиночки быстро и густо розовѣла нѣжная кожа на щекахъ и вискахъ. Она улыбалась въ темноту нерѣшительно, стыдливо и весело, а потомъ вдругъ вся задвигалась, будто порываясь уйти отъ чего-то волнующаго и непонятнаго. И въ эту минуту Кончаевъ, точно его толкнуло, быстро сказалъ:

— Зиночка, это я...

Было видно, какъ она вздрогнула и на мгновеніе вся замерла.

— Выходите сюда, — тихо и осторожно говорилъ Кончаевъ изъ темноты: — пойдемте гулять.

Зиночка помолчала, и это молчаніе волновало Кончаева.

— Сейчасъ, — наконецъ отозвался милый голосокъ, и Зиночка откинулась назадъ. Темный густой силуэтъ исчезъ и опять стало видно красное пламенѣющее насѣкомое, неподвижно сидящее въ углу на стѣнѣ, точно подстерегая кого-то.

Нѣсколько минутъ было темно и пусто. Кончаевъ, прислонившись спиной къ рѣшеткѣ, сталъ смотрѣть высоко на небо, гдѣ было такъ много звѣздъ, что казалось, будто темное небо густо запылено золотомъ. Далеко, далеко, еще дальше и выше звѣздъ, воздушно и грустно пылился млечный путь. Звѣзды тихо и таинственно шевелились въ непостижимомъ холодномъ молчаніи, и чѣмъ

больше смотрѣлъ на нихъ Кончаевъ, тѣмъ выше и дальше уходили онѣ въ свой холодный, темносиній просторъ.

И почему-то Кончаеву стало грустно. Тихая тоска, какъ тонкая змѣйка чуть-чуть, но зловѣще шевельнувшись у него въ сердцѣ. Такъ ясно, какъ никогда, представилось ему, какое страшное, неизмѣримое разстояніе отдѣляетъ его отъ этихъ загадочно-прекрасныхъ міровъ, какой ничтожно-маленькій онъ самъ посреди этой необозримой бездны, и какъ мала та земля, на которой, въ темномъ и узкомъ переулкѣ, онъ стоитъ. Какъ-будто отъ прикосновенія какого-то ледяного дыханія стало холодно, жутко и тоскливо.

— Вѣдь, это все такіе же міры, такая же жизнь... — подумалъ Кончаевъ:—можетъ быть, гдѣ-нибудь тамъ уже пережили все, что можно пережить въ вѣчности, и, ни къ чему не прійдя, жизнь замираетъ въ невѣдомыхъ намъ мукахъ. А гдѣ-нибудь она только расцвѣтаетъ и не такъ, какъ у насъ, а вся подъ солнцемъ, въ цвѣтахъ и радостяхъ... И никогда, никогда я не узнаю, что тамъ такое. Когда-нибудь земля умретъ, а это все останется, и такое же холодное необъятное будетъ небо, такъ же будутъ пылится млечный путь и шевелиться звѣзды. Что же значитъ вся моя жизнь, наша революція?.. Гдѣ она, попросту говоря?.. Стоитъ ли тогда и...

Странно тускло вспомнились ему событія сегодняшняго дня: Лавренко—толстый лѣнивый человѣкъ, желѣзный коробъ въ далекомъ морѣ, плавающій, какъ-будто это не щепка, а что-то большое и даже вѣчное, завтрашній день... Вдругъ злоба бессознательная, разгорающаяся съ мгновенной быстротой, какъ молнія, выйдя откуда-то изъ тайниковъ сжавшагося сердца, ударила ему въ голову. Ей не было выхода и не было предмета, все было величаво пусто и недостижимо холодно. Мучительная пустота, какъ бѣлый ѣдкій туманъ, наполнила голову, и Кончаевъ безсильно и болѣзненно сжалъ кулаки. Но въ эту минуту гдѣ-то робко щелкнула калитка, и что-то за-

бѣлѣлось во мракѣ, какъ легкое облачко, колеблемое
ночнымъ вѣтромъ.

И, забывая всѣ свои думы, Кончаевъ инстинктивно
сдвинулъ фуражку еще дальше на затылокъ и, съ ра-
достью, ощущая красоту и мужественную силу своихъ
движеній, пошелъ навстрѣчу Зиночкѣ. Она подала ему
свою теплую маленькую ладонь и снизу смотрѣла на не-
го своимъ нѣжнымъ, молодымъ, какъ весна, личикомъ,
съ большими, какъ-будто радостно удивленными гла-
зами.

— Здравствуйте,—сказалъ Кончаевъ всей грудью.—
Куда же мы пойдѣмъ?.. На берегъ?.. Черезъ садъ?..

Зиночка вскинула на него глазами.

— Ну, черезъ садъ...

Молча вышли они изъ переулка на опустѣвшій буль-
варъ, прошли его медленно, оба невольно глядя на да-
лекіе красные и синіе огоньки, и вошли въ темную аллею
сада, тихо заскрипѣвшую подъ ихъ ногами смутно бѣлѣ-
ющимъ въ темнотѣ гравіемъ. Полная тишина охватила
ихъ со всѣхъ сторонъ, точно здѣсь было ея тихое царство.
Вокругъ были темные кусты и деревья, черный мракъ
стоялъ за ними то сгущаясь въ кустахъ, то расплываясь
на полянкахъ, а впереди, надъ самой землей, странно,
какъ во снѣ, низко блестѣла яркая звѣзда. И казалось,
что она блеститъ въ концѣ аллеи и они идутъ прямо
къ ней.

Уже давно ихъ прогулки были такъ молчаливы, на-
пряженны и странны, какъ недоговоренное слово, пото-
му что тѣ горячія и яркія мысли, которыя торопились
они высказать другъ другу раньше, вдругъ какъ-то из-
сякли, потускнѣли и стали лишними, какъ покровы да-
же самой легкой матеріи между двумя горячими, ищущи-
ми ласкъ и объятій молодыми тѣлами. Что-то ждало
въ горячей истомѣ, стремилось другъ къ другу и жгло,
но молодость и чистота стояли между ними прозрачнымъ
холодомъ, и нельзя было ни сказать того, ни прикоснуть-

ся другъ къ другу. Это было бы страшно и, казалось, что тогда должно случиться что-то роковое, желанное, но невозможное, о чемъ даже думать нельзя.

Такъ шли они и теперь, и мракъ теплый, томительный и пахучій, стерегъ ихъ горящія желаніемъ ласки лица отъ взглядовъ другъ друга. Было тихо, и осторожно скрипѣлъ песокъ подъ ногами.

И странно было, что не онъ, сильный и смѣлый, а она, маленькая и нѣжная, первая нашла слова.

— Ну, что же будетъ завтра? — чуть слышно, точно боясь чего-то, вздрагивающимъ голосомъ проговорила Зиночка, не спуская зачарованныхъ глазъ съ блестящей, сказочной звѣзды, повисшей надъ черной землею.

Кончаевъ сталъ говорить. Голосъ его быть неуверенъ и онъ самъ видѣлъ, что говорить совсѣмъ не то, что хотѣлось бы ей рассказать и что мучило и волновало его сегодня цѣлый день. Какъ иногда въ блестящей, брызгающей разноцвѣтной звуками музыкѣ все время звучитъ одна странная, какъ-будто тайная, однообразная и волнующая нота, которую и слышишь, и не слышишь,—такъ сквозь тѣ слова, которыми Кончаевъ пылко и громко старался описать прошедшій день, слышалось все время что-то другое, и онъ самъ и Зиночка безсознательно прислушивались къ этому другому.

— Трудно, конечно, предугадать, что будетъ... Весьма возможно, что часть войскъ перейдетъ на нашу сторону, потому что это уже не рабочіе, въ которыхъ такъ легко можно видѣть чужихъ, враговъ, а свой братъ солдать... Интересы общіе...

— Милая, милая, милая!..—тихо и нѣжно пѣла тайная нота въ звукахъ его яркаго молодого голоса.

— Но стрѣлять все-таки будутъ?—спрашивала Зиночка, и бѣдная головка ея закружилась.

— Милый! А какъ же... я не хочу, не могу!—едва не крикнула она, едва не схватила его своими глубокими мо-

лодыми руками, чтобы прижать къ груди его голову, не дать, защитить своимъ тѣломъ.

— Да, конечно...—отвѣтилъ Кончаевъ.—Безъ этого у насъ нельзя.

— Да?—вздрогнувшимъ голосомъ переспросила во мракѣ Зиночка, и Кончаевъ понялъ «чего» она боится, но отъ этого сознанія стало такъ хорошо, что онъ засмѣялся.

— Сядемте,—прошептала Зиночка, почему-то смущенно радуясь и пугаясь его смѣха.

И вдругъ всѣмъ тѣломъ почувствовала, что «этого» не можетъ быть, что онъ не можетъ исчезнуть, уйти изъ ея жизни, въ которой онъ—все и она вся для него.

Они сѣли въ глубокой и теплой тѣни и уже не видѣли даже смутныхъ силуэтовъ другъ друга. Вокругъ были мракъ и теплый влажный запахъ лѣсной глубины, точно они сидѣли не въ городскомъ саду, а въ самой чащѣ глубокаго темнаго лѣса, гдѣ на тысячу верстъ вокругъ были только тьма, звѣзды, душная теплота, томящій запахъ весны и два бьющіяся такъ близко другъ отъ друга молодые горячія сердца.

Такъ хотѣлось найти въ темнотѣ эту милую, теплую талію, ощутить сквозь жесткую ткань строгаго платья ея мягкость и безвольность, сдавить въ безконечномъ порывѣ радости, счастья и страсти, уничтожить, замучить, а потомъ посадить ее, маленькую, слабую на колѣни и баюкать въ безконечной ласкѣ и нѣжности, такъ чтобы теплыя слезы любви и восторга сами выступили на глазахъ. И по странному трепету, по той непонятной волнующей связи, которая, какъ струна, натягалась между ними, Кончаевъ чувствовалъ, что она понимаетъ его, ждетъ, боится и томится еще непонятнымъ ей желаніемъ, какъ цвѣтокъ подъ солнцемъ.

Но что-то по прежнему удерживало ихъ, лживо шевелило губами и говорило о далекомъ, о другомъ.

— Завтра я побываю на броненосцѣ, но главнымъ

образомъ долженъ быть въ порту и стараться помѣшать разгрому. Если они перепьются,—все пропало... будетъ безсмысленная бойня и только.

— Зиночка, а вы будете плакать, если меня завтра убьютъ?—весело и лукаво спросилъ онъ.

Что-то вздрогнуло возлѣ него и неожиданно руку его обожгло прикосновеніе ея вѣжныхъ и робкихъ пальцевъ.—Милый, зачѣмъ! Это жестоко!—съ укоромъ сказало это прикосновеніе.

Голосъ Кончаева оборвался неожиданно и безсильно. Въ первый разъ онъ вдругъ почувствовалъ, что надо взять эту руку и поцѣловать и что это можно и будетъ хорошо. Онъ осторожно-осторожно поднималъ къ себѣ горячую мягкую ладонь, со свѣжимъ, ударившимъ ему въ голову, милымъ запахомъ и такъ же осторожно поцѣловалъ ее, разъ и другой. Рука тихо вздрагивала послѣ каждаго поцѣлуя, но лежала въ его рукѣ безвольно, покорная, слабая.

Настала напряженная тишина. Что-то неудержимо росло, неодолимо тянуло другъ къ другу и казалось, что уже нельзя больше сопротивляться. Странная слабость разливалась по всему тѣлу, голова тихо кружилась, мракъ по сторонамъ сгущался плотной, непроницаемой стѣной, и все исчезало, кромѣ чуть бѣлѣющихъ въ темнотѣ странныхъ лицъ съ полузакрытыми, загадочно поблескивающими глазами.

Тишина стояла вокругъ, отдѣляя ихъ отъ всего міра, и только звѣзды, молчаливыя и яркія, блестя, проникали сквозь мракъ и молчаніе и свѣтили имъ въ лица, слабо озаряя ихъ сказочнымъ невѣрнымъ свѣтомъ.

— Ну, пора домой!—слабо сказалъ точно откуда-то издали вздрагивающій голосокъ Зиночки.

И, съ трудомъ преодолевая сладкій истомный сонъ, мучая себя и его, точно отнимая что-то у своей жизни, она медленно встала, нерѣшительная и колеблющаяся, какъ бѣлая былинка во мракѣ.

Кончаевъ тоже всталъ и провелъ рукой по волосамъ и глазамъ.

— Ахъ, Зиночка, Зиночка!—тихо, почти одними губами, проговорилъ онъ, не въ силахъ, даже для себя, въ словахъ выразить то, что переживало его молодое сильное тѣло и молодая горячая душа.

Но она уже стояла посреди дорожки, и ея смутный бѣлѣющій силуэтъ какъ-будто расплывался, готовый исчезнуть во мракѣ.

— Идемте,—повторила она негромко; — насъ ждать будутъ...

И, колеблясь въ темнотѣ, пошла отъ него.

Но вмѣсто того, чтобы идти изъ сада, Зиночка пошла внизъ по аллеѣ, идущей къ самому морю; Кончаевъ пошелъ за ней.

Съ вѣтромъ и влагой въ упругомъ воздухѣ открылась передъ ними темная ширина. Волнъ не было видно, и только иногда, то тутъ, то тамъ вдоль темной линіи мола смутно появлялись и исчезали бѣлѣющія полосы, точно кто-то бѣлый быстро выглядывалъ и мгновенно исчезалъ въ темной колышущейся массѣ, отливающей мрачнымъ чернымъ блескомъ.

Непрестанный шумъ стоялъ въ безграничномъ просторѣ. Онъ рождался гдѣ-то далеко, на невѣдомыхъ горизонтахъ, и, грозно нарастая, бѣжалъ прямо на берегъ. Что-то бухало на деревянный молъ, какъ въ пустой барабанъ, и потомъ безсильно падало, мокро плеская по камнямъ. А сзади опять росъ и бѣжалъ на берегъ новый нарастающій ропотъ.

Зиночка долго стояла на самомъ краю, одна, тоненькая въ развѣвающимся отъ вѣтра бѣломъ платьѣ. Вокругъ нея было широко, пусто и вѣтренно, все наполнялось гуломъ, звономъ и плескомъ непрестаннаго могучаго движенія, и казалось въ темнотѣ, что она отдѣляется отъ берега и вотъ-вотъ сейчасъ, какъ легкая, вольная птица полетитъ быстро и низко, надъ самой черной, бле-

стоящей, движущейся водой, вьющей глубиной и страхомъ, вдаль, къ невѣдомымъ широкимъ горизонтамъ.

Странныя думы овладѣвали ею. Что-то чистое и милое, такое нѣжное, такое славное просилось на волю изъ ея молодого, свѣжаго тѣла, съ широкими, упругими бедрами, невысокой сильной грудью, на которой, волнуяще легко, точно стремясь улетѣть и безстыдно обнажить ее, трепетало легкое бѣлое платье. Въ душѣ была настойчивая жажда чего-то, чего она еще не знала и не могла понять: и радость грустная и грусть радостная, и плакать хотѣлось, и смѣяться.

А гулъ моря, все такъ же нарастая, бѣжалъ на берегъ, и грудь невольно выгибалась навстрѣчу упругому влажному вѣтру.

Она не видѣла Кончаева. Передъ нею были только море, мракъ и чистыя звѣзды, но всѣмъ существомъ своимъ она чувствовала его гдѣ-то тутъ, близко, милаго, сильнаго, и хотѣлось ей оглянуться и почему-то страшно было увидѣть его.

Далеко, далеко, точно съ края свѣта, черезъ верхушки невидимыхъ волнъ, то показывались, то пропадали предостерегающіе огни.

III.

Лавренко грузно и медленно, тяжело понутивъ голову, дошелъ до конца бульвара. На углу онъ нанялъ извозчика и съ ласковой ироніей сказалъ ему:

— А шо, гражданинъ, лошадь твоя скорѣе бѣгать можетъ?

Извозчикъ молча повелъ головой, такъ что нельзя было понять, уразумѣлъ ли онъ, доволенъ или недоволенъ шуткой, и задергалъ вожжами.

Одну за другой проѣзжали они темныя улицы. Было уже поздно и пусто. Глядя на огромные темные дома, въ которыхъ какъ-то нѣ представлялась жизнь, Лавренко

думалъ о томъ, что многихъ изъ людей, которые теперь крѣпко и спокойно спятъ здоровымъ сладкимъ сномъ, завтра уже не будетъ. И люди эти не знаютъ своей судьбы и это ужасно.

— Развѣ они спали бы, если бы знали, что черезъ нѣсколько часовъ... что осталось всего нѣсколько часовъ жизни... что надо дорожить каждымъ мгновеніемъ, смотрѣть, запомнить, изжить эту жизнь, которая такъ мучительно дорога и которой осталось такъ мало...

Ему показалось, что было бы лучше, если бы знать. Неожиданность и неизвѣстность пугали, какъ черная пустота.

Но тутъ Лавренко отчетливо, но не умомъ, а какъ-то одними нервами, мгновенно обострившимися до боли, представилъ себѣ весь тотъ кошмарный ужасъ, тѣ зловѣщія предсмертныя судороги жизни—крики и слезы отчаянія,—которые наполнили бы эти темные молчаливые дома и нелѣпо ужасно всколыхнули бы тьму и тишину ночи, если бы всѣ эти приговоренные вдругъ узнали, какъ близка отъ нихъ смерть и какъ мало, какъ бессмысленно мало осталось жить.

Мелкая неприятная дрожь пробѣжала по его согнутой, толстой и рыхлой спинѣ.

— Богъ съ нимъ... ужъ лучше не знать!—мысленно махнулъ рукой Лавренко, и, стараясь не думать и скрыть отъ самого себя холодное, зловѣщее предчувствіе, сталъ вызывать въ памяти всевозможныя, самыя пустячныя и пестрыя впечатлѣнія дня. Сначала это было трудно, и въ то самое время, когда онъ думалъ, что думаетъ о другомъ, вдругъ мучительно оказывалось, что гдѣ-то еще глубже, и въ самыхъ тайныхъ изгибахъ мозга остро и болѣзненно шевелится это ползучее, липкое и всеобволакивающее предчувствіе ужаса. Но потомъ мысли устали и сами, почти незамѣтно, ушли въ сторону. Вспомнился ему Кончаевъ и его юное, безшабашно смѣлое лицо, съ фуражкой на затылкѣ и съ мягкими волосами, легко за-

крученными на вискахъ, ясно встало передъ нимъ, въ сумракѣ тихой ночи.

— Къ Зиночкѣ пошелъ, конечно!—подумалъ онъ, и, закрывъ глаза, вызвалъ передъ собою милое личико, съ розовыми пушистыми щеками, съ двумя недлинными толстыми косами на покатыхъ плечахъ молодой-молодой дѣвушки.

Нѣжная и тайная грусть, которая всегда овладѣвала имъ при видѣ первой, нѣжной и красивой женской молодости, тихо шевельнулась въ немъ.

— Ахъ, Зиночка, Зиночка! — медленно вздохнулъ онъ и, весь напрягаясь во внезапномъ приливѣ трогательной нѣжности и тоскливой ласки, подумалъ—милая «Маленькая Молодость», кто знаетъ, гдѣ буду я, когда ты расцвѣтешь?..

Что-то теплое и мокрое выступило изъ-подъ его закрытыхъ вѣкъ. Лавренко стыдливо крякнулъ, открылъ глаза, поправился на сидѣньи и снова сталъ смотрѣть на слѣпыя окна домовъ, неясно мерещившихся во тьмѣ.

Почему-то передъ нимъ встала вся его собственная жизнь: больницы, сотни страдающихъ, отвратительно и гнусно, на всѣ манеры, разлагающихся людей, тайная, стыдливая любовь къ Зиночкѣ, билліардъ, жадныя лица шулеровъ, стукъ шаровъ, горькій вкусъ пива и кисловатый, затхлый запахъ въ его холостой квартирѣ, съ размокшими кучами пепла на окнахъ. Стало чего-то обидно, чего-то жаль до слезъ.

— Баринъ!—вдругъ позвалъ извозчикъ съ козелъ.

Лавренко медленно посмотрѣлъ на него, съ трудомъ оторвавшись отъ своихъ мыслей.

Съ козелъ, черезъ плечо, смотрѣло на него, смутно различаемое въ темнотѣ, унылое и понурое мужицкое лицо.

— А шо тебѣ?—вяло спросилъ Лавренко.

— Правда, говорятъ, завтра по городу палить съ пушекъ будутъ?

— Должно, будутъ...

Извозчикъ помолчалъ и, казалось, что онъ ждетъ еще чего-то или къ чему-то прислушивается.

На улицахъ была пустота и молчаніе и только одиноко и черезчуръ громко гремѣли колеса пролетки.

— Н-ну, дѣла!—пробормоталъ извозчикъ, не оборачиваясь.

Лавренко долго молча смотрѣлъ въ его присадковатую, согнутую спину, зыбко маятившую передъ глазами во мракѣ.

— Да, голубь, дѣла!—не то усмѣхнувшись, не то вздохнувъ, проговорилъ онъ.—А ты знаешь, изъ-за чего все это?

— А кто ихъ знать! — неопредѣленно отвѣтилъ извозчикъ, опять оборачиваясь.—Говорятъ, матросы да забастовщики народъ мутятъ...

— Мутятъ? Эхъ, ты...—съ ироніей передразнилъ Лавренко.

— А, конечно, мутятъ... Жили бы тихо, а то на... Невѣсть чего захотѣли... Этакъ, къ примѣру, и я скажу: не желаю... да и все!..

Извозчикъ усмѣхнулся, и по голосу было слышно, что онъ усмѣхнулся презрительно и недоумѣло.

— Лучшей жизни хотятъ,—возразилъ Лавренко:—и ты можешь хотѣть... Развѣ ты самъ своей жизнью доволенъ?

— Гдѣ же доволенъ... Жить нашему брату вовсе трудно... Теперь, возьмемъ, скажемъ...

— Ну, вотъ видишь, — перебилъ Лавренко, — трудно жить.

— Что жъ что трудно... Жизнь не малина, трудно-то трудно, а жить можно... что жъ...

— Гдѣ же можно?—съ сердитой грустью возразилъ Лавренко:—день и ночь на козлахъ сидишь... вонъ какъ тебя согнуло, а человѣкъ не старій... Кромѣ лошадиного хвоста, холода да голода ничего не видишь, всякій

тобой помыкаетъ, въ банѣ, чай, побывать толкомъ некогда, вши заѣли, а ты говоришь—жить можно!.. Развѣ это жизнь?

Извозчикъ, обернувшись, посмотрѣлъ на него съ непонятнымъ выраженіемъ какой-то растерянности и испуга.

— Оно, конечно, что жизнь, точно что... оно, если разсудить, такъ жизнь наша, баринъ, горькая жизнь, а только, что жъ... тяжело, не тяжело, а жить надо...

Они замолчали. Опять только дробно и одиноко постукивали колеса да скрипѣла калитка. Свернули въ переулокъ, проѣхали мимо церкви, смутно бѣлѣвшей за черными деревьями. Извозчикъ и докторъ Лавренко думали каждый о своемъ, и было много безнадежнаго, унылаго въ этихъ двухъ согнутыхъ, молчаливыхъ, чуждыхъ другъ другу фигурахъ, и тощей, разбитой лошадеи, терпѣливо и кротко выбивавшейся изъ силъ.

Уже у самого дома доктора Зарницкаго извозчикъ вдругъ вздохнулъ и тихо пробормоталъ:

— Приходится, баринъ, жить!..

Лавренко ничего не отвѣтилъ.

У темнаго подъѣзда докторъ тяжело слѣзъ съ дрожекъ и расплатился. На мгновеніе они посмотрѣли другъ другу въ глаза. Лавренко что-то хотѣлъ сказать, но промолчалъ и пошелъ къ подъѣзду. Извозчикъ тронулъ лошадь, и пролетка медленно поплелась вдоль тротуара, точно поползло одиноко въ ночи какое-то искалѣченное, унылое насѣкомое.

IV.

На площадкѣ былъ пустой и холодный мракъ, и тоскливый замирающій отзвукъ колокольчика гдѣ-то за запертой молчаливой дверью наводилъ жуткую тоску. Не отворяли долго, и все было тихо, какъ въ могилѣ, и это сравненіе пришло въ голову Лавренко и изъ самой

глубины его души подняло опять тоскливое и зловѣщее чувство. Мракъ сталъ жуткимъ, и начало чудиться, что со всѣхъ сторонъ въ немъ неслышимо подползаетъ что-то безформенное и ужасное.

Наконецъ, за дверью послышался шорохъ, и женскій высокій голосъ спросилъ:

— Кто тамъ?

Голосъ звучалъ, какъ-будто издалека, и въ его напряженномъ звукѣ чувствовалась молодая женщина, боязливая и недовѣрчивая. Лавренко поторопился отвѣтить, нарочно придавая словамъ преувеличенно дружеское и успокоительное выраженіе. Тогда дверь медленно отворилась, и полоса свѣта упала ему на лицо. Молоденькая, хорошенькая горничная застѣнчиво улыбнулась ему и, наивно-кокетливо прижимаясь къ косяку, пропустила доктора въ переднюю. На порогѣ въ слѣдующую комнату стоялъ черный силуэтъ самого Зарницкаго и все еще тревожно, слегка вытянувъ шею, всматривался въ темноту.

— Владимиръ Петровичъ, я къ вамъ по дѣлу,—заговорилъ Лавренко, вступая въ комнату и снимая пальто.

— Да, да... я уже знаю... — торопливо пробормоталъ Зарницкій, и по его черезчуръ красивому и здоровому лицу мгновенно мелькнуло что-то странное и даже какъ-будто враждебное. И хотя онъ сейчасъ же отвернулся, но даже въ его крупномъ, съ короткими крутыми завитками черныхъ волосъ, холемомъ затылкѣ почувствовалось то же выраженіе. И съ той спокойной, тонкой наблюдательностью, которою всегда отличался Лавренко, докторъ замѣтилъ и понялъ это выраженіе.

Они прошли въ кабинетъ Зарницкаго, гдѣ отъ яркаго свѣта, по лощеной кожѣ тяжелой мебели, по золоченымъ корешкамъ книгъ и зеркальнымъ стекламъ шкапа съ инструментами, искрились тысячи холодныхъ бликовъ.

Навстрѣчу имъ поднялся высокій, какъ жердь, унылаго вида студентъ.

— А, Сливинъ!—ласково-дружелюбнымъ тономъ негромко воскликнулъ Лавренко.

Студентъ улыбался ему, но и улыбка у него была какая-то длинная, вялая и унылая.

Лавренко сѣлъ у стола, сѣлъ и Сливинъ, острымъ угломъ поставивъ передъ собой худыя колѣни, а Зарницкій сталъ ходить по комнатѣ, о чемъ-то озабоченно думая и тяжело ступая по ковру машинально размѣренными шагами. Всѣ долго молчали.

— Ну, вотъ, голубъ мой, дождались мы и революціи! — съ задумчиво-ласковой ироніей, наконецъ, проговорилъ Лавренко, взглянувъ на уныло сидѣвшаго Сливина.

И точно это слово было тѣмъ ключомъ, которымъ открывалась душа у понураго студента; Сливинъ вдругъ оживился. Его бѣлобрысое, худое и длинное, совершенно некрасивое лицо чахоточнаго порозовѣло, глаза заблестѣли, и все лицо стало такимъ молодымъ и милымъ, что на него и жалко, и хорошо было смотрѣть.

— Это еще не революція, а только предтеча революціи, докторъ!—надтреснутымъ высокимъ басомъ отѣтилъ онъ.—Но во всякомъ случаѣ это такой ударъ, который двинетъ жизнь сразу на тысячу верстъ впередъ!

— Да, конечно!..—любясь имъ, согласился Лавренко, хотя вовсе не потому, что былъ бы дѣйствительно съ нимъ согласенъ.

Зарницкій остановился у камина, постоялъ немного, подумалъ и заложилъ руки въ карманы, покачиваясь съ носковъ на пятки и обратно, и небрежно притворно, глядя въ потолокъ, спросилъ:

— А какъ вы думаете, чѣмъ все это кончится?..

— Бойней,—коротко пожалъ плечомъ Лавренко и потеръ свои пухлые, какъ у булочника, пальцы, точно ему вдругъ стало холодно.

Это было очень простое и короткое слово, и Лавренко произнесъ его какъ-будто довольно спокойно, но оно кровавымъ призракомъ встало передъ каждымъ изъ нихъ и мгновеннымъ тяжелымъ сжатіемъ отмѣтилось въ сердцахъ. Зарницкій вдругъ пересталъ качаться и странно поперхнулся. Сливинъ вновь осунулся и поникъ.

Но каждому изъ нихъ казалось, что страшно только ему одному, а другимъ нѣтъ. И каждому стало неловко предъ другими и стыдно передъ самимъ собой.

— Какъ они могутъ такъ спокойно,—съ наивнымъ восхищеніемъ подумалъ Сливинъ и съ горькой тоской почувствовалъ себя маленькимъ, ничтожнымъ и трусливенькимъ до гадости. И, страдая до слезъ и убѣждая себя, что онъ долженъ быть искреннимъ и сказать то, что думаетъ и чувствуетъ, чтобы всѣ знали, что такое Сливинъ въ дѣйствительности, онъ пробормоталъ, заикаясь и безтолково двигая локтями и ногами:

— А въ концѣ-концовъ, все это ужасно!.. и... вообще...

— Что же тутъ ужаснаго?—неожиданно для самого себя, повинувшись безотчетному желанію замаскировать свой страхъ и тому стремленію поражать, которое всегда было въ немъ, вмѣстѣ съ тайной сознаваемой увѣренностью, что онъ, дѣйствительно, лучше, смѣлѣе, рѣшительнѣе, непреклоннѣе, умнѣе и опредѣленнѣе всѣхъ, сказалъ Зарницкій. И мгновенно его самоуувѣренность вернулась къ нему, и онъ успокоился.

— Борьба такъ борьба... Кому-нибудь надо умирать и, право, по-моему лучше умереть сразу и въ борьбѣ за жизнь, чѣмъ отъ какой-нибудь болѣзни сгнить въ постели. Въ сущности говоря,—продолжалъ онъ, оживляясь отъ удовольствія, что именно ему пришла въ голову удачная мысль:—въ сущности говоря, вопросъ о жертвахъ былъ бы тогда ужасенъ, если бы люди вообще были вѣчными и только однѣ эти жертвы погибали... тогда... да... Но такъ какъ всѣ люди въ концѣ-концовъ умираютъ, то не

все ли равно раньше или позже?.. Это сентиментальное сожалѣніе о жертвахъ похоже на то, какъ если бы приговорили къ смерти кучу народу... всѣхъ къ посаженію на колъ, а двухъ, трехъ къ разстрѣлянію... и если бы всѣ посаженные на колъ стали оплакивать не себя, а тѣхъ, которыхъ разстрѣляютъ. И это при полной и неопровержимой увѣренности въ томъ, что сію секунду ихъ самихъ непременно посадятъ на колъ...

«Да, да... это совершенно вѣрно...—съ какою-то облегчающей радостью думалъ Сливинъ.—Какъ это въ концѣ-концовъ просто и... вовсе не страшно... Ну не все ли равно, въ самомъ дѣлѣ, убьютъ ли меня завтра или я умру потомъ отъ чахотки?.. Да, это рѣшительно все равно».

И воспоминаніе о томъ, что у него чахотка, на этотъ разъ было ему не мучительно, какъ всегда, а радостно, какъ-будто этимъ снималась съ него ужасная тяжесть.

— Хотя-я...—все-таки нерѣшительно перебивая самъ себя подъ давленіемъ какого-то страннаго чувства неловкости, оставшагося гдѣ-то очень глубоко, подъ легкими добрыми мыслями, протянулъ онъ:—тутъ, вѣдь и... того, страданія ужасны... и неожиданность тоже... Хотя-я...

— О, милый мой юноша!—снисходительно и уже совсѣмъ самоувѣренно засмѣялся Зарницкій,—хуже страданій, какъ отъ воспаленія сѣдалищнаго нерва или рака, никакой пулей не причинишь... А что касается неожиданности, то смерть всегда неожиданность... даже послѣ соборованія, — прибавилъ онъ и довольно засмѣялся.

Сливинъ смотрѣлъ на него съ завистью и изо всей силы старался впитать въ себя эти мысли и проникнуться ими, чтобы такъ же легко и смѣло смотрѣть на жизнь и смерть. Сознаніе своей трусости и ничтожности давило его и терзало еще больше, чѣмъ страхъ.

— Все это такъ, голубъ мой,—мягко отозвался Лавренко, глядя на ровное широкое сукно письменнаго сто-

ла, напоминающего ему биллиардъ,—все это та-акъ, да... да дѣло-то въ томъ, что вы признаете смерть отъ болѣзней ужъ какъ-будто дѣломъ естественнымъ, а это что жь... Смерть противна человѣку вообще, отчего бы она ни приключилась.. Тутъ главнымъ образомъ ужасно не то, что будутъ жертвы, а то, что эти жертвы будутъ принесены самими людьми. Всѣмъ смерть ужасна, всѣмъ хочется жить вѣчно, люди борются за эликсиръ безсмертія, тысячи вѣковъ, уничтожаютъ болѣзни, создаютъ гигиену, строятъ больницы, употребляютъ страшныя и самоотверженныя усилія въ поискахъ микроорганизмовъ, вредныхъ для человѣческой жизни, а тутъ же рядомъ съ больницами и университетами находятся идиоты, которые подъ прикрытіемъ пустыхъ и явно фальшивыхъ лозунговъ калѣчатъ, убиваютъ, истязуютъ ту самую жизнь, за которую борется такъ или иначе всякій человѣкъ и они же сами... Вотъ это-то и ужасно, голубь мой!.. Ужасъ передъ насильственной смертью—это ужасъ смерти вообще, но отягченный еще возмущеніемъ, болью омерзѣнія и самаго мучительнаго недоумѣнія: да зачѣмъ же?.. да какъ же не понимать такой простой истины?..

Зарницкій, еще не дослушавъ до конца, подыскалъ отвѣтъ и, хотя по дальнѣйшему ходу словъ Лавренко, отвѣтъ этотъ уже не совсѣмъ годился, онъ возразилъ, слегка волнуясь:

— Вы говорите, смерть противна вообще... а террористы, а эти улыбки подъ вискълицами?.. а крестная смерть Христа, напимѣръ?.. А самоубійцы?..

— Я думаю, голубь мой,—раздумчиво отвѣтилъ Лавренко, погружаясь назадъ въ кресло всѣмъ своимъ толстымъ, пухлымъ тѣломъ,—можно улыбаться и смерти, но только тогда, когда смерть есть актъ своей собственной воли... Смерть террориста есть высшее проявленіе его собственнаго я... Человѣкъ, идущій на терроръ, ставитъ себѣ задачей мужественную гибель... А, напимѣръ, смерть Христа была не столько смертью, сколько

высшимъ моментомъ его творчества, вѣнцомъ его жизни... Вообразите, какъ могъ бы жить дальше Христосъ, если бы вмѣсто того, чтобы умереть на крестѣ, онъ удралъ бы! Онъ остался бы жить, т.-е. тѣло бы его не умерло и прожило бы еще сколько-нибудь лѣтъ... Но себя, Христа, свою личность, онъ убилъ бы этимъ и обратилъ въ гробъ поваленный... Разумѣется, въ такіе моменты у нихъ жизненная сила достигаетъ наивысшаго напряженія, наиярчайшаго проявленія, и самый страхъ смерти совершенно ступшевается передъ восторгомъ побѣды надъ собой и другими...

— Другими?—машинально спросилъ Сливинъ.

— Конечно, голубь мой, и надъ другими: люди, которые приговариваютъ ихъ къ смертной казни, прежде всего имѣютъ идеей мести и устрашеніе, а потому смерть безстрашная есть именно доказательство несостоятельности этой идеи... побѣда.

Лавренко помолчалъ и вдругъ, грустно засмѣявшись, прибавилъ:

— Знаете, голубь мой, у человѣка есть одна только сила, которую никто и ничто не можетъ побѣдить... Возможно побѣдить, можно убить жизнь, можно пресѣчь все... но есть одна сила, которая ничѣмъ не уничтожается и остается какъ ядъ, который ничѣмъ уже нельзя вытравить...

— Какая же?

— Иронія... И знаете, самымъ непобѣдимымъ человекомъ въ мірѣ мнѣ представляется тотъ анекдотическій турокъ, который, будучи посаженъ на колъ, сказалъ:—«недурно для начала!...»

Сливинъ прыснулъ, но сразу умолкъ и задумался.

— А это, пожалуй, правда!—сказалъ онъ вдругъ съ недоумѣніемъ и, даже слегка открывъ ротъ, посмотрѣлъ на Лавренко.

Всѣ задумались. Зарницкій медленно ходилъ по комнатѣ, напирая на носки сапогъ и глядя подъ ноги; Сли-

винъ сгорбился и засунулъ руки между колѣнами, а Лавренко смотрѣлъ на столъ и машинально разсчитывалъ ударъ чернильницей пепельницу направо въ уголъ.

— Сливинъ, вы хотите ужинать?—спросилъ Зарницкій, посмотрѣвъ на часы.

Сливинъ задвигался во всѣ стороны, безпомощно шевеля руками и подымая брови.

— Нѣтъ... Я, собственно, ѣсть не хочу!.. Я уже ужиналъ!..

— Ну, ничего... выпьемъ водки и закусимъ, а?..

— Да нѣтъ, ей-Богу, я не хочу... Хотя-я...

Онъ виновато улыбнулся и поднялъ плечи до самыхъ ушей, слегка разведя руками.

Зарницкій позвонилъ.

Молоденькая горничная, чистенькая и красивая, того особаго, какъ-будто только что вымытаго съ мыломъ, типа, который вырабатывается у горничныхъ, живущихъ у очень здоровыхъ холостыхъ мужчинъ ради правильности и гигиеничности физиологическихъ отправленій, накрыла на столъ, зажгла яркую лампу въ столовой, и было какъ-то особенно пріятно сѣсть за чистый, блестящій графинчиками, тарелочками и бѣлоснѣжной скатертью столъ.

— Ну, господа,—съ грустной шуктой сказалъ Лавренко, наливая и подымая рюмочки:—можетъ быть, въ послѣдній разъ... За побѣду!..

— За побѣду! — оживляясь, крикнулъ Сливинъ и такъ хлюпнулъ рюмку въ глотку, что у него выступили слезы.

Но онъ сейчасъ же вспомнилъ, что послѣ высказанной имъ трусости и дряблости не очень-то кстати пить за побѣду, покраснѣлъ и уткнулся въ тарелку. Всѣ ѣли молча. Лавренко и Зарницкій совсѣмъ мало, и по лицу Зарницкаго опять заходили мимолетныя тѣни. Одинъ Сливинъ, самъ смущаясь своего всегдашняго волчьаго

аппетита, съѣлъ весь ужинъ и весь черный хлѣбъ, какой былъ.

— Ну,—сказалъ Лавренко, уже уходя,—итакъ, до завтра... Плохо намъ будетъ!

Зарницкій измѣнился въ своемъ красивомъ холеномъ лицѣ.

— Чего, собственно, вы боитесь? Вѣдь не посмѣютъ же они стрѣлять по красному кресту?

Лавренко внимательно посмотрѣлъ ему въ лицо, угадывая его мысли и чувствуя къ этому здоровому, упитанному человѣку презрительную враждебность.

— И по кресту будутъ стрѣлять. А главное, когда насъ побьютъ, а побьютъ насъ непременно, многихъ изъ насъ... А впрочемъ, не знаю!

Онъ холодно пожалъ руку Зарницкому и вышелъ на темную лѣстницу. Сверху имъ свѣтила горничная, переѣсившись черезъ перила, и, какъ всегда, Лавренко посмотрѣлъ на ея чистенькую пикантную фигурку, выпукло освѣщенную лампой. И ему стало жаль ее и противно.

На улицахъ была пустота и сѣроватый мракъ, указывающій на близость разсвѣта.

Шаги ихъ черезчуръ громко отдавались въ этой пустотѣ, и Лавренко озабоченно сказалъ:

— Будетъ очень скверно, если насъ заберетъ патруль еще до завтра!

«Тогда мы будемъ въ безопасности!»—мелькнуло въ головѣ у Сливина, но онъ тотчасъ же поймалъ себя на этой мысли и мучительно покраснѣлъ.

— Ахъ, Анатолій Филипповичъ,—съ болѣзненнымъ раскаяніемъ выговорилъ онъ:—если бы вы знали, какой я трусь!

— Я тоже трусь,—ласково отвѣтилъ Лавренко и махнулъ рукой.—Не въ томъ дѣло, голубь мой!..

— А не поиграть ли намъ въ послѣдній разъ на биліардѣ? Тутъ я знаю одинъ извозчикій трактирчикъ та-

кой...—спросилъ вдругъ Лавренко и ему самому было стыдно, что онъ говорить о билліардѣ. Ему всегда было неловко приглашать играть, потому что казалось, будто онъ уже всѣмъ рѣшительно надоѣлъ своимъ вѣчнымъ билліардомъ и что только изъ деликатности соглашаются съ нимъ играть.

— Поздно уже... съ искреннимъ сожалѣніемъ, что не можетъ удовлетворить желанія Лавренко, къ которому чувствовалъ нѣжное уваженіе, отвѣтилъ Сливинъ.

— Да!.. Поздно!..—согласился Лавренко, съ трудомъ разобравъ на часахъ два съ четвертью.—Ну, до свиданія, голубь мой!.. Завтра, можетъ-быть, не увидимся?.. Вы гдѣ будете?..

— Я на заводѣ Костюковскаго. Прощайте, голубчикъ!..

Они крѣпко, хотя немного стѣсняясь, поцѣловались и оба почувствовали теплую, грустную нѣжность другъ къ другу.

—Ну, прощайте, голубь, не поминайте лихомъ, коли что!..

Высокая фигура Сливина, зыбко маяча во мракѣ, повернула за уголъ, и опять Лавренко остался одинъ. Ему вдругъ до боли захотѣлось, чтобы было куда-нибудь пойти, встрѣтиться съ дорогимъ человѣкомъ, который пожалѣлъ бы его и боялся бы за него. Онъ вздохнулъ и медленно пошелъ по тротуару, грузно шагая и постукивая тростью.

Онъ вспомнилъ Зарницкаго и сталъ думать о немъ:

«Вѣдь вотъ куча мускуловъ и мяса, вся жизнь его въ томъ, что эта здоровая, красивая куча мяса ѣстъ, пьетъ, спитъ и совокупляется съ женщинами... Такая фізіологическая жизнь продолжится и за гробомъ, и послѣ смерти эта куча мяса не исчезнетъ безъ слѣда, а будетъ разлагаться, претворяться, потомъ опять ѣстъ, опыляться и такъ безъ конца... Казалось бы! А между тѣмъ онъ боится смерти, можетъ-быть, во сто разъ больше, чѣмъ

тѣ, которые живутъ самой тонкой духовной жизнью, которой дѣйствительно конецъ за гробомъ... Да... Ну такъ что же?

Лавренко запутался, тоскливо махнулъ рукой и пошелъ далѣе...

Не доходя до перекрестка, онъ вдругъ остановился и прижался подъ воротами.

Показались изъ-за угла, перешли улицу и вновь скрылись за угломъ четыре черныя одинаковыя фигуры и когда проходили подъ слабымъ свѣтомъ подворотнаго фонарика, одинъ за другимъ, надъ ними тускло блеснули четыре штыка. Въ груди у Лавренко все сжалось и притаилось.

Въ гулкомъ ночномъ мракѣ звонкіе шаги вооруженныхъ людей отчетливо проговорили о близости смерти и смолкли въ безвѣстномъ отдаленіи.

V.

Проводивъ гостей, Зарницкій вернулся въ кабинетъ и опять сталъ ходить взадъ и впередъ, заложивъ руки за спину и глядя на носки своихъ свѣтло вычищенныхъ сапогъ. Онъ былъ такъ же массивенъ, красивъ и изященъ какъ всегда, но какая-то неуловимая растерянность вдругъ появилась на лицѣ, въ безпокойномъ выраженіи глазъ и въ чуть замѣтномъ дрожаніи пальцевъ.

Пока вокругъ были другіе люди, передъ которыми для Зарницкаго было немыслимо не выказывать себя самымъ умнымъ, самымъ храбрымъ, самымъ честнымъ и самымъ твердымъ человѣкомъ, ему было легко не думать. Но когда онъ остался наединѣ съ самимъ собою, словно какой-то флеръ спалъ съ его души, и голо, и коротко всталъ передъ нимъ безпощадный настойчивый вопросъ, котораго онъ никогда не подозрѣвалъ и который теперь вдругъ оказался неотложнымъ и неотвратимымъ.

Всю свою жизнь Зарницкій былъ непоколебимо убѣ-

жданъ, что онъ самый красивый, самый блестящій и смѣлый человѣкъ въ свѣтѣ. То, что его любили женщины и съ восторгомъ отдавались на забаву его холеному, сильному и здоровому тѣлу, то, что онъ былъ ловкимъ и дѣйствительно прекраснымъ хирургомъ, то, что онъ былъ революционеромъ и шесть мѣсяцевъ просидѣлъ въ одиночкѣ, откуда вышелъ такимъ непреклонно убѣжденнымъ, какимъ и вошелъ, приучило его вѣрить въ себя и никогда не задавать вопроса, дѣйствительно ли онъ такъ прекрасенъ и силенъ.

Онъ всегда вѣрилъ, что если будетъ революція, то онъ станетъ во главѣ ея. Съ его краснорѣчіемъ, храбростью и убѣжденностью, онъ не можетъ ни выдвинуться въ первые ряды и ни стать, какъ ему рисовалось, членомъ конвента, народнымъ трибуномъ, вождемъ. И мысль объ этомъ опьяняла его романтическимъ восторгомъ и даже смерть на гильотинѣ казалась ему только послѣднимъ мрачно красивымъ аккордомъ.

Еще когда онъ былъ студентомъ, ему какъ-то пришлось въ обществѣ красивыхъ, чуть не поголовно влюбленныхъ въ него дѣвушекъ сказать:

— Лучше тридцать лѣтъ жить, да пить живую кровь, чѣмъ жить триста лѣтъ, да питаться мертвечиной.

И онъ оказалъ это съ искреннимъ убѣжденіемъ, и часто повторялъ потомъ все съ такимъ же убѣжденіемъ.

И вдругъ оказалось, что мысль о томъ, что его могутъ завтра убить, леденить ему кровь и совершенно опредѣленно ясно и неотвратимо онъ понялъ, что боится смерти и не пойдетъ на нее.

«Такъ значитъ — я трусъ?..» мучительно краснѣя и какъ-будто стараясь, чтобы мысль эту не слышалъ даже онъ самъ, растерянно подумалъ Зарницкій.

— Да, трусъ!—отвѣчало что-то въ глубинѣ его массивнаго красиваго тѣла, сжавшагося безвольно и путливо. И весь многолѣтній миражъ красоты, смѣлости и обаянія вдругъ слетѣлъ, и Зарницкому показалось, что

онъ голъ, слабъ и растерянъ, какъ гаденькій подленькій звѣрекъ, съ котораго содрали блестящую шкурку.

Съ безпощадной ироніей, вдругъ непонятно возникшей изъ неуловимыхъ сплетеній мысли, онъ вспомнилъ шуточный афоризмъ одного пріятеля:

«Познай самого себя... и познавъ, не впадай въ уныніе».

Эта внезапная, противувольная и непонятная насмѣшка надъ самимъ собою была такъ мучительна, что у него потемнѣло въ глазахъ и весь кабинетъ съ его внушительной строгой мебелью тихо поплылъ кругомъ.

«Не надо думать объ этомъ! — какъ-будто прося кого-то жестокаго и безжалостнаго, подумалъ Зарницкій.— Это такъ... нервы расходились... Надо лечь спать... а тамъ посмотримъ!»

Но вмѣсто того, онъ опять заходилъ по кабинету и всѣ движенія его стали уже растерянными, короткими, порывистыми и, чувствуя это, онъ началъ невыносимо страдать. Можно было думать, можно было забыть или помнить, но завтрашній день, а съ нимъ смерть, прійдутъ, и нельзя будетъ не пережить ихъ.

— Ахъ, если бы проснуться и увидѣть, что все уже прошло... Будетъ же когда-нибудь все это прошлымъ...

Мысль о томъ, чтобы спрятаться, увернуться отъ опасности и что это очень легко и можно устроить такъ, что очень немногіе, а быть можетъ и никто не догадается, уже была у него въ мозгу тонкая, какъ ужъ, юркая и трусливая, но онъ старался думать, что даже мысли объ этой мысли у него нѣтъ, потому что у него ея *не можетъ* быть.

— Не всѣхъ же убьютъ,—думалъ онъ словами, логически и ясно, и какъ бы то ни было, а отступленія не можетъ быть и будь, что будетъ.

Но тутъ же за этими словами, какъ-будто гораздо глубже ихъ, неуловимая, безусловная мысль, какъ мышь въ мышеловкѣ, быстро и все очевиднѣе и яснѣе для не-

го, описывала круги, отыскивая и изобрѣтая всѣ возможные способы обмана и увертки.

И окончательно уже видя, что все это такъ и есть, и что онъ не пойдетъ завтра никуда, Зарницкій все-таки самъ не зналъ, пойдетъ или не пойдетъ, и былъ увѣренъ, что такой человѣкъ не можетъ даже думать, чтобы не пойти. Было похоже на то, будто его мозгъ утратилъ связь и цѣльность и каждая частица его думаетъ свое. И путаница эта отдаленно напомнила о сумасшествіи.

А въ груди ныло простое чувство искренняго стыда и грусти о безвозвратно утраченной отнынѣ вѣрѣ въ свою красоту и превосходство надъ всѣми людьми.

Зарницкому захотѣлось плакать, просить у кого-то снисхожденія и жаловаться, какъ-будто его обижаютъ незаслуженно и бить себя головой о стѣну, съ презрѣніемъ, плевыми и пощечинами, какъ послѣднюю тварь.

Онъ представилъ себѣ свою красивую фигуру, съ избитыми, заплеванными, холеными щеками и это даже доставило ему мучительное наслажденіе.

Зарницкій остановился посреди кабинета и широко открытыми воспаленными глазами уставился на стѣну, ничего не видя передъ собой.

— Но вѣдь развѣ можно будетъ жить послѣ этого?— съ отчаяніемъ и ужасомъ спросилъ онъ себя.

— Нельзя!—отвѣтила первая мысль и стало очевидно, что послѣ этого никогда нельзя будетъ чувствовать себя такимъ красивымъ и счастливымъ, нельзя будетъ заглянуть въ лицо тысячамъ людей.

— Можно будетъ уѣхать куда-нибудь подальше, гдѣ никто не знаетъ!—одновременно подъ этой мыслью проскользнула другая и опять было очевидно, и то, что нельзя уѣхать, и то, что онъ уѣдетъ, и что нельзя жить, и что все-таки онъ переживетъ.

Холодный потъ выступилъ на лбу Зарницкаго, и лицо его исказилось.

— Да, лучше не думать!..—опять сказалъ онъ себѣ

и, взявъ лампу, пошелъ въ темную спальню. Тысячи мыслей со всѣхъ сторонъ набѣжали на него, какъ тотъ мракъ, который бѣжалъ за лампой, но, упрямо стиснувъ зубы и притворяясь, что всецѣло поглощенъ сниманіемъ сапогъ и брюкъ, онъ каждую упрямо отражалъ и затемнялъ:—я вовсе не думаю объ этомъ, не думаю, вотъ и не думаю вовсе... Тамъ будетъ видно! Можетъ-быть это вовсе и не такъ страшно... и на самомъ дѣлѣ я окажусь героемъ...

Но какъ только легъ и вытянулся подъ мягкимъ одѣяломъ на чистой и пріятно свѣжей холодной простынѣ, сейчасъ же поймалъ себя на томъ, что разъ онъ говорилъ себѣ, что не надо думать «объ этомъ», то слѣдовательно онъ думаетъ объ этомъ и понялъ, что дѣйствительно думаетъ.

Тоска охватила его и какъ всегда онъ почувствовалъ, что если заняться своимъ тѣломъ, то будетъ легче. Тогда онъ насильно всталъ съ постели и въ одномъ бѣльѣ, большой, сильный и красивый пошелъ въ комнату къ горничной Танѣ.

Въ комнатѣ у Тани свѣтила лампадка и оттого было уютно и пахло чистотой и сномъ. Таня уже спала и спящая не была похожа на горничную. Кружево сорочки, которую купилъ ей Зарницкій, обнажая круглое смуглое плечо, придавало ей видъ пышный и сладострастный. Она проснулась, когда Зарницкій сталъ ложиться рядомъ на согрѣтую ею постель и, открывъ темные острые глазки, улыбнулась ему, какъ-то особенно, съ почтеніемъ прислуги и увѣренностью женщины въ томъ, что она нужна и пріятна. Отъ нея раздражающе пахнуло на Зарницкаго страннымъ смѣшаннымъ запахомъ чистаго пахнущаго мыломъ бѣлья, сонной женщины и чего-то, похожего на мускусъ. Онъ вдругъ почувствовалъ привычное неудержимое сладострастіе своего переполненнаго жизненными соками тѣла, и, дѣйствительно, забывая всѣ мысли и всѣ мученія, сталъ цѣло-

вать ее въ мягкую упругую и бархатистую грудь, одной рукой уже стягивая съ ея ногъ и живота рубашку и вэдрагивая отъ прикосновеній своихъ холодныхъ пальцевъ къ неуловимо нѣжной горячѣй, какъ огонь, кожѣ ея молодого крѣпкого тѣла.

По обыкновенію, какъ требовало его исключительно сильное сладострастное тѣло, онъ наслаждался долго, замучивъ покорную, обожающую его, какъ высшее существо, теплую, гибкую, молодую женщину, и когда ушелъ къ себѣ, все тѣло его сладко ныло отъ полного разнѣживающаго удовлетворенія, и въ рукахъ, и въ ногахъ, и въ мозгу, была томная, счастливая лѣнь.

Онъ съ наслажденіемъ вытянулся на холодной постели, потянулся и медленно, лѣниво сталъ думать.

— Въ жизни останется еще много хорошаго... что бы тамъ ни было...

Прежней неуловимой мучительной путаницы уже не чувствовалось. Мысль тянулась одна, прямая, и спокойная. Вдругъ все показалось очень просто и совсѣмъ не такъ ужасно. Только что насладившееся тѣло подсказало ему то, что нужно было для того, чтобы успокоить и свою душу.

— Что бы тамъ ни было, а если бы меня убили, разстрѣляли, я уже не увидѣлъ бы никогда того, за что я полюбъ... Какое же мнѣ дѣло тогда и до торжества революціи и... тому подобное. Я есть центръ вселенной, для меня все существуетъ только постольку, поскольку я самъ существую, а съ моей смертью все исчезаетъ. Значитъ, я принесъ бы себя въ жертву за миражъ, котораго для меня послѣ смерти не будетъ... Это вовсе не трусость, а просто логика... Боязнь другихъ, стыда и тому подобное, вотъ это дѣйствительно трусость... Да, не хочу умирать, ни для кого и ни за кого, не хочу и не умру... И тѣ идіоты, которые умрутъ, будутъ только идіоты и не больше... Лавренко же говорить, что жизнь есть борьба существованія со смертью, а благо жизни въ осуществле-

ніи своей свободы... Ну, я не хочу умирать, значить хочу жить, потому что мнѣ этого хочется. Хочу быть свободнымъ, бороться со смертью и мнѣніемъ людей, и значить я правъ...

Онъ облегченно вздохнулъ и заложилъ руки подъ голову устало и спокойно.

На мгновеніе въ немъ шевельнулось что-то грустное: какъ-будто изъ его жизни онъ самъ изгонялъ что-то свѣтлое, дорогое, во что онъ вѣрилъ и вѣрить и сейчасъ, несмотря ни на что.

— А вѣдь я убиваю часть своей... жизни... вѣдь я борюсь не со смертью, а съ жизнью... той жизнью, которая всегда звала и зоветъ меня быть смѣлымъ, твердымъ, свободнымъ отъ страха...

Онъ торопливо перебилъ себя.

— Такъ все можно перевернуть... Это—мудрованіе и больше ничего, а жизнь и есть жизнь, смерть и есть смерть...

Вдругъ какой-то звукъ родился въ темнотѣ и гдѣ-то далеко какъ-будто прогремѣлъ глухой выстрѣлъ. Зарницкій быстро поднялъ голову.

Все было тихо, но что-то тревожное какъ-будто стояло въ воздухѣ. Зарницкій сидѣлъ на кровати и слушалъ, слыша только встревоженное біеніе своего сердца. Крутомъ стоялъ неподвижный глухой мракъ.

Сначала было тихо, но потомъ гдѣ-то внизу на улицѣ почудилась сдержанная безмолвная суета. Тревога стала расти больше и больше. Зарницкій послѣпно всталъ и, шагая нагрѣвшимися босыми ногами по холодному полу, подошелъ къ окну. Онъ всталъ на стулъ, отворилъ форточку и высунулъ голову на улицу.

Сырой весенній вѣтеръ, дующій съ моря, охватилъ его разгоряченную голову и грудь. Зубы забили дрожь и по спинѣ проползло что-то холодное и непріятное. Все было пусто и тихо и, чернѣя окнами, неподвижно стояли напротивъ темные какъ-будто вымершіе дома.

— Послышалось,—подумалъ Зарницкій.—Еще простудишься!..

Онъ затворилъ форточку, легъ и долго не могъ избавиться отъ непріятной ознобной дрожи. Потомъ заснулъ и спалъ до утра тяжелымъ и кошмарнымъ сномъ, въ которомъ все, что онъ думалъ и видѣлъ днемъ, сплеталось въ болѣзненные, неуловимо быстрыя видѣнія, принимая необыкновенныя страшныя формы.

Утромъ онъ проснулся съ тяжелой головой, сквернымъ вкусомъ во рту и нервной тоской. Наступалъ день, которымъ надо было или, можетъ быть, кончить свою жизнь, или, навѣрное, принять неизбѣжный унижительный позоръ и онъ уже зналъ, что именно будетъ.

VI.

Послѣдній день многихъ человѣческихъ жизней насталъ такъ же ясно, спокойно и прекрасно, какъ всегда. Высоко надъ городомъ и моремъ заголубѣлъ нѣжно-прозрачный небесный сводъ, и неподвижно, въ мечтательно-радостномъ ожиданіи солнца, замерли далекія облака. Они розовѣли все ярче и ярче; все синѣе становилось небо и поэтому чувствовалось неуклонное и торжественное приближеніе дня, съ его блескомъ, тепломъ и свѣтомъ.

Было еще очень рано, и многіе изъ тѣхъ людей, которые должны были сегодня умереть, которые должны были убивать и которые должны были принять въ свои души мрачное и безобразное зрѣлище смерти, еще спали. Въ городѣ было пусто и въ густой голубизнѣ моря неподвижно застывшія бѣлѣли и пестрѣли трубы и мачты судовъ. Только въ порту, гдѣ прекратилась обычная бойко и суетливо-шумная жизнь, невнятно и неопредѣленно уже росъ смутный и зловѣщій гулъ. Но онъ былъ такъ ограниченъ и слабъ въ безконечномъ просторѣ утра, что здѣсь, въ окраинныхъ переулкахъ, гдѣ

шелъ Сливинъ, уступалъ самымъ простымъ и ничтожнымъ звукамъ.

Сливинъ шелъ быстро и уныло смотрѣлъ подъ ноги, глубоко засунувъ руки въ карманы. Ему было холодно отъ безсонной ночи, вытянувшей изъ тѣла бодрость и теплоту. Костлявыя длинныя ноги, похожія на двѣ коцерги въ болтающихся штанахъ, шагали непомѣрно широко, а худое студенческое пальто болталось между ними уныло, какъ отъ осенняго вѣтра. Торчащія лопатки горбились, позеленѣвшій картузь лѣзъ на уши.

Впереди его, вдоль забора, кралась худая желтая кошка. Иногда она внезапно останавливалась и на что-то, ей одной видимое, заглядывала своими зелеными, странными глазами въ щели и подвальные окна.

Сливину почему-то было грустно умилительно смотрѣть на эту кошку и хотѣлось думать что-то трогательное и печальное такъ, чтобы въ этомъ трогательномъ и печальномъ были и эта кошка, и небо, и утро, и самъ Сливинъ. Хотѣлось потихоньку плакать, а когда кошка вдругъ скрылась подъ заборомъ, Сливинъ почувствовалъ себя одинокимъ, заброшеннымъ, какъ потерявшійся мальчикъ.

Иногда вдругъ откуда-то, ничѣмъ не вызванная, являлась увѣренность, что онъ все-таки переживетъ это время, и когда настанетъ новое, смутное, въ то же время ярко представляющееся, онъ будетъ еще счастливѣе именно оттого, что теперь переживаетъ такую тоску.

«Вѣдь не всѣхъ же убиваютъ! — думалъ Сливинъ, шагая все дальше и дальше:—и почему должны убить именно меня... Это глупо!.. и это трусость!.. малодушіе и больше ничего!..»

Какой-то дворникъ, шаркая по мостовой, поднялъ метлой цѣлую тучу мелкой пыли прямо въ носъ Сливину.

И, неожиданно, Сливинъ поймалъ себя на тоненькой,

неуловимо, какъ ящерица, скользящей по изгибамъ мозга, мысли, что пусть лучше всѣхъ убьютъ, только не его.

Онъ очнулся, похолодѣвъ отъ гадливаго и безнадежнаго презрѣнія къ самому себѣ и стараясь, чтобы никто въ мірѣ не догадался объ этой подлой мысли, не плюнулъ ему, Сливину, въ глаза, какъ это надо было бы сдѣлать, онъ принялъ суетливый дѣловой видъ и, подавивъ то, что упорно ныло въ груди, ускорилъ шаги и повернулъ въ переулокъ, гдѣ жили Зекъ.

Передъ подъѣздомъ стояла грузная телѣга ломовика, и дремала, отставивъ ногу и жуя отвислыми губами, огромная худая лошадь, съ страдальческими добрыми глазами. Отъ дверей до телѣги дорожкой желтѣла раздерганная солома и валялись рогожки съ бичевками. Дворникъ и ломовой, дюжіе и равнодушные ко всему люди, пыхтя тащили изъ прихожей сундукъ, а самъ старый Зекъ, торопливый и сѣденькій старичокъ, похожій на стараго воробья, красный и раздраженный, суетился возлѣ нихъ.

— Осторожнѣй, осторожнѣй! кричалъ онъ и, увидѣвъ въ дверяхъ длинную оторопѣлую фигуру Сливина, сердито вскрикнулъ:—А!.. А мы вотъ бѣжимъ... На старости лѣтъ!.. Скажите, Виталій Федоровичъ, что же это такое?..

И старый Зекъ, ершась, какъ сердитый воробей, насканивая и возмущаясь, сталъ говорить о томъ, что революціонеры ни въ грошъ не ставятъ чужой жизни и что это подло.

— Къ чему же тогда возмущаться правительствомъ?.. Я не черносотенецъ, я отлично все понимаю, но съ какой стати страдать мирнымъ жителямъ?.. Ну пусть они сами идутъ на смерть, на висѣлицу, куда угодно, пусть они святые, но мы-то тутъ при чемъ?..

Сливинъ снявъ картузъ и неловко опустивъ руки, уныло торчалъ посреди чемодановъ, рогожъ, соломы и перевернутой мебели и молчалъ. Онъ всегда могъ гово-

рить только съ людьми, о которыхъ былъ увѣренъ, что они думаютъ какъ разъ въ томъ же духѣ, какъ и онъ. Старый же Зекъ всегда былъ ему чужой, и Сливинъ, какъ мальчикъ, боялся его и терялся въ его присутствіи.

— Намъ хочется жить не менѣе, чѣмъ вамъ, недоумѣло и злобно кипятился старый человѣкъ,—мы не виноваты, что одни люди плохо живутъ, а другіе хорошо, и это всегда будетъ... И согласитесь сами, наконецъ, что изъ того, что однимъ плохо, вовсе не значитъ, что и тѣ должны страдать, которымъ живется недурно и которымъ...

Сѣдые волосы торчали ежикомъ, и маленькіе старые глазки блестѣли тревожно и злобно, какъ у сердитаго звѣрька, неожиданно выгнаннаго изъ норки.

Сливинъ все-таки уныло молчалъ. По его мнѣнію, прямому и непоколебимому, старый Зекъ былъ неправъ, отсталъ и совершенно не понималъ жизни. Сливинъ зналъ и почему онъ именно неправъ, но возраженія какъ-то нерѣшительно путались у него на языкѣ, быстро и ярко возникая въ мозгу при каждомъ словѣ Зека и безслѣдно исчезая при попыткѣ ихъ высказать. И притомъ онъ всегда боялся сказать что-нибудь нетактичное и ко-го-нибудь обидѣть.

— Видите-ли... это не совсѣмъ такъ... изъ всей силы стараясь выразиться безобиднѣе и деликатнѣе, заговорилъ онъ,—дѣло въ томъ, что если однимъ плохо жить, то это потому, что въ этомъ... именно потому, что другимъ черезчуръ хорошо и, конечно, доля вины есть и на нихъ... хотя...

По обыкновенію онъ самъ перебилъ себя, потому что почувствовалъ неудобство и бесполезность словъ, въ виду благосостоянія и полной обеспеченности самого Зека. И ему было какъ-то неловко и чудно, что эта старая воробышная жизнь такъ крѣпко и цѣпко держится за свое.

— Собственно, старикъ — вѣдь, подумалъ онъ. — На что ему?

Въ дверяхъ гостиной показалась Зиночка. Она была блѣдна и глаза у нея были заплаканы и такъ обведены кругами, что она казалась худенькой. Но по тому, какъ равнодушно пропустила она мимо ушей восклицаніе отца и по тому, что у нея одной во всемъ домѣ не было замѣтно торопливости и растерянности, было видно, что въ душѣ у нея нѣчто свое, другое.

Сливинъ перешагнулъ черезъ чемоданъ и стулъ, ногою сбиль съ чемодана на полъ свернутыя гардины и подалъ Зиночкѣ руку, не сразу рѣшивъ, поднимать ли раньше гардины или прежде здороваться и отъ того теряясь до слезъ.

— Вы ко мнѣ, Виталій Федоровичъ? съ тревожно выжидательнымъ выраженіемъ глазъ, спросила она, снизу заглядывая ему въ лицо.

— Да... то-есть, я думалъ предупредить васъ, но вы уже знаете, а такъ у меня ничего особеннаго... хотя-я...

Глаза Зиночки потухли. Сливинъ понималъ, чего ей нужно и страдалъ отъ деликатности и затаенной даже отъ самого себя грустной ревности.

«Не надо было приходить»... почему-то подумалъ онъ.

— Пойдемте въ садъ, мнѣ нужно вамъ кое-что сказать... позвала Зиночка и съ той спокойной увѣренностью, съ какой она, чувствуя свою власть надъ нимъ, всегда обращалась со Сливинымъ, повернулась и пошла не оглядываясь.

— Пойдите, Виталій Федоровичъ... остановилъ его Зскъ.—Какъ вы думаете?.. поспѣемъ мы выѣхать?.. а?.. Говорятъ на поѣздъ уже не попадешь?..

— Комитетъ обѣщалъ вывезти всѣхъ желающихъ... хотя-я... уныло пожалъ плечами Сливинъ и бокомъ пробрался за Зиночкой.

Въ саду все было покрыто росой, песокъ на дорожкахъ былъ совсѣмъ сырой, а мокрыя зеленые лавочки блестѣли, какъ новенькія. Небо уже совсѣмъ посвѣтлѣло, и воробьи чирикали, какъ днемъ.

— Рано еще совсѣмъ... — несмѣло пробормоталъ Сливинъ, идя за Зиной и не спуская наивно восторженныхъ глазъ съ ея стройной мягкой спины, съ двумя недлинными пушистыми косами, и тихо колышавшимися на ходу круглыми, стройными и широкими бедрами.

Зиночка отвела его въ самый конецъ сада, гдѣ деревья уже смѣнялись тонкими, еще голыми, какъ прутья, кустами ягодъ, и высокій заборъ показывалъ изъ-за своихъ позеленѣвшихъ досокъ только красныя трубы пригородныхъ фабрикъ и заводовъ. Тутъ она рѣшительно повернулась къ Сливину и, просто и открыто глядя ему въ глаза, сказала:

— Виталій Федоровичъ, вы видѣли Кончаева?

Было короткое мгновеніе, когда Зиночка подумала о томъ, что она первый разъ въ жизни открыто выдаетъ свою тайну, которой, какъ ей раньше казалось, никто въ мірѣ не можетъ и не долженъ знать, такъ какъ иначе она умретъ отъ стыда. Сливинъ хотѣлъ покраснѣть и смутиться отъ неловкости положенія. Но въ слѣдующее мгновеніе что-то полное, властное и спокойное, какое-то непоколебимое сознаніе своего права наполнило все тѣло Зиночки, и она еще болѣе открыто и прямо взглянула Сливину въ глаза. И это почувствовалъ и понялъ тоже всей душой и Сливинъ. Его голосъ прозвучалъ грустью, но былъ такъ же простъ и открытъ, какъ всегда, когда онъ отвѣтилъ:

— Я видѣлъ его вчера и сегодня, вѣроятно, увижу...

— Скажите мнѣ правду, Витя,—пристально и твердо глядя ему въ глаза, спросила она,—опасно тамъ, гдѣ онъ будетъ?

Сливинъ, какъ-будто извиняясь, застѣнчиво пожалъ плечами.

— Сегодня вездѣ будетъ опасно... Но главное дѣло заключается въ порту, а ихъ отрядъ будетъ, кажется, въ фабричномъ районѣ. Тамъ не такъ опасно... хотя... онъ безпомощно развелъ руками, какъ-будто всей душой хо-

тѣлъ бы сдѣлать ей пріятное и уберечь Кончаева, но не могъ и просилъ снисхожденія. Онъ зналъ, что Кончаевъ будетъ въ порту, но солгалъ и почему-то не почувствовалъ никакой неловкости, точно такъ и нужно было.

— Такъ...—сказала Зиночка и потупилась, машинально пощипывая кончики косъ, перекинувшихся на грудь. И вдругъ вся покраснѣла и застыдилась опять, какъ напроказившая дѣвочка.

— Витя, вы передайте ему письмо?..

И Сливинъ весь покраснѣлъ, но трогательное и просительное довѣріе въ ея свѣтлыхъ, увлажнившихся отъ стыда и просьбы глазахъ, размягчило его сердце совсѣмъ, и какое-то грустное счастье охватило его душу.

— Давайте... я передамъ, непременно...—сказалъ онъ и отвернулся, посмотрѣвъ вверхъ на небо, чтобы скрыть теплыя слезы, выступившія на рѣсницахъ.

И небо, и розовыя облака расплылись въ этихъ слезахъ.

Потомъ она скоро-скоро пошла назадъ, и маленькіе каблучки ея свѣтло-желтыхъ туфель быстро и ровно печатали свои крошечные слѣды на сыромъ пескѣ дорожки. Сливинъ понуро шелъ сзади и съ чувствомъ все того же чистаго и грустнаго умиленія смотрѣлъ на эти слѣды.

«Зиночка, Зиночка!» — съ тайнымъ напряженіемъ и безконечной печалью, думалъ онъ,—я знаю, что я некрасивъ, глупъ и гораздо хуже «того»... но мнѣ такъ хочется жить, такъ я люблю тебя, такъ мнѣ больно и горько знать, что ты, такая милая, чистая, такая святая своей красотой и молодостью, скоро будешь принадлежать другому, здоровому, веселому и смѣлому со всѣми женщинами мужчинъ... Это такъ невѣроятно, а между тѣмъ такъ и будетъ. И никогда, даже, когда я умру, ты не узнаешь, какъ я тебя любилъ...»

На одно мгновеніе, мучительное своей беспощадной краткостью, у Сливина скользнула мысль, какой ужасъ

есть въ томъ, что огромное, хорошее и чистое чувство человѣческое, составляющее для этого человѣка все, исчезнетъ, совершенно безцѣльно и бессмысленно, никому во всей вселенной неизвѣстное, какъ-будто его никогда и не было.

«Лучше пусть будетъ отказъ, насмѣшка, недоумѣніе, жалость, все, что угодно, но надо высказать».

Но сейчасъ же мысль куцо и бессильно свернулась въ безнадежный вопросъ: ну, что-же изъ этого?

«Да и невозможно это... лучше умереть, чѣмъ сказать!»—сказалъ самъ себѣ Сливинъ, и еще больше согнулась его длинная фигура, вытянулся носъ и опустѣла душа.

Въ домѣ все уже было убрано и, хотя мебель оставалась на мѣстахъ, сразу какъ-то опустѣло и похолодѣло. И окна безъ гардинъ, и мебель въ чехлахъ, и разнокалиберная посуда на столѣ, вмѣсто всегдашней ровно и весело подобранной, говорили о тревогѣ и страхѣ въ мірѣ всегдашняго мирнаго уюта.

Маленькая старушка, съ заплаканными недоумѣвающими глазами, встрѣтила Сливина такимъ взглядомъ, какъ-будто онъ могъ чѣмъ-то помочь ей и все устроить иначе. Но, увидѣвъ его унылую фигуру и неувѣренныя медлительныя движенія, старушка только вздохнула и спросила:

— Виталій Федоровичъ, вы съ нами чайку напьетесьъ?

Сливину какъ-то не приходило въ голову, что чай можно пить и теперь, какъ всегда. Онъ удивился.

— Чай? Я право!.. я, собственно, чаю не хочу... Хотя-я...

Онъ нерѣшительно пожалъ плечами, покраснѣлъ и неловко сѣлъ, одной рукой беря стаканъ, а другой придвигая булки.

— Ахъ, вы, «хотя-хотя»!—передразнила его Зиночка со слезами на глазахъ.

— Можетъ, еще выпьете? — добродушно спросила старушка, когда Сливинъ, смущаясь и торопясь и оттого хлюпая, какъ теленокъ, допилъ стаканъ.

— Я...—началъ было Сливинъ, но поймалъ насмѣшливый взглядъ Зиночки и поперхнулся начатымъ возраженіемъ, смиренно принимаясь за новый стаканъ.

Со двора, встрепанный и встревоженный еще больше, торопливо прибѣжалъ старый Зекъ.

— Ну, господа, нечего тутъ... скорѣе, скорѣе!..—суетясь закричалъ онъ, быстро надѣвая пальто и не попадая въ рукава.—Уже весь городъ двинулся... Говорять, скоро не будутъ пускать на вокзалъ... Какой тутъ чай, помилуйте!—съ раздраженіемъ закричалъ онъ на Сливина.

— Да ему-то что!.. вѣдь онъ остается,—сердито отозвалась Зиночка, подвигая Сливину сливки.

— Да...—спохватился Зекъ и минуту постоялъ растерявшись. Онъ совершенно забылъ, что не всѣ бѣгутъ изъ города и сразу никакъ не могъ ясно воспринять этого. У него мелькнула жалостливая и наставительная мысль что-то сказать Сливину, выяснить ему все безумство и рискъ пребыванія въ городѣ, сказать, что вотъ онъ, старикъ, и то боится за свою жизнь, а у Сливина она вся еще впереди, но маленькая, воробыная злость вдругъ охватила его:

— Ну и дуракъ! — подумалъ онъ: — сумасшествуютъ... мальчишки!.. Ну и пусть гибнутъ, имъ же хуже.

Онъ сердито махнулъ рукой и выбѣжалъ, старчески семеня ногами.

Сливинъ привсталъ, сконфуженно и удивленно посмотрѣлъ ему вслѣдъ, именно на эти семенящія ноги, и у него мелькнуло въ головѣ съ какимъ-то наивнымъ сожалѣніемъ:

— И чего ему... все равно ужъ далеко отъ смерти не убѣжить?

Но онъ сейчасъ же смутился неделикатности своей мысли и заторопился.

— Я васъ еще провожу... а то, можетъ, тамъ, на вокзалѣ, что-нибудь...

— Непремѣнно... — опять со слезами на глазахъ согласилась Зиночка.

VII.

Было уже совсѣмъ утро, и поѣздъ убѣгалъ отъ города по солнечнымъ, сверкающимъ отъ росы лугамъ. Зиночка, заплаканная и ошеломленная, затолканная со всѣхъ сторонъ, совершенно сбита съ толку той отчаянной борьбой, которую только-что вело за мѣста въ поѣздѣ сбѣсившееся отъ страха человѣческое стадо, стояла на площадкѣ, притиснутая къ самому ея краю спинами и узлами. Въ первое время почти всѣ молчали и странно было видѣть эти сдавленные, потные кучи людей, съ растерянными, округленными глазами бѣшено влекомыхъ въ зеленыхъ, синихъ и желтыхъ тѣсныхъ ящикахъ по нѣжно-зеленымъ свободнымъ полямъ, радостно озареннымъ прозрачнымъ утреннимъ солнцемъ, какъ-будто вздрагивающимъ отъ счастья въ волнахъ легкаго, чистаго воздуха и весело убѣгающимъ назадъ къ оставленному городу.

Зиночка, не спуская глазъ, смотрѣла на скрывающіяся за горизонтомъ пестрыя крыши и трубы, главы церквей, блестящихъ, какъ звѣзды, и запыленные зеленоватые купола пригородныхъ садовъ. Ей было и стыдно, и противно и въ себѣ самой, и во всѣхъ окружающихъ, что они бѣгутъ оттуда.

«Какая гадость! — думала она: — вѣдь тамъ будутъ погибать не для себя, а за всѣхъ, за насъ... для всѣхъ этихъ идиотовъ, которые, выпуча глаза, бѣгутъ куда попало...

А тѣ, милые, несчастные!..

Ей ярко и широко, въ картинныхъ и величественныхъ силуэтахъ, точно въ громадной туманной панорамѣ, представились эти люди, которые не побѣжали передъ страшной смертью и тамъ, на улицахъ, покрытыхъ дымомъ и кровью, застроенныхъ мрачными и прекрасными баррикадами, точно навороченными изъ земли, камня и желѣза руками гигантовъ, стоятъ и ждутъ смерти.

Всѣ, кого она знала, мелькнули передъ нею, и ихъ блѣдные образы были и страдальчески, и прекрасны. Она вся вздрогнула и поблѣднѣла: ей нарисовалась какая-то груда камней, дымъ, огонь и трескъ выстрѣловъ, и блѣдная, мертвая, прекрасная голова, такая дорогая, единственная, что душа облилась кровью.

— Что я сдѣлала?.. Какъ пустила, какъ оставила его одного?

Страшно вздрогнуло и сжалось сердце, бѣлый туманъ покрылъ глаза, и вся она ослабѣла, какъ-будто падая въ пропасть.

— Не можетъ быть, не можетъ... Это слишкомъ ужасно!..

И съ ужасомъ, всею силою смятенной души, отгоняя страшный образъ, Зиночка перебросилась мыслью къ Сливину, и ей стало и легче, и жалче, и не смертельная блѣдность ужаса, а грустные, почти материнскія слезы показались на глазахъ.

«Бѣдный Сливинъ!.. — подумала она, грустно улыбаясь его длинному, такому смѣшному и такому милому образу. — Можетъ быть, и его убьютъ?..»

И она вспомнила съ болью, какъ необдуманно и легкомысленно стыдила его на вокзалѣ, замѣтивъ его растерянность и страхъ.

Бѣшенная суета бѣгущихъ, по большинству сытыхъ, приличныхъ и хорошо одѣтыхъ людей, яркое утро, ряды отряда дружинниковъ, прошедшихъ мимо вокзала, когда они подѣзжали, гулъ и шумъ, ревъ паровозовъ и красные флаги, которые показались далеко въ концѣ большой

улицы и долго торжественно и загадочно колыхались тамъ надъ синѣющей вдали толпой,—все это возбудило ее, наполнило ощущеніемъ грандіозности, торжественности и силы, и видъ унылаго, блѣднаго Сливина раздражилъ ее.

— Стыдитесь, вы!.. Если бы я была женщиной, я бы не кисла, какъ вы!..—блестя глазами и вся розовѣя отъ нахлынувшего подъема, говорила ему Зиночка.

— Я, право...—краснѣя до слезъ и нелѣпо разводя длинными руками, бормоталъ Сливинъ.—Если бы вы знали, Зиночка, какой я трусъ... Вотъ еще ничего не видно, можетъ быть, еще ничего не будетъ, а у меня сердце все время дрожитъ... Проклятый трусъ!..—вдругъ прибавилъ онъ неожиданно съ искаженнымъ, покрытымъ пятнами лицомъ и стиснутыми зубами.

Онъ всегда былъ съ Зиночкой такъ откровененъ, какъ ни съ кѣмъ другимъ, и именно ей сказать это было для него и невыносимо мучительно, и болѣзненно пріятно.

— Видишь, отъ тебя я даже этого не скрываю, — какъ-будто хотѣлъ онъ сказать...

— Эхъ вы!.. — жестко отозвалась Зиночка...

Онъ весь осунулся и поблѣднѣлъ, и теперь ей было невыносимо жаль, что она его тогда такъ обидѣла...

«А его, можетъ быть, убьютъ... — опять подумала она.—Именно, его и должны убить... нелѣпый онъ какой-то... жалкій...»

И ей стало больно думать и о Сливинѣ, и она стала стараться думать о тѣхъ людяхъ, которые здѣсь на поѣздѣ, осмотрѣла ихъ и почувствовала ненависть и презрѣніе.

— Зиночка, ты тамъ не упадешь?..—спрашивалъ черезъ спины и головы другихъ, стиснутый въ самомъ входѣ вагона, старый Зекъ, поймавъ ее помутившійся взглядъ и истолковавъ его такъ, какъ онъ самъ чувствовалъ себя въ эту минуту. Онъ былъ весь красный и

потный, точно только что выскочившій изъ бани, но уже начиналъ успокаиваться и приходить въ себя, въ радостной мысли, что и онъ, и жена, и дочь спасены.

Зиночка не отвѣтила ему.

«Другая на моемъ мѣстѣ осталась бы!» — съ обиднымъ и горькимъ укоромъ за то, что не могла нанести этотъ ударъ отцу и матери и поѣхала-таки съ ними, подумала она. И безсознательно прислушавшись къ словамъ отца, почувствовала какое-то странное ожесточеніе: ей вдругъ захотѣлось и въ самомъ дѣлѣ упасть, броситься прямо на рельсы, чтобы доказать всѣмъ этимъ дрожащимъ, какъ скоты, надъ жизнью людямъ, что не такъ ужъ драгоценна эта жизнь, что есть и такіе, которые не пойдутъ изъ-за нея на трусость, униженіе, на позорное бѣгство. Зиночка крѣпко стиснула зубы, такъ что на нѣжныхъ округлыхъ щекахъ выступили розовыя скулы, и, наклонившись надъ пустотой пролета между вагонами, взглянула внизъ на рельсы, сплошной бѣлой полосой струившіеся изъ-подъ вагона.

— Броситься!.. Вотъ возьму и брошусь, — мелькнуло у нея въ головѣ.

Двѣ мягкія пушистыя косы черезъ плечи свѣсились внизъ, площадка колыбалась, точно ускользая изъ-подъ ногъ, но маленькія ручки крѣпко держались за холодную желѣзную палку и было страшно смотрѣть. Изогнувшись гибкой спиной и выпуклой грудью, она едѣлала движеніе, какъ дѣлаетъ падающая копка, и выпрямилась.

Мимо замелькала березовая роща, тихая и бѣлая, ряды чистыхъ и юныхъ невѣстъ, замершихъ въ ожиданіи.

Въ разгоряченное лицо повѣяло сырой прохладой и запахомъ мокрой травы и коры, а потомъ опять побѣжали назадъ луга и дороги, освѣщенные солнцемъ.

Въ нервно-дрожащей молодой груди запеклось безсильное, тоскливое раздраженіе.

А въ вагонѣ уже стали успокаиваться, и слыша-

лись голоса, еще возбужденные, но уже звучащіе нотками удовольствія отъ сознанія избѣгнутой, но все-таки какъ-никакъ, а испытанной опасности. Всѣ устроились и размѣстились, и оказалось даже просторно, точно толща растаяла. Старый Зекъ снялъ шляпу и вытиралъ потное, красное лицо. Онъ довольно улыбнулся Зиночкѣ.

— Ну, теперь все слава Богу... Дома жалко, ну, да Богъ съ нимъ... Пока проживемъ на дачѣ, а тамъ видно будетъ...

— Почему вы думаете, папа, что непременно въ «вашъ» домъ попадутъ?—сухо и зло спросила Зиночка, глядя въ сторону.

Зекъ понялъ подчеркиванье и обидѣлся. Въ немъ вдругъ возмутилось все его воробыиное право на свою жизнь.

« Эта молодежь теперь думаетъ, что она только и живетъ честно, какъ слѣдуетъ, оттого, что лѣзетъ на рожонъ... Кого они хотятъ этимъ удивить. Все это и мы переживали... знаемъ... Къ чему этотъ фарсъ мальчишескій?.. »

— Почему же это «вашъ»? — вызывающе сердито спросилъ онъ.—Это такой же мой домъ, какъ и твой...

— А потому!..—съ внезапными слезами въ голосѣ, не помня, что говорить, отвѣтила Зиночка: — что это подло!.. бѣжать!.. гадость!..

Зекъ вспыхнулъ. Стоявшіе на площадкѣ толстый лохотенный господинъ въ сѣрой шляпѣ и старый человѣкъ, похожій на замореннаго долголѣтней работой рабочаго прислушались къ разговору. Толстая старая купчиха, съ глупымъ ужасомъ въ заплывшихъ глазахъ, уставилась на Зиночку.

— А по-моему подлость и гадость подвергать жизнь другихъ людей опасности изъ-за своихъ бессмысленныхъ мечтаній!—краснѣя кирпичнымъ цвѣтомъ и раздраженно выталкивая крикливыя слова, повысилъ голосъ Зекъ.

— Папа! — возмущенно, какъ-будто ее ударили, вскрикнула Зиночка.

— И совершенно правильно, — какъ бы въ сторону, не глядя на нихъ, пробормоталъ господинъ въ сѣрой шляпѣ.

— Чего вы ломаетесь? — продолжалъ старый Зекъ, все болѣе и болѣе раздражаясь и чувствуя, что не можетъ чего-то доказать, безъ чего все-таки въ глубинѣ души скверно. — И будьте вы искренни... къ чему эти фразы?.. И вамъ жить хочется и вы такіе же люди, какъ и мы... Это все позы... Какъ же, герои!.. Кого вы этимъ удивить хотите?..

— Однако, мы остаемся же!.. — горячо крикнула Зиночка. — Позы иногда кончаются смертью, а это уже не позы...

— Какія отчаянныя!.. — съ искренней жалостью охнула купчиха.

— Не всѣ и умираютъ-съ!.. — вдругъ откровенно и, нагло повернувшись и зло усмѣхаясь, замѣтилъ господинъ въ сѣрой шляпѣ.—Вѣдь вотъ вы же не остаетесь!..

Зиночка покраснѣла и растерянно взглянула сначала на него, потомъ на отца.

— Я!...

Зекъ вспыхнулъ, но промолчалъ...

«Пусть, пусть... Это ей урокомъ будетъ» — подумалъ онъ, и обижаясь за дочь, и озлобленно довольный.

— Простите, ваша милость, конечно, оно такъ, что которые ломаются, — отозвался старый рабочій.

— Я тамъ ничего не могу сдѣлать... — пробормотала Зиночка умоляюще.

— Такъ нечего и громкія фразы говорить, — пробормоталъ Зекъ, уже жалѣя ее и раскаиваясь въ своей жестокости.

— Простите, ваша милость, конечно, нечего! — опять отозвался рабочій. — Говорятъ, говорятъ, простите по

молодости... а расплачиваться, простите, приходится намъ...

— Вамъ-то стыдно такъ говорить... — опять загс-
раясь, возразила Зиночка. — За васъ же больше всего и
идутъ... Вамъ же лучше хотятъ... И вамъ не бѣжать отъ
товарищей надо, а быть тамъ, съ ними...

Рабочій снисходительно посмотрѣлъ на нее сверху.

— Нѣтъ, ужъ простите, ваша милость, на это мы не
согласны. Мы, простите, прекрасно понимаемъ, что это
для насъ дѣлается, но жизни своей, простите, каждому
жаль... хоть барышнѣ, хоть рабочему человѣку...

— Да вѣдь... жизнь у васъ тяжелая, вы... чѣмъ за-
нимаетесь?

— Мы на цинковомъ заводѣ, простите, работаемъ.

— Вотъ видите, на цинковомъ! — наивно обрадо-
вавшись повороту разговора, сказала Зиночка, довѣрчи-
во глядя въ глаза рабочему. — Я слыхала, что тамъ са-
мья ужасныя условія труда.

— Это, простите, ваша милость, вѣрно... Мало кто и
выживетъ...—вздохнулъ рабочій, и по его испитому жел-
тому лицу скользнуло что-то грустное и задумчивое.

— Ну, вотъ видите... — заторопилась Зиночка. —
Чего же вамъ жалѣть-то... Въ крайнемъ случаѣ, чѣмъ
смерть хуже такой жизни.

— А вы, простите, ваша милость, объ этомъ рассу-
ждать не можете, — вдругъ мѣняясь въ лицѣ и зло ска-
шивая обиженные глаза съ красными воспаленными вѣ-
ками, рѣзко проговорилъ рабочій.

— Почему же? — растерявшись, спросила Зиночка.

— А потому... Вы, простите, разума еще не имѣете...
Жить намъ не менѣе вашего хочется... Вы, простите, ва-
ша милость, по молодости лѣтъ, не знаете, что говорите...

Голосъ у него былъ полонъ злобой и непонятной
обиды. Толстый господинъ торжествующе засмѣялся и
оглянулся на Зиночку.

— Ну ты, любезный, потише... — крикнулъ Зекъ.

Рабочій хмуро оглянувся на него, но промолчавъ и только пошевелилъ тонкими, изсохшими отъ цинка, челюстями.

Зиночка, какъ побитая кошечка, украдкой пробралась къ отцу и испуганно оглядывалась на рабочаго. Купчихѣ стало жаль ее, она вся разсырошилась и, скрестивъ руки на пухломъ животѣ, жалостливо пропѣла:

— Вы, барышня, не обижайтесь... Ну, что же, имъ, конечно, лучше извѣстно, мы, бабы, глупыя... не наше это дѣло...

— А ты зачѣмъ барышню обидѣлъ? — съ внезапной укоризной сказала она рабочему и покачала головой. — Жалости въ тебѣ нѣтъ...

— Я, простите, ваша милость, что жъ... — совсѣмъ другимъ голосомъ, вдругъ ласково взглядывая на Зиночку, сказалъ рабочій. — Мнѣ только, простите, ваша милость, обидно показалось, что барышня насъ, простыхъ людей, словно и за людей не считаетъ... Чай, мы, простите, тоже люди...

— Вы меня не поняли... — тихо пробормотала Зиночка.

— Можетъ, и не понять... Мы, простите, ваша милость, люди темные! — вздохнулъ рабочій и сталъ смотрѣть на поле.

Зиночка мало-по-малу успокоилась и задумалась, тоже глядя на поле. Опять замелькали передъ нею лица Кончаева, Сливина и доктора Лавренко. Массы народа, красныя знамена понесли передъ ней, и опять стало расти что-то грандіозное, туманное и мрачное, и прекрасное. И даже жертвы рисовались ей только въ прекрасныхъ образахъ, полныхъ трагизма, но какъ-то и безъ смерти, и безъ страданій.

На дачѣ она пошла въ садъ, отъ котораго за зиму отвыкла, сѣла на лавочку подъ кленомъ, гдѣ еще пахло прошлогодними сухими листьями, и этотъ запахъ грустно напоминалъ объ осени, и до самаго вечера сидѣла, гля-

дя въ темнѣющее небо, сквозь тоненькія вѣточки клена, на первыя звѣзды. Ей хотѣлось восторженно стать передъ кѣмъ-то на колѣни и отдать беззавѣтно и всецѣло всю свою молодую жизнь, съ красотой, ласками, волей и покорнымъ тѣломъ.

VIII.

Небо было синее-синее, и на немъ отчетливо бѣлѣли залитые весеннимъ солнцемъ дома, крыши и башни города, пестрѣвшаго надъ зелеными скатами берегового парка и бульваровъ. Сверху изъ города было видно такое же синее море, и желѣзный броненосецъ далеко и одиноко блестѣлъ среди его синевы. Все было полно великой радости солнца и дня, все было полно воздуха и яркаго свѣта, тѣни были голубыя и прозрачныя, всѣ краски ярки и чисты, и казалось, что кромѣ ярко-синяго, розовато и бѣлаго цвѣтовъ нѣтъ ничего, и все ослѣпительно красиво, ярко и свѣжо.

Но когда Кончаевъ оставилъ на бульварѣ отрядъ Лавренко съ его красными крестами на бѣлыхъ повязкахъ, носилками и каретками, и спустился внизъ, все разомъ измѣнилось.

Внизу была черная пыльная и потная толпа. Онъ сразу окунулся и утонулъ въ ея сплошной крутящейся массѣ, палимой горячимъ солнцемъ и окутанной тяжелой горячей пылью. Одну секунду ему показалось, что движется все: и приземистые красные пакгаузы, и мачты судовъ, и телеграфные столбы, и люди. Ослѣпительно блестящая подъ солнцемъ мостовая исчезла, растаяла въ черной возбужденной и многоголовой массѣ.

— Мать честная, народу что навалило! — пронзительно закричалъ надъ самымъ ухомъ Кончаева пронзительный молодой голосъ.

Вокругъ стоялъ сплошной тяжкій топотъ и яркій пестрый гулъ человѣческихъ голосовъ, въ которомъ не-

слышно тонули пронзительные гудки паровозовъ, все еще ходившихъ гдѣ-то недалеко. Вблизи кричали отдѣльными голосами и видны были человѣческія лица съ разными выраженіями, а дальше все сливалось, гудѣло, волнообразно подымаясь и затихая, жутко и весело. Одно за другимъ десятки, сотни и тысячи красныхъ запотѣлыхъ лицъ мелькали мимо Кончаева, кричали, смѣялись, ругались и куда-то спѣшили, точно боясь опоздать на какое-то великое зрѣлище.

— Кончаевъ! Кончаевъ! — кричалъ кто-то, пробираясь къ нему изъ толпы, и Кончаевъ увидѣлъ знакомаго атлета—Эттингера, рыжаго и тяжелаго человѣка, съ веслымъ и тупымъ лицомъ могучаго звѣря.

— Вы что тутъ дѣлаете, геркулесь?—весело спросилъ Кончаевъ, сбивая шапку на затылокъ уже запотѣлаго краснаго лица.

— Ну и жарко...—сказалъ онъ, возбужденно оглядываясь по сторонамъ.

— Вы погодите, еще жарче будетъ, — беззаботно отвѣтилъ атлетъ, проталкиваясь сквозь толпу.

Кончаевъ хотѣлъ что-то сказать, но самъ не услышалъ своего голоса въ нарастающемъ гомонѣ, свистѣ и вѣскѣ. Атлетъ шелъ впереди, огромными выпуклыми плечами буравя толпу, а Кончаевъ, быстро и ловко изгибаясь, какъ молодой окунь въ камышахъ, пробирался за нимъ. И въ эту минуту было такъ легко и весело, что вспомнилось, какъ когда-то, еще когда онъ былъ мальчикомъ гимназистомъ, въ ихъ городкѣ носили икону, и весело торжественный крестный ходъ беззаботно увлекалъ его въ своемъ возбужденномъ могучемъ движеніи.

Они повернули подъ столбами эспланады, гдѣ была короткая тѣнь и пахло сыростью подвала, гдѣ звуки шаговъ и голосовъ отдавались гулкимъ, сплошнымъ эхо, и вышли на набережную. Тутъ было тише и толпа двигалась медленнѣе, было уже слышно, что гдѣ-то вблизи

море, и влажный запахъ его свѣжо вѣялъ сквозь зной, запахъ толпы и сухую горячую пыль.

Здѣсь Кончаевъ и Эттингеръ остановились, перевели духъ и стали слушать, что говорили люди вокругъ. Тутъ были и молодые, и старые, и подростки, и мужчины, и женщины, но все это была рабочая, сѣрая, пыльная масса. По отдѣльнымъ словамъ, вырывающимся изъ общаго шума, было слышно, что одни говорятъ, будто ночью перебили все высшее начальство, другіе—что ночью пришелъ манифестъ и всему конецъ, третьи—что солдаты перешли на сторону народа и будетъ большое сраженіе, а броненосецъ будетъ стрѣлять по графскому дворцу, четвертые просто спрашивали и передавали какіе-то мелкіе слухи, но общій тонъ говорилъ внятно, широкимъ и свободнымъ языкомъ о томъ, что въ жизни всѣхъ этихъ людей что-то круто и рѣзко измѣнилось, какъ-будто спала опростная глухая тяжесть и сразу засверкало солнце, задулъ съ моря свободный вѣтеръ и всѣ заговорили и задвигались впервые.

Такъ была огромна толпа и такъ могущественъ ея живой гулъ, что Кончаеву вдругъ показалась совершенно невозможной мысль о томъ, что кучка людей, съ ружьями и офицерами, можетъ врѣзаться въ эту плотную необъятную массу, просверлить ее, разогнать и избить, не погибнувъ сама на первыхъ же шагахъ, какъ гибнетъ тоненькая березовая роща, подъ напоромъ не-удержимо несущейся съ горъ лавины.

Онъ хотѣлъ сказать объ этомъ Эттингеру, но не сказалъ, а только улыбнулся ему, молчаливо говоря глазами и улыбкой:

— А что, каково?.. Сила-то какая!..

Кучка разнаго народа вдругъ вынырнула изъ-за угла пакгауза и кинулась въ толпу, чуть не сбивъ Кончаева съ ногъ.

— Казаки, казаки!.. — испуганно закричали десятки пронзительныхъ голосовъ.

Кончаевъ съ непріятнымъ толчкомъ въ сердцѣ, инстинктивно сунувъ руку въ карманъ за револьверомъ, быстро оглянулся и увидѣлъ солдатъ.

Они сидѣли высоко надъ толпой на одинаковыхъ лошадахъ, чутко прядущихъ острыми ушами и косящихся на толпу большими черными глазами, въ которыхъ было непонятное внимательное выраженіе. Солдаты сидѣли неподвижно, въ одинаковыхъ увѣренныхъ позахъ, всѣ въ сѣрыхъ шинеляхъ, плотно накрестъ прохваченныхъ бѣлыми ремнями. За спинами у нихъ торчали тонкія дула ружей. Кончаевъ со страннымъ любопытствомъ заглянулъ имъ въ лица, но казалось въ нихъ не было никакого выраженія и никакой своей жизни, а вмѣсто глазъ были только узкія тупыя щелочки, ничего не видящія передъ собой. Приплюснутые толстые носы смотрѣли поверхъ толпы, и грубыя, рябоватыя лица медленно, какъ у мертвыхъ куколъ, поворачивались изъ стороны въ сторону.

Съ внезапнымъ омерзѣніемъ и острымъ, яркимъ гнѣвомъ Кончаевъ обернулся къ толпѣ.

— Стойте, товарищи!..—крикнулъ онъ, заглушая всѣ звуки молодымъ звонкимъ голосомъ.—Не бойтесь, они не смѣютъ насъ тронуть...

— Извѣстно, теперь шабашъ!..—крикнулъ кто-то съ мрачнымъ лицомъ, и Кончаевъ улыбнулся этому лицу какъ другу.

Но люди или пугливо жались на мѣстѣ, или бѣжали назадъ съ выпученными безсмысленными глазами. Эттингеръ, широко разставивъ руки, задержалъ нѣсколько человѣкъ.

— Чего вы бѣжите?... чортъ! — кричалъ онъ озлобленно.

Тогда стали останавливаться, конфузиво и робко оглядываясь на казаковъ.

«Какія же все жалкія, блѣдныя лица...» — съ глубокимъ стыдомъ подумалъ Кончаевъ и, крѣпко сжавъ зу-

бы, блѣдный и сосредоточенный пошелъ прямо на солдатъ. Въ эту секунду онъ вдругъ отдѣлился отъ всего міра и сталъ одинъ.

— Вотъ оно!..—глухо и напряженно повторяло что-то внутри его...

Но казаки вдругъ тронули лошадей, заколыхались на сѣдлахъ и, подымая пыль, звеня и поблескивая на солнцѣ, рысью поскакали назадъ по набережной.

— Фью!.. го-го-го!..—пронесся общій торжествующій крикъ, и все вновь ожило и зашумѣло.

— Экая дрянь!..—вдругъ сказалъ Эттингеръ, и его неумное съ низкимъ морщинистымъ лбомъ лицо выразило презрѣніе и гадливость.

— Пойдемте дальше... Ну ихъ къ чорту!..

Кончаевъ растерянно улыбался, дышалъ тяжело и видно было, что онъ чего-то не понимаетъ.

Потомъ они пошли дальше, быстро проталкиваясь въ движущейся толпѣ и прислушиваясь къ отдѣльнымъ крикамъ, словамъ и немногоголосому пѣнію, вспыхивающему то здѣсь, то тамъ.

Качаясь, прошелъ совершенно пьяный матросъ, тяжело и упрямо ругаясь матерными словами. Въ немъ что-то поразило Кончаева, казалось, онъ уже гдѣ-то видѣлъ его, этого самого матроса, такого же пьянаго и тяжело ругающагося, растерзаннаго, растрепаннаго. Мысль о томъ, что и въ эти дни, какъ и всегда, люди остаются такими же, какими были, мелькнула у него въ головѣ, но самъ онъ былъ такъ напряженъ, радостенъ и готовъ на все, что она не удержалась и растаяла во вновь нахлынувшемъ, молодомъ, радостно жуткомъ чувствѣ возбужденія.

У пакгаузовъ стояли дружинники съ красными повязками на рукахъ, и ихъ молодые лица были такъ же возбуждены и радостны, какъ у Кончаева. Они чувствовали себя теперь господами жизни и оттого старались и

дѣйствительно были оживленными, добрыми, на все и для всѣхъ готовыми.

Около одного изъ амбаровъ, нѣсколько десятковъ людей, ныряя въ темныя его ворота, вновь появлялись на свѣтъ съ деревянными ящиками на плечахъ и волокли ихъ къ набережной.

— Это что, товарищъ?—спросилъ Кончаевъ у студента съ красной повязкой.

— По приказанію комитета водку въ море выбрасываемъ, — весело и точно сообщая огромную радость, сказалъ студентъ.—А то, знаете, перепьются...—дружелюбно, какъ-будто совѣтуясь съ хорошимъ знакомымъ, прибавилъ онъ.

— Да, да!.. — отвѣчалъ Кончаевъ тоже радостно и дружелюбно.

Желтые тяжелые ящики съ зелеными билетиками, неуклюже переворачивали черезъ каменный барьеръ сначала медленно, какъ-будто нерѣшительно, потомъ быстро и быстро переворачивались въ воздухѣ и стремглавъ бухали въ зеленую колышущуюся массу воды. На мгновеніе поднимался бѣлый, сверкающій на солнцѣ столбъ пѣны, покрывая ящикъ бѣлымъ узоромъ, и онъ исчезалъ въ зеленой взволнованной глубинѣ. Это было красиво и оттого еще радостнѣе становилось на душѣ.

Одинъ изъ ящиковъ зацѣпился за уступъ надъ водой и съ трескомъ разсѣлся по швамъ. Посыпались и забулькали въ пѣнное кружево хорошенькія бѣлыя бутылочки.

— Эхъ, эхъ... — съ сожалѣніемъ крикнулъ кто-то изъ толпы, инстинктивно порываясь къ водѣ.

Но вся толпа оглушительно и весело закричала:

— Ура... ра...

И почувствовалось, точно всѣ эти люди, оборванные, вѣчно пьяные, вдругъ что-то сбросили съ плечъ и празднуютъ какую-то побѣду.

— Какъ все-таки свобода облагораживаетъ, — счаст-

ливо замѣтилъ Кончаевъ, съ торжествомъ оглядываясь на Эттингера.

Опять переворачивались и бухали въ воду тяжелые ящики, но уже никто не охалъ, и даже небритый, въ рваныхъ опоркахъ старикъ скалилъ свой беззубый обтянутый ротъ пьяницы.

Кончаевъ повернулъ на молъ, и сразу стало свободнѣе и чище. Толпа тутъ была какъ бы другая. Кончаевъ оглянулся на городъ. Онъ высоко возвышался надъ красными крышами порта. Еще выше было синее небо и бѣлыя облака.

На концѣ мола открылось свободное, властно широкое море, все такъ же, по своему невѣдомому закону, неустанно и спокойно несущее на берегъ зеленныя и голубыя волны, вспѣнныя свѣжимъ вѣтромъ. Далеко въ морѣ рождалась волна и, прозрачная, голубая, росла и росла, покрываясь чистой бѣлой пѣной. А на мѣстѣ ея рождалась уже другая и такъ, безъ конца и начала, бѣжали онѣ подъ небомъ, гульливныя и безслѣдныя, какъ мечты о человѣческомъ счастьѣ.

Тутъ, на фонѣ этой широты и простора стоялъ высокій помостъ, и на немъ неподвижно и величаво лежалъ трупъ человѣка, въ матросской окровавленной на груди рубашкѣ съ босыми желтыми, какъ воскъ, сухими ногами.

Десятки и сотни людей, внезапно принимавшихъ одно общее, молчаливое и серьезное выраженіе, подходили къ нему и смотрѣли въ лицо, а мертвецъ неподвижно лежалъ на бѣломъ возвышеніи, и его желтый мертвый профиль сурово и загадочно смотрѣлъ въ синее-синее небо, гдѣ плыли бѣлыя облака.

Многіе очевидно не знали, въ чемъ дѣло, но смотрѣли серьезно и вдумчиво, безсознательно чувствуя, что тутъ, возлѣ этого безгласнаго трупа, сосредоточена какая-то величавая трагедія.

Кончаевъ долго и пристально смотрѣлъ въ это мертвое, высохшее и скорбное лицо, и странныя, смутныя мы-

сли тихо бродили въ его головѣ. Казалось, что мертвецъ видитъ и слышитъ все, что дѣлается вокругъ него, и что не можетъ быть, чтобы этотъ гулъ, эта многотысячная, живая и любопытная толпа, это синее небо и бѣлыя облака потеряли всякую связь съ нимъ, и онъ былъ бы самъ по себѣ, одинъ среди ликующаго солнечнаго міра.

Какъ-то больно было даже думать это, и отъ такой мысли нарождалось какое-то смутное и тупое равнодушіе. Казалось, все стихало вокругъ, блѣднѣли голоса, тускнѣли солнечныя краски, и душа становилась одинокой и тревожной, какъ передъ неразрѣшимой, трагической загадкой.

— Вотъ она—первая жертва! — сказалъ Эттингеръ у самаго его уха.—Сколько ихъ будетъ къ вечеру?

— Это ужасно!—подумалъ Кончаевъ.—Что же дѣлать,—твердо отвѣтилъ онъ себѣ.

Синѣло небо, бѣлѣли облака, и видное отсюда море голубѣло и подносило къ самому молу голубовато-зеленныя прозрачныя волны. Далеко тамъ, на синемъ просторѣ, точно предвѣщающее грозу облако въ синемъ небѣ, неподвижно и загадочно темнѣлъ броненосецъ.

Толпа приходила и уходила, и все новыя и новыя лица мелькали въ глазахъ.

И вдругъ кто-то дико и грубо закричалъ. Мгновенное зловѣщее и тревожное движеніе поднялось и улеглось. Кончаевъ оглянулся.

Шагахъ въ десяти виднѣлся бѣлый китель и красное солдатское лицо.

— Ишь ты, городовикъ!—удивился какой-то мастеровой съ забѣленнымъ известкой лицомъ.

— Откуда принесло?

— Не попрятались, черти!—отозвался человѣкъ въ синей порванной рубахѣ, съ узкимъ зловѣщимъ лбомъ.

Городовой смотрѣлъ сонно и сердито, и видно было, что онъ ничего не понималъ. Его рыжіе усы топорщились и глаза пучились на толпу.

— Ты у меня смотри!—кричалъ онъ на кого-то, замахиваясь ножнами пашки.

Человѣкъ въ синей рубахѣ выдвинулся изъ толпы и копачьими мелкими шагами подошелъ къ нему.

— Ты шалку-то сними... не видишь, покойникъ лежить... — тихо и внятно проговорилъ онъ.

И Кончаеву было видно, какъ странно и зловѣще втянулась его черная голова въ широкія синія плечи.

— А ты мнѣ что за указъ?.. Проходи!..—злбно закричалъ городской, шагая ему навстрѣчу.

И сейчасъ же, точно прикованные, сзади выдвинулись за нимъ нѣсколько человѣкъ. Городской почувствовалъ ихъ и оглянулся.

Холодъ прошелъ по всему тѣлу Кончаева.

«Убьютъ!..» — красной молніей пронеслось у него въ головѣ. И странное, невыносимо напряженное и въ то же время неудержимо любопытное чувство охватило его: казалось совершенно невозможнымъ, непереносимымъ, чтобы здѣсь, сейчасъ, подъ солнечнымъ свѣтомъ, въ присутствіи его, Кончаева, убили человѣка; казалось совершенно ненужнымъ, несоотвѣтствующимъ и помрачающимъ до паденія все великое дѣло дня; казалось, что если это произойдетъ, то съ нимъ случится что-то невообразимо ужасное, не выдержать мозгъ... И въ то же время хотѣлось, чтобы убили и чтобы все видѣть, не пропустить ни одного мгновенія, ни одной мелочи и никогда не забыть.

И въ то мгновеніе, когда городской оглянулся, точно именно этого и нужно было, подкрадывавшійся, какъ кошка, человѣкъ въ синей разорванной рубахѣ, вдругъ, очертя голову, кинулся на него и, впившись руками, дернулъ книзу, подпрыгнулъ, и оба рухнули на землю, поднявъ пыль.

И какъ-будто откуда-то хлынула волна мутной, захлестнувшей злобы и бѣшенства, толпа подалась впередъ, поднялась, точно переднихъ выжали кверху, и безумно копошащейся кучей тѣлъ, рукъ, головъ и воспа-

лившихся бѣшеныхъ глазъ, обрушилась внизъ на городского и человѣка въ синей рубахѣ.

— А, ты такъ... Бей!.. Хрр!.. По башкѣ его!.. Нашего, нашего не тронь! А-ахъ ты!..—послышались короткіе и такъ неестественно и зловѣще измѣнившіеся голоса, что холодъ ужаса и омерзѣнія наполнилъ душу Кончаева.

Онъ вдругъ сразу какъ-то весь ослабѣлъ и какъ-будто его затошнило странной мозговой тошнотой. Было одно короткое мгновеніе, какъ бы отупѣлаго безпамятства, а потомъ онъ вдругъ увидѣлъ между переплетенными руками и ногами нечеловѣческое кровавое лицо, съ кровавыми дырами вмѣсто глазъ, и голый животъ между синими штанами и бѣлыми ключьями окровавленнаго, вздернутаго на подбородокъ кителя. Это было одно мгновеніе, но то самое ужасное, что было въ этомъ безглазомъ, кровавомъ лицѣ и голомъ втянутомъ животѣ, какъ молнія врѣзалось въ глаза Кончаева; это было все еще очевидное выраженіе живого безумнаго ужаса и отчаянной, точно она еще могла чему-нибудь помочь, борьбы.

— Въ море его!.. Кидай, чортъ!.. Въ воду!..—рычало что-то вокругъ Кончаева. И вдругъ надъ толпой, надъ головами и вытянутыми руками, метнулись двѣ ноги, и тяжелое тѣло, неуклюже шлепнувшись о каменный парпетъ, хряснуло разбитымъ черепомъ, перевернулось, отшлепнуло кровью камень и бухнулось внизъ, какъ живое, взмахнувъ руками. Раздался тяжелый всплескъ, бѣлое кружево каскадомъ взметнулось надъ зеленоватыми волнами и съ плескомъ и ропотомъ разбѣжалось крутами, безпокойно плескаясь о камни мола.

Прошло нѣсколько минутъ. Волны уже успокоились, толпа торопливо и молча перемѣщалась у парпета, съ тревожнымъ любопытствомъ заглядывая внизъ. Прибывали новыя толпы, и вновь росъ веселый, жуткій и свободный гулъ, а Кончаевъ все не могъ опомниться, трясся всѣмъ тѣломъ и безумно водилъ глазами вокругъ,

тището стараясь овладѣть собой. Эттингеръ былъ блѣденъ и блѣдно улыбался, растерянно шевеля пальцами и оглядываясь на окружающія лица.

— Товарищи!—раздался отъ забытаго мертвеца на помостѣ твердый и новый голосъ. Молодой человѣкъ, похожій на актера, съ бритымъ и холодно рѣшительнымъ лицомъ, заложивъ руки за спину и почему-то снявъ шляпу и поднявъ воротникъ пальто, стоялъ на ящикѣ въ головахъ у мертвеца. Онъ стоялъ спокойно и твердо, какъ на трибунѣ, и голосъ его звучалъ увѣренно.—Насталъ послѣдній день борьбы, если вы хотите отнынѣ жить не какъ скоты, быть людьми и гражданами, помните, что воля въ вашихъ рукахъ... Никто и никогда не можетъ владѣть человѣческой жизнью, если самъ человѣкъ не отдастъ ее въ рабство... Нѣтъ господъ, есть только рабы! У насъ два выбора: или смерть за свободу, за жизнь, или рабство, то-есть та же смерть... Какая же изъ двухъ смертей лучше, товарищи?

Онъ круто дернулъ подбородкомъ кверху и сдѣлалъ круглые вызывающіе глаза. И какъ-будто набѣжала какая-то волна, ужасающій гулъ почуявшаго свободу звѣря торжествующе и радостно потрясъ воздухъ. Все двигалось возбужденно и быстро, точно цѣлыя толпы стремительно бѣжали куда-то, налетая другъ на друга и спшибаясь въ безсмысленномъ водоворотѣ, и посреди этого гула и движенія тонкій, молчаливый профиль мертвеца отчетливо чеканился въ синемъ небѣ, казалось, навѣки сохраняя выраженіе неуловимой таинственной ироніи.

Кончаевъ узналъ оратора и махнулъ ему рукой.

Надъ трупомъ появился другой человѣкъ и опять одиноко, отчетливо и понятно зазвучалъ человѣческій голосъ среди безсловнаго стихійнаго рева, а человѣкъ съ актерскимъ, холоднымъ лицомъ спустился съ помоста и подошелъ къ Кончаеву, котораго быстро отыскиали его холодные, пронзительные глаза.

— Ну, мы ѣдемъ?..—спросилъ его Кончаевъ.

— Да, тутъ будутъ говорить другіе...—спокойно и какъ-будто равнодушно, точно передавая обычную работу, сказалъ онъ:—въ три часа назначенъ срокъ генералъ-губернатору, и надо поговорить съ Дрейеромъ и Бутма-новымъ... 'Вдемъ!..

Онъ посмотрѣлъ на то мѣсто, гдѣ тысячи ногъ еще не успѣли затоптать въ пыль грязныя, кровавыя пятна, и равнодушно отвернулся.

— Это ужасно!—показывая глазами, сказалъ Кончаевъ, и его красивое, молодое лицо судорожно передернулось.

Сѣрые металлическіе глаза холодно смотрѣли ему въ лицо.

— Что жъ тутъ ужаснаго?.. Безъ жертвъ нельзя, къ тому же эта жертва совершенно случайная.

Кончаевъ вдругъ почувствовалъ къ нему холодную ненависть.

— Вы такъ спокойно говорите объ этомъ, что... какую же роль играетъ у васъ, у всѣхъ борьба за *общее* счастье?..

— То-есть?—холодно спросилъ человѣкъ въ пальто, слегка откидывая назадъ голову, какъ-будто для того, чтобы лучше разглядѣть Кончаева.

— То-есть?..—все больше и больше возбуждаясь и чувствуя невыносимую потребность во что-нибудь вылить то острое, кошмарное страданіе, которое съ физической дрожью и тошнотой все еще наполняло его тѣло, крикнулъ Кончаевъ:—Вы готовы даже и безъ крайней необходимости убивать однихъ во имя счастья другихъ... Тогда почему же не наоборотъ?—блѣднѣя добавилъ онъ тихо и невнятно, пугаясь своихъ словъ.

— Дѣло пока не въ общемъ счастьи...—такъ же холодно отвѣтилъ человѣкъ въ пальто:—а въ самой борьбѣ, воспитывающей человѣчество. Важно не существованіе человѣка вообще, а его индивидуальная цѣнность... Что такое этотъ городской? Здѣсь не мѣсто спорить! Вамъ

надо ѣхать, я передаю вамъ приказаніе, товарищъ... — съ напоминающимъ выраженіемъ оборвалъ онъ.—Придите въ себя! Насъ ждутъ.

И вдругъ Кончаеву стало мучительно стыдно за свое малодушіе и стыдно того, что ему стыдно своего настоящего чувства. И это сложное ощущеніе дало ему возможность освободиться отъ кошмара и опомниться.

— Я знаю!—сердито и немножко по-мальчишески отвѣтилъ онъ.

Уходя и проталкиваясь сквозь толпу, онъ еще разъ оглянулся на то мѣсто, гдѣ только что убили человѣка, но тамъ уже ничего не было, кромѣ пыли, попираемой сотнями человѣческихъ ногъ.

IX.

Пристань осталась назади и между нею и бѣлымъ катеромъ, суетливо рѣжущимъ бѣлую пѣну зеленыхъ волнъ, колыхалось море и становилось все шире и шире. И съ каждымъ мгновеніемъ гулъ толпы становился все тише и тише и замиралъ вдали. Еще видно было движеніе, но уже не было ни лицъ, ни людей, а одно пестрое, солнечное пятно набережной, города и зеленыхъ бульваровъ.

Кончаевъ снялъ шапку и отеръ потный горячій лобъ, въ вискахъ котораго мучительно билась какъ-будто сгустившаяся кровь. Онъ поднялъ глаза къ небу и съ удивленіемъ, точно никакъ нельзя было ожидать этого, увидѣлъ синее, далекое и свободное небо, такое же спокойное и прекрасно задумчивое, какъ и всегда. Въ ушахъ еще стоялъ пестро-яркій гулъ, мелькали передъ глазами возбужденныя лица, и въ то же время вокругъ было уже совершенно тихо и только радостно журчала прозрачная зеленая вода, облизывая бѣлые борты катера, грѣло и свѣтило солнце и синѣло небо. Городъ былъ уже

далеко и теперь видно было, какъ онъ малъ и игрушеченъ посреди моря, неба и зеленѣющей земли.

Броненосецъ вырасталъ изъ волнъ и сѣрый, загадочно неподвижный, какъ-то странно подавлялъ душу среди этого блеска, простора, свѣта и непрестаннаго беззаботно могучаго волненія волнъ. Онъ все росъ и росъ и, наконецъ, заслонилъ небо подавляющимъ силуэтомъ, съ непонятно-стройнымъ хаосомъ трубъ, мачтъ, башенъ, канатовъ и цѣпей.

Катеръ, пыхтя и какъ маленькое сердитое живое существо, расплескивая воду, присталъ къ могучему, точно желѣзная стѣна, борту и Кончаевъ взобрался по трапу за человѣкомъ въ пальто, карабкавшимся вверхъ съ ловкостью и рѣшительностью обезьяны. Кучка матросовъ въ бѣлыхъ рубахахъ, синіе воротники которыхъ бойко трепалъ вѣтеръ, смотрѣли на нихъ сверху, и среди нихъ Кончаевъ въ первый разъ увидалъ лицомъ къ лицу человѣка, имя котораго было на устахъ у всѣхъ и произносилось съ жуткимъ и любопытнымъ восторгомъ.

Это былъ очень худой и некрасивый морской офицеръ, съ ненормальными, немножко сумасшедшими глазами, сутуловатый и грустный. Почему-то при взглядѣ на него всѣмъ приходило въ голову, что онъ совсѣмъ не о томъ думаетъ, и не то знаетъ, что другіе...

Эта странная мысль пришла въ голову Кончаеву, и съ этого момента его сталъ мучить бессознательный вопросъ: что же именно онъ знаетъ и о чемъ думаетъ?

На палубѣ, чистой и просторной, умилавшей своей простотой и сложностью, все было, казалось, такъ же тихо и обыденно, какъ и всегда. И какъ-то не вѣрилось, что это тотъ самый желѣзный корабль, на которомъ плыли люди, возбужденные до крайнихъ для человѣка предѣловъ, на которомъ недавно одни люди, отбивая свою жизнь, отнимали ее у другихъ, съ дикими криками, стонами, выстрѣлами и страшнымъ запахомъ крови и пороха.

Человѣкъ въ пальто, такъ точно, какъ тамъ въ толпѣ, снявъ шляпу, заложивъ руки за спину и поднявъ воротникъ пальто, стоялъ въ кучкѣ бѣлыхъ съ синими рубахахъ и громко говорилъ:

— Весь городъ въ нашихъ рукахъ, и, если вы разгромите дворецъ, то солдатамъ ничего не останется, какъ или выйти изъ города, или сдаться.

Кончаевъ съ дѣтскимъ любопытствомъ всматривался въ лица матросовъ, этихъ героев, которые, какъ ему казалось, должны были переживать нѣчто совершенно особенное, удивительное и прекрасное. Но глазъ не могъ остановиться ни на одномъ лицѣ. Это все были обыкновенныя солдатскія лица. Одинъ, молоденькій бѣлоусый, стоя сзади всѣхъ, напряженно слушалъ и наивно, подѣтски шмыгалъ носомъ.

Кончаевъ безсознательно посмотрѣлъ черезъ бортъ. Далеко за синей широкой полосой волнующейся воды, по которой играли вѣтренныя бѣлыя баражки, виднѣлся туманный городъ и зеленые берега. Внезапно возникшее сознаніе, что тѣ люди, которые всегда считали себя недостижимыми, въ настоящую минуту дѣйствительно въ рукахъ этихъ молчаливыхъ и простыхъ матросовъ, несмотря на огромное разстояніе, на воду, на батареи, стоявшія вокругъ дворца, наполнило душу Кончаева небывалымъ подъемомъ, сопряженнымъ съ восторженной любовью къ этимъ матросамъ, броненосцу и самымъ пушкамъ, молча и какъ-будто сознательно смотрѣвшимъ на берегъ.

Ему вдругъ показалось, что онъ что-то понялъ, чего никогда раньше не понималъ: что между этимъ шмыгающимъ носомъ мальчикомъ въ бѣлой рубашкѣ, грознымъ броненосцемъ и судьбою человѣчества есть что-то общее—грустное, роковое и трогательное. Но что именно—въ головѣ Кончаева не оформилось.

— Товарищъ, идите сюда!—позвалъ его человѣкъ въ пальто.

Кончаевъ очнулся. Они прошли по палубѣ, спустились по аккуратному, звенѣвшему сталью мостику и вошли въ каюту. Человѣкъ въ пальто былъ страшно блѣденъ и возбужденъ, а тѣ два, грустный офицеръ и высокій молодой и красивый матросъ, тотъ самый, который поднялъ мятежъ на броненосцѣ, совершенно спокойны и молчаливы. Съ наивнымъ любопытствомъ восторженнаго мальчика Кончаевъ заглянулъ въ его красивые глаза и ясно увидѣлъ и въ нихъ то же самое выраженіе, что у офицера: что они одни знаютъ и думаютъ.

— Всѣ стояли. Человѣкъ въ пальто нервно дергалъ шеей и шевелилъ губами, точно хотѣлъ и не могъ высказаться.

— Я повторяю вамъ!.. — заговорилъ онъ, — что вы впадаете въ страшную ошибку... Если въ бою не отнять у человѣка жизни, онъ ее самъ отниметъ у васъ... Поймите, что тутъ гуманность совершенно неумѣстна... Война такъ война... Не мы вынудили на нее... Вамъ жалко человѣческихъ жизней.. Скажите, пожалуйста!.. Что такое жизнь кучки вредныхъ и жестокихъ людей въ сравненіи съ тѣмъ...

— Что вы хотите?..—перебилъ худой офицеръ, еще больше сутулясь и блестя ненормальными глазами:—мы не можемъ взять на себя смерть, быть можетъ, сотенъ людей... Человѣкъ имѣетъ право защищать свою жизнь вплоть до лишенія ея другого, но нападать первый правъ онъ не имѣетъ... Иначе, чѣмъ же мы отличаемся отъ тѣхъ, на кого идемъ?..

— Это вѣрно!..—прибавилъ высокій матросъ громкимъ и яснымъ голосомъ:—при первой попыткѣ войскъ перейти въ наступленіе, мы снесемъ все, какъ пыль, но насъ, когда мы погибнемъ, никто не упрекнетъ въ бесполезной жестокости...

— Ну, такъ знайте... — жестоко и холодно возразилъ человѣкъ въ пальто,—что вы губите все дѣло, потому что тѣ люди, о которыхъ вы говорите, не понимаютъ

ничего, кромѣ страха, и каждую минуту нашего колебанія, какъ звѣри, принимаютъ только за трусость и пользуются ею для собственныхъ цѣлей... Когда они начнутъ нападать, это будетъ значить, что они уже почувствовали свою силу...

Онъ замолчалъ, глядя въ сторону. Лицо офицера явственно поблѣднѣло. Но глаза сохранили то же знающее особенное выраженіе.

— Слушайте,—сказалъ онъ:—неужели вы думаете, что у насъ хоть на одинъ мигъ есть увѣренность въ томъ, что мы побѣдимъ. Такой увѣренности, все равно, нѣтъ.... Мы просто идемъ на смерть... И въ этомъ только—вся наша сила... Что такое пушки, что такое разгромъ города?.. Войска стянутся со всѣхъ сторонъ, и мы погибнемъ безъ воды и пищи... Мы идемъ на смерть, и только жизнь покажетъ, нужна ли была наша смерть...

Неизъяснимый восторгъ охватывалъ Кончаева молодой и горячей волной...

— И смертію смерть поправъ!..—туманно вспомнилось ему при послѣднихъ словахъ этого грустнаго, обрекающаго себя человѣка.

— Чѣмъ чище, тѣмъ самоотверженнѣе и безубиственнѣе будетъ наша смерть, тѣмъ сильнѣе будетъ ударъ, вы это понимаете?..

— Нѣтъ, я этого не понимаю,—холодно возразилъ человѣкъ въ пальто: — если бы я могъ, я стеръ бы съ лица земли до самой пыли все, что живетъ рабствомъ!.. И, можетъ быть, съ моей стороны это была бы тоже жертва...

— Да, и это правда, — подумалъ Кончаевъ, и чистое чувство умиленія, точно передъ нимъ были не люди, а какія-то непонятныя высшія существа, наполнило его душу...

— Каждый жертвуетъ по-своему!.. — мягко глядя въ лицо человѣку въ пальто, сказалъ офицеръ и протянулъ ему руку:—не на нашей жизни кончится наше дѣ-

ло, а потому стоитъ ли говорить о томъ, такъ или иначе мы погибнемъ...

— Да... — вдругъ съ новымъ выраженіемъ, страннымъ на его холодномъ бритомъ актерскомъ лицѣ, проговорилъ человѣкъ въ пальто, — но я долженъ былъ передать вамъ мнѣніе комитета...

— Передайте комитету, — отвѣтилъ офицеръ съ непонятно могучимъ выраженіемъ своего тихаго, слабаго голоса: — что теперь, передъ лицомъ смерти, мы повинемся только самимъ себѣ.

— Да!.. Прощайте, товарищи!.. — грустно и тепло сказалъ человѣкъ въ пальто.

Они пожали руки, прямо глядя въ глаза другъ другу, и такъ же попрощались съ Кончаевымъ. На мгновеніе онъ почувствовалъ въ своей рукѣ слабыя, тонкіе пальцы офицера и сильную твердую ладонь высокаго матроса и видѣлъ ихъ одинокіе, что-то понявшіе и знающіе глаза.

И ему опять, но такъ же смутно, безъ словъ, показалось, что онъ понялъ, что именно они знаютъ.

Катеръ быстро рѣзалъ воду назадъ къ городу, опять вокругъ бѣжали встрепанные барашки, перескакивая съ волны на волну, но теперь уменьшался и удалялся броносецъ, а навстрѣчу росъ, пестрѣлъ и уже глухо шумѣлъ огромный городъ.

X.

Тѣмъ временемъ положеніе мало измѣнилось. Запутанный узелъ массы человѣческихъ жизней распутывался медленно и тяжело, и еще не видно было его конца.

Попрежнему гудѣла, волнами приливая и отливая, возбужденная толпа. Она наполняла улицы города и лавинами скатывалась внизъ въ портъ, производя впечатлѣніе вскопаннаго муравейника, когда откуда-то міриадами лѣзутъ черныя массы встревоженныхъ муравьевъ

и нельзя усмотрѣть, откуда они ползутъ, и неожиданно много кажется ихъ.

Все это было такъ непривычно и такъ очевидно было, что жизнь вывернута изъ своего русла, что ожиданіе грандіозныхъ событій становилось увѣренностью. И всѣхъ, и каждого въ отдѣльности изъ муравьевъ этого огромнаго человѣческаго муравейника радовала и пугала эта неизбѣжность. И всеобщее напряженное ожиданіе было направлено къ броненосцу, который первый поднялъ возстаніе. Всѣ сознавали, что на немъ находятся люди, которые уже перешли грань, отдѣлившую ихъ отъ всего стараго міра, всѣ понимали, что броненосецъ не можетъ вѣчно стоять въ морѣ, какъ призракъ, и это давало увѣренность, что рѣшеніе, каково бы оно ни было, придетъ оттуда.

Отрядъ Лавренко расположился на бульварѣ въ бесѣдкѣ, гдѣ обыкновенно по вечерамъ такъ весело играла музыка, и его бѣлый съ большимъ краснымъ крестомъ флагъ привлекалъ вниманіе и пугалъ, какъ напоминаніе о томъ, что кто-то, среди общаго невѣдѣнія своей судьбы, знаетъ и предрѣшаетъ страданія и смерть.

Лавренко замѣчалъ, какое невыгодное для дѣла впечатлѣніе производитъ его отрядъ, но только морщился и стѣснялся смотрѣть на проходившихъ, испуганно и любопытно оглядывавшихъ каретки, повязки на рукахъ санитаровъ и носилки. Онъ боялся, что если выберетъ другое мѣсто, то войска легко могутъ отрѣзать его отъ порта, и портъ останется безъ помощи.

Около полудня къ нему, уныло сидѣвшему на приступкѣ каретки, запыхавшись, прибѣжалъ молоденькій, толстенный, какъ свѣжій огурчикъ, студентъ и взволнованнымъ шопоткомъ, оглядываясь по сторонамъ, сообщилъ, что нигдѣ никакъ не могутъ найти доктора Зарницкаго.

— На квартирѣ нѣтъ, на сборный пунктъ не явил-

ся... Весь отрядъ сбить съ толку... понимаете, докторъ, скверно...

— Шо скверно? — угрюмо спросилъ Лавренко.

— Да, арестовали его, такъ было бы извѣстно!.. — неловко пробормоталъ студентъ, странно кося въ сторону.

— А, можетъ быть, и не было бы?—сердито возразилъ Лавренко.

Онъ сразу догадался въ чемъ дѣло, и ему вдругъ стало невыносимо неловко, точно отъ трусости Зарницкаго и на него самого падала какая-то грязная тѣнь.

— То же... человѣкъ!.. — съ презрѣніемъ подумалъ онъ, отошелъ къ краю площадки и сумрачно, ничего не видя, сталъ глядѣть въ портъ. Гдѣ-то внутри его шевелилось новое еще неясное, но тяжелое, угнетающее чувство.

Новыя толпы встревоженныхъ муравьевъ бѣжали изъ дальнихъ угловъ муравейника, и всѣ крыши домовъ, балконы и окна были унизаны маленькими черными фигурками съ круглыми муравьиными головками. Общее напряженіе становилось все тревожнѣе, и уже со всѣхъ сторонъ стали быстро возникать и такъ же быстро потухать слухи о кровавыхъ столкновеніяхъ и человѣческихъ жертвахъ. Когда же пронесся слухъ, что противъ порта и того мѣста, гдѣ стоялъ отрядъ Лавренко, поставлены пулеметы, а во дворахъ, противъ бульвара, спрятаны солдаты, невидимо, но ощутимо стала расти злоба. Лица стали зловѣще измѣняться, вмѣсто безшабашно блестящихъ глазъ, разинутыхъ въ веселомъ крикѣ ртовъ и возбужденныхъ оживленныхъ лицъ, стали показываться темные глаза, сжатые губы и налитыя кровью лица. Временами гулъ затихалъ, и въ воцарявшемся короткомъ молчаніи слышалось что-то глухое, какъ-будто отдаленныя приближающіеся тяжкіе шаги.

Все большая и большая тоска охватывала Лавренко и все острѣе онъ чувствовалъ, что для него все кончено

этимъ днемъ. А отъ этого предчувствія иногда какъ-будто все заволакивалось чернымъ флеромъ, становилось безразлично окружающее, и хотѣлось уйти, пока еще не поздно, куда-нибудь, гдѣ трава, цвѣты и солнце—и нѣтъ людей. Тамъ бы, въ зеленой тишинѣ, лечь на землю, прижаться къ ней усталымъ тѣломъ, смотрѣть на яркіе цвѣты и далекое небо, плакать отъ грусти и счастья, и все жить и жить.

Но, вмѣсто того, Лавренко оставался въ центрѣ толпы, на взрытомъ и истоптанномъ сотнями человѣческихъ ногъ бульварѣ. И какъ муха, попавшая въ паутину, то раздражается и отчаянно бьетъ крыльями, то затихаетъ въ тупой покорности,—такъ и Лавренко, то говорилъ себѣ, что все это ужасно, не нужно ему, противно, жалко, что надо уйти, куда глаза глядятъ, то тупѣлъ и уныло поглядывалъ на бѣгущія мимо разноликія человѣческія волны.

Молоденькіе студенты и барышни съ бѣлыми повязками на рукавахъ толпились вокругъ него, и чувствовалось, что, несмотря на ихъ искреннее молодое возбужденіе, имъ все-таки жутко и каждому хочется быть поближе къ этому толстому пожилому человѣку, который, должно быть, лучше ихъ знаетъ, что надо дѣлать.

— Слушайте, докторъ, а они не имѣютъ права стрѣлять по красному кресту? — нѣсколько разъ спрашивала Лавренко маленькая мягкая курносенькая барышня, и въ ея черныхъ воробьиныхъ глазкахъ темнѣло наивное откровенное чувство страха.

«Точно можетъ быть право стрѣлять по однимъ, а не стрѣлять по другимъ? Когда люди рѣшили убивать вообще, не все ли равно имъ, кого убивать?»—сердито подумалъ Лавренко, но сказалъ мягко и успокоительно:

— Разумѣется, нѣтъ!

Но вслѣдъ затѣмъ въ немъ самомъ такъ выросла увѣренность въ противоположномъ и такъ стало ему жаль эту цвѣтущую, радостную, даже въ страхѣ и растерян-

ности, молодость, что онъ взялъ каретку и, поручивъ отрядъ старшему студенту, поѣхалъ въ городскую думу, гдѣ собрались всѣ выдающіеся общественные дѣятели города.

— Я имъ скажу, что нельзя же!—мелькало у него въ мозгу совершенно бессмысленно, какъ натверженный мотивъ, и онъ самъ не зналъ, кому и что именно онъ хочетъ сказать.

Когда каретка проѣзжала площадь, въ концѣ ея Лавренко увидалъ знакомый графскій дворецъ, величаво и спокойно возвышавшійся своими розоватыми колоннами и витыми рѣшетками съ золочеными гербами.

— А имъ и горюшка мало!—подумалъ онъ.—Довели людей!..

И ему удивительно странно было въ эту минуту думать, что есть люди, такіе же, какъ и всѣ, не съ четырьмя руками, не съ двумя головами, не съ двумя жизнями, а совершенно такіе же, какъ и всѣ, но которымъ почему-то были выстроены особые жилища, которыхъ пуще ока стерегутъ сотни вооруженныхъ обалдѣлыхъ людей, которые даже среди всеобщаго страданія, смятенія и гибели, живутъ своей особой, совершенно свободной, роскошной, красивой и пріятной жизнью.

«Вѣдь вотъ, — подумалъ Лавренко, — явная нелѣпость... Нелѣпость очевидная, какъ дважды два четыре, а вѣдь даже самому себѣ иногда приходится напоминать, что это дѣйствительно такъ, что эти люди, изъ-за которыхъ мы страдаемъ и не можемъ улучшить свою жизнь, какъ могли бы, совершенно таковы, какъ и я, и онъ, и онъ!»—мысленно указалъ Лавренко на промелькнувшихъ въ окнѣ каретки тонкаго худого подростка мастерового, съ худымъ, испытанымъ лицомъ, и бородатаго, грязнаго и неуклюжаго, какъ мучной мѣшокъ, ломовика.

«Но какъ мы допустили до этого?.. Вѣковое сумасшествіе, идиотизмъ!.. И подѣломъ тогда, да, подѣломъ... А они правы... Какъ бы то ни было, они устроили свою

жизнь лучше насъ... Пусть тамъ насиліемъ, жестокостью, обманомъ, а создали себѣ жизнь полную, свободную, удобную и пріятную... А мы, съ нашей заботой объ очищеніи жизни отъ зла, отъ порока, болѣзни и подлости, вѣчно въ положеніи загнаннаго звѣря... или вьючнаго животнаго...»

Въ большомъ залѣ думы было много народу, но, въ сравненіи съ улицей, казалось тихо, чисто и осмысленно. Вокругъ большого стола, покрытаго темнымъ зеленымъ сукномъ, усѣянными листами бумаги, карандашами и чернильницами, сидѣли и стояли люди, одѣтые однообразно и нарядно, какъ показалось Лавренко, послѣ обмызанной, запыленной толпы, которую онъ только что оставилъ на улицѣ.

Лавренко протискался къ предсѣдателю, высокому, черному человѣку, съ длинной блестящей бородой, и шепнулъ ему на ухо взволнованно и несвязно:

— Николай Ивановичъ, я долженъ сдѣлать срочное заявленіе!..

Предсѣдатель наклонилъ къ нему голову съ гладко причесаннымъ сѣдѣющимъ вискомъ и тонкимъ острымъ ухомъ и торопливо отвѣтилъ:

— Подождите немного... Пусть Кобозеевъ закончитъ!..

Лавренко хотѣлъ возразить, но предсѣдатель уже отвернулся, и докторъ, потирая руки отъ охватившаго его вдругъ нетерпѣнія, отступилъ немного назадъ и сталъ слушать оратора. Въ эту минуту, онъ испытывалъ странное и непріятное чувство, какъ человѣкъ, куда-то разбѣжавшійся и вдругъ остановленный въ самый моментъ прыжка.

Ораторъ былъ невысокій, энергичнаго вида брюнетъ, съ большими усами, въ пенсѣ. Онъ не стоялъ, а почему-то двигался на небольшомъ пространствѣ между двумя столами, и оттого на первый взглядъ казалось, что ему тѣсно и онъ терзается этимъ. Говорилъ онъ громко,

въ концѣ каждой фразы коротко и сильно взмахивалъ сжатымъ кулакомъ, точно расшибая что-то въ пухъ и прахъ.

Лавренко прислушался, почему-то обративъ вниманіе не столько на оратора, сколько на сухонькаго сѣденькаго старичка, который, приставивъ ручку къ уху, съ дѣтскимъ интересомъ на глазахъ, старался не проронить ни одного слова.

— Я говорю, что мы можемъ сдѣлать только одно,— разобралъ онъ,—на улицѣ умираютъ наши братья, наши дѣти, плоть отъ плоти, и кость отъ кости нашей... Къ нимъ!.. Съ ними!.. Что тутъ рассуждать и спорить о формѣ, когда каждая минута дорога, и секунда оплачивается человѣческой жизнью!

Онъ говорилъ долго и совершенно правильно, но было очевидно, что ни онъ, сытый и слишкомъ выхоленный человѣкъ, ни представительный предсѣдатель, ни сѣденькій старичокъ, физически не могутъ итти «къ нимъ и съ ними», и потому вся рѣчь казалась произносимой только для эффекта самой рѣчи.

«Ну, къ чему это говорить...»—страдальчески морщась, подумалъ Лавренко.

Ораторъ на секунду помолчалъ, какъ бы прислушиваясь къ отзвуку улетѣвшей красивой фразы, и, круто повернувшись въ другую сторону, продолжалъ, все возвышая и возвышая голосъ:

— Если мы точно граждане, а не обыватели, мы должны, не теряя времени, выйти на улицу, къ нашимъ дѣтямъ и братьямъ, и вооруженной рукой дать отпоръ насилію... Иначе мы недостойны называться гражданами, и я еще разъ... призываю васъ бросить бесполезные споры и вмѣстѣ итти... на улицу!..

Послѣднія два слова онъ выкрикнулъ громко и отдѣльно и, круто взмахнувъ рукою надъ головой, съ энергіей опустилъ внизъ кулакъ и такъ быстро сѣлъ, что показалось, будто онъ куда-то провалился.

Лавренко отеръ потное лицо и не сталъ смотрѣть въ ту сторону, ему стало неловко. Но что-то съ сухимъ трескомъ разорвалось и вдругъ просыпалось оглушительной дробью хлопковъ, на мгновенье покрывшихъ всѣ звуки.

Лавренко опять вытеръ лобъ платкомъ. Было жарко, и подъ потолкомъ висѣлъ синеватый нагрѣтый туманъ, въ которомъ дальнія фигуры казались безличными синими силуэтами. Было очевидно, что здѣсь уже давно толпится много народу.

Высокій предсѣдатель всталъ и, съ достоинствомъ опершись одной рукой на столъ и слегка приподнявъ другую, ждалъ, пока утихнутъ аплодисменты. Когда послѣдніе хлопки разрозненно замерли въ отдаленныхъ углахъ, онъ поднялъ руку выше, призывая къ вниманію, и громко проговорилъ:

— Докторъ Лавренко, завѣдующій санитарнымъ отрядомъ, желаетъ сдѣлать срочное заявленіе. Желаетъ ли собраніе выслушать?

— Просимъ, просимъ!..—слабо раздалось нѣсколько голосовъ, и всѣ надвинулись на столъ.

Предсѣдатель сдѣлалъ Лавренко пригласительный жестъ, точно приглашая его спѣть что-нибудь, и сѣлъ, принявъ видъ достойный и внимательный. Лавренко машинально выдвинулся впередъ, опять отеръ платкомъ лобъ, и, ничего не видя передъ собой, кромѣ стѣны черныхъ шуртуконъ, синеватаго тумана и свѣтлыми пятнами расплывающихся въ немъ разнообразныхъ лицъ, заговорилъ:

— Господа, какъ представителямъ всѣхъ руководящихъ слоевъ городского общества, я заявляю вамъ, что противъ моего отряда, на бульварѣ, поставлены пулеметы, и каждую минуту я жду, что насъ разстрѣляютъ... Необходимо принять какія-нибудь мѣры...

Онъ замолчалъ, и ему показалось страннымъ, что такъ мало было сказано, тогда какъ чувствовалось нѣчто огромное, ужасное. Въ словахъ это вышло совсѣмъ про-

сто и не выражало того напряженного озлобления и тревоги, съ которыми онъ ѣхалъ сюда. И казалось, что и всѣ ожидали большаго, потому что еще нѣсколько мгновѣній всѣ лица молча смотрѣли на Лавренко.

Послышались негромкіе голоса. Первымъ заговорилъ, почему-то недоброжелательно глядя на Лавренко, пожилой толстый человѣкъ съ рыжей бородой и круглыми щеками.

— Что же тутъ можно сдѣлать... Мнѣ кажется, что, если начать стрѣлять, то не по одному лазарету... Его постигнетъ общая участь, и я не нахожу, чтобы этотъ вопросъ можно было выдѣлять изъ общаго... Это значитъ раздробиться на мелочи...

— То-есть позвольте, какія же мелочи? — вскрикнулъ Лавренко, мгновенно озлобляясь.

Поднялся высокій худой человѣкъ съ честными большими глазами и прямыми волосами, о которомъ, не зная его, можно было сказать, что это литераторъ, и негромкимъ, но чрезвычайно убѣдительнымъ голосомъ сталъ возражать толстому господину. Говоря, онъ смотрѣлъ ему прямо въ лицо, и выраженіе глазъ его было правдиво и твердо, но Лавренко почему-то показалось, что литераторъ изъ деликатности старается вывести его, Лавренко, изъ неловкаго положенія.

Онъ говорилъ такъ хорошо и убѣдительно, а главное было столько искренности въ его глазахъ, что всѣ, даже тѣ, которые раньше были противъ выдѣленія вопроса о санитаряхъ изъ общаго обращенія къ графу, не могли не согласиться.

Но толстому господину было трудно отказаться отъ своихъ словъ. Сначала онъ, видимо, хотѣлъ съ достоинствомъ промолчать, но въ самую послѣднюю минуту нашелъ удачное возраженіе и поспѣшно заговорилъ:

— Графъ совершенно резонно можетъ замѣтить намъ, что когда лѣсъ рубятъ—щепки летятъ, и что онъ не можетъ же не стрѣлять по порту оттого, что на пути

мы, вмѣсто баррикадъ, расположимъ свои перевязочные пункты... Это наивно, господа...

Нѣкоторые слегка засмѣялись.

Скулы литератора чуть-чуть покраснѣли. Въ глазахъ загорѣлся огонекъ задѣтато самолюбія, и онъ опять возразилъ. Но смѣшокъ былъ пущенъ во-время, и стало очевидно, что теперь уже что-то утеряно и литератору ничего не удастся доказать. Между его словами и пониманіемъ слушавшихъ возникло нѣчто совершенно пустое, но непроницаемое.

Споръ разгорался. По вопросу высказалось еще нѣсколько ораторовъ, и онъ былъ рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ.

Все время Лавренко попрежнему испытывалъ глупое и неловкое положеніе человѣка, который куда-то изъ всѣхъ силъ разбѣжался и не прыгнулъ. Ему становилось скверно, жарко, потно, и подъ ложечкой засосало. Онъ вспомнилъ, что не ѣлъ цѣлый день и вдругъ совершенно нелѣпо у него выскочила лукавая передъ самимъ собою мысль, что онъ имѣетъ право заѣхать въ ресторанъ перекусить, а пока подадутъ, сыграть партію на биліардѣ.

— Не то что сыграть, а...—попробовалъ онъ извернуться, но ничего не вышло, и раздраженіе стало овладѣвать имъ.

Все въ немъ кипѣло, и каждое новое слово, каждый новый ораторъ вызывалъ новый и новый приливъ тоскующаго бѣшенства.

Вопросъ уже шелъ опять о томъ, въ какой формѣ должно состояться обращеніе къ графу. И здѣсь Лавренко невольно заняла и поразила неуловимая спутанность чувствъ и словъ.

Одни предлагали послать депутацію словесную, другіе—съ письменнымъ заявленіемъ, третьи—просто по телефону.

— Съ этими скотами церемониться нечего...—вски-

дывая руками и презрительно кипятясь, говорилъ рыженькій тоненькій и, очевидно, высохшій за письменнымъ столомъ господинъ. — Этимъ мы покажемъ свое отношеніе къ нимъ!..

Онъ говорилъ такъ презрительно и злостно, такъ возбужденно поправлялъ свое пенснэ, что многимъ, должно быть, дѣйствительно показалось возможнымъ и заманчивымъ выразить свое презрѣніе зазнавшимся жестокимъ и ограниченнымъ звѣрямъ.

— Позвольте, да графъ просто не станетъ говорить съ нами по телефону, — порывисто вскочилъ какой-то желчный, толстый человѣкъ въ сверкающихъ очкахъ.

И это было такъ очевидно, что непоколебимое сознаніе неодолимой силы и власти за «тѣми» какъ бы воочію встало передъ слушателями. Кое-кто опять засмѣялся, какъ-будто эти люди были даже довольны сознаніемъ своего безсилія.

— То-есть, какъ это, не станетъ говорить?..—вскидывая руками и весь краснѣя, вскрикнулъ высохшій рыженькій господинъ,—онъ обязанъ считаться съ мнѣніемъ общества, какъ бы оно ни было выражено. Что-нибудь одно—или общество, или мы—стадо, которому довольно только кнута... Я не могу съ этимъ согласиться!..

И какъ раньше казалось, что предложеніе его было сдѣлано только ради хлесткаго желанія выказать себя смѣлымъ и твердымъ, такъ теперь стало казаться, что онъ искренно страдаетъ о безсиліи и униженіи общества. Но все-таки слышались и прежнія хлесткія нотки, и нельзя было ничего понять въ его душѣ.

— Вы можете соглашаться или не соглашаться, а графъ все-таки слушать васъ не станетъ-съ, только и всего!

— Мы заставимъ!—запальчиво крикнулъ, вскинувъ руками выше головы, рыженькій господинъ.

— Какъ-съ? — язвительно спросилъ господинъ въ

очкахъ, захлебываясь отъ удовольствія. — Баррикады пойдѣмъ строить, вы, я, вотъ Иванъ Ивановичъ! — показалъ онъ на сѣдѣнькаго старичка, съ дѣтскимъ интересомъ переводившаго глаза съ одного на другого.

Всѣ невольно взглянули на этого старичка и ясно увидѣли, что говоритъ выраженіе его личика.

— Я не знаю, но это очень интересно... Я, право, съ величайшимъ интересомъ все слушаю... Съ величайшимъ интересомъ! — говорило это розовое, старчески наивное личико.

И всѣмъ стало неловко и очевидно, какъ нелѣпа даже самая отдаленная мысль о возможности появленія на баррикадахъ этого старичка и всѣхъ, бывшихъ въ залѣ. Никто уже не помнилъ, что хлопали оратору, именно за такое предложеніе.

И тотъ самый ораторъ, точно коснулись больного мѣста, вдругъ порывисто вскочилъ и закричалъ, взмахивая кулакомъ:

— Это не такъ смѣшно, какъ вамъ кажется!.. И если мы дѣйствительно такъ безсильны, безпомощны, что не можемъ умереть съ нашими братьями, такъ самое лучшее, что мы можемъ сдѣлать, это — разойтись!..

Это было очевидно и оттого испугало всѣхъ. За этимъ словомъ оказывалась уже пустота, которую нечѣмъ было наполнить. И оттого снова стали возражать...

— Зачѣмъ я сюда пришелъ? — съ безконечнымъ негодованіемъ мысленно вскрикнулъ Лавренко. — Развѣ это люди?.. Что это такое?..

Онъ недоумѣло оглянулъ залъ, гдѣ еще больше нависъ человѣческій туманъ и дальніе силуэты окончательно расплылись въ синеватой мглѣ. Вокругъ такъ же чернѣла непроницаемая черная стѣна сюртуковъ и расплывчатыхъ пятенъ человѣческихъ лицъ. Лавренко стало невыносимо душно отъ злобы и духоты, отъ страшной потребности крикнуть, хватить чѣмъ попало отъ

одного края залы до другого и, наконецъ, и отъ физической усталости. Все тѣло его непріятно ныло.

Онъ отошелъ отъ стола, чувствуя, что, если не выскажется, не сдѣлаетъ того, что требуетъ его возмущеніе, то будетъ такъ же презирать и самого себя.

Но почему-то высказаться было невозможно, и раскрытый для громовыхъ словъ ротъ не давалъ звуковъ, точно въ него вмѣсто языка заклихали мякину.

Лавренко, весь потный, съ инстинктивнымъ отчаяніемъ оглянулся вокругъ.

— Послушайте, голубъ мой! — сердито заговорилъ онъ, схвативъ за пуговицу знакомаго ему инженера, высокаго съ красивой, какъ у предсѣдателя, бородой, чело-вѣка, у котораго былъ такой видъ, точно все, что дѣлалось, было сдѣлано только для того, чтобы онъ и другіе, такіе же, какъ онъ, суетились и все устраивали и улаживали.

— А, это вы, докторъ?.. Что вамъ?.. Простите, я спѣшу!..—торопливо пробормоталъ инженеръ, мелькомъ пожимая руку Лавренко.

— Это невозможно, я говорю, что противъ краснаго креста пулеметы ставятъ... А тутъ!.. Вы же граждане города... у васъ значеніе... надо же что-нибудь предпринять,—обидчиво и сердито говорилъ Лавренко, чувствуя, что дѣлаетъ и говорить что-то, въ сущности, совершенно ненужное и не то, что хотѣлъ.

— Ну, да, конечно!..—закивалъ головой инженеръ, поправляя пенснэ.—Но вы и сами можете присоединиться къ депутаціи. Выдѣлать вопросъ, въ самомъ дѣлѣ, нельзя!.. Вы понимаете?..

— Но къ чему же эти?.. словопренія...—со злобой возразилъ Лавренко.

— Надо же сговориться!.. Такъ нельзя!..

Лавренко вдругъ охватила такая злость, что онъ громко вскрикнулъ:

— Да что это такое?..

Но въ поднявшемся шумѣ и аплодисментахъ голосъ его безсильно заглохъ.

ХІ.

Когда собственные экипажи, блестящіе и аккуратные, наполненные пожилыми, чистыми и важными на видъ, людьми, катились по улицамъ, всѣ, и обтрепанные мастеровые, и матросы, и кучки дружинниковъ съ красными повязками, вся огромная масса людей, которая здѣсь далеко отъ порта, была тише и больше въ ней было растерянности и недоумѣнія, смотрѣла имъ вслѣдъ серьезно и внимательно.

— Депутаты, депутаты!—слышались голоса, и въ нихъ было опредѣленное выраженіе неопредѣленной надежды.

Казалось, что если такіе важные, всѣми уважаемые, солидные люди, изъ которыхъ почти каждый быть какимъ-нибудь начальникомъ большаго или меньшаго числа людей, взялись за дѣло, то оно должно принять новый, нужный оборотъ, послѣ котораго минутъ тяжелая тревога и растерянность.

И даже самому Лавренко стало легче и веселѣй.

«Должны же тамъ понять, — успокоительно думалъ онъ и старался не замѣчать кроющагося гдѣ-то глубоко въ душѣ недоумѣнія,—что именно понять? И что дѣлать, если не поймутъ,—а не поймутъ навѣрное!»

У дворца, который вблизи показался Лавренко еще больше и значительнѣе, стояли пушки и ряды солдатъ, среди которыхъ виднѣлись кучки блестящихъ своими сѣрыми шинелями офицеровъ. Они и солдаты смотрѣли на вылѣзающихъ солидныхъ людей, въ пальто и цилиндрахъ, съ ожиданіемъ, безъ вражды.

Когда они поднимались по ковру широкой красивой

лѣстницы, Лавренко, оглядываясь вокругъ, еще разъ подумалъ:

«Вотъ жизнь... Настанетъ ли когда-нибудь время, когда людямъ не придется завидовать этимъ лѣстницамъ, цвѣтамъ и коврамъ, потому что это будетъ общая радость жизни...»

Но ему почему-то стало неловко, точно онъ подумалъ что-то наивное, избитое и даже пошлое.

Странно было только смотрѣть на стоявшихъ повсюду солдатъ, одѣтыхъ, какъ на дворѣ, въ шинеляхъ, съ ружьями и патронными сумками, и оттого даже казалось иногда, что этотъ дворецъ не дворецъ, а чья-то тюрьма.

Депутацію приняли съ преувеличенной вѣжливостью. Жанدارмскіе офицеры, въ голубыхъ мундирахъ, съ аксельбантами, любезно склонялись имъ на встрѣчу и говорили мягко и предупредительно, соглашаясь и кивая головами.

Но Лавренко стало неловко, показалось ему, что офицеры любезны не съ ними самими, а съ чѣмъ-то постороннимъ, можетъ быть, даже съ ихъ сюртуками, но только не съ живыми людьми, пріѣхавшими говорить о своей и чужой жизни. Кланяясь и соглашаясь, они смотрѣли въ глаза холодно, и въ этихъ холодныхъ взглядахъ чувствовалось сознаніе силы механической, жестокой и неодолимой.

Депутатамъ долго пришлось ждать посреди огромной залы, какъ-то одиноко и неловко маленькой кучкой черныхъ сюртуковъ, столпившись на блестящемъ паркетѣ. Было обидно ждать, встревоженно билось сердце, и хотѣлось чего-нибудь, но только поскорѣе.

И когда уже становилось совершенно глупо стоять и ждать посреди залы, вышелъ генералъ-губернаторъ, тотъ самый человѣкъ, отъ котораго, какъ казалось, зависѣла жизнь многихъ людей.

Это была огромная туша красного мяса, выпираю-

щаго изъ генеральскаго мундира, лѣзущаго на толстый животъ. У него было огромное, пухлое лицо, сѣдое и лысое, съ маленькими, сѣрыми, пронзительными, какъ у самага свирѣпаго и хитраго звѣря, глазками.

Онъ вышелъ изъ дверей тяжелыми и грузными шагами, въ самой грузности сохраняя бодрую, военную выправку, и остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ депутатовъ. И вдругъ въ томъ, какъ онъ остановился, сквозь внѣшнее величіе и грозность, мелькнуло что-то быстрое и робкое, затаенный въ самыхъ тайникахъ души, никому не высказываемый, старчески дряблый, животный страхъ.

Маленькіе глазки звѣря быстро обѣжали кучку пожилыхъ, солидныхъ и мирныхъ фигуръ въ черныхъ сюртукахъ и дольше другихъ остановились на Лавренко. Его пухлая, небрежно и просторно одѣтая, съ задумчиво напряженнымъ лицомъ, фигура, очевидно, что-то напомнила генералу и какъ-будто внушила ему смутныя опасенія. Онъ сдѣлалъ маленькій шагъ назадъ, какъ-будто для того, чтобы лучше окинуть глазами всѣхъ депутатовъ.

— Здравствуйте, господа!—взявшись одной рукой за бортъ лѣзущаго на животъ мундира, заговорилъ онъ громкимъ и хрипло звучнымъ голосомъ, какимъ привыкъ командовать массами людей, лошадей, пушекъ и обозовъ.—Чѣмъ могу служить?

Онъ не поклонился, но сдѣлалъ видъ, что поклонился, и эта неуловимая тонкая игра привычнаго величія, лукавства и самоувѣренности поразила Лавренко.

«Удивительная выдержка!» подумалъ онъ, на мгновеніе забывая даже, зачѣмъ они тутъ. «Сколько нужно было школить и дрессировать челсвѣка, чтобы научить его жить не своею жизнью, двигать не своей стариковской грузной и жирной фигурой, а чѣмъ-то другимъ, что надѣто сверху, какъ маска...»

Сухонькій, маленькій и сѣденькій старичокъ, въ

длинномъ черномъ сюртукѣ, который почему-то напоминалъ о томъ, что уже скоро, въ этомъ самомъ сюртукѣ, чинно и навѣки недвижимо, скрестивъ костяные тонкіе пальцы, старичокъ будетъ лежать на столѣ, выступилъ впередъ и полупоклонился, видимо, изо всѣхъ силъ стараясь не терять такого же достоинства, какъ у генерала, но волнуясь и робѣя и самъ возмущаясь этимъ.

И вмѣстѣ съ нимъ началъ волноваться и Лавренко; ему стало до боли обидно, что огромная по своему значенію для людей, полная ума, таланта и труда ученая жизнь этого старичка, тутъ, въ дворцовой залѣ, ровно ничего не значитъ. И опять онъ подумалъ, что все, во что онъ привыкъ вѣрить,—вздоръ, а настоящая, сильная и не рабская жизнь только у этого сановника и ему подобныхъ.

— Ваше высокопревосходительство, — заговорилъ старичокъ негромкимъ, сухонькимъ костянымъ говоркомъ,—мы, представители университета, города и различныхъ союзовъ и обществъ, въ виду событій, разразившихся въ нашемъ городѣ, сочли своимъ прямымъ гражданскимъ долгомъ обратиться къ вашему пре... высокопревосходительству...

Генераль чуть-чуть наклонилъ голову, и его толстая, красная, мягкая шея студенисто навалилась на твердый краснѣйшій воротникъ. Звѣриныя глазки были внимательно непроницаемы, и за ихъ холодно-сѣрой стекловидной поверхностью, ясно показался кто-то юркій, сѣрый и хитрый, говорившій безъ словъ:

— Я васъ знаю... Меня не проведете... Я напередъ знаю все, что вы мнѣ скажете, и что я отвѣчу. И то, что я отвѣчу, будетъ самое главное, хотя бы то, что вы мнѣ скажете, и было бы справедливо.

И подъ этимъ неодолимымъ взглядомъ сухонькій старичокъ, знаменитый ученый, видимо, терялся.

— ... Мы надѣемся, что вы, ваше превосходитель-

ство, примете всѣ зависящія отъ васъ мѣры, чтобы избѣжать ненужнаго и жестокаго кровопролитія...

Старикъ замолчалъ и вдругъ поблѣднѣлъ, а костлявые пальцы его замѣтно задрожали. Генераль, все такъ же склонивъ набокъ огромную сѣдую и лысую, какъ колѣно, голову, еще послушалъ мгновеніе, точно ожидая, не скажутъ ли ему еще чего-нибудь, и, вдругъ, быстро поднявъ голову, остро сверкнулъ глазками и побагровѣлъ.

— Я долженъ васъ предупредить, господа, что, въ силу законной власти и сознанія огромнаго долга и отвѣтственности передъ родиной и Государемъ моимъ, лежащей на мнѣ, я не могу, даже если бы захотѣлъ, остановиться передъ крайними мѣрами при подавленіи преступныхъ замысловъ, угрожающихъ спокойствію и даже цѣлости государства.

— Ваше...—началъ было высокій, плотный и красивый господинъ, слегка поднимая удивительно холеную руку съ перстнями.

— Прошу дать мнѣ кончить!—негромко бросилъ генераль съ непоколебимой увѣренностью въ томъ, что это такъ и будетъ, и продолжалъ громко и звучно: — Все, что отъ меня зависѣло, я уже сдѣлалъ. Мятежники упорствуютъ въ безумныхъ замыслахъ, и все, что я могу вамъ посовѣтовать, это употребить все ваше немалое вліяніе на то, чтобы заставить ихъ сдаться... и немедленно...

— Мы этого сдѣлать не можемъ!—вдругъ сказалъ Лавренко, самъ не ожидая этого.

— Ага!—совсѣмъ не удивившись и какъ-будто даже чему-то обрадовавшись, зловѣще подхватилъ генераль.—Я знаю, что вы не можете... Вы можете постановлять резолюціи, выражать порицанія дѣйствіямъ правительства, сѣять возмущеніе среди темныхъ массъ, но помочь власти справиться со смутой, во имя общаго блага и порядка, вы не можете.

— Ваше... — опять началъ высокій господинъ съ перстнями.

— Чего же вы отъ меня хотите?..—все болѣе и болѣе багровѣя и возвышая голосъ, продолжалъ генераль.—Чтобы я далъ возможность захватить городъ и арсеналы и способствовать мятежу?

Наступило короткое молчаніе, и всѣ вдругъ поняли, что между ними стоитъ глухая и непоколебимо непроницаемая стѣна. Нечего было сказать, потому что сказать можно было одно: «да;—откажитесь немедленно и за себя и за всѣхъ отъ своей привилегированной, властной жизни и дайте другимъ взять свое». И было такъ очевидно невозможно ни имъ сказать, ни ему сдѣлать это, что наступила холодная и тупая пустота.

— Да... Вы просите за мятежниковъ, а развѣ не гибнемъ мы?..—вдругъ неожиданно заговорилъ генераль, и что-то совсѣмъ другое, какъ-будто жалостное и искренно робкое, зазвучало въ его понизившемся голосѣ.—Еще вчера быть пойманъ какой-то злоумышленникъ...

Всѣ уже знали объ этомъ и знали, что пойманнаго человѣка разстрѣляли на дворѣ генерала, и трупъ его цѣлый день лежалъ подъ окнами дворца. Лавренко ясно представился этотъ важный, толстый, съ крупнымъ орденомъ на шеѣ, старикъ въ генеральскомъ мундирѣ, не разъ подходившій, должно быть, къ окну и смотрѣвшій на жалкій, изуродованный трупъ своего побѣжденнаго «на этотъ разъ» врага. Должно быть, на огромномъ красномъ лицѣ его было выраженіе злобно-радостнаго торжества, животной радости и злобной трусости, того сжимающаго сердце чувства, которое испытываетъ человѣкъ, смотрящій на убитую имъ, чуть было не укусившую его змѣю. «Тотъ» убитъ, а онъ живъ еще, но могло быть иначе, и, можетъ быть, будетъ. И тогда гдѣ-нибудь на мостовой. будетъ такъ же лежать толстое, обращенное въ кровавый комъ или кровавые клочья, тѣло генерала. И кто знаетъ, быть можетъ, тутъ же, гдѣ-нибудь близко,

невидимо и неслышно, уже крадется къ нему эта безпощадная, вѣрная месть—смерть. И тамъ или здѣсь неожиданно, неумолимо и неотвратимо грянетъ выстрѣлъ или взрывъ и обратитъ его въ то же ужасное и безобразное, во что обращенъ этотъ неизвѣстный, разстрѣлянный подъ его окнами человѣкъ.

И тутъ впервые, ясно и сознательно, Лавренко понялъ свою ошибку, и ему представились весь ужасъ и вся убогость этой пышной, важной жизни, съ ея постоянной злобой и жестокостью, убивающими душу, съ узкимъ культомъ собственнаго блага во что бы то ни стало, которое незамѣтно отнимаетъ самую лучшую часть жизни—свободу, и сводитъ величественное существованіе до мучительныхъ размѣровъ прозябанія загнаннаго звѣря.

Но генералъ мгновенно оправился. Сѣрые глазки звѣря засверкали упрямо и зло, лицо побатровѣло такъ, что поблѣлѣлъ и ясно выступилъ на вискахъ и затылкѣ блѣлый вѣнчикъ сѣдыхъ волосъ, и голосомъ, въ которомъ ясно слышалась месть за свой страхъ и минутную слабость, онъ проговорилъ:

— Мнѣ не о чемъ больше говорить съ вами, господа! Мнѣ дорого время... Но прошу по-мнить, та-спадъ,—повысилъ генералъ голосъ и поднялъ кверху короткій толстый палецъ съ краснымъ рубиномъ,—что со всѣми, такъ или иначе потворствующими мятежникамъ, я расправляюсь безпощадно...

Онъ быстро повернулся и, ступая быстрѣе, чѣмъ нужно, скрылся въ дверяхъ, и по его широкой спинѣ, обтянутой мундиромъ, и по втянутому въ плечи жирному затылку опять прошло что-то трусливое и торопливое, точно онъ боялся удара сзади.

Группа депутатовъ, не глядя другъ на друга, медленно спускалась съ широкой лѣстницы, и ихъ черные сюртуки казались удивительно жидкими и щуплыми на ея массивныхъ ступеняхъ. Впереди Лавренко, сгорбившись,

съ дрожащими пальцами, шелъ знаменитый старичокъ, и по узкой сгорбленной спинѣ тоже было видно что-то жалкое, пришибленное и униженное.

«А вѣдь громадный умъ и сила», пришло въ голову Лавренко. «Вѣдь онъ могъ бы сказать огненные слова... Къ чему же тогда и вся его слава, его умъ, его таланты, если изъ-за самаго маленькаго животнаго страха за жизнь... А я самъ?» вдругъ мелькнуло у него въ головѣ.

Онъ поблѣднѣлъ, какъ давеча знаменитый старичокъ, криво усмѣхнулся, не глядя по сторонамъ, вышелъ изъ дворца и поѣхалъ обратно на бульваръ.

Какъ только каретка отъѣхала отъ площади съ ея величавымъ дворцомъ, рядами сѣрыхъ солдатъ и неуклюжихъ пушекъ, ее подхватила и окружила невѣроятная толпа, точно она сразу окунулась въ сплошную крутящуюся массу. Одну секунду Лавренко показалось, что движется все: и дома, и деревья, и церкви, и небо, все поплыло за толпой. Блестящая отъ солнца мостовая сразу исчезла, растаяла въ черной многоголосой массѣ, налѣзающей на стѣны домовъ, точно волны какого-то чернаго канала.

Дальше нельзя было проѣхать. Ближайшіе люди оглядывались на Лавренко. Кто-то ударилъ лошадь кулакомъ по мордѣ и крикнулъ:

— Куда лѣзешь, чортъ?

Лавренко всталъ и пошелъ пѣшкомъ, пробираясь въ толпѣ.

«Нѣтъ, это не страхъ за жизнь...» вынырнула у него мысль все о томъ же. «Не страхъ, а что?..» мучительно спросилъ онъ себя и не нашелъ отвѣта.

«Ѣхать опять въ думу? Сказать имъ!..» перебилъ онъ свои мысли, но, поддаваясь непреодолимому отвращенію, махнулъ рукой, уныло влѣзъ въ каретку и поѣхалъ дальше.

На бульварѣ Лавренко встрѣтили молодыми радостными восклицаніями, и первое лицо, бросившееся ему

въ глаза, было, въ синей фуражкѣ на затылкѣ, съ курчавящимися волосами и весело возбужденными глазами, лицо Кончаева.

— Голубь мой, вы здѣсь?..—съ неизъяснимой лаской и грустью, и мгновенно болѣзненно вспоминая Зиночку Зекъ, сказалъ Лавренко.

Они отошли немного въ сторону, на край площадки, съ которой не было видно порта, но виденъ былъ ясно сѣрый броненосецъ въ синемъ морѣ, и, глядя на него, Лавренко спросилъ Кончаева:

— Ну, что Зиночка? Проводили?..

— Да!..—весь краснѣя, молодо и счастливо, очевидно, вовсе не думая о томъ, что была возможна разлука навсегда, отвѣтилъ Кончаевъ.

«Милая маленькая молодость, прійдется ли еще увидѣть тебя когда?» — грустно и стыдливо подумалъ Лавренко, и передъ его глазами проплылъ юный, стройный силуэтъ дѣвушки съ свѣтлыми, наивно счастливыми глазами и двумя пушистыми недлинными косами.

А Кончаевъ, блестя глазами и весь загораясь, рассказывалъ ему о броненосцѣ, о матросахъ, морскомъ офицерѣ и человѣкѣ въ пальто.

— Да!..—сказалъ Лавренко задумчиво.—Это удивительные люди, но для жизни они непригодны: величайшій актъ ихъ жизни это ихъ смерть...

ХІІ.

Цѣлый день огромная возбужденная толпа, то рассыпаясь на отдѣльныя кучки, то сливаясь въ общую массу, двигалась туда и сюда по городу, переливалась изъ квартала въ кварталъ, какъ ртуть, движимая собственной тяжестью, случайными сочетаніями своихъ человѣческихъ атомовъ.

Она то бессмысленно топталась на мѣстѣ, сталкиваясь и уничтожая собственное движеніе, то вдругъ на-

чинала катиться въ одну сторону и тогда казалась осмысленной и дружной. Но организованность ея была только кажущейся: когда большее или меньшее число людей случайно двигалось въ одномъ направленіи и когда ихъ становилось много, толпа, какъ комъ снѣга, начинала расти, увлекать на своемъ пути все и стихійно обращаться въ тяжелую дробящую лавину, но лавина такъ же быстро таяла, какъ и выростала, и тамъ, гдѣ только что была грозная масса, вдругъ оказывалась жалкая кучка безцѣльно слоняющихся людей.

И цѣлый день отдѣльныя единицы, незамѣтныя въ толпѣ, вели упорную, напряженную борьбу, стараясь овладѣть этой многоликой бозчисленною голосой и разночувствующей массой, чтобы направить ее въ одно русло.

Такъ было многообразно движеніе, такъ необычно такое скопленіе разнообразныхъ людей, такъ мучительно невозможна борьба съ мгновенно и непрестанно возникающими порывами, такъ велико требующее какого-то исхода напряженіе, что къ вечеру уже и самымъ увѣреннымъ стало казаться, что происходитъ нѣчто совершенно бессмысленное и безцѣльное, и зловѣщіе признаки утомленія и раздраженія стали вспыхивать то тутъ, то тамъ.

Лавренко, цѣлый день пробывшій на бульварѣ, видѣлъ это, и ему казалось совершенно понятнымъ, что толпу не удержать и что съ минуты на минуту надо ожидать взрыва жестокости и жадности, естественныхъ въ этомъ хаосѣ изголодавшихся, измученныхъ и обиженныхъ людей.

«Естественно,—думалъ онъ, что свобода, революція и все прочее сейчасъ въ этой безтолковщинѣ никому не ясны и утратили значеніе... Надо что-нибудь реальное... Надо схватить то, чего никогда они не имѣли, чего имъ хотѣлось и чего, собственно, они добиваются... Начнетъ грабежъ!.. И какъ голодный, дорвавшійся до хлѣба, обжирается и умираетъ въ судорогахъ, такъ и толпа...»

И когда, уже въ сумерки, слившіе толпу въ одну ревущую темную массу, къ отряду прибѣжалъ какой-то человѣкъ и крикнулъ испуганнымъ, хриплымъ голосомъ:
— Въ порту громятъ!..

Лавренко не испугался, не удивился и только, вздохнувъ, снялъ фуражку, точно ему вдругъ стало жарко.

Не ему одному, а и всѣмъ становилось жутко. Въ темнотѣ, скрывшей человѣческія лица, толпа сдѣлалась страшной. Что-то огромное двигалось въ темнотѣ, ворчало, какъ-то ухало, то останавливалось, то вдругъ двигалось и казалось безконечно громаднымъ. Днемъ было видно, что это рабочіе, солдаты, женщины, дѣти, лавочники, оборванцы, студенты, теперь это было что-то общее, громадное, совершенно непонятное и зловѣщее.

Съ бульвара было видно, какъ внизу въ темномъ порту, гдѣ уже нельзя было отличить море отъ берега, воровато и быстро, то пропадая, то вновь вспыхивая, забѣгали огоньки. Мимо отряда, черезъ бульваръ начали торопливо, возбуждая панику, бѣжать отдѣльныя кучки людей, и слышались новые, испуганные и недоумѣлые голоса.

— Всѣхъ бьютъ!.. Тикай, братцы!..—разслышалъ въ одной изъ нихъ Лавренко.

— Н-ну, теперь только держись! — еще испуганнѣе прокричалъ кто-то дальше.

Высокій оборванный матросъ набѣжалъ на самого Лавренко и широко раскрытыми, видными даже во мракѣ глазами посмотрѣлъ ему въ лицо:

— Кто такіе? — хрипло спросилъ онъ.

— Санитары! — отвѣтилъ Лавренко, приглядываясь къ нему.

— Какіе тутъ къ чорту санитары, уносите ноги, пока цѣлы, — не то сердито, не то сочувственно крикнулъ матросъ и, махнувъ рукой, побѣжалъ прочь.

Какія-то смутныя тѣни воровато шмыгали изъ города внизъ, въ портъ.

— Босяки! — подумалъ Лавренко: — ишь, какъ вороны на падалъ!

На бульваръ стало пустѣть, утихать, и тогда изъ порта явственно послышался смутный и тяжкій гулъ, похожій на грохотъ приближающагося поѣзда. А вслѣдъ затѣмъ, надъ темными массаами, въ которыхъ нельзя было отличить крышъ отъ судовъ и толпы, показался огонь и заблестѣлъ въ водѣ, внезапно оказавшейся тамъ, гдѣ ея не ожидалъ глазъ. Изъ мрака нарядно выступили бѣло-розовые борты пароходовъ, красиво и жутко посыпались вверхъ фонтаны искръ, повалилъ густой, освѣщенный снизу дымъ, и послышался явственный многоголосый и нестройный крикъ:

— А-а-а!..

Что-то треснуло, лопнуло и раскатилось, а въ сторонѣ темнаго городского сада послышался отдаленный лопочущій нервный и непрерывный звукъ.

— Это пулеметы,—съ ужасомъ сказалъ подлѣ Лавренко молодой голосъ.

Лавренко оглянулся и увидѣлъ за собою рядъ освѣщенныхъ снизу, съ блестящими стеклянными глазами, испуганныхъ лицъ.

Гуль въ порту то росъ, то падалъ, и въ короткіе промежутки его паденія все явственнѣе, точно приближаясь, слышалось ужасное, безсмысленно однообразное лопотаніе.

— Боже мой, что же это такое? — пробормоталъ въ темнотѣ женскій голосъ.

Далеко въ темномъ пространствѣ моря, чуть видно мелькнула слабая вспышка молніи, и черезъ минуту долетѣлъ отдаленный глухой ударъ.

И что-то невидимое, высоко, подъ самымъ куполомъ темнаго звѣзднаго неба, съ нагнетающимъ тяжелымъ свистомъ, пронеслось съ моря въ городъ.

— Съ броненосца стрѣляютъ!.. Началось!.. — подумалъ Лавренко.

Такъ же далеко въ городѣ слышался глухой ударъ, мгновенный свѣтъ выхватилъ изъ мрака вдругъ показавшіеся и пропавшіе силуэты крышъ, и рѣзкій звукъ разрыва явственно донесся оттуда.

— А-ахъ! — вырвалось у кого-то.

— Куда лѣзете?.. Не видите, черти, здѣсь красный крестъ? — неожиданно прокричалъ позади знакомый Лавренко голосъ санитаря.

Лавренко, ошеломленный и растерянный, кинулся на голосъ. Кто-то съ страннымъ звукомъ, хрипя, какъ умирающій, покотился ему подъ ноги, чуть не сбивъ его самого.

— Кто?.. Раненый, что ли?—съ трясущимися руками наклонился Лавренко.

Подбѣжали еще двое, студентъ опустилъ зажженный фонарь, и Лавренко увидѣлъ совершенно безсмысленное, разбитое въ кровь лицо.

— Вы ранены?.. куда?..—торопливо спрашивалъ санитаръ, стараясь перевернуть лежавшаго человѣка.

Тотъ что-то проговорилъ, но нельзя было ничего понять.

Лавренко нагнулся ниже и вдругъ почувствовалъ тяжелый запахъ водки и увидѣлъ развалившійся узелъ, изъ котораго разсыпались свертки чаю, бутылки и какая-то шелковая матерія, изорванная и забрызганная чѣмъ-то темнымъ.

— Пьяный? — удивленно вскрикнулъ студентъ.

Человѣкъ, шатаясь, всталъ на четвереньки и поднялся совсѣмъ, ухватившись за Лавренко и пахнувъ ему въ лицо вонючимъ, кисло-тяжелымъ запахомъ рвоты и перегара.

Что-то бросилось Лавренко въ голову: какая-то непонятная обида, злоба и беспомощное негодованіе.

— Скотина!—неожиданно для самого себя крикнулъ онъ, и изо всей силы толкнулъ пьянаго въ грудь.

Тотъ отшатнулся назадъ, запнулся, и тяжело рухнувъ навзничъ, перевернулся и затихъ.

— Чего добраго, убился? — мелькнуло въ головѣ Лавренко, но весь дрожа отъ мучительныхъ непонятныхъ чувствъ, онъ только стиснулъ зубы и отошелъ, конвульсивно вытирая платкомъ мокрую руку.

— Докторъ!—растерянно сказалъ одинъ изъ санитаровъ.—Мы тутъ ничего не подѣлаемъ!.. Надо куда-нибудь въ домъ!..

— Въ аптеку раненыхъ сносить начали!.. Въ Морозовскую аптеку!.. — отозвалась курсистка.

Минута величайшаго раздумья овладѣла Лавренко: ему вдругъ сталъ противенъ человѣкъ.

Все время, пока въ темнотѣ, сквозь толпы людей, налетающихъ другъ на друга, ругавшихся, кричавшихъ и угрожающихъ кому-то, его отрядъ пробирался къ аптекѣ, подобравъ по дорогѣ двухъ, неизвѣстно гдѣ, кѣмъ и когда, раненыхъ людей, Лавренко думалъ объ одномъ, и мысль его была полна отвращенія и грусти.

«Пусть они всѣ правы въ томъ, что несчастны и что имъ вѣсть хочется, но если въ первый день, когда они почувствовали свободу и должны были ощутить первые проблески человѣческой жизни, послѣ жизни угнетаемыхъ скотовъ, они не нашли ничего лучшаго, какъ начать грабить и убивать, то не есть ли это указаніе на то, что при всякомъ положеніи ихъ жизни, при всякихъ условіяхъ, конечной точкой ихъ дѣйствія явится не радость жизни, а новая и безконечная борьба за кусокъ... было—два, будутъ добиваться третьяго, будетъ три,—они станутъ рвать другъ другу горло изъ-за четвертаго куска... И такъ безъ конца».

Цѣлый рой привычныхъ мыслей о томъ, что люди не виноваты въ своемъ невѣжествѣ, прилетѣлъ ему въ голову, но чувство отвращенія пробивалось сквозь нихъ, принимая то образъ толстаго сытаго человѣка въ генеральскомъ мундирѣ, то образъ пьянаго окровавленнаго обо-

рванца, и вызывая въ сердцѣ жгучее чувство ненависти, отъ которой хотѣлось вдругъ ощутить въ себѣ нечеловѣческую безграничную силу и однимъ ударомъ уничтожить все; такъ уничтожить, чтобы шаръ земной мгновенно обратился въ ледяную пустыню. Лавренко внезапно почему-то вспомнилъ, что сегодня цѣлый день свѣтило яркое солнце и голубѣло небо, а онъ ихъ не видалъ. Между солнцемъ и имъ, Лавренко, стоялъ то голодный, то сытый, но одинаково омерзительный, грубый и жестокий человѣкъ.

И захотѣлось все бросить, махнуть рукой и пойти куда глаза глядятъ. И какъ всегда, когда онъ задумывался о томъ, куда пойти, Лавренко захотѣлось пойти сыграть на билліардѣ.

Но ему стало стыдно своего, какъ казалось, совершенно нелѣпаго въ такой день желанія и Лавренко, сдѣлавъ надъ собой усиліе, потушилъ въ себѣ злую мысль и, точно проснувшійся отъ тяжелаго сна, вяло и, какъ-будто даже спокойно принялся за дѣло.

Въ аптекахъ были выбиты стекла, разноцвѣтные пузырьки, растоптанные въ омерзительной грязи изъ пыли, крови, обрывковъ тряпья, похожаго на вывороченныя растоптанныя внутренности, и клочьевъ розово-грязной ваты, придавали комнатамъ видъ необыкновенный и странный, какой бываетъ въ квартирахъ, изъ которыхъ выѣхали люди.

— Докторъ, а убитыхъ куда сносить? — кричалъ фельдшеръ, проталкиваясь къ нему между столпившимися, одѣтыми въ пальто и шапки, точно на улицѣ, людьми. Видъ у него былъ озабоченный, но нисколько не испуганный.

Лавренко подошелъ смотрѣть на убитыхъ. Въ узкомъ коридорѣ ихъ сложили рядкомъ, какъ дрова, и ихъ вытянутыя ноги мѣшали ходить живымъ. Многіе изъ нихъ были голые, и тѣла ихъ блестѣли голо и страшно. Первый, къ которому нагнулся Лавренко, былъ огромный

толстый человекъ, должно быть, страшной силы, съ массивной выпученной грудью сильнаго животнаго. На груди у него было одно аккуратное темное пятнышко.

— Только и всего! — сказалъ задумчиво Лавренко, самъ не замѣтивъ этого.

Руки со сжатыми кулаками преградили ему дорогу, Лавренко перешагнувъ ихъ, сталъ прямо въ густую лишнюю лужу, вытекающую изъ-подъ кучи тряпокъ, и у самаго носка сапога увидѣлъ спутанный комъ волосъ, крови, мозга и грязи, въ которомъ можно было только угадать человѣческій затылокъ.

— Фу, мерзость!..—чуть не вскрикнулъ Лавренко и отшатнулся.

— Я думаю, можно пока свалить въ сарай, а тутъ поставить кровати, — озабоченно говорилъ ему фельдшеръ.

— Ну, да... свалите въ сарай!..—задумчиво отвѣтилъ Лавренко, болѣзненно острымъ взглядомъ обѣгая рядъ тускло блестящихъ подъ коптившей лампой бѣлыхъ неподвижныхъ лицъ, не возбуждавшихъ представленія о людяхъ.—Все равно, голубь, хоть и въ сарай!..

Изъ задней комнаты послышался визгъ и съ каждымъ мгновеніемъ сталъ расти и повышаться, точно тамъ рѣзали свинью и не могли дорѣзать.

Лавренко пошелъ туда, на ходу засучивая рукава и все сохраняя на лицѣ выраженіе вялой и углубленной грусти.

Изъ-за спины санитаря, въ бѣломъ халатѣ, онъ увидѣлъ нечеловѣческіе выпученные глаза, голыя ноги и надъ ними что-то красное, склизкое, дрожащее, какъ кисель.

Съ этого момента въѣ времени и пространства, уже не видя причинъ и послѣдствій того, что тутъ совершалось, какъ-будто оторванный отъ всего міра и вдавленный въ какую-то кровавую гущу разорваннаго живого мяса и дикихъ воплей, идущихъ какъ-будто не только

изъ широко разинутыхъ красныхъ глотокъ, а и отъ непонятныхъ круглыхъ выпученныхъ въ страшной мукѣ глазъ, Лавренко перевязывалъ одного раненаго за другимъ, и передъ его глазами, въ которыхъ не было уже другого выраженія, кромѣ ужаса и болѣзненнаго страданія, проходили всевозможныя муки, какія только можетъ причинить человѣку человѣкъ.

На зарѣ онъ вышелъ на крыльцо во дворъ и мокрыми руками сталъ закуривать папиросу. Холодъ разсвѣта и блескъ еще видимыхъ звѣздъ, чистыхъ и прекрасныхъ, высокимъ куполомъ стояли вверху надъ еще темными крышами домовъ. Вокругъ было тихо, и ясно слышался гдѣ-то за домами отдаленный гулъ, пронизанный сухимъ трескомъ и лопотаньемъ пулеметовъ.

— Когда же этому конецъ?—съ той внезапной злобой, которая все чаще и чаще охватывала его, вслухъ оказалъ Лавренко, бросилъ папиросу, не закуривъ, и, пошатываясь отъ прилива крови къ головѣ, вернулся назадъ.

Его уже искали, и испуганные лица бросились ему въ глаза сразу.

— Полиція!..—трагически сдавленнымъ шопотомъ, почему-то не указывая и не оглядываясь назадъ, сообщилъ ему фельдшеръ.

Въ коридорѣ, подъ слабымъ свѣтомъ лампочки, виднѣлась сѣрая шинель съ блестящими пуговицами, а за нею сплошная стѣна черныхъ городскихъ.

— Что тамъ такое еще?—сжимая кулаки, спросилъ Лавренко сквозь зубы.

Изъ всѣхъ дверей, любопытно и испуганно смотрѣли санитары, сестры и раненые съ забинтованными тѣлами.

— Вы завѣдующій пунктомъ? — спросилъ сѣдой усатый приставъ, видимо, только что чѣмъ-то возбужденный и взволнованный. Глаза у него блестѣли, зубы ска-

лились, дыханіе было ускоренное, какъ-будто онъ гнался за кѣмъ-то и озвѣрѣлъ, и еще не пришелъ въ себя.

— Я...

— У васъ есть разрѣшеніе на открытіе пункта?

— Нѣтъ...

— Въ такомъ случаѣ потрудитесь закрыть! А раненыхъ заберутъ военные санитары.

Лавренко, толстый и мокрый отъ поту, съ завернутыми на пухлыхъ рукахъ мокрыми рукавами, угрюмо смотрѣлъ на пристава и молчалъ.

— Такъ вотъ-съ, — съ иронической вѣжливостью сказалъ приставъ.

— Я пункта закрыть не могу, — тяжело пыхтя, возразилъ Лавренко.

— А это какъ вамъ будетъ угодно, — даже съ какою-то радостью отвѣтилъ полицейскій: — я прикажу стрѣлять по окнамъ, а вы примете на себя всѣ послѣдствія.

Лавренко молчалъ. Приставъ немного подождалъ и, прибавивъ: — ну, такъ вотъ-съ... — вышелъ. Черныя фигуры городскихъ, стуча сапогами и шапками, затолпились въ дверяхъ. И въ этомъ кованномъ стукѣ, въ литой однообразности поворотовъ было грозное проявленіе силы машины, неуклонной и несокрушимой.

И полною противоположностью этой силѣ были тотъ жалкій хаосъ растерянности, испуга, паники, который воцарился на пунктѣ.

Когда Лавренко, все еще тяжело пыхтя и чувствуя, что вся душа его переполнена безсильнымъ возмущеніемъ, вернулся въ аптеку, его поразило то, что онъ увидалъ.

Крикъ, похожій на плачъ, и вопли отчаянія наполняли стѣны. При свѣтѣ коптящихъ лампочекъ безтолково метались похожія на привидѣнія бѣлыя фигуры санитаровъ, корчились по всѣмъ угламъ нелѣпыя и ужасныя призраки окровавленныхъ, грязныхъ, съ размотавшимися бинтами, раненыхъ. Кто-то сваливалъ въ кучу со

звономъ и крикомъ инструменты, бинты, банки съ ватой. Запахъ разлитой карболки остро стоялъ въ воздухѣ. Два студента, очевидно, сами не зная куда, волокли за руки и за ноги рослаго рыжаго человѣка, который безпомощно стоналъ, а изъ дверей волокли имъ навстрѣчу другого, и видны были только ноги, согнутая спина несущаго, а кто-то кричалъ оттуда злымъ и надорваннымъ голосомъ:

— Куда вы прете?.. на дворъ выносите!.. На дворъ!..

Но сзади на студентовъ напирали другіе санитары, безтолково путаясь съ тяжелымъ кулемъ окровавленныхъ тряпокъ, изъ котораго бѣлѣли бинты и торчали худыя синія руки съ растопыренными пальцами. И вся эта безобразная, испуганная куча человѣческихъ тѣлъ, напирая, крича и сшибая другъ друга съ ногъ, нелѣпо ворочалась на одномъ мѣстѣ.

— Назадъ, назадъ!..

— Да, куда къ чорту?.. А, ну васъ!..

— Скорѣе, скорѣе...

Кто-то упустилъ ногу раненаго, и она стукнулась о полъ, какъ плеть.

— Пустите меня, пустите!..—застоналъ надорванный голосъ.

Лавренко стоялъ въ дверяхъ и молча смотрѣлъ на все. И еще большій ужасъ и отвращеніе охватили его.

— Докторъ, куда теперь?.. Что дѣлать?—бросилась къ нему барышня.

— Убирайтесь къ чорту!—завопилъ Лавренко, сжимая кулаки и судорожно тряся ими: — трусы, стыдитесь!.. Оставить, сейчасъ оставить!..

Его пронзительный дикій крикъ, какъ остріе, прорвался сквозь весь безсмысленный хаосъ криковъ, стоновъ, шума и плача, и на секунду стало тихо. Застраившія въ дверяхъ ноги торчали неподвижно, и оттуда молча растерянно выглядывали лица. Два студента торопли-

во и незамѣтно отволакивали своего раненаго на мѣсто въ уголъ.

— Ваше благородіе, а какъ же, стрѣлять будутъ?— пробормоталъ блѣдный, съ трясущимися губами фельдшеръ.

— Докторъ!.. — отшатнулась отъ него барышня.

— Пускай стрѣляютъ, пускай!..—тѣмъ же пронзительнымъ голосомъ закричалъ Лавренко:—мы тутъ нужны, намъ итти некуда, и мы не пойдѣмъ. Зачѣмъ вы лѣзли сюда? Цѣль какая-нибудь у васъ была?.. А теперь бѣжать! Оставаться, или убирайтесь всѣ къ чорту!..

Лавренко весь трясся, и его пухлое, большое тѣло покрывалось холоднымъ потомъ.

Все затихло, и наступила почти тишина, только въ отдаленномъ углу, очевидно, въ забытѣ, монотонно и непрестанно стоналъ раненый въ животъ мальчуганъ.

Лавренко машинально пошелъ на этотъ стояъ и наклонился надъ лавкой.

На его глянуло синеватое блѣдное дѣтское лицо съ сухими растрескавшимися губами и тусклыми, невидящими глазами. Мальчикъ умиралъ, и это сразу было видно, и жаль было смотрѣть. Лавренко долго стоялъ, неподвижно глядя въ умирающее личико, потомъ вздохнулъ и, горько качнувъ головою, отошелъ.

Тихо, точно боясь потревожить кого-то, растащили раненыхъ. Санитары, не глядя на Лавренко, копошились по угламъ и производили на него впечатлѣніе побитыхъ собакъ. Фельдшеръ, къ которому обратился Лавренко, смотрѣлъ на него виновато и подобострастно.

Черезъ часъ пріѣхалъ полицеймейстеръ въ бѣлой шапкѣ, хмуро осмотрѣлъ пунктъ и, предупредивъ Лавренко, что если изъ аптеки будутъ стрѣлять, то онъ разгромить ее пушками, уѣхалъ.

Всѣ успокоились, задвигались и заговорили, и даже раненые застонали громче и свободнѣе, точно почувствовали на это право.

Но Лавренко было худо. Необычайная апатія и слабость охватили его тучное тѣло, и болѣзненно хотѣлось одного — уйти—сыграть на билліардѣ.

ХІІ.

Когда въ наступившей синевѣ весенняго вечера надъ темными крышами пакгаузовъ показалось розоватое зарево, похожее на восходъ луны, молодой офицеръ вынулъ шашку, блеснувшую въ темнотѣ, и прокричалъ передъ неподвижными рядами солдатъ:

— Смирно!.. Шашки вонъ!.. Рысью маршъ!..

И первый тронулъ рыжую кобылу, съ мѣста взявшую въ карьеръ.

Головы лошадей и людей шевельнулись, рядъ тусклыхъ отблесковъ сверкнулъ по рядамъ, и вся темная масса, сотрясая землю, разсыпая искры и напоминая отдаленный громъ, двинулась впередъ.

Изъ-за темнаго угла ослѣпительно ярко открылась жуткая и веселая картина.

Пылалъ огромный длинный амбаръ, и золотое пламя высокими танцующими языками порывалось въ синее небо. Обугленные бревна, покрытыя золотыми и красными углями, съ трескомъ ворочались въ пламени, и снопы искръ фонтанами, какъ отъ взрыва, сыпались вверхъ. На огненномъ фонѣ, какъ стая чертей, съ крикомъ и уханьемъ кривлялась, суетилась и надъ чѣмъ-то копошилась толпа.

— Маршъ! маршъ!.. Руби!..—напрягая отчаянный голосъ, въ которомъ слышались страхъ и злоба, и прорѣзывая имъ оглушительный ревъ и грохотъ, крикнулъ офицеръ. Его рыжая кобыла, поджавъ заднія ноги, скачками рванулась впередъ, и въ пронзительномъ многоголосомъ визгѣ шашка безшумно, какъ показалось офицеру, и какъ-будто противъ его воли, вонзилась во что-то мягкое и упругое.

Все смѣшалось на фонѣ пожара. Одну секунду ничего нельзя было разобрать, и люди, лошади, сверканіе красныхъ отъ огня шапекъ, громъ, трескъ и дикій, нечеловѣческій вопль—слились въ одинъ черно-огненный кошмаръ, крутящійся въ непонятномъ безсмысленномъ вихрѣ.

Въ это время Кончаевъ, Эттингеръ, человѣкъ въ пальто и еще десятка два дружинниковъ, отстававшихъ отъ громилъ сахарный складъ и проходъ къ пристани, перебравшись черезъ заборъ, чтобы избѣжать чернаго, ревущаго въ паникѣ потока, стремглавъ несшагося отъ забора до забора во всю ширину освѣщенной невѣрнымъ свѣтомъ пожара улицы, пробрались въ узкій переулокъ, пробѣжали въ темнотѣ, спотыкаясь на какія-то бочки и тюки, и выбѣжали къ мѣсту пожара.

Разрозненная кучка безличныхъ черныхъ фигуръ во всю прыть пронеслась мимо нихъ.

— Скорѣй, скорѣй!—хрипло кричалъ кто-то изъ нея.

И вслѣдъ затѣмъ показалась рыжая, какъ-будто золотая отъ огня лошадь, круто забирающая ногами, изъ-подъ которыхъ летѣли искры, и темная масса звенящихъ, гремящихъ кавалеристовъ, сверкая шашками, вынеслась на середину улицы.

— Руби!..—кричалъ тонкій не то озлобленный, не то испуганный голосъ.

Кончаевъ, со стиснутыми зубами и напряженными глазами, вытянулъ впередъ руку съ револьверомъ и, цѣлясь выше золотой лошади, выстрѣлилъ. Тьма переулка засверкала огнями.

— Тра-та-та-тах-тахъ...—непрерывной дробью посыпались выстрѣлы.

— А-а, такъ!—задыхаясь, крикнулъ кому-то Кончаевъ.

Золотистая кобыла со всѣхъ ногъ шарахнулась въ сторону, и сѣрый комъ, звеня по камнямъ, покатился на середину улицы, какъ кулъ, съ силой брошенный о землю.

Темные силуэты лошадей, и вставших на дыбы и присѣвших на заднія ноги, мелькнули среди хаоса свѣта и тьмы, и прежде чѣмъ Кончаевъ опомнился, солдаты поскакали назадъ.

— Ура!.. — закричало нѣсколько голосовъ.

Чувство небывалаго возбужденія и непонятнаго восторга охватило Кончаева. Онъ сорвалъ фуражку и, размахивая ею, весь озаренный яркимъ пламенемъ пожара, крикнулъ:

— Товарищи, наша взяла!..

— Ура!..—опять и громче, и веселѣе закричали голоса.

Человѣкъ въ пальто, безъ шляпы, выбѣжалъ на освѣщенное мѣсто и металлическимъ голосомъ, покрывая трескъ пожара, закричалъ:

— Товарищи, строй баррикаду!.. Солдаты сейчасъ вернутся! Стройте баррикаду!..

Откуда-то, громыхая, поволокли ящики, покатали бочки. Одна изъ нихъ разбилась, и что-то темное полилось по мостовой. Стало весело и ничуть не страшно.

Кончаевъ вспомнилъ, что, перелѣзая черезъ заборъ, онъ наткнулся на груженную ломовую телѣгу, и весело крикнулъ Эттингеру:

— Эй, атлетъ, сюда! — побѣжалъ въ темноту.

Въ переулкѣ ничего не было видно, и Кончаевъ ободралъ себѣ руку обо что-то острое. Телѣга была у самаго забора, но завязла между бочекъ.

— Гдѣ вы?..—спрашивалъ въ темнотѣ атлетъ, налѣзая на самого Кончаева.

— Тутъ, тутъ! Берите за оглобли!.. Сюда!.. Ну!.. — весь проникаясь неудержимымъ весельемъ, какъ когда-то, во время буйныхъ мальчишескихъ игръ, говорилъ Кончаевъ.

Онъ сталъ тащить телѣгу за задокъ, а Эттингеръ напиралъ на оглобли. Кто-то, невидимый въ темнотѣ, под-

бѣжалъ сбоку, и телѣга, грузно и кругло заворачивая прямо на Кончаева, покатила изъ переулка.

— Тише вы!.. Задавите!.. — весело кричалъ Кончаевъ. Онъ споткнулся на что-то мягкое и чуть было не упалъ. Колеса грузно переѣхали черезъ это мягкое, и Кончаевъ догадался, что это трупъ убитаго имъ офицера. На мгновеніе что-то гадливо кольнуло его въ сердце, но сейчасъ же исчезло.

— Сюда, сюда!.. Вотъ такъ!.. Ладно!.. — кричалъ онъ, напрягая силы.

Телѣгу поставили поперекъ улицы, завалили бочками и тюками. Со стороны города навалили желѣзныя ворота, и что-то корявое, неуклюжее, черное и зловѣщее, отбрасывая колеблющуюся тѣнь, загородило улицу.

— Флагъ, флагъ надо!..—карабкаясь наверхъ баррикады и блестя глазами, кричалъ какой-то подростокъ.

Кусокъ красной шелковой матеріи съ оборванными концами, кроваво сверкая отъ пожара, затрепыхался наверху.

— Вотъ и баррикада! — чему-то улыбаясь, сказалъ Кончаевъ.

Было весело, точно построили игрушечную крѣпость, и каждому хотѣлось еще что-нибудь придумать, устроить, улучшить «свою» баррикаду. Кончаевъ нашелъ телѣгу, подростокъ придѣлалъ флагъ, какой-то приказчикъ сказалъ, что за угломъ сложены бревна для телефонныхъ столбовъ, и Эттингеръ сейчасъ же приволокъ одно, оставляя по мостовой длинную борозду вывороченныхъ камней. Бревно взвалили на самый верхъ и, дѣйствительно, образовался очень удобный брустверь, изъ-подъ котораго можно было стрѣлять.

Тѣмъ временемъ пожаръ все разгорался и перекинулся на крышу сахарнаго склада. Теперь горѣло сбоку, и тьма отступила еще дальше, и казалось, что улица кончается черными дырами въ обѣ стороны.

Позади баррикады показались отдѣльныя темныя фи-

гуры, боязливо подходившія и напоминавшія шакаловъ, тянущихся на падалъ.

— Ага, опять лѣзутъ,—насмѣшливо сказалъ одинъ изъ дружинниковъ.

И вдругъ всѣми овладѣла какая-то злобная обида.

— Мы тутъ умираемъ,—подумалъ каждый,—а они тутъ грабятъ!

Черныя фигуры, похожія на шакаловъ, крадучись, стали подбираться къ амбару. Изъ темноты слышался лязгъ о желѣзо и возня. Одинъ выбѣжалъ назадъ и что-то быстро и съ трудомъ уволокъ въ темноту. Потомъ раздался визгъ, и стало совсѣмъ похоже на драку хищниковъ.

Человѣкъ въ пальто медленно отошелъ отъ баррикады, подошелъ къ амбару, шаговъ на двадцать и вдругъ, поднявъ руку, выстрѣлилъ разъ и другой. Два короткіе выстрѣла слились въ одну трескучую молнію, и вслѣдъ затѣмъ раздался дикій крикъ, и десятка два черныхъ фигуръ опрометью выскочили изъ амбара и исчезли.

— Сволочь...—медленно возвращаясь, сказалъ человѣкъ въ пальто. Глаза у него сверкали отъ огня и казались нечеловѣческими.

Кончаевъ хотѣлъ было что-то сказать, но промолчалъ и самъ удивился, какъ мало впечатлѣнія произвели на него эти два выстрѣла, направленные прямо въ людей. Потомъ онъ вспомнилъ, что, въ сущности говоря, онъ тоже убилъ человѣка. Онъ искоса поглядѣлъ на то мѣсто, гдѣ чернѣла короткая тѣнь отъ сѣрой неподвижной кучки. Ему показалось, что ужасъ шевельнулся у него въ груди, но это только показалось, сердце молчало, и только мальчишеская веселость смѣнялась суровымъ напряженнымъ спокойствіемъ.

Захотѣлось покурить, но папирсъ не было.

Ходившій назадъ по улицѣ дружинникъ вернулся и сообщилъ, что во всѣхъ прилегающихъ къ вокзалу ули-

цахъ строить баррикады, а дальше громить портъ, и пожаръ уже въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

— Ну, и чортъ съ ними,—сказалъ человѣкъ въ пальто,—не въ томъ дѣло!

Извѣстіе о томъ, что строить баррикады, подняло всѣхъ. Почувствовалась сила, и слышались бодрые мечтательные голоса:

— Ого, здорово!..

— Мы отсюда, а съ броненосца будутъ жарить по городу.

— Главное, что броненосецъ не позволить установить пушки...

— Какія жъ тутъ, къ чорту, пушки!

— Здорово, чортъ возьми!..

Опять воцарилось напряженное веселое настроеніе, и когда съ баррикады крикнули, что идутъ солдаты, никто не испугался.

— По мѣстамъ!.. — властно крикнулъ человѣкъ въ пальто.

Онъ взобрался на край баррикады и былъ виденъ отовсюду, освѣщенный пожаромъ, въ своей позѣ привычнаго оратора, безъ шляпы, въ пальто съ поднятымъ воротникомъ.

Солдаты показались какъ-то сразу. Какъ-будто тьма родила ихъ, они вдругъ выдвинулись во всю ширину улицы плотной, стройной массой, надъ которой безпечно и неувлимо засверкали штыки.

Одинокій металлическій голосъ рожка зашѣлъ въ темнотѣ жалобно и предостерегающе, и вдругъ тьма разодралась на-двое, блеснулъ мгновенный рядъ огней, на баррикадѣ посыпались мелкіе камни и щепки, и кто-то закричалъ.

— Пли!..—скомандовалъ человѣкъ въ пальто.

Кончаевъ, весь охваченный злобнымъ восторгомъ, забылъ о томъ, что его могутъ убить, высунулся за бревно и выстрѣлилъ. Вся баррикада расцвѣтилась короткими

желтыми огоньками и засыпалась дробью разрозненных выстрѣловъ. Пять или шесть разъ раздиралась тьма въ концѣ улицы, и скоро вся она, наполненная трескомъ пожара, дымомъ, крикомъ, грохотомъ выстрѣловъ и смертью, превратилась въ сплошной ужасъ и кошмаръ боя.

Кончаевъ самъ не замѣтилъ, какъ онъ, вмѣстѣ съ большинствомъ дружинниковъ, вылѣзъ за баррикаду и медленно наступалъ на солдатъ. Вокругъ него падали люди и, корчась, откатывались по склонамъ мостовой, а онъ все наступалъ и стрѣлялъ, и думалъ только объ одномъ, чтобы каждымъ выстрѣломъ убивать человѣка, и убить какъ можно больше. Ряды солдатъ разстроились, и разстояніе между ними и дружинниками уменьшилось такъ, что уже стали видны мелькающія въ огнѣ и дыму, перекошенные солдатскія лица, судорожныя движенія рукъ, заряжающихъ ружья, и копошащіяся на землѣ раненые.

Солдаты отступали.

Упоительный восторгъ охватилъ Кончаева. Ему было смертельно страшно, пули дергали его за пальто и сбили фуражку, но веселая злоба, все повышаясь, сводя въ судороги зубы, неудержимо влекла его все ближе и ближе, прямо въ огонь.

Одну минуту онъ даже чуть не бросилъ револьверъ и не побѣждалъ, чтобы ужъ прямо вцѣпиться кому-нибудь въ горло и покатиться по землѣ въ судорожной бѣшеной схваткѣ.

Солдаты, отстрѣливаясь, кучками уходили вдоль улицы. На ихъ сторонѣ слышались крики испуга и боли. Здоровенный унтеръ-офицеръ, съ искаженнымъ лицомъ, вдругъ перехватилъ ружье на перевѣсѣ и, наклонившись, очертя голову, бросился впередъ, точно дѣлая послѣднее отчаянное усиліе.

Эттингеръ схватился за штыкъ, но солдатъ дернулъ его къ себѣ, вырвалъ, замахнулся, но въ это мгновеніе съ

невѣроятной отчетливостью сознанія Кончаевъ сбоку выпалилъ ему въ ухо. Судорожно метнулись два сѣрые рукава, и огромный трупъ тяжело покатился въ сторону, прямо въ огонь.

И какъ-будто это было условлено, всѣ солдаты побѣжали назадъ, раздалось еще нѣсколько разрозненныхъ выстрѣловъ, и все смолкло.

Кончаевъ остановился, тяжело дыша.

— Наша взяла!..—радостно, какъ мальчикъ, крикнулъ Эттингеръ,—ура!..

И опять слышались возбужденные громкіе крики.

— Назадъ, назадъ!..—махая рукой, кричалъ человекъ въ пальто, и Кончаевъ, поднявъ фуражку, медленно пошелъ сзади всѣхъ. Въ немъ все дрожало и рвалось, но нельзя было понять своихъ ощущеній, и только чувствовалось, что каждый нервъ живетъ напряженно и сильно до боли.

Они опять стали за баррикадой рядомъ съ атлетомъ и смотрѣли на чернѣющіе по мостовой трупы.

— Нашихъ двѣнадцать человекъ... Пятеро убито, а семь ранено... Понесли назадъ!..—говорилъ Эттингеръ, и по его совершенно веселому, возбужденному лицу было видно, что онъ весь охваченъ восторгомъ борьбы, и жаль только, что и «нашихъ», а не только враговъ, пострадало много.

Послѣдующее плохо сохранилось въ памяти Кончаева. Когда появились пулеметы, издали похожіе на черныхъ сердитыхъ жуковъ, и на такомъ разстояніи, куда не хватали револьверные выстрѣлы, вдругъ ставшіе совершенно бесполезными и ненужными, начали стрѣлять по баррикадѣ, вдругъ всѣ поняли, что все кончено.

Какъ-будто вѣтромъ смело съ вершины баррикады человекъ въ пальто, брустверъ сталъ дымиться отъ пыли, камней и щепъ, по всѣмъ направленіямъ слышались крики и стоны, и тамъ, гдѣ они раздавались, быстро воцарялась зловѣщая тишина. Все произошло съ такой

легкостью и быстротой, что какъ-то стерло въ сознаніи предыдущій успѣхъ и всѣ его эпизоды.

— Отступать къ вокзалу!—кричалъ, напрягая всѣ силы, Кончаевъ.

Дружинники отходили, поворачиваясь и стрѣляя, и у всѣхъ, и у Кончаева и Эттингера, было недоумѣлое чувство безсильной злобы. Но когда на вершинѣ баррикады показались красные отъ близкаго огня лица солдатъ и баррикада унижалась желтыми сверканіями огоньковъ, тѣло охватило ужасъ, и все бросилось бѣжать.

Упало сразу четыре человѣка и среди нихъ Эттингеръ.

Кончаевъ безсознательно наклонился къ нему, но что-то огненное скользнуло у него по плечу, и онъ, инстинктивно почувствовалъ, что Эттингера уже нѣтъ, и то, что онъ подымаетъ, уже не человѣкъ, а трупъ, изъ всѣхъ силъ побѣждалъ дальше.

— Къ вокзалу, къ вокзалу!..—кричали впереди, сворачивая въ переулокъ.

Тамъ было темно, какъ въ погребѣ. Чувствовался страшный жаръ, зловѣщій отъ темноты. Кончаевъ, споткнувшись, ухватился рукой за стѣну и вскрикнулъ: она была горяча, какъ печь.

И какъ разъ въ эту минуту впереди его произошло что-то ужасное: черная стѣна быстро и безшумно выпучилась, какъ живая, замерла на мгновенье и со страшнымъ трескомъ, шипѣніемъ и свистомъ рухнула, ударивъ въ глаза ослѣпительнымъ свѣтомъ открывшагося за нею моря огня. А черезъ ея темные выступы, какъ водопадъ, бѣшено ринулась какая-то бѣлая, расплавленная, покрытая синими огнями масса, ударила въ противоположную стѣну и покрыла бѣгущихъ впереди. Они исчезли въ блескѣ и пѣнѣ, какъ видѣнія, и только невѣроятный визгъ сваренныхъ заживо людей вонзился въ дрогнувшій воздухъ десятками острыхъ лезвій, и все покрылось тяжелымъ сладкимъ липкимъ паромъ расплавленнаго сахара.

— Это сахаръ!.. — мелькнуло въ головѣ Кончаева; онъ сдѣлалъ судорожное усиліе, чтобы удержаться за бѣгу, и, не испытывая ничего, кромѣ остраго напряженія мозга, сообразилъ свое положеніе, повернулъ назадъ, перескочилъ черезъ заборъ и побѣжалъ по какимъ-то рельсамъ, оставляя за собою грохотъ выстрѣловъ, трескъ огня и крики людей.

Вокругъ было темно, и отсюда онъ видѣлъ отдаленныя вспышки молніи на черномъ горизонтѣ моря и понималъ, что это стрѣляютъ съ броненосца.

«Поздно»... — съ болѣзненнымъ сожалѣніемъ о томъ, что дѣло проиграно, подумалъ онъ.—«Э-эхъ!..»

Въ концѣ пути уже виднѣлась освѣщенная платформа вокзала, вся запруженная черной толпой, и слышались крики:

— Дружинники въ поѣздъ!.. Товарищи, сюда!..

Кончаевъ добѣжалъ до паровоза и, видя, что онъ уже медленно поворачиваетъ колеса, какъ кошка, не соображая зачѣмъ, взлѣзъ прямо на него.

«Теперь пока все равно!..—думалъ онъ.—А тамъ посмотримъ!..»

Онъ еле дышалъ и, дрожа всѣмъ ослабѣвшимъ тѣломъ, опустился куда попало, вдругъ почувствовавъ полное безсиліе, слабость и равнодушіе ко всему на свѣтѣ.

Какіе-то два человѣка смотрѣли на него и что-то говорили, но онъ не могъ ихъ слышать.

Поѣздъ пошелъ.

XIV.

Еще въ сумерки, хотя никто ничего достовѣрнаго не зналъ, въ фабричномъ районѣ стало извѣстно, что все пропало. Разсѣяныя толпы испуганныхъ людей бѣжали откуда-то со стороны порта, «оттуда», и на нихъ глядѣли съ ужасомъ, а онѣ сѣяли по всѣмъ кварталамъ,

по узкимъ грязнымъ улицамъ, въ деревянныхъ беззащитныхъ домишкахъ смятеніе и ужасъ.

Въ сумракѣ не видно было лицъ, и оттого ужасъ терялъ форму и смыслъ и грозно обращался въ бессмысленную слѣпую панику.

Какіе-то люди безтолково перебѣгали изъ дома въ домъ, въ синемъ сумракѣ по темнымъ окнамъ торопливо вспыхивали и сейчасъ же исчезали робкіе огоньки, слышались негромкіе голоса и голосный высокій плачь. Лавки, двери, окна, все, что можно закрыть, закрывалось, и сумракъ тревожно и странно сгущался на улицахъ.

Когда уже совсѣмъ стемнѣло, въ отдаленіи слышалось нестройное, многоголосое пѣніе, и можно было разобрать слова:

— Святой, Боже, святой крѣпкій, святой безсмертный, помилуй насъ!..

Огромная, темная, безликая толпа, съ гуломъ и тоскливо грознымъ пѣніемъ, точно прорвавши какую-то невидимую плотину, вдругъ повалила по улицѣ и залила ее, какъ потокъ черной движущейся массы.

Множество грубыхъ, хриплыхъ и страшныхъ, въ своей безысходной, торжественной печали голосовъ, нарастая и повышаясь, загремѣли уже ясно и оглушительно, и росъ не то смѣшной, не то ужасный напѣвъ:

— Святой, Боже, святой крѣпкій, святой безсмертный!..

Надъ темной толпой колыхались темные мертвые силуэты убитыхъ людей, поднятыхъ сотнями рукъ, и въ ихъ медленномъ, тоскливомъ покачиваніи, въ беспомощно свѣсившихся головахъ и рукахъ было молчаніе смерти. Толпа медленно расплывалась по улицамъ, сливаясь съ синими сумерками, и въ чистомъ вечернемъ воздухѣ, черезъ минуту уже далеко, замирая и отдаляясь, слышалось таинственно печальное пѣніе.

Кто-то крикнулъ пронзительнымъ толосомъ:

— Солдаты!

И все опустѣло, только отдѣльныя кучки и тѣни быстро и беззвучно, какъ мыши, зашмыгали въ воротахъ.

И тогда откуда-то появились какъ-будто никому неизвѣстные люди и, перекликаясь одинокими возбужденными голосами, стали строить баррикаду.

Когда проходила процессія съ тѣлами убитыхъ, Сливинъ стоялъ на углу большой улицы и тупика и, снявъ шапку, весь блѣдный и растерянный, что-то беззвучно бормоталъ пересохшими губами.

До самой послѣдней минуты, тысячи разъ упрекая себя, издѣваясь надъ собой, обливаясь холоднымъ потомъ отъ презрѣнія и отъ жалости къ себѣ, онъ все надѣялся, что ничего не будетъ.

«Надо, чтобы было... Если не будетъ ничего, то значить все наше дѣло только пухъ и больше ничего!...»

И при этой мысли его тоже обдавало холодомъ. Что-то сидящее внутри его овладѣло имъ и играло, какъ кошка съ мышью, бросая то туда, то сюда, то отпуская, то притискивая когтями къ землѣ, въ то же самое мгновѣнiе, когда ему начинало казаться, что онъ вырвался.

Для того, чтобы онъ остался въ живыхъ, надо было, чтобы мигъ, котораго онъ съ восторгомъ ждалъ всю жизнь, не осуществился. Лучше было бы умереть. Для того же, чтобы онъ осуществился, надо было умереть сейчасъ, тутъ, страшно и мучительно. Лучше не было бы ничего, но тогда опять лучше смерть.

Это былъ заколдованный кругъ мышеловки, и тамъ, гдѣ трусливая мышь находила выходъ, гдѣ приходила въ голову мысль: «пусть всѣхъ убьютъ и все будетъ достигнуто, а я останусь живъ»... тамъ острые когти самопрезрѣнія обдирали душу до крови, и казалось, что его сердце виситъ окровавленными клочьями.

Когда начали строить баррикаду, и она, жиденькая и нелѣпая, кривыми рогатками прилепилась на мостовой, Сливинъ весь поблѣднѣлъ и подумалъ:

— Что же я стою... Помогать... сейчасъ...

И вдругъ, сорвавшись съ мѣста, онъ побѣжалъ черезъ улицу и не своимъ голосомъ, слыша это и обмирая отъ стыда, закричалъ:

— Товарищи, впередъ...

Никто не обратилъ на него вниманія и, перекликаясь растерянными голосами, неясно видимые въ сумракѣ люди продолжали безтолково суетиться посреди улицы.

У калитки одного дома Сливинъ увидѣлъ лѣстницу и сейчасъ же схватился за нее. Лѣстница была длинная и тяжелая, и онъ не могъ ее поднять. Тогда онъ схватилъ ее за концы и, нелѣпо пятась задомъ, поволокъ ее къ баррикадѣ. Лѣстница грохотала по камнямъ, и этотъ грохотъ тоже казался Сливину невыносимо нелѣпымъ и кричащимъ о его трусости.

Почему-то ему никто не помогъ. Онъ попытался самъ взвалить лѣстницу вдоль баррикады, но она дважды сорвалась и, наконецъ, застряла поперекъ. Сливинъ дернулъ ее нѣсколько разъ, бросилъ и, обливаясь потомъ, побѣжалъ искать еще чего-нибудь.

Навстрѣчу два человѣка катили бочку. Сливинъ хотѣлъ помочь и ухватился за край. Но втроемъ было неудобно, и одинъ изъ катившихъ сказалъ съ досадой:

— Мы сами... оставьте!..

Сливинъ растерянно остановился, снялъ шапку и сталъ вытирать потъ, неопредѣленно улыбаясь въ пространство.

— Что жъ я стою?..—испугался онъ.

— Товарищи! Тамъ, во дворѣ, ящики есть съ опилками. Тащите сюда!—закричалъ кто-то съ другой стороны улицы.

Сливинъ озабоченно надѣлъ картузь и побѣжалъ туда, но ящики уже были разобраны и дѣлать было нечего. Сливинъ оглянулся, отыскивая что-нибудь, и ему пришлось въ голову снять калитку. Онъ подбѣжалъ, схватился за низъ и не снялъ. Перехватилъ обѣими руками и

опять не снялъ. Сливинъ обмеръ отъ позора и, тихо, нелѣпо ухмыляясь, вышелъ опять на улицу.

Баррикада была уже построена, и на ней даже болтался маленькій красный флажекъ. Далеко за нею, въ концѣ уходящей улицы, слабо догорала зеленоватая весенняя заря. Было пусто, и черныя фигурки защитниковъ баррикады чернѣли одиноко и слабо.

— У кого есть револьверы?—негромко, но властно спрашивалъ какой-то чернобородый человѣкъ, почему-то оказавшійся начальникомъ баррикады.

— У меня... у меня... у меня ружье!..—послышались голоса.

Сливинъ вспомнилъ о револьверѣ, и ему показалось, что онъ забылъ его дома. Похолодѣвъ отъ испуга, онъ нащупалъ въ карманѣ холодный стволъ и дрожащимъ голосомъ крикнулъ:

— У меня есть!..

— Значить, разъ, два, три, четыре!.. да ружье!..—считалъ чернобородый человѣкъ.—Эхъ!.. жидко!.. Какъ же такъ, ей-Богу?..—прищелкнулъ онъ языкомъ. — Ну, ничего!

Нельзя было понять, какъ это «ничего», когда явно было, что надо или уходить, или нелѣпо погибнуть, а баррикады защитить никакъ нельзя; но тѣмъ не менѣе это «ничего» подѣйствовало ободряюще. Послышались шутки и смѣхъ.

Чернобородый разставилъ пять человѣкъ по мѣстамъ и того, у котораго было ружье, поставилъ посрединѣ, подъ флагомъ. На него посматривали съ завистью.

Воцарилось молчаніе, и только изрѣдка позади слышались торопливые одинокіе шаги, да гдѣ-то взбудораженно лаяла собака. Заря все гасла и гасла, и ночь безшумно входила въ улицу. Дома стали черными, а мостовая какъ-будто побѣлѣла.

Прошелъ часъ и другой. Защитники сопли съ мѣстъ и тихонько разговаривали, собравшись въ кучки. Кой-

гдѣ, въ черныхъ массахъ домовъ, зажглись слабые огоньки. Кто-то закурилъ папиросу, и желтенькое пламя спички на мгновенье окрасило опять въ красный цвѣтъ казавшійся уже чернымъ флажекъ.

— Чортъ его знаетъ! — тихо говорилъ чернобородый, — надо бы патруль выслать, а то какъ бы врасплохъ не напали... Ни лысаго бѣса не видно...

— Куда жъ тутъ итти?.. Наткнешься прямо на казакъ... — возразилъ кто-то въ темнотѣ. — Будемъ ужъ тутъ сидѣть.

— Какого чорта?

— Кто пойдетъ? А?.. Кто хочетъ итти? — спрашивалъ чернобородый, чуть-чуть повышая голосъ.

— Я! — выкрикнулъ Сливинъ, точно его подтолкнули, и вскочилъ.

— Ну, и ладно!.. Двоихъ достаточно!.. Идемъ, товарищъ! Револьверъ есть?

— Есть, — дрожа отъ внутренней лихорадки, отвѣтилъ Сливинъ.

— Ну, айда!..

Они перелѣзли впотымахъ черезъ ящики и лѣстницу и очутились за баррикадой.

Хотя и по ту, и по другую сторону была одна и та же улица, но почему-то здѣсь казалось свѣтлѣе, пустѣе и жутко, какъ на кладбищѣ. Шаги раздавались невыносимо гулко, и сердце замирало.

— Ладно, ладно, иди, трусъ! — сказалъ самъ себѣ Сливинъ и съ невыразимымъ отчаяніемъ подумалъ, что сказала бы Зиночка, если бы увидѣла его блѣдное, мокрое отъ холоднаго пота лицо, съ выпученными глазами и обвисшими мокрыми волосами на лбу.

Они стали красться вдоль забора, завернули за уголъ и потеряли изъ виду баррикаду, казавшуюся имъ теперь уютной, теплой, какъ свой домъ.

Было темно, и только чуть-чуть бѣлѣла мостовая. Пустота и тишина неподвижно замерли надъ улицами.

Но когда они вышли на край площади, за темнымъ силуэтомъ церкви увидѣли слабое, то падающее, то поднимающееся зарево, и слышали отдаленные выстрѣлы.

Въ это время штурмовали баррикады въ порту. Тамъ все горѣло и рушилось, грохотало и кричало, умирали люди, озлобленные до ужаса, но отсюда все казалось очень маленькимъ и почти безмолвнымъ. Только было жутко.

Сливинъ и чернобородый остановились и долго чутко прислушивались.

— Это въ порту стрѣляютъ!—прошепталъ чернобородый.

Сливинъ вспомнилъ Кончаева, и сердце его заняло тоскливо и тревожно.

— Ну, идемъ!

Они опять тронулись, вытянувъ шеи и прислушиваясь ко всякому звуку, каждую минуту, инстинктивно готовые опрометью кинуться назадъ.

Страхъ пустоты, тишины и мрака все больше и больше росъ вокругъ Сливина. Нервное напряженіе его достигало высочайшаго давленія, и казалось ему самому, что если кто крикнетъ, кинется,—онъ сойдетъ съ ума.

— Боже мой, какой я трусъ! Боже мой, какой я трусъ! Боже мой!..—вертѣлось у него въ мозгу огненное колесо.

— Пора назадъ!—еле выдавливая слова ссохшимися губами, прошепталъ онъ.

— Немного еще пройдемъ!.. Надо же разузнать,—возразилъ чернобородый.

Они прошли еще одинъ поворотъ.

Вдругъ изъ-за угла показались прыгающія по мостовой полосы свѣта, слышались веселые голоса и стукъ подковъ по камню, точно тамъ стоялъ цѣлый рядъ лошадей.

— Они,—шепнулъ чернобородый, останавливаясь.—
Надо посмотрѣть!..

«Зачѣмъ? — хотѣлъ было сказать Сливинъ, но мысленно ударилъ себя по лицу и съ злобнымъ презрѣніемъ подумалъ:—да «зачѣмъ»—подумаешь, какое благородіе... о-о, трусъ проклятый!.. иди смотри, а то!..»

Было похоже, точно у него въ душѣ ссорились два человека, и одинъ смертельно презиралъ другого и не жалѣлъ его, а другой плакалъ отъ тоски страха.

Они продвинулись еще нѣсколько шаговъ и остановились опять. Тутъ сейчасъ за самымъ угломъ горѣлъ на мостовой бойкій свѣтлый костеръ, и веселыя тѣни прыгали по розовымъ стѣнамъ домовъ. Солдаты стояли и сидѣли вокругъ огня. Дальше въ тѣни смутно виднѣлись черныя лошади, и ихъ умныя морды съ блестящими глазами то появлялись, то исчезали во мракѣ.

Два солдата боролись посреди улицы, забавно перетянувъ на шею свои неуклюжія шинели, и ихъ огромныя угловатая тѣни тоже боролись на стѣнѣ. Остальные слѣдили за борьбой и смѣялись.

— Трофимовъ, не поддайся!..—кричалъ одинъ.

— Куда ему, ослабъ!—смѣясь отвѣчали другіе.

— Эх-эхъ!.. — крякалъ одинъ изъ борцовъ.

Чернобородый, притаившійся въ темнотѣ, вдругъ со страшной силой судорожно сжалъ руку Сливина.

— Ишь, подлецы!—чуть слышно прошипѣлъ онъ,—тамъ людей убиваютъ, а они... а, мать ихъ!.. Вотъ бы пальнуть! Больно ловко!..—оживленно прибавилъ онъ.

И вдругъ произошло что-то такое ужасное, что весь міръ заблестѣлъ передъ Сливинымъ, какъ закрутившееся въ вихрѣ огненное кольцо.

Чернобородый вытянулъ руку, и три поразительно рѣзкихъ яркихъ выстрѣла прогремѣли по направленію къ солдатамъ. Кто-то тамъ пронзительно закричалъ, кто-то какъ-будто упалъ, какъ-будто сотни лицъ, съ широко выпученными глазами, заглянули въ самую душу Сливи-

на, и въ слѣдующее мгновеніе передъ нимъ былъ только мракъ, пустота улицы и быстрый вѣтеръ, бившій въ лицо.

Они рядомъ неслись по улицѣ, сжавъ въ рукѣ револьверы, и улица неслась имъ навстрѣчу, мелькая въ темнотѣ черными окнами, впадинами воротъ и призраками фонарей, смотрѣвшихъ на нихъ, какъ живые.

Сливинъ хрипѣлъ и задыхался отъ бѣга, въ груди его неудержимо колотилось сердце, и ужасъ, ни съ чѣмъ несравнимый, уносилъ его, какъ ураганъ.

— Что вы... сдѣлали!.. — прохрипѣлъ онъ, задыхаясь.

— Ладно... по крайности!.. — прокричалъ чернобородый срывающимся отъ бѣга и волненія торжествующимъ голосомъ.

Сзади уже слышался звонкій дробный стукъ копытъ нѣсколькихъ лошадей, скачущихъ во весь опоръ, слышались озлобленные крики, и двѣ яркія молніи съ сухимъ трескомъ пронизали тьму. Казалось, вся улица, весь міръ ожили и бѣшено несутся въ погонѣ за Сливинымъ.

— Все равно, — мелькнуло у него въ головѣ, какъ бредъ: — сейчасъ схватятъ!.. убьютъ!.. убьютъ!.. сейчасъ!..

Онъ задыхался, весь ротъ переполнился липкой горячей слюной, и хотѣлось ткнуться въ мостовую и тупо, покорно ждать.

Онъ сдѣлалъ страшное усиліе, чтобы подавить это смертельное желаніе.

— Все равно!.. пропали!.. — крикнулъ чернобородый и вдругъ остановился. — Стой!..

Но Сливинъ вскрипнулъ всей грудью, свернулъ за уголъ и, самъ не зная какъ, ткнулся подъ заборъ, залѣзъ въ какую-то глухую черную дыру и замеръ съ хрипомъ и мучительнымъ усиліемъ, захлебываясь слюной и видя передъ собой только огненные круги.

Гдѣ-то близко онъ услышалъ быструю прерывистую трескотню выстрѣловъ, крикъ и молчаніе.

Прошло минуты двѣ. Послышался спокойный стукъ подковъ, и во мракѣ неясно проѣхали по серединѣ улицы невѣроятно, какъ показалось, огромныя тѣни двухъ лошадей и двухъ людей, молча качавшихся на сѣдлахъ.

Сливинъ долго-долго лежалъ въ своей дырѣ и то, что медленно и тупо шло передъ его очами, было безсвязно и непонятно.

Его трусость, это нелѣпо безобразное и унижительное бѣгство, въ которомъ весь міръ слился въ одно паническое желаніе спастись, эта темная дыра, похожая на нору трусливаго ночного звѣрька, острое сознаніе, что онъ долженъ былъ остановиться, какъ и тотъ, стрѣлять, умереть, чтобы не чувствовать этого гнетущаго презрѣнія къ себѣ, и не менѣе острое сознаніе невозможности и невозвратимости этого—подавили его, какъ гора песчинку. И въ эту минуту для него самое жалкое, самое маленькое, самое гаденькое въ мірѣ быть—онъ самъ.

И въ то же самое время, когда вся душа его замирала отъ униженія, длинное, неуклюжее тѣло тщательно ежилось, забиралось въ дыру все дальше и дальше, въ нелѣпыхъ судорогахъ отвоевывая у тьмы все новый и новый кусочекъ невидимости. По временамъ ему казалось, что онъ исчезъ въ темнотѣ, что его нѣтъ, но въ ту же секунду онъ замѣчалъ слабый отблескъ свѣта на ногѣ, на рукѣ и лѣзъ дальше, точно въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ влипнуть въ стѣну.

«Подлецъ, подлецъ!..» крутилось у него въ головѣ.— «Вылѣзти, сейчасъ вылѣзти!.. Дождаться, когда они будутъ ѣхать назадъ и выстрѣлить...»

«Надо стрѣлять въ спину, разъ и два... въ обоихъ... они не успѣютъ и обернуться... А вдругъ промахнусь, что тогда?» мелькала подъ этой мыслью другая, и нельзя было не видѣть этой мысли, и сознаніе ея, ея неуловимая

живучесть томили его мозгъ до уродливаго сумасшедшаго кошмара.

Какъ-будто бы все время мозгъ работалъ остро, напряженно; какъ-будто ярко и непрерывно возникали образы; пѣніе толпы, плывущей въ синихъ сумеркахъ, выстрѣлъ, освѣтившій мгновенно и ярко стѣну и чернобородое хищное лицо, милые нѣжные глаза Зиночки, бѣгство, крики, силуэты огромныхъ лошадей—все это плыло мимо, смѣнялось, повторялось, какъ-будто переживалось вновь и въ то же время былъ какъ-будто длинный періодъ полного тумана и отсутствія сознанія, потому что вдругъ толкнуло въ сердце, и передъ глазами ясно засинѣлъ слабый предразсвѣтный свѣтъ, показалась бѣлая мостовая, черный силуэтъ укрывавшихъ его воротъ, собственныя скорченныя ноги. Было мучительно холодно, и во всемъ тѣлѣ ныла тоскливая безпомощная слабость.

Сливинъ, съ трудомъ разгибая колѣни, выползъ и выглянулъ на улицу.

Было пусто, тихо и свѣтло. Озябшіе за ночь голуби торопливо расхаживали по побѣлѣвшей мостовой и казались какъ-то странно оживленными среди общей безмолвной и свѣтлой пустоты. Воздухъ былъ чистъ и влаженъ, а небо, свѣтлое и прозрачное, розовѣло съ одного края.

Въ первую секунду Сливину показалось, что все кончено, и онъ проснулся, но сейчасъ же услыхалъ отдаленныя неясныя звуки пальбы и догадался, что гдѣ-то борьба продолжается.

«Надо итти туда!—подумалъ онъ, вставая и качаясь отъ слабости. Но холодный туманъ тупо давилъ ему на мозгъ, и не хотѣлось ни итти, ни думать.

Онъ только посмотрѣлъ на небо и удивился, что уже прошли сутки. Какъ-будто всего часа два тому назадъ строили баррикаду.

— Какъ скоро!..

Но потомъ вспомнилъ, сколько мелочей и ужасовъ помѣстилось въ этомъ промежуткѣ времени, и ему показалось, что вчерашній день, проводы Зиночки, кошка, что кралась по забору, докторъ Лавренко—все это было когда-то давно, въ невозвратимой вѣчности.

Онъ уже стоялъ на тротуарѣ и тупо оглядывался вокругъ.

«Какъ тяжело, какъ тяжело, и никогда мнѣ не пережить этого ужаса... Хотя-я!..» подумалъ онъ, вспомнилъ при этомъ словъ Зиночку и грустно, радостно улыбнулся сквозь слезы, выступившія на глазахъ. «Ничего!.. Скоро ли, долго ли, а настанетъ то удивительное, счастливое солнечное время, когда все это уже пройдетъ и будетъ вспоминаться, какъ сонъ... И какъ странно будетъ вспоминать! Какая будетъ новая, свѣтлая, необыкновенная жизнь!.. Какъ буду я дорожить каждымъ ея мгновениемъ, каждымъ ощущениемъ!»

Круглый и тупой звукъ родился въ воздухѣ и... б-бахъ... разразился гдѣ-то далеко-далеко въ городѣ.

«Пушка!..—отчетливо сообразилъ Сливинъ и пошелъ вдоль забора, чутко оглядываясь и всѣмъ тѣломъ ощущая, что оживаетъ, переполняется силой и бодростью... Лихорадочная чуткость, вздрагивающая отъ невыносимо громкаго стука его каблуковъ, вела его ловко и неслышно, какъ тѣнь, по безконечному бѣлому тротуару.

«Надо пробраться въ портъ, должно быть, это тамъ дерутся», — думалъ онъ, озираясь большими острыми глазами.

— Трах-тахъ! — щелкнули два торопливые выстрѣла въ сосѣднемъ переулкѣ.

Сливинъ остановился, какъ вкопанный, и ясно почувствовалъ потъ на лбу. Какая-то удивительная ловкость и сообразительность вдругъ появилась въ его длинномъ вяломъ тѣлѣ. Онъ быстро схватился за верхнюю доску забора, почему-то обратилъ вниманіе на цѣпкіе, худые, синеватые отъ холода, грязные пальцы своихъ вытяну-

тыхъ изъ рукавовъ рукъ, безшумно поднялся на верхъ забора и мягко спрыгнулъ въ обширный пустой огородъ.

Отсюда были видны синѣющія крыши домовъ города и далекія, густыя облака дыму, медленно всползающаго въ блѣдно-сиреневое небо. Вокругъ былъ обширный пустой огородъ, и ряды черныхъ, чуть тронутыхъ зелеными всходами грядъ лежали неподвижно и пустынно, какъ на кладбищѣ. Никого вокругъ не было. Сливинъ, все еще внутренне дрожа, остановился и оглянулся. По крышамъ домовъ онъ догадался, въ какую сторону надо идти, перешелъ огородъ, увязая въ мягкихъ грядкахъ, ухватился опять руками за заборъ и поднялся на него.

Недалеко по переулку, узкому и пустому, шатаясь и что-то бормоча, двигался человѣкъ. Это былъ огромный худой мужчина, но нельзя было разобрать кто такой. Черная обугленная фигура, покрытая слоемъ красно-черной грязи, оставляя на каждомъ шагу пятна крови и грязи, волочила по тротуару какія-то кровавыя лохмотья, и Сливинъ не могъ даже сразу разобрать, клочья ли это отгорѣвшаго оборваннаго мяса, или налитшая кровью и гарью одежда.

Но, прежде чѣмъ онъ успѣлъ сообразить что-нибудь, произошло нѣчто мгновенно и ужасно измѣнившее все вокругъ. Изъ воротъ какого-то дома, какъ изъ звѣриной норы, совершенно молча вывернулось три человѣка, и первый, усатый солдатъ въ черной шинели городского, съ размаху рубанулъ длинной свистнувшей пашкой въ мягкую и липкую кучу мяса обгорѣвшаго человѣка. Острый и хриплый крикъ невыносимаго ужаса огласилъ пустой бѣлый переулокъ. Кровавая куча взмахнула оборванными, брызнувшими кровью руками и, тяжело рухнувъ на тротуаръ, скатилась на мостовую, оставляя кровавыя клочья на камняхъ. И все это ослѣпительно ярко врѣзалось въ глаза Сливину не людьми, а красными съ безумными и страшными глазами пятнами.

То, что произошло затѣмъ, было уже внѣ его сознанія

и воли. Въ неодолимомъ взрывѣ отвращенія, ненависти и ужаса, Сливинъ не спрыгнулъ, а свалился на тротуаръ, что-то закричалъ и побѣждалъ на тѣхъ людей. Онъ видѣлъ, какъ всѣ три оглянулись на него, видѣлъ ихъ выпученные глаза и открытые рты, видѣлъ, какъ двое побѣжали отъ него, а одинъ, городской въ черной путающейся вокругъ ногъ шинели,—прямо на него. На одно мгновеніе мелькнулъ передъ нимъ огонь и дымъ, въ которомъ исчезли злобные тупые глаза, и въ ту же минуту онъ увидѣлъ дважды сверкнувшее пламя въ концѣ своей вытянутой руки и сквозь дымъ, съ невѣроятной острой жестокой радостью, замѣтилъ взмахнувшій обѣими руками черный силуэтъ, запрокинутую голову съ взъерошенными усами и вдругъ черную кучу съ торчащими навстрѣчу неподвижными бѣлыми подошвами сапогъ.

— Ура!—нелѣпо закричалъ Сливинъ и, весь наполненный острой мыслью не упустить, не глядя, перескочилъ черезъ черную кучу и побѣждалъ за быстро удаляющимися по переулку двумя спинами.—Ура!..

Мгновенно изъ-за угла вылетѣла куча людей и лошадей; совершенно спокойно, точно онъ этого ожидалъ, Сливинъ выстрѣлилъ и съ тою же острой радостью увидѣлъ, что попалъ, но въ эту же минуту что-то треснуло его въ ухо; лошади, люди, небо и дома завертѣлись колесомъ и, какъ показалось Сливину, онъ самъ по оплошности и неловкости, чего можно было бы избѣжать, ударился головой о мостовую.

Его подняли и поставили на ноги. Онъ мгновенно пришелъ въ себя и необыкновенно отчетливо увидѣлъ все. Вокругъ толпились солдаты, совершенно безцѣльно, какъ ему показалось, хватавшіе и толкавшіе его со всѣхъ сторонъ. У нихъ были совершенно бессмысленныя красныя лица, а у одного вся щека была окровавлена. Этотъ маленькій, худенькій солдатикъ больше всѣхъ толкалъ и билъ его, и все старался достать до лица. Въ сторонѣ

стояли большія худыя лошади, и тѣ же солдаты копошились надъ чѣмъ-то чернымъ и сѣрымъ, на чемъ виднѣлись красныя пятна. Между ногами копошившихся солдатъ Сливинъ увидѣлъ неподвижно лежавшую на мостовой скрюченную руку въ сѣромъ обшлагѣ и двѣ пары ногъ, одну меньше, другую больше, бѣлѣвшихъ подошвами.

«Это я убилъ», мелькнуло у него въ головѣ, но не было уже той острой жестокой радости, а было все равно, и все внутреннее напряженное вниманіе сосредоточилось внутри себя около чего-то огромнаго, все разрастающагося, чего нельзя было еще понять.

Его ударили по зубамъ и разбили въ кровь, но онъ только дернулъ головой и не мигая смотрѣлъ вверхъ передъ собой. Ударили еще два раза, что-то кричали хриплыми голосами и вдругъ отошли, оставили.

Онъ не понялъ, почему и оглянулся все тѣми же свѣтлыми, смотрящими внутрь глазами. Солдаты стояли вокругъ и молча смотрѣли на него странными, какъ-будто ожидающими, лицами.

«Ну, что жъ? Почему меня не убиваютъ?» удивленно подумалъ Сливинъ. «Бейте, убивайте, я убилъ!..»

Но онъ молчалъ, и солдаты молчали.

Должно быть, подѣхалъ офицеръ на большой черной лошади и у офицера было сердитое усатое лицо. Кажется, онъ что-то говорилъ, и слова его Сливинъ слышалъ и понималъ удивительно отчетливо; кажется, офицеръ замолчалъ и смотрѣлъ на него такъ же внимательно и странно, какъ и солдаты. Но главное было не въ томъ, а въ томъ, что передъ глазами свѣтлѣло и росло, и ширилось небо, что внутри Сливина совершалась какая-то тайная, непонятная ему и никому, огромная работа.

— Ну, что жъ?.. Идите, что ли!..—услышалъ онъ нерѣшительный голосъ и пошелъ.

Онъ пошелъ бы теперь, куда угодно. Ему было странно вспомнить прошедшую ночь, страхъ, дыру. Казалось,

онъ пережилъ сейчасъ что-то такое огромное, невыразимо полное, послѣ чего уже все было незначительно, неважно, и можно было идти, куда они хотѣли, хотя бы и на смерть.

Неловко толкаясь, звеня длинными шашками и неуклюже, на ходу снимая черезъ головы ружья, солдаты отвели Сливина подальше отъ убитыхъ въ конецъ переулка, и все время поглядывали на него молча, украдкой, внимательными и какъ-будто непонимающими глазами.

Сливинъ шелъ самъ, прямо и твердо, высоко поднявъ голову и глядя поверхъ головъ идущихъ впереди солдатъ немигающими, влажными, свѣтлыми глазами, точно онъ выросъ и сталъ выше всѣхъ. То же огромное, свѣтлое и полное, похожее на мучительное счастье, чувство наполняло его грудь и подымало ее въ уже нездѣшнемъ восторгѣ.

«Вотъ и смерть, которой я такъ боялся», мелькнуло у него въ головѣ. «Конецъ!.. Ну, что же? Я умираю, но это вовсе не страшно и не важно».

Блѣдно и отдаленно мелькнули передъ нимъ образы Зиночки, Лавренко, Кончаева, матери, взглянули ему въ душу и исчезли, растопились въ ея бѣломъ свѣтѣ. Онъ былъ уже одинъ, и никто и ничто въ мірѣ не могло нарушить то торжественное и свѣтлое напряженіе души, въ которомъ на мгновеніе, передъ концомъ своимъ, замерла его жизнь.

Сливина поставили противъ кирпичной стѣны стараго сарая, на едва проросшей между камнями весенней травкѣ, и оставили одного, передъ рядомъ шести ружей.

«Ничуть не страшно и не тяжело умирать...—Не въ этомъ дѣло. И какъ я раньше не догадался объ этомъ...» съ радостно удивленной улыбкой, не словами еще, подумалъ Сливинъ, глядя на солдатъ и ихъ маленькія ружья остановившимися свѣтлыми и влажными глазами. «Прощай, жизнь! Я не жалѣю... Прощай!»

Гулъ пушечнаго выстрѣла кругло и упруго выросъ надъ домами и съ трескомъ разразился вверху, заглушивъ негромкій залпъ шести ружей.

Сливинъ, вскинувъ руками, схватился за траву. На мгновенье выраженіе боли и ужаса мелькнуло въ его еще живыхъ глазахъ, но сейчасъ же смѣнилось спокойнымъ и строгимъ выраженіемъ смерти.

Солдаты постояли надъ нимъ. И какъ-будто ждали чего-то, что объяснило бы имъ то странное сложное чувство, которое встало въ ихъ тупыхъ и короткихъ душахъ отъ этого непонятнаго убитаго человѣка.

Они ушли, не трогая его, и трушъ долго лежалъ на травѣ у сарая, устремивъ въ широкое синее небо мертвые глаза и раскинувъ руки, точно онъ хотѣлъ обнять ими весь міръ, солнечный, голубой и прекрасный въ своей теплой и тихой веснѣ.

XV.

Было уже утро. Паровозъ стучалъ и дрожалъ отъ собственной страшной силы, а мимо быстро мелькали и проносились сѣрыя отъ росы поля, намокшія березки, мокрые столбы и крыши сторожевыхъ будокъ. Было холодно и сыро, и все было сѣрое и мокрое: и лица людей, и деревья, и блестящія металлическія части паровоза. Дымъ, точно мокрая вата, бѣлыми разорванными клочьями, цѣплялся за чахлые кустики и медленно таялъ позади.

На станціи, которая промелькнула мимо, какіе-то люди кричали и махали руками, о чемъ-то предупреждая, но поѣздъ, не останавливаясь, съ грохотомъ и звономъ прошелъ дальше.

— Нельзя останавливаться! — сказалъ машинистъ Кончаеву такъ просто, точно они вмѣстѣ дѣлали одно

общее дѣло.—Уклонъ близко, и, если остановиться, потомъ не разгонишь, а намъ надо пролетѣть во весь махъ...

Кончаевъ тупо кивнулъ головой. Страшное возбужденіе, въ которомъ прошелъ день, теперь упало и, падая, унесло изъ тѣла всю силу и изъ души все, кромѣ сознанія тяжелой, тупой усталости. Хотѣлось лечь, гдѣ попало, и заснуть, забыть все, что было и будетъ. Голова одновременно стала и тяжелой, и легкой, тянула внизъ и качалась отъ малѣйшаго толчка. Плохо соображая, онъ равнодушно выслушалъ машиниста, и сѣлъ на приступокъ тендера, прислонивъ голову къ холодному твердому желѣзу. И сразу бѣловатый туманъ охватилъ его, и Кончаевъ поплылъ куда-то въ сторону сладко и безсильно, какъ человѣкъ, у котораго закружилась голова.

А поѣздъ все шелъ впередъ. Уклонъ приближался со страшной быстротой. Машинистъ, черный, сухощавый и твердый, высунувшись изъ окна, напряженно смотрѣлъ впередъ, и казалось, что онъ видитъ тамъ что-то страшное. Маленькій кочегаръ, дѣловито и не спѣша, ворошилъ желѣзной лопатой, и ея скрежещущій звукъ невыносимо лѣзъ въ уши. Кончаевъ сквозь тяжелую дремоту чувствовалъ, будто именно этотъ скрежещущій звукъ и есть то, что всѣхъ мучить, но не имѣлъ силы сказать объ этомъ. Онъ уже спалъ, хотя сознавалъ, что сидитъ на приступкѣ тендера и смотреть прямо на циферблатъ манометра. Въ усталомъ отупѣломъ мозгу его странно мѣшались вмѣстѣ и сѣрые прозрачные призраки пролетающихъ мимо въ утреннемъ полусвѣтѣ березокъ и столбовъ, и яркіе, точно освѣщенные большой лампой, призраки сна. Паровозъ стучалъ и дрожалъ, но выходило такъ, что кто-то трясъ за плечи и говорилъ ему о чемъ-то очень интересномъ и даже смѣшномъ, но о чемъ именно, разобрать нельзя.

— П...подожди!..—пробормоталъ Кончаевъ и опять ясно увидѣлъ все свѣтлѣе и свѣтлѣе обрисовывавшіяся поля, лужи, мѣдныя трубки, бѣлый циферблатъ и коче-

гара, уже не скребущаго лопатой, а неподвижно смотрящаго въ другое окно. И теперь казалось, что и кочегаръ видитъ впереди что-то страшное.

Въ головѣ Кончаева была пустая, непрозрачная, какъ бѣловатый туманъ, усталость, и онъ сдѣлалъ мучительное усиліе, чтобы понять, гдѣ онъ и зачѣмъ. И, наконецъ, вспомнилъ, что онъ на паровозѣ, что они увозятъ изъ города боевую дружину, что все пропало, и на уклонѣ вблизи дачнаго мѣста, гдѣ въ прошломъ году играла лѣтомъ музыка и онъ познакомился съ Зиной, ихъ должны встрѣтить солдаты, и тогда будетъ смерть.

Страхъ и тоска шевельнулись у него въ груди, и на мгновеніе стало тошно. Онъ высунулся на лѣвую сторону и съ трудомъ узналъ мѣсто. До уклона оставалось минутъ десять ѣзды.

Вдругъ машинистъ повернулся къ Кончаеву и сказалъ глухо и какъ-будто равнодушно:

— Идемъ во всю!.. Поддувало открыто!.. Будутъ стрѣлять—все-таки проскочимъ, а тамъ, Богъ дастъ...

Какая-то бѣлая пелена скользнула по глазамъ Кончаева.

— Ага!—сказалъ онъ, съ страшнымъ усиліемъ стряхивая дремоту.

— Я предупреждаю, что мы каждую минуту можемъ взлетѣть на воздухъ... Либо подъ уклонъ слетѣть... Но вѣдь теперь все равно, насъ разстрѣляютъ всѣхъ до одного человѣка!..

Машинистъ отвернулся и опять сталъ смотрѣть въ окно. Кончаевъ сѣлъ на свою приступку и, силясь держать глаза открытыми, подумалъ:

«Что онъ говоритъ?.. Ну, да, я знаю... Мы сейчасъ взлетимъ на воздухъ... п-подожди!.. Да, сейчасъ уклонъ!.. Смерть!.. Ахъ, все равно!.. Только бы скорѣе все кончилось и потомъ спать, спать... А? Зина?.. Нельзя спать!..»

Чей-то тоненькій голосокъ запѣлъ надъ нимъ длинную и странно печальную пѣсню:

— ... бжжж-и-бжжж-у... бжж-и бжжжу.

Кончаевъ открылъ глаза. Маленькій кочегаръ стоялъ наверху тендера, и сильная струя воды била на дрова.

— Бжж-и-бжж-у...—шѣла струя, то повышаясь, то понижаясь, и въ этой непрестанной мелодіи было тоскливое, и грозное, и печальное, какъ въ погребальномъ пѣніи.

«Господи, и когда этому конецъ?»—тупо и мучительно кружась, думала голова Кончаева, какъ-будто независимо отъ него самого, а онъ видѣлъ зеленый коночный вагонъ и дымъ.

Кто-то побѣждалъ и закричалъ, размахивая руками:

— Товарищи!

Кончаевъ хотѣлъ бѣжать за нимъ, но споткнулся на мягкую и холодную кучу труповъ и полѣзъ черезъ нее, скользя въ лишкой крови и обрываясь среди спутанныхъ мертвыхъ рукъ и ногъ.

— Что жъ я сплю?—говорили проблески сознанія.— Можетъ быть, сейчасъ смерть, а я сплю... Надо ужасаться, что-нибудь дѣлать!.. Э, все равно!.. Лишь бы спать... Одинъ бы конецъ!

И ему стало казаться, что хорошо, если—смерть. Тогда будетъ такое глубокое, вѣчное спокойствіе. Такъ сладко будетъ лежать и не слышать этой однообразной непрестанной мелодіи, не мерзнуть, не видѣть мелькающихъ мимо призраковъ, не знать, что сейчасъ будетъ она—смерть.

Зиночка подошла, взглянула ему въ лицо печальными, свѣтлыми глазами и отошла, растаявъ въ туманѣ, а кто-то опять сталъ рассказывать ему что-то страшно интересное и показывать какую-то записку, на которой написано только одно слово, но передъ глазами бѣлый туманъ, и нельзя прочесть. А нужно прочесть, и это мучительно, и еще мучительнѣе холодно.

Вдругъ что-то измѣнилось, мгновенно и страшно. Кончаевъ открылъ глаза, и они были остры и ясны, какъ никогда. Паровозъ уже не стучалъ и не качался, онъ

весь дрожалъ мелкой, мелкой дрожью и весь стоналъ. Вѣтеръ свистѣлъ мимо, и все вокругъ слилось въ одну бѣшено мчащуюся назадъ сѣрую полосу. На головѣ Кончаева не было фуражки, и холодный мокрый вѣтеръ рвалъ волосы.

— Уклонъ!—прокричалъ ему машинистъ, на мгновение поворачивая блѣдную голову. И его голосъ сквозь стонъ, свистъ и ревъ, чуть-чуть долетѣлъ до Кончаева, скорѣе угадавшаго, чѣмъ понявшаго смыслъ его слова.

И вдругъ, казалось, весь міръ съ ужасающей силой началъ заворачивать и клониться въ какую-то бездну, направо и внизъ, внизъ.

Дикій ужасъ охватилъ Кончаева, глаза выпучились страшно и почти бессмысленно, и въ то же время непонятный бѣшенный восторгъ наполнилъ все его тѣло, ему захотѣлось гикать, кричать, свистать. Онъ судорожно открылъ ротъ, но потомъ не помнилъ, кричалъ или нѣтъ. Мгновенно промелькнули мимо полосы блѣдныхъ желтыхъ огней; Кончаевъ услышалъ трескъ и звонъ разбитыхъ стеколъ, кто-то сильно рванулъ его за полу пальто, и все исчезло, какъ страшный кошмаръ. Мимо замелькали деревья, зелень, лужи, и паровозъ уже опять качался и стучалъ попрежнему.

— Слава Богу, пронесло!—подымаясь изъ-за кучи дровъ, тоненькимъ слезливымъ голоскомъ проговорилъ кочегаръ, и, снявши шапку, сталъ креститься.

Желѣзное лицо машиниста смотрѣло на Кончаева съ странной ненормальной улыбкой.

— Ушли!—коротко сказалъ онъ.

Кончаевъ съ радостнымъ недоумѣніемъ и чувствомъ необыкновенной свѣтлой легкости во всемъ тѣлѣ разсматривалъ порванный рукавъ.

— Еще немножко и прямо бы въ бокъ,—весело улыбаясь, сказалъ онъ.

— Идите сюда, сюда!—кричалъ кочегаръ съ верхушки тендера.

Кончаевъ торопливо полѣзъ наверхъ и увидѣлъ странныя сверху, плоскія крыши вагоновъ, а за ними убѣгающія вдаль бѣлыя рельсы и синеватый перелѣсокъ. Далеко, далеко, все уменьшаясь, но отчетливо видныя въ розоватомъ прозрачномъ свѣтѣ росистаго утра, перебѣгали по опушкѣ какія-то крошечныя фігуры, и слабые круглые дымки чуть-чуть сѣрѣли надъ ними.

Что-то странное дѣлалось въ душѣ: хотѣлось плакать отъ радости, кричать, смѣяться, пѣть чистымъ звонкимъ голосомъ, и странно казалось, что нѣсколько минутъ тому назадъ былъ вокругъ только бѣловатый, густой и тяжелый туманъ усталости. Казалось, что еще никогда въ жизни тѣло не было полно такой силы, голова такъ прозрачно и ярко полна сознаніемъ, а душа—радости такой чистой и свѣтлой, какъ само прозрачное, полное свѣта и блеска весеннее утро.

Весь вчерашній день темной полосой прошелъ передъ глазами Кончаева и растаялъ въ радостномъ свѣтѣ. Могучая рѣшимость наполнила грудь и, точно никогда не переживая ни горя о погибшихъ, ни омерзѣнія передъ ужасомъ смерти, ни страха, ни тоски, Кончаевъ заблестѣлъ глазами и крѣпко сжатымъ молодымъ кулакомъ погрозилъ въ сторону города.

Небо было теперь чисто, и въ прозрачно сиреневомъ его просторѣ легко и высоко стояли розовыя пушистыя, какъ барашки, облака. Въ той сторонѣ, гдѣ всходило солнце, все ослѣпительно ярило, сверкало и искрилось бѣлымъ золотомъ.

XVI.

Изъ скверной, скучной и несправедливой человѣческой жизни не могло сразу исчезнуть множество глупыхъ, слабыхъ и жестокихъ людей, которые дѣлали ее такою. И волна, которую хотѣли доплеснуть до неба, упала внизъ отъ собственной тяжести.

На некоторое время на поверхности еще крутились разорванные клочья пѣны и мутный илъ, поднятый со дна водоворотомъ, но уже всѣмъ было очевидно, что на этотъ разъ все кончено. Въ отдаленномъ кварталѣ въ дыму, крови и пыли среди обломковъ и треска выстрѣловъ уже безъ всякой надежды и, казалось, безъ всякаго смысла, кучки обреченныхъ себя на смерть все еще отчаянно защищали свои баррикады, но въ центрѣ города уже открылись магазины, очистились отъ обломковъ улицы, подмели панели, засыпали пескомъ пятна человеческой крови, и безконечной, суетливой вереницей туда и сюда опять побѣжали муравьи. За поднявшимся грохотомъ дѣловой жизни, выстрѣлы съ окраинъ не всегда были слышны, а когда долетали, вызывали уже только гнетущую, бессильную тоску у однихъ, любопытство у другихъ, усталую злость у третьихъ.

Тѣ, кто пострадалъ, молча и уединенно, по своимъ угламъ зализывалъ раны, а остальные всѣмъ существомъ ощущали одно, что они остались живы и, какъ-будто въ первый разъ понявъ всю прелесть жизни, радостно вдыхали мягкій весенній воздухъ и смотрѣли вокругъ оживленными, проснувшимися глазами.

Никому не хотѣлось помнить, что по всѣмъ мертвецкимъ торода лежатъ кучки безобразныхъ заколоченныхъ труповъ и что эти трупы еще сохраняютъ черты вчера жившихъ людей.

А между тѣмъ въ возобновившейся старой, привычной жизни что-то невидимое, какъ червь въ яблокѣ, начало какую-то тайную работу.

Докторъ Зарницкій вернулся домой на другой день, когда уже все, казалось, успокоилось. Онъ осунулся, поблѣднѣлъ, и глаза у него блестѣли неровнымъ, скользкимъ блескомъ. Онъ чувствовалъ себя нездоровымъ, страдалъ отъ легкой тошноты и слабости, но былъ, какъ всегда, красивъ, аккуратенъ и также твердо держалъ голову.

Дома онъ пробылъ недолго, находясь въ безпокойномъ болѣзненномъ состояніи. Что-то неопредѣленное, сосущее и гнетущее стояло внутри, и нельзя было отдѣлаться отъ него.

Надо было обдумать свое положеніе, но оно ускользало отъ него. Сначала Зарницкому казалось, что исходъ найти легко: надо уѣхать какъ можно дальше и тамъ, гдѣ его никто не знаетъ, начать новую жизнь. Эта новая жизнь должна быть какъ можно лучше, красивѣе, полнѣе и веселѣе, потому что иначе, зачѣмъ же онъ поступилъ такъ, какъ поступилъ. Онъ пріѣхалъ домой съ мыслью объ этой жизни, полный тоскливаго желанія какъ можно скорѣе развязаться со всѣмъ старымъ, опогаженнымъ и стыднымъ, но какъ только вошелъ въ свою квартиру, сразу почувствовалъ, что это не такъ просто, и что узелъ затянуть ту же, чѣмъ онъ думалъ.

Тысячи мелочей вдругъ выросли на пути: нельзя было уѣхать, не сдавъ дѣлъ, надо было расплатиться съ долгами, обдумать отношенія къ Танѣ, развязаться съ квартирой и т. д. и, главное,—и это открытіе испугало Зарницкаго—не было силъ уѣхать, не убѣдившись, что дѣйствительно все кончено. Смутная надежда, крохотная, явно обманчивая, ни на чемъ не основанная, но живучая, все-таки шевелилась на днѣ души.

— Въ сущности, вѣдь никто не знаетъ, гдѣ я былъ и что дѣлалъ? Отъ сборнаго пункта меня могли отрѣзать, арестовать и мало ли что. Вѣдь многихъ навѣрное дѣйствительно отрѣзали, но изъ этого вовсе не значить, что они должны считать себя опозоренными. Странное дѣло!..

— Нѣтъ, что ужъ тутъ! тоскливо отвѣчало сознаніе непоправимой дѣйствительности: — тѣ могутъ не считать, потому что они дѣйствительно... Имъ и въ голову не приходитъ, чтобы кто-нибудь заподозрилъ ихъ въ трусости, а оттого ихъ никто и не заподозритъ. А я—дѣло другое, я знаю. Это, арестъ и прочее могло быть, но не

было. И обманъ только ярче, глубже освѣтитъ глубину паденія. Кого я заставляю повѣрить?

— А, можетъ быть, тѣ, которые знали, убиты... Ахъ, если бы такъ!..

Послѣдняя мысль не была мыслью, и, даже не подумавъ, а только почувствовавъ ее, Зарницкій испугался и притворился, что мысли этой не могло быть у него. Была одна секунда, когда въ душѣ, наконецъ, вспыхнуло возмущеніе, и захотѣлось на зло всѣмъ остаться такимъ, какъ онъ есть, со всѣми пороками и подлостью.

— Ну, да! А и подумалъ... бы, такъ имѣлъ бы на то право. Ну, что же, пусть и убили. Никто не можетъ заставить меня не желать этого.

Но это возмущеніе погасло мгновенно. Зарницкій почувствовалъ, что для того, чтобы самому повѣрить въ свое право дѣлать и думать такъ, какъ хочется, надо умѣть и *сказать* громко то же самое. Но невозможность этого была для него явна: если бы онъ могъ, то тогда лучше бъ прямо и открыто сказать, что онъ, уклонившись отъ опасности, плевать хочетъ на всѣхъ. А такъ какъ онъ уклонился отъ опасности тайно и только о томъ и думалъ, чтобы сохранить тайну, то не оставалось другого, какъ продолжать лгать и...

— Уѣхать туда, гдѣ меня никто не знаетъ!..

Такъ образовывался заколдованный кругъ, въ которомъ съ тоскою вертѣлся Зарницкій, стоя у окна своего кабинета и глядя не въ окно, на яркую солнечную улицу, по которой шли и ѣхали люди, точно нарочно катаясь передъ его окнами, а на носки своихъ изящныхъ, свѣтло вычищенныхъ сапогъ.

Таня, въ чистенькомъ платьѣ и передничкѣ, такая вымытая и аккуратная, точно она только что старательно приготовила себя для него, лукаво топотала каблучками по комнатамъ и ждала снисходительнаго вниманія. Но хотя Зарницкій непоколебимо считалъ себя неизмѣ-

римо выше ея, для него теперь было невозможно посмотреть ей въ глаза.

— А вдругъ знаетъ?—трусливо спрашивало внутри его. Онъ презрительно улыбался и кривилъ губы, но въ то же время чувствовалъ, что эта улыбка уже не ограждаетъ его, какъ прежде отъ людей, которыхъ онъ считалъ ниже себя. Самый вопросъ о томъ, что горничная можетъ что-то знать о немъ, какъ бы давалъ ей право знать, и это было слишкомъ невыносимо. Зарницкій взялъ палку, шляпу, надѣлъ свое отличное пальто, въ которомъ онъ казался еще выше ростомъ и красивѣе, и вышелъ на улицу.

Блескъ весенняго солнца ослѣпилъ его и облегчилъ. Въ его свѣтѣ растаяло тѣмное чувство. Голубое небо, золотые столбы солнечныхъ лучей и мелькавшія по тротуарамъ, легко, по-весеннему одѣтыя, красивыя и молодые женщины, напоминавшія ему о безконечномъ разнообразіи самыхъ острыхъ наслажденій, были такъ прекрасны и полны жизни, что сама собой пришла ободряющая мысль:

— Все минется, а какъ бы то ни было, еще цѣлая жизнь впереди.

Онъ облегченно вздохнулъ, выпрямилъ грудь, привычно увѣреннымъ жестомъ подозвалъ извозчика и велѣлъ ѣхать въ больницу.

Плавню поплыла назадъ мостовая, замелькали дома и люди, оглядывавшіеся на Зарницкаго. Стало еще легче, и будущее показалось вовсе не такимъ безнадежнымъ.

Немного стало досадно, что за проѣхавшимъ извозчикомъ не удалось увидѣть лица маленькой блондинки, а у нея было такое розовое, маленькое ушко, такіе пышные сухіе волосы, и такъ она особенно колыхалась на ходу, что лицо должно было быть интересное. Зато можно было довольно долго наблюдать за высокой брюнеткой, съ удивительными черными глазами, черные волосы ко-

торой и матовый цвѣтъ лица ослѣпительно заманчиво выдѣлялись изъ голубой подкладки распахнутой мѣховой кофточки.

— Чортъ знаетъ! Вотъ подбери какое-нибудь другое сравненіе кромѣ жгучихъ глазъ!—невольно улыбаясь, сказалъ самъ себѣ Зарницкій и еще разъ оглянулся на молодую женщину, таинственно и гордо мерцавшую своими удивительными глазами.

— А вотъ это бюстъ!.. — вздрогнувъ рѣсницами, скользянулъ онъ по вышуклой обтянутой матеріей женской груди, дерзко колыхавшейся, точно дразня и маня проходящихъ мужчинъ. Задорные веселые глазки взглянули прямо на него и, точно угадавъ его тайныя мысли, тоже вздрогнули рѣсницами.

Солнце свѣтило ярко, и земля какъ-будто таяла. Весенній воздухъ возбуждалъ жуткое сладострастное чувство, и оно было остро, почти до муки, когда впереди показывалась стройненькая, гибкая и хрупкая фигурка дѣвушки-подростка, въ которой неуловимо тонко играла смѣсь невинной чистой, какъ утро, дѣвочки и уже волнующейся отъ взглядовъ мужчинъ женщины.

— Къ главному подъѣзду прикажете? — поворачиваясь, спросилъ извозчикъ.

И все исчезло. Солнце перестало свѣтить, женщины исчезли, весеннее небо потемнѣло, а внутри его большого, статнаго тѣла что-то оборвалось и упало.

«Бросить всѣ дѣла, квартиру, деньги, Таньку и все, и—долой, какъ птица... Вѣдь я свободенъ. Не надо переживать ни сомнѣній, ни униженій, вѣдь... я свободенъ!»

Крылатая мысль нарисовала передъ нимъ воздушный солнечный просторъ — свободу.

«Но вѣдь я этимъ только подчеркну, что ихъ подозрѣнія—правда... Ну, такъ что жъ? И чортъ съ ними, развѣ я не свободенъ? Нѣтъ... все равно ужъ... рано или поздно придется пережить это... А можетъ быть?..»

Зарницкій согнулся, какъ больной, и глухо отвѣтилъ:

— Къ главному!

Если бы кто-нибудь посмотрѣлъ на Зарницкаго въ ту минуту, когда онъ слѣзалъ съ пролетки, Зарницкій показался бы ему старикомъ, а если бы самъ Зарницкій могъ увидеть себя, онъ ужаснулся бы.

Какъ всегда, швейцаръ распахнулъ ему тяжелую дверь съ мѣдными ручками; какъ всегда, этотъ старый солдатъ ему почтительно поклонился; такъ же кланялись всѣ служащіе, сидѣлки, сторожа, встрѣчавшіеся въ коридорахъ, такъ же поспѣшно разступались передъ его плотной сильной фигурой жалкіе колеблющіеся призраки больныхъ, слоняющихся вдоль стѣнъ, точно тѣни. Но для Зарницкаго все это было то же, да не то. И ему самому стало понятно, что перемѣна произошла только въ немъ самомъ и, понявъ это, Зарницкій ужаснулся. Ему вдругъ показалось, что онъ самъ выдастъ себя, выдастъ какимъ-то необыкновеннымъ, но яснымъ для всѣхъ образомъ. Это было болѣзненно, отъ этого острѣе почувствовалась тошнота и слабость, томившія его со вчерашняго дня, и Зарницкій ясно почувствовалъ, какъ по всему тѣлу его выступилъ липкій горячій потъ и какъ онъ перестаетъ сознать себя и владѣть собою.

«Я боленъ, что ли?»—со страхомъ подумалъ онъ.

Мгновенное бредовое ощущеніе пронеслось у него въ мозгу. Что-то тонкое, неуловимо острое, скользя и извиваясь, побѣжало позади этихъ больныхъ, сквозь сидѣлокъ и фельдшеровъ, по лѣстницамъ вверхъ и внизъ, на мгновеніе наполнило всю больницу и пропало. Закружилась голова.

Дѣлая надъ собою усиліе и стараясь овладѣть неуловимой странной мыслью, впервые пришедшей въ голову, въ которой вдругъ почувствовалось что-то совершенно новое, неожиданное, но все объясняющее, Зарницкій поднялъ голову и пошелъ по коридору.

И тутъ ему попался навстрѣчу сѣденкій толстѣнкій старичокъ, главный врачъ больницы. При видѣ его Зар-

ницкій пріостановился и съежился, точно собираясь бѣжать, но главный врачъ ничего не сказалъ, не видалъ, не слышалъ и не воображалъ. Все на свѣтѣ шло прекрасно: больные умирали и выздоравливали совершенно такъ же, какъ и всегда. Немного болѣе было хирургическихъ, но это естественно, если принять во вниманіе происшедшіе въ городѣ безпорядки. Къ тому же это уже бывало и раньше.

Увидѣвъ Зарницкаго, онъ поспѣшно покатился ему навстрѣчу, съ разбѣгу столкнулся съ нимъ животомъ, упруго, какъ мячикъ, отскочилъ, и, схвативъ его за обѣ руки, сталъ что-то обстругивать языкомъ:

— Коллега, васъ ли я вижу? А тутъ у насъ про васъ такія страсти рассказывали, что ужасъ!

Все поплыло вокругъ Зарницкаго. Палаты, халаты, стѣны и лица, все стало бѣло и безжизненно, но онъ опять сдѣлалъ надъ собой страшное усиліе и, сжимая скулы въ гримасу улыбки, спросилъ:

— Что такое?

— Помилуйте, говорили, что вы убиты! Вчера прибѣгалъ студентъ Баргузинъ, такъ тотъ такъ прямо и выразился: «Палъ на баррикадѣ съ краснымъ знаменемъ въ рукѣ...» и увѣрялъ, что чуть ли не собственными руками этотъ самый флагъ изъ вашихъ мертвыхъ пальцевъ принялъ... А, между нами, коллега, я си-ильно подозреваю, что онъ баррикадѣ и не нюхалъ... Хе-хе-хе!.. Это бываетъ, это бываетъ...—съ наслажденіемъ повторилъ главный врачъ.

«Ну, да, я не нюхалъ, но вѣдь и ты не нюхалъ...»—съ бѣшеннымъ отчаяніемъ хотѣлъ крикнуть Зарницкій.

— Ну, вы живы, и слава Богу!—поглаживая его по животу, ворковалъ главный врачъ.—Оно, конечно, что и говорить... герои... Геройская смерть за родину и общее благо. Заманчиво, коллега, но, право, дорогой мой, лучше мы еще поживемъ, лучше мы еще поживемъ!.. —

опять повторилъ онъ поправившюся ему фразу, отско-
чилъ отъ Зарницкаго и засмѣялся.

«Издѣвается, каналья...» — со страданіемъ думалъ
Зарницкій, блѣдно улыбаясь.

— Тутъ шутки не совсѣмъ...—нетвердо выговорилъ
онъ, съ ужасомъ чувствуя, что выдаетъ себя.

Главный врачъ испугался.

— Ну, да, я знаю, коллега, вы революціонеръ. Я
такъ, коллега, я та-акъ. Конечно, шутки тутъ неумѣст-
ны, но я, дорогой, такъ вамъ обрадовался. А это, конеч-
но, ужасъ! Что они дѣлаютъ съ Россіей, что дѣлаютъ?..

Онъ долго качалъ головой, какъ китайскій болван-
чикъ.

«Нѣтъ, ничего не знаетъ, а просто глупъ...»—съ не-
выразимымъ облегченіемъ, приходя въ себя, подумалъ
Зарницкій.

И ему захотѣлось сказать доктору что-нибудь пріят-
ное, выразить ему свои симпатію и уваженіе.

Но главный врачъ не на шутку испугался и заторо-
мился, безпокойно мигая глазками.

— Ну, до свиданія, коллега, до свиданія... Я уже
ухожу. Радъ, что все оказалось вздоромъ... Тамъ въ каби-
нетѣ Анатолій Филипповичъ. На него, бѣднягу, кажется,
очень серьезно подѣйствовало. Да оно и понятно!.. Къ
тому же онъ... — главный врачъ сдѣлалъ таинственное
значительное лицо,—онъ, кажется, серьезно скомпро-
метированъ... Того и гляди, заберутъ, того и гляди... Ка-
ждую минуту жду. На квартирѣ у него обыскъ былъ, и
тамъ, говорятъ, полиція сидитъ. Ну, такъ до свиданія...
А ему, бѣднягѣ, плохо прійдется, плохо...

«Вотъ оно!» — желѣзнымъ молотомъ ударило Зар-
ницкому въ сердце при имени Лавренко. Минутное об-
легченіе вдругъ смѣнилось непоколебимой увѣрен-
ностью, что именно сейчасъ произойдетъ то, чего онъ
такъ боялся, чего не могъ даже представить себѣ, какъ
оно будетъ. Почему-то онъ всѣмъ существомъ своимъ сра-

зу почувствовалъ, что Лавренко все извѣстно. А что Лавренко не простить, не забудеть, не притворится, — Зарницкій зналъ. Еще разъ было движеніе уйти, но опять не хватило силы. И какъ котенокъ, котораго взяла за шиворотъ неодолимая рука, который даже не видитъ и не понимаетъ, кто и зачѣмъ держитъ его, Зарницкій сдѣлалъ нѣсколько нетвердыхъ шаговъ и, точно во снѣ падая въ бездонную пропасть, казалось, потерялъ на секунду ясное сознаніе.

Лавренко стоялъ у окна и, заложивъ руки за спину, смотрѣлъ на улицу. Его грузный сутуловатый силуэтъ чернѣлъ противъ свѣта, и Зарницкому показалось, что Лавренко неподвижно смотреть прямо на него. Все замерло въ немъ, но когда въ слѣдующее мгновеніе онъ понялъ, что Лавренко стоитъ къ нему спиной и не видитъ его, Зарницкій почувствовалъ еще большій ужасъ.

— Вотъ сейчасъ, онъ обернется и увидитъ меня и тогда...

Въ эту минуту Лавренко обернулся, и то, что произошло затѣмъ, было совсѣмъ не похоже на то, что представлялось Зарницкому. Но еще ужаснѣе и непоправимѣе.

Зарницкій сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и протянулъ руку. Въ это мгновеніе инстинктъ его ожидалъ удара по щекѣ, и его красивое, всегда гордое лицо было испуганно и отчаянно, какъ у человѣка, не имѣющаго силъ отклониться. Но, вмѣсто того, Лавренко подалъ ему свою руку, и Зарницкій ощутилъ такое же, какъ всегда, несильное пожатіе его мягкой теплой ладони. Кровь ударила въ голову Зарницкаго, и онъ съ ужасомъ почувствовалъ, что ротъ его ослабляется до ушей, колѣни подгибаются, и, совершенно не понимая, что онъ дѣлаетъ, противъ воли, онъ схватилъ руку Лавренко обѣими, вдругъ вспотѣвшими ладонями, и сталъ угодливо и подобострастно трясти. Впослѣдствіи Зарницкій никакъ не могъ понять, какъ это произошло и зачѣмъ онъ это дѣ-

лалъ, тѣмъ болѣе, что между его и Лавренко глазами въ это мгновеніе напряженно, какъ готовая лопнуть струна, протянулось нѣчто, вполне отчетливо и понятно сказавшее имъ обоимъ, что они понимаютъ другъ друга.

Холодный туманъ, похожій на приближеніе обморока, затянулъ мозгъ Зарницкаго.

«Что я дѣлаю?—съ паническимъ ужасомъ мысленно закричалъ онъ.—Бросить его руку, толкнуть, ударить за то, что онъ не ударилъ меня...»

Но какая-то непонятная сила держала его за шиворотъ, и онъ уже не могъ вернуться назадъ. Въ то время, какъ Лавренко былъ совершенно неподвиженъ и, казалось, спокоенъ, статное тѣло Зарницкаго какъ бы потеряло всю свою плотность, задвигалось, киселеобразно, кружками, мелкими шажками, и губы его, ставшія вдругъ тонкими и юркими, мгновенно заковеркались на границѣ между утолстыми улыбками и уродливыми гримасами отчаянія.

Это было до такой степени неестественно, что Зарницкій физически воспринялъ киселеобразное, липкое ощущеніе своего тѣла, и въ эту минуту, ясно для него самого, прежній Зарницкій, съ его самоувѣренностью, обаятельностью, красотой, умеръ навсегда, а то, что появилось вмѣсто него, было жалко и противно.

Лавренко отвернулся.

И еще понялъ Зарницкій, что лгать уже совершенно не надо, не надо и признаваться, ибо ни то, ни другое никому не нужно и не вернетъ прежняго.

И въ то же время между ними начался простой и обычный въ этихъ случаяхъ разговоръ.

— Ну, что, какъ дѣла? — спросилъ Зарницкій, какъ автоматъ, продолжая растягивать и дергать свои, ставшія резиновыми, губы.

— Что жъ!.. Все пропало!..—грустно отвѣтилъ Лавренко.—Да этого надо было ожидать.

— Ну, а наши какъ?.. — опять спросилъ Зарниц-

кій, съ трудомъ выговоривъ резиновыми губами слово «наши».

— Наши?..—глядя ему въ лицо, спросилъ Лавренко.—Почти всѣ погибли.

— Что вы?..—блѣднѣя и ощущая что-то странное, проговорилъ Зарницкій.

— Да! Тетмайеръ убитъ на баррикадѣ въ порту, броненосецъ взятъ. Тамъ почти всѣхъ перебили... Батмановъ разстрѣлянь... И Сливина...—губы Лавренко слабо вздрогнули,—тоже разстрѣляли...

А?.. А Кончаевъ?..

— Кончаевъ... Кончаевъ убитъ въ порту... Говорятъ, они долго защищались.

— А...—началь было Зарницкій и вдругъ остановился.

Лавренко съ минуту пристально смотрѣлъ ему въ глаза, и вдругъ выраженіе гадливости явно измѣнило его лицо. Одну секунду казалось, что онъ плюнетъ Зарницкому въ глаза, но вмѣсто того—и это было ужаснѣе,—Лавренко двинулся впередъ, наступая прямо на Зарницкаго, и когда тотъ, вдругъ съежившись, подался въ сторону, прошелъ такъ же прямо, точно сквозь него, и вышелъ изъ комнаты.

Дверь закрылась, и Зарницкій остался одинъ. Съ минуту онъ стоялъ неподвижно, и губы у него кривились неопредѣленно и судорожно. Потомъ онъ потеръ руки, точно ему стало холодно, и мелкими шажками прошелся назадъ и впередъ по комнатѣ.

У него вдругъ закружилась голова и, подчиняясь внезапной слабости, Зарницкій тяжело опустился на диванъ, закинулъ затылокъ на холодную кожаную подушку и, закрывъ глаза, замеръ.

Было тихо и прохладно, какъ въ подвалѣ. Гдѣ-то въ коридорѣ шаркали туфлями, и далеко, въ нижнемъ этажѣ, пѣвуче визжала дверь на блокъ. Смутные звуки доносились съ улицы.

Странно, что Зарницкій сначала вовсе не думалъ о томъ, что произошло. Гдѣ-то въ глубинѣ своего большаго тѣла онъ ощущалъ чувство тонкой всепроникающей усталости и физической тоски. Бѣлый туманъ и та же легкая ноющая тошнота подымались отъ живота къ головѣ.

«Я боленъ»... — подумалъ Зарницкій.

И тутъ же вспомнилъ, какъ ночью, наканунѣ безпорядковъ, вставъ прямо съ нагрѣтой постели, высунулъ въ форточку, и какъ прохватило его тогда холодомъ и сыростью.

«Да, я боленъ... должно быть, тифъ... и смерть...» — въ первый разъ подумалъ онъ.

«Зачѣмъ смерть? Это не можетъ быть, это было бы бессмысленно. Зачѣмъ же тогда?.. Не можетъ быть, нельзя, нельзя»... — дикимъ крикомъ закричало внутри его, но глаза у него были попрежнему закрыты, и лежалъ онъ неподвижно.

«Почему именно смерть? Глупости!.. — мысленно усмѣхнулся онъ. — Будетъ жизнь, а не смерть, и еще долго я буду жить, видѣть солнце, женщинъ... И это все пройдетъ, что есть теперь, и еще будетъ огромная радость наслажденія, я опять буду чувствовать себя такимъ, какъ прежде...»

«Нѣтъ, не буду... — коротко отвѣтилъ онъ себѣ. — Того Зарницкаго, который сверху смотрѣлъ на всѣхъ, который вѣрилъ въ себя и въ свое исключительное право на гордость, уже не вернуть...»

Онъ вспомнилъ гадкое, гнусное ощущеніе своего киселеобразнаго тѣла, свои потныя ладони, угодливо жму-пція руку Лавренко, взглядъ Лавренко.

«Онъ прошелъ, какъ-будто меня тамъ и не было... И онъ правъ: меня тамъ не было, а было, что?..»

Было то, что, можетъ быть, онъ проживетъ еще долго и будетъ совокупляться съ женщинами, смѣяться, ѣсть, пить, одѣваться, знакомиться съ людьми, избѣгая

тѣхъ, которые могутъ все знать о немъ, а потомъ, наконецъ, умереть; а, можетъ быть, не будетъ больше знать женщинъ, оставить ихъ другимъ, потеряетъ вкусъ къ пищѣ, къ питью, станетъ слабъ и гниль и умереть завтра, сегодня, сейчасъ.

— Что жъ это такое? — громко произнесъ Зарницкій и весь содрогнулся.

Но онъ не открылъ глазъ, и изъ-подъ закрытыхъ вѣкъ, по сжавшемуся, искривившемуся лицу потекли слезы, крупные какъ горохъ.

Онъ трусливо оглянулся вокругъ, какъ-будто бы у него не хватило смѣлости даже плакать, и торопливо досталъ платокъ.

Пусто, гадко и тоскливо было у него на сердцѣ, а тошнота все поднималась и поднималась къ горлу, и нѣльзя было разобрать, физическая ли это тошнота или нравственная.

XVII.

Весеннія сумерки иногда пріобрѣтаютъ неуловимо грустный характеръ. Воздухъ становится слишкомъ прозраченъ, тишина слишкомъ чуткой, и къ живымъ запахамъ первой зелени тонко примѣшивается запахъ сырой земли, можетъ быть, напоминающей о свѣже вырытой могилѣ. И тогда въ сердце входитъ предчувствіе смерти, печально одинокой и незамѣтной среди вѣчно живого міра.

Въ такія сумерки Лавренко шелъ по бульвару, тяжело сгорбившись и заложивъ руки за спину. Странныя мысли, пронизанныя этой неуловимой весенней тоской, наполняли его голову.

Все пережитое ярко и отчетливо стояло передъ нимъ; но такъ же, какъ дымъ пожаровъ, выстрѣлы и стоны не могли слиться съ тонкой тишиной весеннихъ сумерекъ, такъ и его большое усталое сердце не могло принять въ

себя всего пережитого, и онъ чувствовалъ, что между нимъ и людьми, съ ихъ ожесточенной борьбой, стоитъ что-то холодное и непроницаемое.

Страшная тоска овладѣвала имъ, и ей не было исхода. Хотѣлось сдѣлать что-нибудь большое, нужное, что наполнило бы душу и вытѣснило изъ нея то острое, тошное отвращеніе, которое было въ ней съ момента истерического припадка въ аптекъ. Но мысль безсильно ползала вокругъ, не подымаясь, точно птица съ перебитыми крыльями, и какъ-то выходило такъ, что хотѣлось только пойти играть на билліардѣ. Лавренко ясно чувствовалъ въ душѣ нѣчто особое, что бываетъ въ жизни одинъ разъ, и ему было стыдно, что въ такой моментъ одно нелѣпое стуканье палкой по шарамъ приходитъ ему въ голову.

И, чтобы преодолѣть это желаніе и собраться съ мыслями, Лавренко сѣлъ на лавочку, въ томъ мѣстѣ, откуда сквозь рѣдкія вѣточки деревьевъ было видно внизу огромное черное пожарище порта, а еще дальше и ниже темное неподвижное море, положилъ подбородокъ на скрещенныя на палкѣ руки и засмотрѣлся.

Какъ всегда, грустное умиленіе и тихая скорбная радость, подступая къ увлажнившимся глазамъ, стали плавно подыматься у него въ сердцѣ. Такъ было тихо, хорошо и красиво и на морѣ, и въ небѣ, и на землѣ! Даже пожарище, съ его траурно-бархатной чернотой, казалось отсюда мрачно-прекраснымъ. И Лавренко съ грустью вспомнилъ, что за эти три дня онъ ни разу не замѣтилъ, было ли небо голубымъ, свѣтило ли солнце, стояла ли на землѣ весна, мерцали ли звѣзды. Ему пришла въ голову странная, трудно уловимая мысль.

«Ужасъ человѣческаго горя состоитъ не въ томъ, что оно—горе, а въ томъ, что, становясь между человѣкомъ и природой, оно закрываетъ отъ глазъ ея тихую и властную красоту. Если бы въ самыя острые минуты горя и гнѣва человѣкъ могъ видѣть все вокругъ—не было бы

на землѣ ни гнѣва, ни горя, легко наступало бы примиреніе...»

Лавренко закрылъ глаза, чувствуя, какъ опять подступаетъ къ горлу судорога отвращенія къ людямъ. Не къ одному, не ко многимъ, а ко всѣмъ людямъ, которые не умѣли жить среди даннаго имъ прекраснаго міра, загадили его своей безконечной глупостью, отняли его и у тѣхъ, кто могъ бы жить хорошо, и еще осмѣливаются кричать вокругъ него, ненавидящаго и презирающаго ихъ Лавренко, о томъ, что ихъ надо любить и жалѣть.

— Я почувствовалъ бы самое острое счастье въ тотъ мигъ, когда могъ бы взорвать на воздухъ всѣхъ этихъ идіотовъ, кретиновъ, которые говорятъ, что они—люди, когда очевидно, что они только человѣкоподобныя обезьяны... Господи, если, хотя бы на одно мгновеніе, совершенно ясно представить себѣ ту огромную разницу, которая лежитъ между теперешними существами и даже той несовершенной формой будущаго человѣка, которую сами же они, съ ихъ скуднымъ воображеніемъ, и то могли же выдумать, то станетъ... смѣшно, — громко проговорилъ Лавренко послѣднее слово, криво усмѣхнулся, слегка пожавъ толстыми сутулыми плечами.

И, должно быть, это слово для Лавренко выразило больше, чѣмъ оно выражало, потому что послѣ него въ душѣ стало вдругъ мертвенно пусто, какъ въ домѣ, изъ котораго вынесли покойника. Какъ-будто послѣ большаго усилія, Лавренко почувствовалъ мгновенную усталость, и опять захотѣлось не думать, пойти играть на билліардѣ, и опять онъ отогналъ это желаніе и затихъ.

Глаза у него были закрыты, но казалось, что и сквозь закрытыя вѣки онъ видитъ темную глубину неба и холодный чистый блескъ звѣздъ. И въ тишинѣ, на этомъ звѣздномъ таинственномъ фонѣ, тихо и легко проплылъ передъ нимъ образъ милой дѣвушки съ радостно удивленными глазами, съ двумя недлинными косами, перекинутыми на невысокую грудь.

«Ахъ... это ты... милая — «Маленькая молодость», — грустно улыбнулся ей Лавренко. — Твоя чистая молодость, красота, тотъ прекрасный міръ, который носишь ты въ своемъ сердцѣ и въ своемъ тѣлѣ, еще долго не дадутъ тебѣ пасть въ эту грязь, называемую человѣческой жизнью... Будешь ты горько плакать, когда узнаешь о смерти Кончаева, поплачешь о бѣднягѣ Сливинѣ, можетъ быть, и обо мнѣ, но никакое горе не отниметъ у тебя твою молодую могучую жизнь. Будутъ и радости, и горе, а жизнь...

«Я сентиментальничаю...» — съ горькой усмѣшкой перебилъ себя Лавренко.

Онъ открылъ глаза, посмотрѣлъ на далекія уже яркія звѣзды.

«Что жъ, чѣмъ больше я буду жить, тѣмъ больше буду убѣждаться, что не могу взять отъ жизни того, что могъ бы, чего мнѣ надо отъ нея. И рано или поздно наступитъ конецъ, а я спрошу себя: ну, что же? Зачѣмъ я жилъ?»

Опять пронеслись передъ нимъ призраки окровавленныхъ, замученныхъ людей, пожаръ, трескъ, грохотъ; какъ черти заскакали, сами себя терзая, идіотскія тупыя человѣческія лица. И вдругъ все покрылось красивымъ, гордымъ, холенымъ лицомъ Зарницкаго. Лавренко весь вздрогнулъ отъ новаго, еще небывалаго чувства отвращенія и ненависти. Съ несказаннымъ мучительнымъ наслажденіемъ ему захотѣлось растоптать каблуками, уничтожить, какъ грязную мокрицу, это лицо.

«Вотъ эти, которые знаютъ, которые могутъ, въ рукахъ которыхъ то самое знаніе, которое могло бы въ одинъ мигъ уничтожить всѣхъ идіотовъ, всю гадость и пакость человѣчества, злобную, но безсильную въ своей темнотѣ, и которые изъ подлой трусости, изъ-за лишней женской... на ночь, продаютъ дикарямъ свою силу, отдаютъ міръ на съѣденіе свиньямъ».

«А я самъ?»—сурово спросилъ Лавренко вдругъ.

«А я что жъ?—я дрянъ, я тряпка, я не могъ жить такъ, какъ понималъ и хотѣлъ, игралъ на билліардѣ, толстѣлъ, плѣшивѣлъ и ждалъ, что жизнь сама меня воскреситъ. Ну, да, но я знаю это и самъ расплачусь съ собой».

Лавренко всталъ.

Въ темномъ небѣ золотисто-бриллиантовымъ рожкомъ, тоненькій и граціозный, уже стоялъ надъ моремъ первый мѣсяцъ. Вокругъ него небо казалось чернымъ, а внизу по морю, искрясь и сверкая, тянулся золотой ручеекъ.

Лавренко долго и упорно смотрѣлъ на мѣсяцъ и дышалъ тяжело и трудно. Потомъ медленно досталъ изъ кармана платокъ, долго вытиралъ глаза и, сгорбившись, пошелъ по безлюдному бульвару по направленію къ своему ресторану.

Дорогой онъ уже не думалъ о томъ, о чемъ думалъ на бульварѣ. Въ его вдругъ отяжелѣвшей головѣ мелькали мысли о томъ, что его ищутъ по всему городу, что если бы онъ поддался, его схватили бы какіе-то оголѣлые идіоты, зачѣмъ-то потащили, посадили бы въ одну комнату, сидѣлъ бы онъ тамъ дуракъ-дуракомъ, а они чортъ знаетъ зачѣмъ сидѣли бы и на него смотрѣли.

И такъ пла бы его и ихъ жизнь, а на небѣ въ это время свѣтилъ бы бриллиантовый мѣсяцъ, съ моря дулъ бы теплый, почти лѣтній вѣтеръ, и легко и радостно дышалось бы въ поляхъ и лѣсахъ.

— О-о... идіоты проклятые... — злобно прошепталъ Лавренко, качая головой. — И ничего, ничего имъ не скажешь... и скажешь, и поймутъ, и понимаютъ сами, а все-таки еще тысячи и тысячи лѣтъ будутъ сидѣть и сквозь желѣзную рѣшетку смотрѣть другъ на друга идіотскими глазами.

— Нѣтъ... довольно... будетъ съ меня!—махнулъ рукой Лавренко и вздохнулъ, какъ-будто сбрасывалъ съ

себя огромную тяжесть. Онъ пріостановился и думалъ, глядя въ землю. Потомъ улыбнулся и пожалъ плечами съ грустной ироніей надъ самимъ собой.

«Пусть ужъ въ послѣдній разъ», — какъ-будто просясь, подумалъ онъ.

Такъ же, какъ всегда, было много народу въ билліардной, но передній билліардъ, на которомъ любилъ играть Лавренко, былъ свободенъ, и со всегдашней радостью Лавренко это увидѣлъ, какъ только вошелъ. Чистое ровное широкое сукно ярко зеленѣло подъ рожками двухъ лампъ.

Какъ только Лавренко увидѣли, произошло движеніе. Маркеръ съ веселой и дружелюбно почтительной улыбкой торопливо стянулъ съ его толстыхъ плечъ пальто. Тотъ самый красивый армянинъ, съ которымъ всѣ послѣдніе разы игралъ Лавренко, поднялся съ мѣста и подошелъ къ билліарду, любезно улыбаясь и потирая руки.

— Ну-съ,—почему-то также потирая руки, сказалъ Лавренко,—сразимся?

— Съ балшимъ удаволствіемъ!..—осклабился армянинъ.

Намѣливая кій, Лавренко черезъ плечо небрежно спросилъ:

— Ну, почемъ мы?.. Угодно сто? — Армянинъ стыдливо улыбнулся.

— Многа будетъ... Ну, ничего, пошла!..—рѣшительно тряхнулъ онъ головой.

Игра началась, и первый же откатившійся отъ борта пятнадцатый шаръ черезъ весь билліардъ съ трескомъ легъ въ лузу подъ ударомъ Лавренко.

— Вотъ это такъ шаръ... Здорово, чортъ возьми!..—послышалось вокругъ.

И Лавренко почувствовалъ знакомую нервную радость, тревожно слѣдя за армяниномъ, старательно прицѣливающимся на дублетъ четырнадцатымъ. Шарикъ

щелкнули, и четырнадцатый шаръ, заставивъ нервно вздрогнуть сердце Лавренко, плавно вкатился въ лузу.

— Вотъ такъ начало!—сказалъ кто-то.

«Эхъ, досада...»—подумалъ Лавренко.

Шары щелкали, то стремительно, то чуть двигаясь по зеленому сукну, катались они по бильярду, и ихъ становилось все меньше, а лица у игроковъ становились все напряженнѣе и возбужденнѣе. Дымъ синими клубами низко висѣлъ надъ бильярдомъ, кругомъ смѣялись, острили, жадно смотрѣли, и было жарко.

Когда осталось два шара, Лавренко сдѣлалъ скикъ, и маркеръ провозгласилъ:

— Пять очковъ... Анатолій Филипповичъ, у нихъ безъ двухъ...

Лавренко съ досадой скрипнулъ зубами.

Два шара стояли рядомъ посреди бильярда, а Лавренко цѣлился изъ угла. И въ ту самую минуту, когда армянинъ, уже спокойно и побѣдоносно смѣясь, отвернулся, что-то говоря, раздался сильный и рѣзкій ударъ, бѣлый шарикъ опростелъю мелькнулъ по зеленому полю и исчезъ.

— Охъ, чортъ! — вскрикнулъ армянинъ, стукнувъ кѣмъ объ полъ.

— Въ послѣднемъ шарѣ партія,—безстрастно провозгласилъ маркеръ.

Лавренко весь сжался отъ особой острой радости игрока, но, не подавая никакого виду, опять прицѣлился. Стало тихо, и вдругъ почему-то всѣ почувствовали, что шаръ будетъ взятъ. И въ ту же секунду, съ тѣмъ же рѣзкимъ и отрывистымъ трескомъ, послѣдній шаръ скрылся въ лузѣ.

— Партія... Ого-го... Дьяволъ!..—затопотали и захотали вокругъ.

Армянинъ поблѣднѣлъ такъ, что его бритая борода посинѣла. Онъ тихо положилъ кѣй, не глядя на Лавренко, бросилъ на сукно сторублевую скомканную бумажку

и отошелъ. Лавренко всегда почему-то стыдно было брать отъ небогатыхъ здѣшнихъ игроковъ крупныя деньги, но на этотъ разъ приливъ злобной радости наполнилъ его грудь.

— Больше не хотите?—спросилъ онъ, тяжело дыша.

Армянинъ, у котораго дрожала нижняя губа и бѣгали глаза, отрицательно покачалъ головой. Лавренко медленно взялъ деньги, положилъ кій и отошелъ.

— Не желаете ли со мной партійку? — угодливо спросилъ тощій облизанный старичокъ съ хищнымъ выраженіемъ лица.

Одну секунду Лавренко колебался, его тянуло къ билліарду, но онъ удержался.

— Нѣтъ, будетъ...—съ грустью отвѣтилъ онъ.

Билліардомъ сейчасъ же завладѣли. Шуллера вырывали другъ у друга кіи, какъ собаки кости, кричали и ругались. Лавренко, надѣвъ пальто и держа шляпу въ рукѣ, постоялъ и тупо посмотрѣлъ на сукно билліарда. Потомъ встряхнулся, надѣлъ шляпу и пошелъ черезъ черный ходъ. Маркеръ, думая, что онъ идетъ въ уборную, поспѣшно отворилъ ему дверь. И, чтобы онъ не догадался, Лавренко и въ самомъ дѣлѣ пошелъ туда. Но сейчасъ же вышелъ, отворилъ дверь на вонючую узенькую лѣстницу и, держась впотъмахъ за липкія перила, спустился во дворъ.

Это былъ маленькій четырехугольный дворикъ, скользкій, грязный, вонючій, какъ сточный колодезь. Вокругъ стояли черныя стѣны безъ оконъ, рѣзко блестѣло въ черпотѣ какое-то случайно освѣщенное мѣсяцемъ желѣзо, и отъ мѣсяца же одна стѣна была голубая, съ рѣзко очерченнымъ на ней синимъ силуэтомъ сосѣдней крыши съ ея трубами и флюгерами.

— Федька... порцію бифштексъ!—прокричалъ кто-то съ лѣстнички внизъ въ ярко желтую отворенную дверь кухни, откуда несло чадомъ и жаромъ. Лавренко отодвинулся въ тѣнь и стоялъ молча.

— Слушаю,—отозвался кто-то снизу.

Скрипнула дверь на блокѣ, и все затихло. Далеко, далеко прокричалъ паровозъ:

— Гу-гу-гуу!..

Лавренко поднялъ глаза къ мѣсяцу; тотъ, какъ живой, стоялъ низко надъ черной и страшной стѣной, за которой не чувствовалось жизни. Бриллиантовый рожокъ блестѣлъ ярко и холодно, небо было синее-синее. Лавренко вздрогнулъ отъ пробѣжавшаго по спинѣ холода и вынулъ револьверъ. Передъ выстрѣломъ онъ зачѣмъ-то долго старался утвердиться на скользкой землѣ, очевидно, облитой помоями, и отшвырнулъ носкомъ сапога что-то круглое, твердое, какъ кочанъ капусты. Ему не было страшно, а только грустно отъ сознанія своего одиночества. Мѣсяцъ до половины скрылся за черной трубой и зорко смотрѣлъ оттуда.

XVIII.

Опять за прошедшимъ днемъ наступили сумерки, и въ дачной мѣстности, съ ея игрушечными домиками, тоненькими безлистными деревцами и прозрачными ажурными рѣшеточками, они казались особенно весенними, задумчиво нѣжными и прозрачными.

Кончаевъ быстро шелъ по пустымъ переулкамъ, мимо темныхъ дачъ, казавшихся такими жутко таинственными, какъ пряничные домики бабы-яги, и растерянно заглядывалъ въ пустые палисадники. Онъ забылъ номеръ дачи и долго искалъ ее, какъ вдругъ, возлѣ одного, заросшаго еще голыми кустами сирени, садика услышалъ легкій и радостный вскрикъ.

Зиночка стояла по ту сторону рѣшетки и радостными, свѣтлыми даже въ сумеркахъ, глазами смотрѣла на него, ухватившись за рѣшетку обѣими руками.

Странно и мучительно пріятно вздрогнуло сердце Кончаева.

— Сюда, сюда, — проговорила Зиночка и пошла

вдоль изгороди, а Кончаевъ пошелъ по другой сторонѣ, и какъ-то странно, черезчуръ быстро кончилась эта зеленая деревянная рѣшетка. На мгновеніе Кончаевъ увидѣлъ передъ собою Зиночку, всю съ ногъ до головы, въ черномъ гладкомъ платьѣ, съ невысокой грудью, съ крутыми точеными руками и двумя недлинными пушистыми косами, а въ слѣдующій мигъ все исчезло, и что-то мягкое, пахучее и нѣжное обвилось, казалось, вокругъ всего его тѣла, и весь міръ смѣнился одними свѣтлыми, наивно-счастливыми глазами.

Сладкая волна поплыла подъ ногами и, должно быть, оба они покачнулись, потому что разомъ ухватились за рѣшетку. Она коротко засмѣялась, точно ей стало смѣшно, что столько времени они скрывали другъ отъ друга то, что обоимъ было извѣстно и нужно. Но сейчасъ же она опять стояла въ двухъ шагахъ отъ него, гибкая и смущенная, не сводя съ его лица большихъ, спрашивающихъ глазъ.

— Ну, вотъ и я!..—проговорилъ Кончаевъ и улыбнулся.—Рады?

Она молчала и стояла неподвижно, не сводя глазъ. И тоже глядя прямо въ эти потемнѣвшіе, ставшіе вдругъ тягучими, глаза, Кончаевъ тихо подвинулся къ ней. Но Зиночка протянула руку, чуть-чуть взяла его за кончики пальцевъ и потянула за собой.

— Пойдемъ!—чуть слышно сказала она.

Они молча, почему-то крадучись, дошли до дачи и поднялись на крыльцо. Темный садъ и небо съ заблестѣвшими звѣздами остались за ними.

— Ваши дома?—тихо спросилъ Кончаевъ.

Зиночка посмотрѣла на него серьезно и кивнула головой.

— Да!.. Пойдите ко мнѣ... Я такъ измучилась. Я думала!..

Зиночка не договорила и всѣмъ тѣломъ прижалась къ нему. Кончаеву показалось, что на глазахъ у нея вы-

ступили слезы, но она тихо улыбнулась и опять потянула его за руку.

Въ комнатѣ Зиночки было темно и пахло чѣмъ-то нѣжнымъ и чистымъ, какъ-будто тутъ цѣлый день были открыты окна въ садъ. Кончаевъ вошелъ почему-то на цыпочкахъ и остановился посреди комнаты. Тревожное и сладкое чувство было въ немъ. Чего-то страшно, что-то сладко томило, чего-то радостно и боязливо ждалось. Въ темнотѣ смутно бѣлѣла кровать, туалетъ въ углу мерещился легкимъ призракомъ, и было странно, что онъ, Кончаевъ, такой большой, неуклюжій и какъ-будто чужой, стоитъ въ этой маленькой, чистой и таинственной комнатѣ.

Зиночка прошла прямо къ окну и остановилась тамъ, глядя въ садъ. На голубоватомъ четырехугольникѣ окна четко и гибко рисовался ея тоненькій силуэтъ съ хрупкими плечами, крутыми бедрами и легкимъ прозрачнымъ сіяніемъ волосъ вокругъ головы.

Кончаевъ опять тихонько двинулся къ ней, а Зиночка также тихо повернулась и обняла его мягко и сильно.

Весенній, прохладный и теплый воздухъ, тихо струившійся въ открытое окно, чистый сумракъ, тотъ страшный ужасъ, который въ эти три дня обнажилъ предъ ними всю жизнь, та опасность, которой онъ подвергался, та смерть, которая прошла такъ близко, что былъ слышенъ шумъ и грохотъ ея шаговъ, то, что онъ могъ уже никогда не быть здѣсь, и, наконецъ, та молодая и чистая жизнь, которою были полны ихъ здоровыя, сильныя, какъ молодые звѣри, тѣла—что-то сдѣлали съ ними. И сразу исчезло все другое, кромѣ ихъ двоихъ и полного счастья двухъ обнявшихся, сильного и нѣжнаго, большого и маленькаго, твердаго и гибкаго — тѣлъ, обдающихъ другъ друга сладко томительнымъ жаромъ и теплымъ густымъ туманомъ.

Огромные свѣтлые глаза, вдругъ ставшіе черными, какъ бездна, волосы, рассыпавшіеся внезапно и пышно, и двѣ трепещущія теплыя руки—однѣ остались передъ

Кончаевымъ, и острое, счастливое, какъ сонъ, всеобъемлющее наслажденіе стало для нихъ общимъ.

Минуты шли, и темнота сгущалась по всѣмъ угламъ, а въ окно попрежнему лился пряный, торжествующій и одуряющій теплый запахъ весны. Все смѣшалось: слова, поцѣлуи, картины прошлаго и надежды на будущее, гордость передъ нею и гордость за него, желаніе всѣмъ, чѣмъ можно, вознаградить милаго за пережитое имъ. И не стыдно было нѣжнаго и гибкаго голаго тѣла, что-то спрашивали и все позволяли побѣлѣвшіе глаза, груди дышали трепетно и прерывисто, какъ въ минуты самаго большого счастья на землѣ.

Потомъ Кончаеву было странно вспоминать, что они не сказали другъ другу ни одного слова объ этомъ, а все совершилось какъ-то само собой. Но имъ никогда не было стыдно, а всегда мечтательно пріятно вспоминать это.

Онъ соскользнулъ съ постели на полъ и съ невыразимой нѣжностью цѣловалъ ея маленькіе пухлые пальчики, стараясь въ эти поцѣлуи передать безконечныя любовь, уваженіе, умиленіе за то счастье и наслажденіе, которыя она дала ему. Всѣ чувства въ это мгновеніе сливались въ нихъ въ одинъ многозвучный могучій аккордъ жизни и любви, и она, забывая закрыть свои голыя стройныя ноги, которыхъ онъ касался торячей щечкой и которыя розовѣли ярко даже въ сумракѣ посреди черной и бѣлой смятой матеріи, удивленно радостно оглядывалась вокругъ свѣтлыми глазами.

Все казалось ей новымъ и радостнымъ, все тѣло ея, молодое, свѣжее, какъ сбрызнутый утренней росой цвѣтокъ, было полно счастьемъ, и гдѣ-то, въ таинственной глубинѣ его, была принята ею въ себя новая, еще неизвѣстная, человѣческая жизнь.

И свѣтлые глаза Зиночки плакали отъ еще непонятной ей самой радости, а въ открытое настежь окно, сквозь черныя вѣтки сада, смотрѣли въ комнату весеннія звѣзды.

МИЛЛІОНЫ.

МИЛЛІОНЫ.

(Повѣсть).

Она не покупается золотомъ
и не приобретається она на
вѣсь серебра.

Ювѣ XV.

I.

Между темнымъ небомъ и моремъ, какъ дымка, стоялъ ровный свѣтъ луны, кругло и ясно вставшей надъ горизонтомъ. На деревьяхъ сада, точно рой откуда-то налетѣвшихъ огненныхъ колибри, качались и прыгали на невидимыхъ проволокахъ маленькіе разноцвѣтные фонарики. Съ нелѣпо освѣщенной эстрады, гдѣ черный паяцъ-капельмейстеръ, потѣшно взмахивая руками и фалдочками, порывался куда-то взлетѣть, разлетались во всѣ стороны отчеканенные скрипичные звуки, взвизгивали, смѣялись и пѣли, легкими узорными хороводами вылетая изъ-подъ темныхъ деревьевъ на открытый завороженный луннымъ свѣтомъ морской берегъ. Тамъ танцовали они передъ лицомъ свѣтлой луны, какъ легкіе эльфы, незримые и таинственные въ своей призрачной минутной жизни.

Скрестивъ мощныя руки на холодномъ мраморѣ столика, Мижуевъ молча и угрюмо посматривалъ по сторонамъ.

Когда онъ взглядывалъ на эстраду, все казалось ему суетливо-мелкимъ и безтолково-шумнымъ, а когда поворачивался въ сторону моря, становилось величаво-спокойно, задумчиво-свободно, какъ сама высокая свѣтлая луна.

Крутая русая борода его и массивныя плечи возбуждали представленіе о страшной силѣ и твердой волѣ, но глаза Мижужева были нездоровые, углубленные, какіе бываютъ у обреченныхъ на смерть.

За сосѣднимъ столикомъ кутила компанія господъ въ бѣлыхъ шляпахъ, ухарски проломленныхъ на боку, и нарядныхъ дамъ, съ рѣзко красивыми лицами и неестественными подрисованными глазами. Всѣ они громко смѣялись, чокались узенькими, какъ стрекозы, рюмочками, и не переставая острили, при каждой остротѣ повышая голоса и оглядываясь на Мижужева, при чемъ и у мужчинъ, и у женщинъ было мелькающее, выжидательно ищущее выраженіе. А неподалеку, склонившись впередъ, точно нѣжа подмышками свои бѣлыя салфетки, стояли лакеи и не спускали глазъ съ Мижужева, какъ будто собирались по первому его знаку бѣжать и стремглавъ бросаться въ море.

Мижуевъ и видѣлъ все, и не замѣчалъ. Когда-то это забавляло его, но теперь было только докучно и такъ привычно, какъ воздухъ, отъ котораго не уйдешь и уходить не надо.

— Теодоръ, отчего ты такой скучный сегодня? — спрашивала его Марія Сергѣевна, робко дотрогиваясь пальчикомъ до крутого локтя.

На ней было вызывающе красивое платье, чуть-чуть открывающее ноги, а на темныхъ пышныхъ волосахъ качались нѣжно-розовые цвѣты шляпы, грустно гармонировавшіе съ ея подрумяненными щеками, печально мерцающими глазами и страстно окрашенными губами.

Мижуевъ медленно, какъ больной волъ, повернулъ къ ней свою упрямую голову и шромолчалъ.

Она была такъ же возбуждающе красива, какъ и прежде, и такъ же сквозь черное кружево свѣтилось ея необыкновенное выхоленное тѣло. При взглядѣ на нее у всякаго мужчины рождалось острое и требовательное представленіе о какихъ-то невозможныхъ сказочныхъ наслажденіяхъ. Но то, что она утратила свое прежнее имя—Маріи Сергѣевны—и стала называться Мэри, и то, что перестала называть его Федей и вы, а стала звать Теодоромъ и ты, и то, что она бросила любимаго мужа и стала жить съ Мижухевымъ, убило въ немъ бывшую еще такъ недавно благоговѣйную страсть и возбуждало по временамъ холодную необъяснимую злобу.

Даже тогда, когда возбужденный ея голымъ покорнымъ тѣломъ, уже робко просящимъ ласки, Мижухевъ цѣловалъ и мялъ ее съ звѣриной жестокостью, онъ уже не чувствовалъ былой радости, а испытывалъ только плоское жестокое удовольствіе, придумывая неестественныя положенія, дѣлая больно и унижительно.

Казалось, что онъ мстилъ ей за что-то, и видно было, что самъ страдалъ какой-то невысказываемой мукой.

И Марія Сергѣевна понимала, отчего это, и потому у нея стали печальны и робки глаза, какъ-будто не смѣвшіе молить о пощадѣ.

— Пойдемъ, — коротко сказалъ Мижухевъ, поймавъ остро любопытные взгляды въ ихъ сторону, и всталъ.

Она тотчасъ же торопливо поднялась и пошла съ нимъ рядомъ, по всегдашней своей милой неловкости, которая когда-то до слезъ умиляла Мижухева, путаясь въ кружевахъ юбки, теряя то платокъ, то сумочку и забавно пугаясь этого.

Они вышли на берегъ, гдѣ властвовали темное море да свѣтлая луна, и на самомъ концѣ мостковъ сѣли на скамью.

Впереди, и съ боковъ, со всѣхъ сторонъ было море, и блестящая вода бурно крутила лунный столбъ. Какая-то безконечная мелодія—шумъ, плескъ и глухіе удары о

моль,—среди которой все время что-то звенѣло тоненькимъ хрустальнымъ и слышнымъ и какъ-будто неслышнымъ голоскомъ, непрестанно тянулась надъ безбрежнымъ движущимся просторомъ, и трогала таинственныя грустныя струны, будя воспоминанія и безотчетное отчаяніе въ самой глубинѣ души. Порой налеталъ упругій вѣтеръ, и тогда невидимыя брызги, заставляя вздрагивать, покрывали лицо и руки мелкой холодной пылью.

Мижуевъ смотрѣлъ на лунный столбъ, крутящійся въ металлически темной водѣ, и молчалъ. Какъ всегда, когда онъ ночью смотрѣлъ въ глубину, какое-то тоскливое чувство чуть-чуть шевелилось въ немъ. Было оно еле замѣтно и трудно уловимо, но за нимъ вдругъ забывалось все, что окружало его. И становилось пусто и темно.

— Я хотѣла поговорить съ тобою, Теодоръ,—заговорила Марія Сергѣевна, и съ перваго слова было слышно, что она боится какъ бы онъ не рассердился, даже не выслушавъ ее.

Мижуевъ молчалъ, и казалось, что онъ не слыхалъ ея слабаго голоса за шумомъ и плескомъ прокатившейся подъ мостками волны. Далеко, пока видно было при лунѣ, легла вдоль берега бѣлая полоса пѣны и растаяла, какъ снѣгъ, а за ней уже надвигалась, бурля и вырастая, новая волна.

Марія Сергѣевна полными никому невидныхъ слезъ глазами посмотрѣла на Мижуева и, судорожно рванувъ платокъ, встала.

— Это невыносимо! — сдавленнымъ слабымъ голосомъ сказала она, чувствуя, что вся дрожить и отъ униженія, и отъ холоднаго вѣтра.—За что ты меня мучаешь?

Мижуевъ упорно, не глядя на нее, пожалъ широкими плечами...

Марія Сергѣевна замолчала, продолжая рвать свой платокъ и дрожа всѣмъ тѣломъ, казавшимся удивитель-

но слабымъ и изящнымъ на фонѣ огромнаго волнующагося простора.

— Я не могу больше...—заговорила она быстро, все возвышая голосъ.—Ты не имѣешь права презирать меня!.. Не имѣешь права мучить и унижать!.. Если я и не устояла передъ твоими милліонами, какъ ты говоришь...

— Я этого никогда не говорилъ!—угрюмо возразилъ Мижухевъ, упрямо глядя въ лунный столбъ, сверкающій въ волнахъ милліардами прыгающихъ голубыхъ звѣздъ и сливающійся на горизонтѣ въ таинственное свѣтлое, рѣзко отрѣзанное отъ темнаго неба сказочное царство.

Опять Марія Сергѣевна внезапно замолчала, обитая и раздавленная мучительнымъ недоумѣніемъ. Все существо ея знало, что онъ постоянно говорилъ это, а между тѣмъ память не могла подсказать ни одного похожаго слова. И она только чувствовала, что погибаетъ въ холодномъ, пустомъ и неотвратимомъ, гдѣ она—такая слабая и безпомощная, что даже не знаетъ, что сказать, какъ защищаться и противъ чего.

— Но ты такъ думаешь... я знаю... А если это даже и такъ, то вѣдь... Ты самъ хотѣлъ этого... Ну, пусть, пусть... не устояла!.. Захотѣлось пожить... ну, пусть! — схватившись обѣими руками за виски, съ отчаяніемъ заговорила Марія Сергѣевна.—Но какою цѣною я заплатила за эти милліоны! Они у меня душу отняли... я научилась презирать себя, какъ послѣднюю тварь... и что-нибудь одно: или... Какъ хочешь, но я не могу больше не могу! Я...

Она опять потеряла слова и только отчаяннымъ, безсильнымъ взглядомъ оглянулась на темную страшную воду. Руки ея шевелились, и губы дрожали.

— Если ты сама презираешь себя, какъ послѣднюю тварь, то какъ же мнѣ относиться къ тебѣ?—вдругъ неожиданно спросилъ Мижухевъ, не спуская блестящихъ глазъ съ воды.

— А!—потерянно вскрикнула Марія Сергѣевна и,

упустивъ сумочку и платокъ, который сейчасъ же село въ море, закрыла лицо руками и быстро пошла прочь, почти побѣжала, путаясь въ длинномъ, подхваченномъ вѣтромъ платьѣ. Тоненькая женская фигура невѣрно заколыхалась въ пустомъ вѣтренномъ пространствѣ, надъ темной неустанно катящейся на берегъ водой.

Мижуевъ проводилъ глазами маленькій бѣлый кусочекъ матеріи, который высоко поднялся надъ гребнемъ вспѣнной волны и вдругъ сразу исчезъ во мракѣ упавшей холодной бездны.

Что-то теплое шевельнулось у него въ душѣ.

И не выражая его словами даже самому себѣ, Мижуевъ всталъ и быстро догналъ Марію Сергѣевну.

Маленькія покатыя плечи ея были сжаты, и надъ ними смутно бѣлѣлъ тонкій наклонъ блѣдной отъ луннаго свѣта шеи. Услышавъ его шаги, она сейчасъ же остановилась, но не подняла головы и стояла попрежнему, закрывъ лицо руками и опустивъ большую свѣтлую шляпу. Такая маленькая, изящная и жалкая до слезъ.

— Ну, полно, Мэ... руся...—путая ея прежнее и теперешнее имена, съ мгновенно выросшей жгуче жалостливой лаской, сказалъ Мижуевъ и обнялъ ее за плечи.— Прости меня... Я не хотѣлъ тебя обидѣть!

Онъ ждалъ, что она капризно оттолкнетъ его, вывернетъ руки, станетъ чужой и холодной, и страшно боялся этого. Ему показалось, что тогда онъ станетъ совсѣмъ одинокимъ. Но она только прижалась головой къ его груди и робко подняла лицо навстрѣчу его губамъ, безпокойно и вопросительно глядя большими отъ луннаго свѣта и слезъ глазами. И въ мокрыхъ глазахъ и въ уголкахъ страдальчески улыбающихся губъ Мижуевъ увидѣлъ покорное, обрадованно прощающее выраженіе, какое бываетъ у побитыхъ и потомъ приласканныхъ маленькихъ звѣрьковъ и дѣтей.

И мгновенное чувство пріятной ему самому теплоты и жалости исчезло, какъ не бывшее, оставивъ холодокъ

досады и нарастающаго раздраженія. Онъ холодно поцѣловалъ ее въ теплыя и влажныя губы и, слегка отстраняясь, сказалъ:

— Не капризничай, пожалуйста... Это скучно, наконецъ... Чего ты хочешь... не понимаю!..

Онъ помолчалъ, упрямо глядя въ сторону, и прибавилъ:

— Пора домой!

Какъ бы желая сказать: прости... можетъ быть, я и не права, не знаю... мнѣ показалось, что ты меня не любишь и презираешь, а это такъ невыносимо...—она растерянно улыбнулась и заторопилась. Они пошли рядомъ молча. Бѣлая, холодная луна и непрестанно шумящее море остались позади, а навстрѣчу уже летѣлъ рой танцующихъ звуковъ. И что-то попрежнему стояло между ними.

Когда они вѣхали домой, Мижухевъ ногою ощупалъ прикосновенія ея упругаго тѣла, ускользающаго за сухой жесткой матеріей, видѣлъ тонкій, точно нарисованный блѣдными красками, профиль женской головы, погрузившейся въ какой-то непосильной думѣ, и спрашивалъ себя:

— Что же встало между ними—человѣкомъ, который столько лѣтъ молился на нее, боясь даже думать о ея наготѣ и ласкахъ, и милой, прекрасной женщиной, которая такъ любила своего тихаго мужа, такъ просто, точно старшая сестра, относилась къ нему самому, и казалась такой цѣломудренно чистой, несмотря на то, что была замужемъ.

II.

Въ яркомъ солнцѣ золотились берега, и даже море, пѣнисто-зеленое у набережной и синее, почти лиловое вдали, казалось покрыто золотистымъ блескомъ. Солнцемъ и небомъ дышали дальнія горы, и загородныя дачи

бѣлѣли по ихъ зеленымъ скатамъ, точно разбросанныя въ травѣ игрушки.

Яркая курортная толпа, какъ ручей огибая полукруглый скверъ, двигалась по набережной и текла такъ измѣнчиво пестро, что нельзя было услѣдить, откуда идутъ всѣ эти свѣтлыя платья, шляпы, ноги, плечи и лица съ оживленными глазами. Казалось, что толпа сама увеличивается и растетъ, точно быстро разрастающаяся гряда живыхъ цвѣтовъ. Пестрый говоръ, смѣхъ и шорохъ ярко сплетались надъ нею и съ шумомъ набѣгающихъ на камни волнъ, быстрымъ гуломъ экипажей и четкимъ стукомъ копытъ, сливались въ одну разноцвѣтную, нарядную музыку.

Марія Сергѣевна и Мижуревъ въ легкой ялтинской коляскѣ прокатили по набережной, и бѣлый газъ, развѣвающийся на шляпѣ Маріи Сергѣевны, быстро замелькалъ среди лошадиныхъ головъ, чинныхъ кучеровъ и разбѣгающейся вереницы зонтиковъ и шляпъ.

У магазина, за зеркальными стеклами котораго, словно нездѣшнія птицы и цвѣты, пестрѣли причудливыя женскія шляпы, коляска мгновенно остановилась, какъ будто съ размаху уткнувшись въ невидимое упругое препятствіе. Марія Сергѣевна, легкая и быстрая, точно ее сдунуло вѣтромъ, перелетѣла съ подножки экипажа прямо въ темную прохладную дверь магазина.

Мижуревъ тяжело, не глядя по сторонамъ, сошелъ на тротуаръ и поднялся за ней.

Услужливо картавя, шаркая подошвами и улыбаясь ожившими лицами, со всѣхъ сторонъ набѣжали на Марію Сергѣевну приказчики и продавщицы. И одну минуту казалось, что это—кучка привѣтливыхъ, веселыхъ людей, радостно окружившихъ давножданную, милую подругу. Перевороченныя какимъ-то вихремъ мгновенно раскрылись десятки картоновъ, и синія, красныя, пестрыя ленты пересыпали кучу бѣлыхъ шляпъ, какъ цвѣты на снѣгу.

Только что вышли простенькія матерчатая шляпки «бэбэ»—милая простота веселящейся роскоши—и Маріи Сергѣевнѣ непремѣнно захотѣлось купить такую же. Ей казалось, что въ этой простенькой шляпкѣ она будетъ похожа на шаловливую граціозную дѣвочку.

Продавщицы преувеличенно щебетали, приказчики картавили, чтобы походить на французовъ, въ раскрытыя двери магазина врывались гудящіе звуки и солнечныя краски, а Марія Сергѣевна, какъ ребенокъ, радуясь игрѣ цвѣтовъ и фасоновъ, блестѣла глазами, отказывалась, колебалась, смѣялась и все время была въ движеніи, то рассматривая себя во весь ростъ въ большомъ, то изгибаясь всѣмъ тѣломъ, чтобы увидѣть свой профиль въ маленькомъ зеркалѣ. И въ каждой новой шляпкѣ, и съ синей, и съ красной, и съ пестрой лентой на черныхъ волосахъ ея матово-розовое личико казалось все лучше и моложе.

А Мижухевъ, отдѣляясь отъ шумливой кучки, чернымъ пятномъ неподвижно сидѣлъ возлѣ прилавка и, поставивъ передъ собой палку, грузно сложилъ на ней массивныя руки. Онъ смотрѣлъ сонно, какъ невыспавшійся больной человѣкъ, которому уже не видно и не слышно ни солнца, ни смѣха, ни женской красоты—ничего, кромѣ того медленнаго и молчаливо-зловѣщаго, что неуклонно и неотступно, шагъ за шагомъ разрушаетъ жизнь внутри его.

По временамъ онъ останавливалъ свои тяжелые глаза на хорошенькомъ возбужденномъ личикѣ Маріи Сергѣевны и сейчасъ же отводилъ ихъ, упираясь неподвижнымъ взглядомъ въ первый попавшійся предметъ, въ уголъ прилавка, въ пустую картонку, лаковый ботинокъ приказчика или худыя лопатки продавщицы, наивно торчащія изъ-подъ кокетливой шелковой кофточки.

— Теодоръ, посмотри—я возьму эту... Эта мнѣ, кажется, идетъ?.. Или лучше эту?.. Какъ ты думаешь, посоветуй?—спрашивала Марія Сергѣевна, и легкое без-

покойство мелькало у нея въ голосѣ и глазахъ. Ей было легко и весело; вчерашняя безобразная сцена кончилась страстнымъ примиреніемъ и уже почти улетѣла изъ памяти, спугнутая сознаніемъ своей прелести, солнцемъ, шумомъ и бросаніемъ денегъ, къ которому Марія Сергѣевна до сихъ поръ еще не могла привыкнуть. Мрачный видъ Мижучева темнилъ ея радость и смутно пугалъ, напоминая, что поцѣлуи и сладострастные ласки только отодвинули, но не рѣшили и не уничтожили того, что уже вошло въ ихъ жизнь.

«Неужели это не конецъ, и опять будутъ эти невыносимыя, безобразныя сцены, послѣ которыхъ не хочется жить?..»—гдѣ-то въ самомъ краешкѣ боязливой мысли мелькало у ней.

— Такъ какую?.. Посовѣтуй!—спрашивала она, и въ голосѣ ея звучала странная нотка тайной мольбы, точно она просила его о пощадѣ.

— Возьми всѣ...—думая о другомъ, равнодушно отвѣтилъ Мижучевъ.

Она засмѣялась, и всѣ приказчики и продавщицы восхищенно улыбнулись. Кто-то даже заржалъ отъ восторга передъ этой выходкой миллионера.

Мижучевъ мрачно окинулъ взглядомъ смѣющіяся лица и нахмурился. Всѣ стали серьезны, и Мижучевъ, поймавъ это мгновенное угодливое превращеніе лицъ, насупился еще больше. Дикое желаніе, такъ часто приходившее ему въ голову, поднялось въ немъ: захотѣлось крикнуть на нихъ, толкнуть кого-нибудь ногой, ударить..

«А!.. Вамъ нравится все, что я ни скажу?.. Хорошо-о...»—загорѣлись у него въ мозгу бѣшенныя слова, но онъ промолчалъ, уныло и безпомощно опустивъ глаза.

— Нѣтъ, что жъ ты такъ!.. Ты посовѣтуй!—юкетливо приставала Марія Сергѣевна, и Мижучевъ почувствовалъ, что пристаётъ она уже только за тѣмъ, чтобы никто не замѣтилъ того, что съ паническимъ страхомъ она угадывала въ немъ.

Тогда стало жаль ее, и это согрѣло Мижучева. Только еще унылѣе и безсильнѣе стало въ душѣ.

— Возьми ту, что съ синей лентой... Она больше всего идетъ тебѣ,—грустно сказалъ онъ.

— Развѣ! — радостно улыбнулась ему Марія Сергѣевна.

Она подняла обѣ руки къ головѣ, и изогнувшаяся спина ея подъ бѣлой кофточкой вдругъ обнаружилась, какъ голая, мягкая и выпуклая. Тотъ приказчикъ, у котораго были лаковые ботинки на пуговицахъ, скользнулъ по ней робко-похотливымъ взглядомъ и вдругъ встрѣтился глазами съ Мижучевымъ. Мгновенно онъ завялъ, личико его померкло и покрылось жалкой маской угодливости и страха.

«Гадъ!» — подумалъ Мижучевъ, съ внезапно вспыхнувшимъ брезгливымъ гнѣвомъ, и тяжело уперся ему въ лицо неподвижными глазами.

Приказчикъ весь съежился и сталъ какъ-то тоньше и меньше. Мижучевъ смотрѣлъ, а тотъ не смѣлъ отвести взгляда. Почти цѣлую минуту продолжалась эта странная, жестокая игра, доставлявшая Мижучеву болѣзненное наслажденіе. Видно было, какъ задрожала колѣнка приказчика, обтянутая узкими брючками.

«А впрочемъ, что жъ... — съ прежней унылой тоской подумалъ Мижучевъ. — Если бы я былъ приказчикомъ, а онъ милліонеромъ, и эта, и другія такія же принадлежали бы ему, а я смотрѣлъ бы на нихъ исподтишка, какъ рабъ!...»

Мижучевъ отвелъ глаза. Ему стало противно все: и эта пресмыкающаяся передъ нимъ дрянъ, и онъ самъ, похожій на какого-то божка, и эта женщина, вчера оскорбленная грубымъ словомъ и готовая броситься въ воду, а сегодня опять увлеченная до самозабвенія убогой забавой бросанія денегъ.

— Ты скоро?.. Идемъ...—сказалъ онъ, поднимаясь.

— Я готова уже. Я выбрала!—заторопилась Марія

Сергѣевна.—Вы пришлите эту... нѣтъ, нѣтъ, вотъ ту... съ голубой!—бросала она, безпокойно оглядываясь на Мижучева, черной массой стоявшаго въ освѣщенныхъ дверяхъ.

— Пойдемъ, посидимъ въ скверѣ,—сказала она, когда вышли на солнце, и со всѣхъ сторонъ охватилъ ихъ теплый чистый воздухъ и веселый шумъ.

— Хорошо,—безразлично согласился Мижучевъ.

Они уже перешли улицу, лавируя между экипажами, когда кто-то громко окликнулъ Мижучева.

— Федоръ Ивановичъ! Подождите!

У тротуара остановился красный, весь блестящій, точно вымытый автомобиль, и изъ-за трехъ дамъ, носящихъ на букетъ кружевъ и цвѣтовъ, высовывался и махалъ палевой перчаткой сіяющій, бѣлоснѣжный господинъ.

— Теодоръ!.. Тебя зовутъ... Пархоменко...—тронула Мижучева за рукавъ Марія Сергѣевна и за него улыбнулась, кивая головой бѣлоснѣжному господину.

Пархоменко выскочилъ изъ откинутаго кресла и дробно подбѣжалъ къ Маріи Сергѣевнѣ, своей бѣлой, пробитой кулакомъ, шляпой высоко отмахнувъ въ воздухъ.

— Марія Сергѣевна, прелестная!.. А я васъ искалъ по всему городу!—кричалъ онъ.

— Развѣ?

Изогнутая ручка Маріи Сергѣевны кокетливо прижалась къ его губамъ. Она засмѣялась. Дамы въ автомобилѣ кивали ей шляпами, сіяющій Пархоменко хохоталъ, загораживая всѣмъ дорогу, автомобиль сверкалъ, всѣ оглядывались на нихъ. Казалось, что весь городъ, солнце, горы и цвѣты засвѣтились, засверкали и засмѣялись только для нихъ. Чахоточный попъ, еле протащившій мимо свою рясу, позеленѣвшую, словно отъ тоски, посмотрѣлъ большими блестящими глазами и тоскливо ступшевался, точно растаялъ въ блескѣ и весельѣ толпы.

Въ это время прошли мимо молодой человѣкъ и какія-то дамы, и молодой человѣкъ поспѣшно, точно боясь пропустить что-то животрепещущее, забормоталъ своимъ дамамъ, показывая одними глазами:

— Это Мижуевъ и Пархоменко — московскіе миллионеры!..

— Гдѣ Мижуевъ? Который? — любопытно обернулись дамы.

— Тотъ, что съ дамой... Большой...—куда-то весь порываясь, показывалъ молодой человѣкъ, и три пары возбужденно любопытныхъ женскихъ глазъ устремились на Мижуева.

Мижуевъ слегка отвернулся, но Пархоменко сіяюще оглянулъ дамъ и сказалъ:

— А насъ тутъ уже всѣ знаютъ, Федоръ Ивановичъ...

— Позвольте пройти,—сказалъ кто-то, и въ надтреснутомъ голосѣ Мижуевъ узналъ острую ненависть. Онъ оглянулся и увидѣлъ бѣловолосаго блѣднаго человѣка въ синей рубахѣ подъ плохонькимъ пиджакомъ. Свѣтлые и, очевидно, добрые его глаза смотрѣли на Пархоменко съ какой-то кроткой злобой.

— Позвольте же пройти,—повторилъ онъ уже со страданіемъ въ голосѣ.

Пархоменко окинулъ его быстрымъ, пренебрежительнымъ взглядомъ и небрежно подвинулся.

— Марія Сергѣевна, поѣдемте сегодня въ Суук-су... Мы вчера туда и обратно промчались въ два часа... Честное слово!.. Замѣчательно пріятно, честное слово!.. Какъ птицы!.. Поужинаемъ тамъ, и назадъ!.. При лунѣ это что-то волшебное, честное слово! — кричалъ онъ, весь сіяя и, очевидно, съ ногъ до головы радуясь своему существованію.

Но Марія Сергѣевна отказывалась, шаловливо и лукаво покачивая своей новой шляпкой, вправду придававшей ей видъ граціозной дѣвочки.

— Мы тамъ только позавчера были!

— Да, но на автомобилѣ это совершенно особое ощущение. По горамъ! Вы не можете представить себѣ, какъ онъ легко взлетаетъ съ горы на гору... Положительно такое ощущение, какъ-будто летишь во снѣ... честное слово!

— Ну, хорошо... это потомъ. А теперь мнѣ надо пройти... Пойдемте. Море сегодня удивительное!

Три дамы Пархоменко, всѣ пышныя, лѣтнія блондинки, смѣясь и какъ-будто играя, высыпали изъ автомобиля.

— Федоръ Ивановичъ, а вы что это такой скучный сегодня?—весь сіяя спрашивалъ Пархоменко.

— Онъ теперь хандритъ все,—какъ-будто виновато отвѣтила за него Марія Сергѣевна и скользнула по лицу Мижужева робкимъ взглядомъ.

— А вы заставьте его купить автомобиль... Сразу расцвѣтетъ! — хохоталъ Пархоменко. — Я теперь отъ всѣхъ бѣдъ лѣчусь автомобилемъ!.. Честное слово—не шаржъ!

Дамы вчетверомъ пошли впередъ, приковывая къ себѣ общее вниманіе. Пархоменко, заражая всѣхъ своимъ сіяніемъ и увѣренной шумливостью, забѣгалъ сбоку и не давалъ никому проходу, а Мижуевъ тяжело шелъ сзади. И пока они шли, среди толпы нарядной и жужжащей, какъ пригрѣтыя солнцемъ пчелы, Мижуевъ внимательно и длительно всматривался во встрѣчныя лица, какъ-будто искалъ чего-то.

Имъ опять встрѣтились и чахоточный попикъ, и бѣловолосый человѣкъ въ синей рубашкѣ. Теперь съ нимъ шелъ какой-то высокій, худой и серьезный господинъ. Этого Мижуевъ узналъ, а по немъ узналъ и бѣловолосаго. Одинъ былъ извѣстный писатель, другой еще очень молодой, больной чахоткой поэтъ.

Писатель скользнулъ сердитыми глазами и отвернулся. Поэтъ что-то сказалъ. И въ голосѣ поэта и въ сердитыхъ глазахъ писателя было нѣчто насмѣшливо вра-

ждебное и бесконечно далекое Мижуеву, Пархоменко и ихъ холодно-красивымъ дамамъ.

То въ блескъ солнца, то въ легкой тѣни зонтиковъ пестро мелькали мужскія и женскія, красивыя и безобразныя лица. Ихъ живой калейдоскопъ, мѣняясь каждую минуту, плылъ навстрѣчу, и Мижуевъ съ привычнымъ болѣзненнымъ раздраженіемъ упрямо слѣдилъ за его однообразно-странной игрой: онъ видѣлъ, какъ всѣ эти безразлично-равнодушныя человѣческіе глаза, мелькомъ скользившіе по встрѣчнымъ лицамъ, вдругъ останавливались на немъ и мгновенно мѣнялись въ выраженіи тупого любопытства. И это было такъ привычно и однообразно, что порой Мижуеву казалось, будто у всей этой нарядной толпы одно лицо—плоское, наэойливое, до смерти надоѣвшее ему.

Дамы и Пархоменко хохотали, а Мижуевъ шелъ сзади, и чувство привычнаго одиночества неотступно шло съ нимъ. Все хотѣлось куда-то уйти, туда, гдѣ нѣтъ ничего и никого, ни людей, ни солнца, ни шума. Тамъ стать и стоять долго-долго, совсѣмъ одному.

Сіяющій Пархоменко обернулся и что-то сказалъ. Какую-то глупость, безцвѣтную по смыслу, но надоѣдливо странную явной увѣренностью, что все сказанное имъ будетъ прекрасно и страшно весело.

— Счастливый идіотъ!—подумалъ Мижуевъ, глядя подъ ноги, и вдругъ почувствовалъ смутную зависть. Если бы перевести ее на слова, получилась бы бессмыслица:—ахъ, если бы я былъ такимъ идіотомъ!.. Тогда и я, съ автомобилями, милліонами, содержанками, со всѣми людьми, которые не видятъ меня, а или робѣютъ, или ненавидятъ, или льнутъ къ тому, что есть вовсе не я,—былъ бы счастливъ, какъ онъ.

— А вотъ и нашъ генералъ!—закричалъ Пархоменко:—Генералъ, идите сюда! Намъ безъ васъ скучно!

Старенькій генералъ, съ широкими красными лампасами и сморщеннымъ розовенькимъ личикомъ на тонень-

кой цыплячьей шеѣ, не прикрытой узенькими сѣдыми бачками, поволакивая ножки, подбѣжалъ къ нимъ. Онъ сталъ цѣловать ручки дамамъ, безсильно, по-стариковски, кокетничая и сіяя. Видно было, что онъ ужасно боится, какъ бы его не прогнали.

Пархоменко радовался, точно ему принесли забавную, любимую игрушку.

— Ну, что, генераль, много ли красивыхъ женщинъ пріѣхало съ вчерашнимъ пароходомъ? Часто ли трепетало ваше сердце?—хохоталъ онъ, вертясь на каблукахъ передъ усѣвшимися на скамѣ дамами.

Генераль подобострастно хихикалъ.

— Вы знаете, Марія Сергѣевна,—обратился къ ней Пархоменко, и по его румяному лицу видно было, что онъ готовится сказать что-то необыкновенно остроумное,—генераль каждый вечеръ ходитъ на пристань высматривать ту неосторожную, которая довѣрится ему... Онъ вѣдь Донъ-Жуанъ какихъ мало, честное слово—не шаржъ!

— А, генераль, а я и не знала, что вы такой опасный!—полнымъ, томнымъ голосомъ протянула одна изъ блондинокъ Пархоменко.

— О, вы его не знаете!—захлебывался Пархоменко,—каждый вечеръ ходитъ... Только, къ сожалѣнію, эти злодѣйки дамы поступаютъ съ нимъ самымъ невѣжливымъ образомъ: каждый вечеръ генераль находитъ имъ, квартиры, таскаетъ вещи, платитъ за извозчика, а на другой день,—увы!—онѣ ходятъ по саду съ какимъ-нибудь прапорщикомъ, а генераль опять плетется къ пароходу!.. Честное слово,—не шаржъ!

— Ска-ажите!—протянула роскошная блондинка.

— Вы всегда что-нибудь выдумаете, Павелъ Алексѣвичъ,—розовѣя защищался генераль.

— Да, рассказывайте! Выдумываю! А кто васъ поймалъ три дня тому назадъ въ Джалитѣ съ гимназисточкой? А?..

— Да, ей-Богу, Павелъ Алексѣвичъ, правда... это моя дочь Нюрочка! Что вы, ей-Богу...—покраснѣлъ генераль.

— Дочь?.. Знаемъ мы этихъ дочерей!..

— Право же, дочь... Нюрочка!

— Что Нюрочка, это я вѣрю!.. Да... — началъ Пархоменко и, вдругъ сощуривъ глазки, пріостановился, видимо выдерживая паузу передъ особо пикантной остротой.—Да и что вы ничего не можете чувствовать, кромѣ отцовскихъ чувствъ, пожалуй, возможно!..

Дамы засмѣялись, слегка потупившись, съ тѣми странными, скользящими по губамъ полуулыбками, въ которыхъ мерцаетъ какая-то женская тайна.

Генераль хихикалъ, но нѣчто болѣзненное прошло у него по улыбающемуся личику: какъ-будто его Нюрочку оскорбляло это. На одно мгновеніе ему даже захотѣлось повернуться и уйти, но онъ не посмѣлъ и только судорожно захихикалъ.

— Есто прелестно, есто прелестно...—проговорилъ онъ, бѣгая растерянными глазками.

— Генераль,—вдругъ еще больше засіялъ Пархоменко:—отчего вы говорите «есто», а не это?.. Чтобы смѣшнѣе было или у васъ зубъ со свистомъ?

— Развѣ я говорю есто?—покраснѣлъ старичокъ.

— Конечно, есто... Вотъ скажите: э-то!.. Твердо: э-то!

— А развѣ это не все равно?—попробовалъ увильнуть генераль.

— Далеко не все равно... Это ужасно смѣшно!.. Честное слово!.. Ну, вотъ скажите: э-то!

Старичокъ смѣялся, и старческія щеки его розовѣли.

— Нѣтъ, вы скажите!—приставалъ Пархоменко.

— Е-сто!—съ геройскимъ усиліемъ произнесъ генераль.

Пархоменко отъ восторга повернулся на каблукахъ. Дамы засмѣялись. Засмѣялась и Марія Сергѣевна, высоко поднявъ свой тонкій профиль.

— Это, это, генераль!—кричалъ Пархоменко.

Его сіяющее лицо было полно наслажденія. Казалось, онъ хотѣлъ сказать:—ну, старый шутъ, смѣшинѣе... Видишь, мнѣ весело... Ну!

— Вы, генераль, прирожденный комикъ... Честное слово! — сквозь смѣхъ кричалъ онъ.

Старичокъ генераль растерянно улыбался, и розовенькія щечки его блестѣли безпомощно.

Маріи Сергѣевнѣ стало жаль старичка, на котораго уже оглядывались гуляющіе. Она заговорила съ нимъ ласково и нѣжно, спросила о здоровьѣ и о дочери, дѣвушкѣ-гимназисткѣ, которую нѣсколько минутъ тому назадъ встрѣтила въ кучкѣ подругъ, такихъ же молодыхъ и веселыхъ, какъ она сама. Старичокъ сейчасъ же растаялъ подъ ея лаской и улыбался уже по-другому, старчески ухаживая за ней, какъ приласканная дряхлая собачонка.

Но Пархоменко опять сталъ острить и тормозить его. Мижухевъ смотрѣлъ на нихъ, и ему было противно и жаль старичка. Онъ хотѣлъ было вступить, но промолчалъ.

Мимо прошли тѣ же два писателя. Мижухевъ услышалъ, какъ изъ группы молодежи, сидѣвшей на другой скамьѣ, сказали:

— Смотрите, смотрите... вонъ Четыревъ и Марусинъ.

— Гдѣ, гдѣ?

Страшно заинтересованные дѣвичьи глаза проводили сутуловатыя фигуры писателей, медленно уходившихъ въ пестрой и нарядной толпѣ, какимъ-то грустнымъ пятномъ отдѣляясь отъ нея. И Мижухевъ услышалъ, какъ въ группѣ молодежи загорѣлся споръ о талантѣ Четырева.

И какъ-будто именно отъ этого, вдругъ стало ему грустно, скверно и опять потянуло прочь, куда-нибудь, гдѣ бы стать одному и стоять долго и одиноко, ничего не видя и не слыша.

III.

Только что пришелъ вечерній пароходъ, и по ту сторону бухты, разноцвѣтными тирляндами сверкая въ темной водѣ, горѣли его говорящіе огни. Съ этого берега не видно было людей, и черная масса парохода казалась таинственной, какъ темное чудище водѣ, всплывшее къ молу. Но издали уже слышался быстрый гулъ приближающихся экипажей, и чувствовалось, что сейчасъ въ веселящійся городокъ прихлынетъ цѣлая толпа новыхъ людей, оживленныхъ и обрадованныхъ концомъ длиннаго скучнаго пути.

Въ этотъ день Марія Сергѣевна, вмѣстѣ съ Пархоменко и его дамами, уѣхала въ сосѣдній курортъ, и Мижуевъ вышелъ гулять одинъ. Онъ медленно бродилъ по набережной, подальше отъ сквера и курзала, гдѣ пестрѣла легкая вечерняя толпа. Онъ чувствовалъ себя такъ хорошо, какъ давно не бывало. Безлунный мягкій вечеръ, убранный прозрачнымъ золотомъ звѣздъ, и покойный ритмическій шумъ прибоя, чуть пѣнящагося у береговъ, трогали въ немъ тихія ласковыя струны. Подозрительная настороженность, не оставлявшая его все время, какъ-то поблѣднѣла, и на душу нашла тихая, музыкальная печаль. Хотѣлось быть одному и вспоминать что-нибудь близкое и дорогое.

Задумавшись, Мижуевъ шелъ по набережной, тамъ, гдѣ было пусто и тихо, и легкія нѣжныя мысли медленно вырисовывали передъ нимъ знакомыя, полубытыя лица. И съ открытыми глазами Мижуевъ, казалось, видѣлъ ихъ—неуловимо скользящихъ въ синевѣ вечерняго сумрака среди большихъ блѣдныхъ звѣздъ.

И мало-по-малу, какъ по неразрывному кругу, мысли его вернулись къ тому времени, когда, пріѣхавъ изъ-за границы, измученный утаромъ бессмысленной жизни

и фальшивыхъ людей, онъ встрѣтился съ своимъ старымъ другомъ и его женой, Маріей Сергѣевной. Мижухевъ былъ усталъ, раздражителенъ и озлобленъ до угрюмости. Они пригрѣли его непривычной простотой отношеній, приняли въ маленькій кругъ своей свѣтлой, уютной жизни, и было много дней и вечеровъ, полныхъ уюта, веселья и особаго очарованія отъ близости прекрасной, милой женщины. Потомъ возникла тайная любовь—странное влекущее сплетеніе самаго цѣломудреннаго уваженія и самой безстыдной требовательной мечты. И страшно, какъ смерть, и радостно, какъ жизнь, наступилъ моментъ, когда въ ней дрогнула отвѣтная, еще стыдливая струнка, и вдругъ то, что казалось невозможнымъ, о чемъ нельзя было даже думать, стало близкимъ и обдало жаркимъ огнемъ женской страсти. А потомъ все запуталось и стало болѣзненно уродливо, какъ кошмаръ. Долго тянулася затяжная и, очевидно, безсильная борьба между совѣстью и неразсуждающимъ влеченіемъ тѣла къ тѣлу. Были яркіе просвѣты бѣшеннаго счастья, какъ тотъ вечеръ, когда строгое черное платье вдругъ упало, и прекрасная нагая женщина стала покорной и безстыдной; но счастье утонуло въ цѣломъ болотѣ самой унижительной фальши, стыда, невольнаго предательства и обмана, противъ воли доходящаго до подлости по отношенію къ человѣку, котораго они оба любили и уважали. Грязь подступала все выше, выше, къ самому горлу, и когда, наконецъ, стало трудно дышать, произошелъ короткій и острый разрывъ.

Мижухевъ вспомнилъ, какъ легко и свѣтло вздохнулось, когда все было такъ или иначе кончено, и открылась новая жизнь. Но прошлое оставило свое тонкое остріе, и оно до сихъ поръ ворочалось въ закрывшейся ранѣ. Когда прошла первая страсть, тогда стало казаться Мижухеву, что произошла страшная, непоправимая ошибка. Тѣ страданія и колебанія, которыя пережила Марія Сергѣевна, стали говорить ему тайнымъ и ядовитымъ язы-

комъ, что его роль жалка: эта женщина любила своего мужа и только его одного, а Мижуевъ,—который былъ ничѣмъ не замѣчательнъ, кромѣ своихъ денегъ,—явился простою случайностью. Они жили такъ просто и бѣдно, ей такъ невинно и наивно хотѣлось веселья и блеска. Только и всего...

— Зачѣмъ же тогда были разбиты и исковерканы три жизни?—съ ужасомъ спрашивалъ себя Мижуевъ.

Униженный и брошенный человѣкъ одинъ гдѣ-то переживалъ тайну своей обиды, которую никогда уже нельзя ни поправить, ни забыть; молодая женщина стала одинокой, какъ брошенная игрушка...

«А въ моей жизни прибавилось одной продажной женщиной и только!»—съ болѣзненной грубостью подумалъ Мижуевъ, и самъ почувствовалъ, какъ дрогнуло и исказилось его лицо.

«Я не имѣю права такъ думать!.. Можетъ быть, она искренно любила!»—мысленно прикрикнулъ онъ на себя, стараясь заглушить вырвавшуюся мучительную фразу. На мгновеніе все спуталось въ душѣ, но сейчасъ же Мижуевъ почувствовалъ, что мысль не умерла, а только ушла внутрь и тамъ, какъ тонкая змѣйка, прячущаяся подъ камнями, неуловимо скользитъ все глубже и глубже.

Мижуевъ встряхнулъ головой; страшнымъ, почти физическимъ усиліемъ подавилъ воспоминанія и долго ходилъ по набережной, безъ мысли, устало ворочая въ душѣ какіе-то безформенные обрывки. А вечеръ все темнѣлъ, все глубже и спокойнѣе синѣло небо, ярче сверкали звѣзды надъ горами, и затихающее море легко и тихо вздыхало, точно засыпая.

«Если бы былъ хоть одинъ человѣкъ, которому можно было повѣрить!»—вдругъ подумалъ Мижуевъ, и вспомнилъ человѣка, съ которымъ былъ близокъ еще въ ту пору, когда жилъ весело, бросая деньги и мечтая о широкой, творческой дѣятельности.

«Увидѣть бы, поговорить» — съ наивной ноткой подумалъ Мижуевъ и улыбнулся размашистой фигурѣ знаменитаго писателя Николаева, ярко вставшей передъ нимъ въ сумракѣ южнаго вечера.

— Ничего, братъ, мы свое возьмемъ!.. Мы народъ крѣпко-ой! — слышался ему полный удали и силы голосъ, забавно выговаривавшій круглое волжское о.

Сердце Мижуева вздрогнуло.

Въ это время, отбивая звонкій галопъ, проскакали мимо женщина въ амазонкѣ, обтягивающей выпуклое тѣло молодой самки, и крѣпкій татаринъ съ вытянутыми, какъ струны, мускулистыми ногами. Женщина отрывисто смѣялась, изгибаясь въ сѣдлѣ, татаринъ сохранялъ величественное самодовольство и, мелькнувъ мимо, они смѣшались въ сумракѣ вечера.

И машинально мысль Мижуева потянулась за этой женщиной: много такихъ были близки ему. Въ сливающимся туманѣ прошлаго, почти непрерывной цѣпью, уходили ихъ русалочьи глаза, точеныя руки, выпуклыя груди, тонкія талии и крутыя бедра кобылицъ. Онѣ доставались ему легко, только стояли больше или меньше. Закрывъ глаза, онѣ бросались подъ золотой дождь, подъ которымъ расцвѣтали и становились гладкими и блестящими, какъ хорошо кормленныя пантеры.

И онѣ давно уже перестали украшать жизнь Мижуева, и давно уже на ихъ упругихъ грудяхъ, на бархатномъ тѣлѣ, среди вздрагивающихъ въ мукѣ страсти бѣлыхъ ногъ онъ оставался тѣмъ, чѣмъ и былъ — одинокимъ, чего-то ищущимъ, тоскующимъ человѣкомъ.

Мижуевъ пошелъ дальше, и одинокія мысли опять стали распутываться изъ огромнаго запутаннаго клубка.

А навстрѣчу одинъ за другимъ, точно гдѣ-то прорвавъ преграду, уже катились экипажи съ пристани. Виднѣлись лица, шляпы, картонки, баулы; мелькали и исчезали незнакомые новые глаза. Набережная, какъ живая,

загудѣла и задрожала подѣ непрерывнымъ бѣгомъ колесъ. Мижуевъ съ отвращеніемъ смотрѣлъ на нихъ.

«Сколько ихъ... и кто ихъ нарожалъ!.. Зачѣмъ!..» — безглаголиво подумалъ онъ. И ему представилось какое-то колоссальное, мутное чрево, вздутое до небесъ вѣчной тяготой, изъ котораго, Богъ знаетъ, зачѣмъ, лѣзутъ, ползутъ, сыпятся и корчатся на землѣ милліоны уродцевъ, никому ненужныхъ, никому неинтересныхъ.

Шумъ и громъ, какъ лавина, потрясли всю набережную и такъ же быстро затихли вдали въ улицахъ города. Экипажи катились все рѣже и рѣже, и опять стало слышно, словно на пустынномъ берегу, мѣрное и задумчивое дыханіе моря. Мижуевъ еще разъ дошелъ до конца набережной, гдѣ ярко горѣла кофейня, набитая томящими красноголовыми турками, и повернулъ назадъ.

Ближе къ городскому саду начали попадаться обычные гуляющіе. Прошелъ офицеръ съ молоденькой дамочкой, покачивающей своими гибкими обтянутыми бедрами, прошли два-три сытые господина съ кроваво-пламеннѣющими сигарами въ зубахъ. Потомъ пробѣжала кучка звонкихъ барышень, опавшихъ Мижуева тонкимъ запахомъ духовъ и легкимъ вѣтромъ юбокъ, оглушившихъ смѣхомъ и говоромъ. А потомъ встрѣтился и знакомый старичокъ-генералъ, съ узенькими бачками и широчайшими красными лампасами. Съ нимъ шла хорошенькая дѣвушка, бросавшаяся въ глаза нѣжнымъ румянцемъ и цѣломудренно строгимъ гимназическимъ платьемъ.

Увидавъ Мижуева, генералъ заторопился и еще издали сталъ улыбаться и раскланиваться, слегка подволакивая правую ножку. Обыкновенно онъ боялся Мижуева и не подходилъ, когда тотъ былъ одинъ, — но теперь ему такъ захотѣлось блеснуть передъ дочерью своимъ знакомствомъ съ милліонеромъ, что онъ рѣшился. Маленькая наивная гордость засіяла у него въ глазахъ и даже въ голосѣ, когда онъ, развязнѣе, чѣмъ слѣдовало, проговорилъ:

— А, Федоръ Ивановичъ!.. Гуляете?.. Какъ здоровье?

— Здравствуйте,—ласково, но съ незамѣтнымъ для себя невольнымъ высокомеріемъ, отвѣтилъ Мижухевъ, небрежно приподнимая шляпу.

— Позвольте,—робѣя, но уже не Мижухева, а какъ-будто чего-то иного, представилъ генералъ:—это, вѣдь, моя дочь... Нюрочка.

Мижухевъ пожалъ теплую, совсѣмъ трепетную ручку. Она и вся была такая трепетная и теплая, какъ ранняя весна. И когда приподняла на Мижухева влажные темные глаза, онъ невольно улыбнулся ей. И она улыбнулась.

Пошли дальше втроемъ. Генералъ суетился и молоть какую-то чепуху, стараясь ободрить смутившуюся дѣвушку и показать ей, что онъ съ этимъ миллионеромъ—свой братъ. Сначала онъ даже сталъ безъ нужды фамиллярень и послѣ одной довольно неудачной шутки попытался слегка обнять Мижухева за талію. Но во-время не посмѣлъ. Эта фамиллярность не понравилась Мижухеву, и онъ сталъ холоденъ.

Дѣвушка все краснѣла, не глядѣла на Мижухева, и ему были видны только ея маленькое ухо, пушистый локонъ волосъ и неуловимо нѣжный абрисъ розовѣющей щеки. Шла она, понурясь, точно ей было стыдно, и каблучки ея постукивали негромко и неуверенно. Когда генералъ особенно неудачно острилъ, она еще ниже опускала голову, и щека у нея начинала горѣть. Но когда Мижухевъ, невольно уступая желанію ободрить ее, уронилъ что-то смѣшное, дѣвушка вдругъ закинула голову съ пухлымъ, какъ подушечка, подбородкомъ и засмѣялась. Мижухевъ посмотрѣлъ на этотъ подбородокъ: онъ былъ такъ чисто округленъ и такъ нѣженъ, что, казалось, если бы тронуть его пальцемъ, то почувствовалась бы одна теплота. И невольно сталъ онъ говорить ласковое и смѣшное, чтобы она смѣялась.

Смѣялась она какъ-то удивительно: вдругъ зазвенить что-то и прервется; потомъ она прямо взглянетъ темными глазами, застѣнчиво улыбнется и сдѣлается серьезной-серьезной.

И какъ только она разсмѣялась первый разъ, Мижухеву стало весело, и вдругъ ему понравилась эта парочка—и женщина-дѣвушка и самъ добренькій трусливый генералъ, съ своими широчайшими лампасами и неудачными остротами. Понравилось и то, что старичокъ называлъ ее «дѣточкой», а она его «папочкой». Это было наивно и хорошо.

Прошли черезъ весь скверъ, гдѣ уже сгущался пахучій синій сумракъ и бродили уединенныя парочки, съ негромкимъ, таинственнымъ смѣхомъ и шопотомъ. Какая-то легкость, давно не бывшая, налетѣла на Мижухева, и онъ сталъ простъ, разговорчивъ и веселъ. Началъ рассказывать о своихъ поѣздкахъ за границу, юмористично описалъ свою фигуру на вершинѣ Хеопсовой пирамиды, а потомъ, чтобы стать ближе къ дѣвухкѣ, вспомнилъ свои гимназическія времена.

— Развѣ вы были въ гимназіи? — почему-то удивился генералъ.

— Да. Насъ воспитывали просто, да и средства тогда были скромнѣе.

Мижухевъ помолчалъ, вызывая картину забытой гимназіи, и разсмѣялся.

— А удивительные чудачки бывали у насъ среди учителей!

— У насъ тоже были.... — отозвалась дѣвушка.

— Какъ были?.. Развѣ вы не въ гимназіи уже? — спросилъ Мижухевъ и съ улыбкой посмотрѣлъ на нее. Ему стало пріятно, что она уже «взрослая».

— Нѣтъ. Я уже кончила... давно... — тихонько отвѣтила дѣвушка.

— Ну, гдѣ же давно!..—любовно засмѣялся генералъ,—всего-то три мѣсяца!

— Мнѣ кажется, что уже Богъ знаетъ сколько времени прошло, — еще тише возразила дѣвушка и совсѣмъ неслышно прибавила:—столько воды утекло.

— Вотъ какъ! — съ комической важностью произнесъ Мижухевъ, и ему захотѣлось просто взять и поцѣловать ее въ щеку. Такъ хорошо, чисто и сочно поцѣловать.

Онъ посмотрѣлъ на нее внимательнѣе и увидѣлъ, что сначала она показалась ему гораздо моложе, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ. Сбоку ему были видны мягкія очертанія груди, плечо, которое близко къ нему было округло, и рукавъ платья упруго охватывалъ руку.

— Что жъ теперь?.. На курсы?..—ласково спросилъ онъ.

— Не знаю...—чуть слышно отвѣтила дѣвушка и потупилась.

Генералъ крякнулъ и неловко погладилъ бачки.

На минуту воцарилось молчаніе, и Мижухевъ почувствовалъ, что коснулся больного мѣста. Ему стало жаль ихъ, и веселая мысль о томъ, что все это можно сразу устроить, родилась у него. Но сказать показалось неловко, и, чтобы прервать молчаніе и развеселить дѣвушку, онъ опять началъ о своихъ учителяхъ.

— У насъ былъ учитель математики... Такой толстый и важный, какъ директоръ департамента. Весь урокъ онъ ходилъ изъ угла въ уголъ и проповѣдывалъ свою философію, которая вся состояла изъ одной фразы. Ходить по классу изъ угла въ уголъ, вертеть пальцами передъ животомъ и говорить важно-пресважно: «Есть фи-ло-софы... Есть тру-женики... А есть баловни судьбы-ы!...»

— Васъ, Федоръ Ивановичъ, онъ, конечно, относить къ баловнямъ судьбы! — заискивающе захохоталъ генералъ и посеменилъ ножками.

— Н-да... Во всякомъ случаѣ труженикомъ меня трудно было считать.

— А философомъ? — лукаво замѣтила дѣвушка и сконфузилась.

Мижуевъ засмѣялся и опять почувствовалъ желаніе обнять и поцѣловать ее. Непремѣнно въ щеку и такъ звучно.

Но дѣвушка уже опять потупилась. Легкой грустью все еще вѣяло отъ ея тонкой фигурки.

— Да...—заторопился Мижуевъ, которому капризно захотѣлось, чтобы она не была такой молчаливой и грустной.—А то еще былъ у насъ учитель географіи... Высокій, худой, какъ палка, котораго звали «Макаронъ». Тотъ все показывалъ намъ солнечную систему въ лицахъ: самъ онъ былъ солнцемъ, я обыкновенно изображалъ землю, одинъ маленькій еврейчикъ—луну, и такъ далѣе. Солнце, сидя на корточкахъ посреди класса, медленно поворачивалось, земля бѣжала вокругъ солнца, луна во всѣ лопатки поспѣвала кругомъ земли... Сначала все шло хорошо. Но потомъ все сбивалось, и происходила міровая катастрофа: луна налетала на землю, марсъ попадалъ головой въ животъ юпитеру, и эта величественная планета неожиданно садилась на солнце, образуя полный хаосъ!

Дѣвушка вдругъ закинула голову и зазвенѣла такъ беззаботно весело, что сердце у Мижуева обрадовалось. Ему страшно хотѣлось, чтобы она еще смѣялась, и онъ сталъ болтать все, что приходило въ голову. И хотя то, что онъ рассказывалъ, было очень пустячно, но болталъ онъ съ такимъ неподдѣльнымъ комизмомъ, что выходило удивительно смѣшно. Раскраснѣвшаяся дѣвушка уже поминутно смѣялась, закидывая голову и показывая свой милый подбородокъ. Генералъ хохоталъ до слезъ, и всѣ встрѣчные оглядывались на ихъ шумную тройку.

— Былъ у меня знакомый дьяконъ въ Самарѣ... Горькій пьяница!.. Приходятъ къ нему съ какой-нибудь требой... Выходитъ дьяконица и таинственно сообщаетъ: «Отецъ дьяконъ васъ принять не могутъ!..» «А что, раз-

вѣ—свыше?..» «Свыше». «А-а!..» И посѣтителъ пресерьезно удаляется.

— Свыше!—хохотала дѣвушка и уже смотрѣла прямо въ лицо Мижухеву, съ такимъ выраженіемъ, точно жадно ждала отъ него еще чего-то самаго смѣшнаго.

А генералъ шелъ сзади, прихрамывалъ и молчалъ. Замолчалъ онъ какъ-то сразу, и на сморщенномъ личикѣ его выразилось что-то затруднительное. Его вдругъ испугала такая неожиданная веселость и простота Мижухева. И въ самой глубинѣ души его зашевелилось смутное опасеніе. Онъ еще не высказалъ его себѣ, но это была робкая и безсильная, птичья боязнь за свою чистую, нѣжную дѣвочку.

— Богачи эти...—мелькнуло у него въ головѣ,—ему вѣдь ничего не стоитъ...

Представленіе о томъ, что можетъ сдѣлать Мижухевъ съ его маленькой дочкой, рисовалось ему отчетливо, но было такъ страшно для него, что генералъ боялся даже и думать объ этомъ. Наготы и позора своей дѣвочки мозгъ его не могъ воспринимать.

— Нюрочка!.. Не пора ли домой...—неловко позвалъ онъ.

Дѣвушка оглянулась удивленно.

— Еще рано, папочка!

Генералъ смущенно забормоталъ. Личико у него было красное, глазки бѣгали совершенно нелѣпо. Мижухевъ тоже оглянулся на него и какими-то тончайшими изгибами мысли инстинктивно понялъ. Что-то тяжелое и давнее шевельнулось въ немъ. Сначала стало больно, но вдругъ тайная острая мысль сверкнула откуда-то изъ самой темной глубины: дать денегъ, увезти на курсы... Неровными, но яркими, какъ молнія, зигзагами въ воображеніи засверкало ослѣпительное, молодое, въ первый разъ обнаженное тѣло, трепетныя наивныя выпышки еще неопытнаго сладострастія... потомъ бѣшеный огненный актъ. Онъ искоса противъ воли взглянулъ на дѣ-

вушку, и ему вдругъ показалось, что она уже стоитъ нагая, и онъ видитъ ея круглыя голыя руки, небольшую упругую грудь, мягкія пряди волосъ на голомъ плечѣ. Что-то, похожее на горячую волну, ударило ему въ голову, но сейчасъ же Мижухевъ опомнился.

А дѣвушка смотрѣла на него и спрашивала что-то.

— Да,—отвѣчалъ Мижухевъ, чувствуя страшную радость, что это кошмарное видѣніе исчезло. Ему страстно захотѣлось разсѣять угадываемое въ генералѣ опасеніе, стать простымъ, милымъ, равнымъ.

«Вѣдь, онъ правъ, что боится меня, — съ скорбью подумалъ онъ:—и я не виноватъ... Всякій другой на моемъ мѣстѣ поступилъ бы такъ. Что жъ...»

Съ страшнымъ трудомъ Мижухевъ опять отвелъ надвигавшуюся жадную и властную мысль, и ему стало грустно, безнадежно грустно, точно онъ почувствовалъ силу сильнѣе себя.

И поддаваясь этому грустному сознанію и теплomu покаянному чувству передъ этой чистой нѣжной дѣвушкой, Мижухевъ слово за словомъ сталъ говорить о своей жизни.

— Счастливы вы,—наивно щебетала Нюрочка,—вы вездѣ можете побывать, все узнать, увидѣть!.. Мы, вогъ, въ первый разъ въ Ялтѣ, и то, какъ въ раю.

— Счастье не въ этомъ,—грустно возразилъ Мижухевъ:—жить можно вездѣ; живутъ люди и на сѣверномъ полюсѣ, живутъ на Камчаткѣ, и въ Сахарѣ, и въ Пинскихъ болотахъ... И люди, живущіе тамъ, даже подымаются до созданія своей поэзіи. Можно жить безъ пальмъ, безъ тепла, безъ большихъ городовъ. Это все чепуха... форма. Безъ одного только нельзя жить человѣку: безъ людей. Въ одиночествѣ человѣкъ тупѣетъ, слабеетъ, становится безсильнымъ и ненужнымъ.

— А мнѣ кажется, я и въ пустынѣ бы прожила, лишь бы цвѣты были, птицы, море...

— Это только кажется,—усмѣхнулся Мижухевъ, —

человѣку даны сложныя и глубокія чувства... И чтобы наполнить ихъ жизнью, нужно вокругъ такое же сложное, тонкое и глубокое... Однимъ небомъ, деревьями да морями душу не оживишь... Сколько ни ѣзди, сколько ни смотри...

— Да. Но у васъ, вѣрно, и людей кругомъ всегда сколько уютно... Вѣдь вы столько добра можете сдѣлать,—робко замѣтила дѣвушка. И раньше, чѣмъ онъ отвѣтилъ на это, она почувствовала что-то такое, отчего сердце ея тихонько сжалось.

Мижухевъ чуть-чуть покривилъ углы рта и вдругъ показался ей какимъ-то массивнымъ, тяжелымъ и большимъ.

— А!—горько проговорилъ онъ съ внезапнымъ порывомъ, — добро!.. Когда каждый человѣкъ, который подходитъ къ вамъ, только и приходитъ за этимъ добромъ...

— Не всякій же, — съ странной жалостливой торопливостью возразила дѣвушка.

Мижухевъ помолчалъ. У него въ душѣ произошло нѣчто странное: стало страшно досадно, что онъ говоритъ объ этомъ передъ какой-то дѣвочкой, раскрывая свою душу; холодное чувство гордости легло на губы, а подъ нимъ хотѣлось хоть разъ, хотя бы и не кстати, просто высказаться. И послѣднее преодолѣло.

— Можетъ, и не всякій,—съ усиліемъ выговорилъ онъ,—но когда люди только и приходятъ за тѣмъ, чтобы взять денегъ, то уже если и придетъ кто-нибудь такъ, просто, съ открытой душой, все кажется, что это только такъ, а въ глубинѣ души ему надо того же... Что и онъ не пришелъ бы, если бы не могъ взять денегъ. И уже заранѣе настораживаешься... Иногда такая инстинктивная злоба рождается, что и самъ оттолкнешь, сдѣлаешься грубымъ и жестокимъ... Это очень мучительно, праяо!

Въ голосѣ Мижухева вздрогнуло что-то, онъ опять покривилъ губы и замолчалъ. Стало очень тихо, и шумъ

моря показался дѣвушкѣ одинокимъ и печальнымъ. Она задумалась, и тысячи нѣжныхъ, ласковыхъ словъ замелькали у нея въ головѣ. Съ материнской нѣжностью, раскрывающей всю ея дѣвическую, еще наивную душу, ей захотѣлось приласкать его, утѣшить.

Генералъ съ удивленіемъ смотрѣлъ изади на сутулую громадную фигуру Мижучева. Сначала онъ не повѣрилъ ему и даже смутно испугался еще больше: ему показалось, что Мижучевъ притворяется несчастнымъ, нарочно ради Нюрочки. Но потомъ старику стало стыдно этой мысли и жаль Мижучева, по-стариковски, съ отеческой нѣжностью.

— Мнѣ кажется...—тихо начала дѣвушка.

Но порывъ уже прошелъ. Холодное чувство взяло верхъ. Мижучеву стало досадно своей откровенности, передъ такими, въ сущности, ничтожными людьми, какъ какой-то отставной генералъ и его дочь гимназистка, которую онъ купить можетъ. Это чувство было мучительно для него самого, и онъ самъ сознавалъ его грубость, но все-таки сталъ высокомеренъ и холоденъ.

— Нѣтъ, это пустяки...—холодно перебилъ онъ и неожиданно заговорилъ о чемъ-то ненужномъ и неинтересномъ.

Дѣвушка быстро взглянула на него, и лицо Мижучева было неподвижно и безразлично. Она внезапно поблѣднѣла и вдругъ выпрямилась, стала смотрѣть прямо передъ собой, и пальцы у нея задрожали отъ смутной, но сильной обиды. Точно кто-то раздѣлъ и насмѣялся надъ ней, надъ тѣмъ, что она открыла съ чистымъ и глубокимъ желаніемъ.

Генералъ попытался утѣшить Мижучева, но вышло такъ некстати, что онъ смѣшался самъ и понесъ какую-то чепуху.

Когда дошли до конца набережной, стало совсѣмъ неловко и пусто, и почувствовалось, что надо расходиться. Генералъ ослабѣлъ и, не зная, какъ покончить, мялся,

семенялъ и говорилъ уже окончательно неинтересныя вещи о вечерѣ, морѣ, о ялтинской жизни. Мижуевъ молчалъ и только изрѣдка отвѣчалъ, не глядя:

— Да, это вѣрно...

— Видите ли, Федоръ Ивановичъ... — началъ опять генераль, но въ это время дочь тихо потянула его за рукавъ и, не глядя, сказала тихо, но настойчиво:

— Пора домой, папочка... Мнѣ холодно.

— Сейчасъ, сейчасъ, дѣточка...—заторопился обрадованный генераль.—Ну, до свиданья, Федоръ Ивановичъ, до свиданья...

Онъ долго жалъ руку Мижуева и, чувствуя, что чего-то не хватаетъ, не рѣшался уйти. Дѣвушка ждала молча, поблѣднѣвшая, печальная. Ей было жалъ всѣхъ—и себя, и отца, и Мижуева, и того свѣтлаго хорошаго, что было и ушло. Было жалъ и на кого-то обидно до слезъ.

Только уже прощаясь, она на какое-то замѣчаніе отца коротко и слабо разсмѣялась, закинувъ все-таки голову и показавъ свой нѣжный чистый подбородокъ.

Въ самую послѣднюю минуту что-то теплое шевельнулось въ ней, и звенящимъ голосомъ она сказала:

— Федоръ Ивановичъ, можно васъ попросить заходить къ намъ?..

— Спасибо...—холодно отвѣчалъ Мижуевъ.

Дѣвушка мучительно покраснѣла, и глаза у нея стали печально недоумѣвающіе.

Всю дорогу она молчала и слушала, какъ предостерегающе шипѣлъ подъ ногами гравій. Въ душѣ у нея было смятенное чувство, точно оборвалось навсегда какое-то счастье, и еще сильнѣе была острая жалость къ Мижуеву.

IV.

Ночь отдѣлила море отъ земли. За рѣзко освѣщеннымъ каменнымъ парашетомъ набережной стѣною стоялъ что-то скрывающій мракъ, и въ немъ чудилась непонят-

ная непрекращающаяся жизнь. Въ невидимомъ просторѣ что-то двигалось, напряженно вздыхало, всплескивало, какъ-будто плакало, росло и падало и опять нарастало гдѣ-то въ черной дали, слитой съ чернымъ небомъ. Тамъ, во мракѣ, скрыто отъ человѣческихъ глазъ, неустанно шла вѣчная таинственная борьба, точно милліарды какихъ-то существъ подъ покровомъ короткой ночи спѣшили закончить свое свирѣлое темное дѣло.

А набережная, безжизненно озаренная блѣдными огнями фонарей, была окована прозрачной чуткой пустотой. Деревья сливались въ темную однообразную массу, и только у самыхъ огней ярко, но мертво зеленѣли отдѣльные застывшіе листья. Порой гдѣ-то выростали одинокіе отчетливые шаги, въ кругѣ свѣта вдругъ рождалась рѣзкая черная тѣнь, росла, вытягивалась, перегибалась за парашетъ въ море, и такъ же мгновенно пропадала во тьмѣ, унося вдаль четкіе стихающіе шаги.

Мижухевъ шелъ одинъ, и казалось ему, что голова его огромна, а сердце пусто.

Неустанно море шумѣло и о вѣчной тоскѣ; надъ горами безмолвно горѣли большія звѣзды, и въ душѣ Мижухева было такое чувство, точно онъ стоитъ надъ міромъ, въ которомъ все давно умерло, навсегда прекратилась всякая жизнь, и глазъ видитъ только мертвыя снѣжныя поля да далекія звѣзды, окованныя холодомъ вѣчнаго молчанія.

Мертвая грусть тихо ныла въ душѣ, и было все равно, куда и зачѣмъ идти въ пустотѣ и молчаніи ночи.

Еще живо было свѣтлое воспоминаніе, и въ ушахъ какъ-будто издалека раздавался звенящій смѣхъ. Мелькали въ памяти: свѣтлые волосы, влажные глаза и мягкій чистый подбородокъ закинутой въ смѣхъ женской головки. Но мысли бѣжали мимо нея, быстро и далеко, какъ тучи мимо луны въ мутную зимнюю ночь. Не было въ нихъ ни цѣли, ни начала, ни конца, и уныла была ихъ дымно мчащая быстрота.

Медленно и тяжело, какъ трудно больной, Мижуевъ шелъ до конца набережной, останавливался, шелъ назадъ и не могъ бы выразить словами того, о чемъ думалъ въ это время. Не было опредѣленныхъ словъ, не было лица, къ которому обратить протестъ. Такъ, чего-то требовала больная душа, придавленная сознаниемъ непонятной, но непреоборимой несправедливости. Рисовалось какое-то стремительное движеніе, яркое и живое, какъ человѣческая любовь и человѣческая радость. Вокругъ же было пусто и, казалось, что не на набережной, а во всей жизни четко звучать только его собственные тяжелые шаги, безцѣльно и точно отсчитывая ступени мертвого, никому ненужнаго пути.

«Пора умирать!»—съ кривой усмѣшкой вдругъ подумалъ Мижуевъ.

Въ одно мгновеніе стало легко и свободно, какъ-будто этимъ словомъ сдернулась завѣса съ чернаго и тяжелаго, и оказалось, что тамъ нѣтъ ничего—пустота. Ощущеніе легкой пустоты на мгновеніе все тѣло его сдѣлало легкимъ и свободнымъ, какъ-будто онъ пересталъ быть Мижуевымъ, отяжелѣвшимъ, мрачнымъ, пожившимъ человекомъ. Но чувство это было мимолетно и потухло, какъ искорка во тьмѣ на вѣтру.

— Если остался одно—смерть, то значить все это—правда: правда, что жизнь его въ самомъ дѣлѣ безобразна, нелѣпа, и жить нельзя.

И вдругъ стало такъ тяжело, что захотѣлось плакать, грянуться о землю, лицомъ внизъ и лежать.

— Да въ чемъ же дѣло?.. Я боленъ?..—съ отчаяніемъ спросилъ Мижуевъ, задыхаясь отъ страшной тяжести и не понимая ее.—Я имѣю все, что нужно человеку и даже больше того... Тысячи людей мечтаютъ о томъ, чтобы имѣть сотую часть того, что имѣю я... Мечтаютъ, какъ о недостижимомъ счастьѣ!.. Всѣ мои страданія всякій характеризуетъ, какъ бѣшенство съ жиру... Чего мнѣ надо?.. Есть все...

И яркой полосой въ одно мигновеніе пронеслись передъ Мижухевымъ десятки прелестныхъ женщинъ, театры, моря, города, картины, автомобили, рысаки... цѣлый міръ, полный красокъ, свѣта и движенія, все самое пышное, красивое и пріятное, что можетъ дать міръ... Но его собственное лицо, больное и тяжелое, осталось въ сторонѣ. И все ушло вдаль, поблѣднѣло и вдругъ стало однообразнымъ и убогимъ, какъ полинявшая митра.

— Не то, не то!.. А что же?..—спросилъ онъ куда-то внутрь своей молчащей души, и вдругъ приливъ злобы, безпредметный и бесполезный, потрясъ все громадное тѣло Мижухева, и сквозь почти безумное страданіе, длившееся одинъ безконечный моментъ, онъ упалъ въ пустую холодную дыру, въ которой уже не было ничего, кромѣ безконечной усталости.

Молча, безъ мыслей, какъ бы всѣмъ существомъ опускаясь все ниже и ниже, Мижухевъ прошелъ до конца набережной и вспомнилъ, что уже много разъ прошелъ ее изъ конца въ конецъ. Онъ повернулъ назадъ и, когда черезъ дорогу его легли яркія полосы рестораннаго свѣта, Мижухевъ перешелъ улицу и машинально отворилъ большую тяжелую дверь.

«Надо поѣсть... я просто ослабѣлъ...»—равнодушно подумалъ онъ.

За яркой зеркальностью оконъ блестѣли живые огни, двигались черные силуэты, зеленѣли рѣзные листья декоративныхъ растений, и скатерти столиковъ бѣлѣли, какъ горный снѣгъ.

Какъ только Мижухевъ открылъ двери, и швейцаръ поспѣшно стащилъ съ его массивныхъ плечъ пальто, со всѣхъ сторонъ, ошеломляя послѣ тишины ночи, ударилъ спутанный стонъ голосовъ, взрывы смѣха и искристый звонъ стекла. Мижухева сейчасъ же увидѣли и узнали. То тамъ, то тутъ, сквозь стукъ, гамъ и звонъ, слышалось его имя, произносимое торопливо и какъ-будто предостерегающе. Нѣсколько женскихъ лицъ любо-

пытными глазами проводили его, пока онъ медленно пробирался среди столовъ. У самаго буфета его окрикнулъ знакомый московскій литераторъ Опаловъ.

— Федоръ Ивановичъ!..—радостно закричалъ онъ, вставая навстрѣчу, и его лицо, тонкое, съ узкими странными, какъ у японской куклы, глазами, начало улыбаться съ выраженіемъ живѣйшей радости и полного дружескаго любія.—Федоръ Ивановичъ, садитесь съ нами!.. Человѣкъ, дайте стулъ!

За столомъ сидѣло трое: тѣ два писателя, которыхъ Мижухевъ сегодня встрѣтилъ на набережной, и опухшій, лысоватый грязноватый господинъ, въ узкихъ непоногамъ парусиновыхъ брюкахъ и въ странномъ, не то американскомъ, не то просто клоунскомъ жилетѣ.

— Вы не знакомы?..—спрашивалъ Опаловъ, когда всѣ медленно приподнялись навстрѣчу Мижухеву.—Четыревъ... Марусинъ... Подгурскій...

— Бывшій писатель!.. — не то гаерскимъ, не то искреннимъ тономъ вставилъ опухшій господинъ.

Мижухевъ коротко и мелькомъ назвалъ свою фамилію. Ему всегда было непріятно называть себя: казалось глупымъ повторять фамилію, которую, обыкновенно, знали заранѣе, а не сказать, было бы слишкомъ. И это раздражало.

— Да васъ всѣ знаютъ, Федоръ Ивановичъ! — засмѣялся Опаловъ, и нельзя было разобрать, добродушно или съ какой-то тайной ироніей.

Мижухевъ криво усмѣхнулся, и эта усмѣшка вышла непріятной ему самому: не то онъ соглашался, что его всѣ знаютъ, не то отвергалъ это, не то притворялся, что отвергаетъ. Онъ чувствовалъ, что въ ней нѣтъ простоты, что это всѣ видятъ, и это было болѣзненно тяжело.

Лакей стремительно подставилъ стулъ, и Мижухевъ сѣлъ, сейчасъ же скрестилъ на скатерти массивныя руки, и тяжелымъ скошеннымъ взглядомъ уставился на сосѣдній столикъ, за которымъ кутили три полныя наряд-

ныя дамы и два блестящіе парадные офицера. На минуту воцарилось неловкое молчаніе. Опаловъ смотрѣлъ Мижухеву въ глаза дружелюбно, но такъ любопытно, точно передъ нимъ внезапно сѣлъ бѣлый медвѣдь. Всклобоченный Подгурскій, похожій на узелъ грязнаго бѣлья, втиснутый въ узенькіе брюки и короткій парусиновый пиджачокъ, смотрѣлъ тоже любопытно, и наглый жадный огонекъ горѣлъ въ его маленькихъ острыхъ глазкахъ. Четыревъ и Марусинъ молча пили пиво и, казалось, не замѣчали Мижухева. Мелькомъ Мижухевъ замѣтилъ, что мягкія слабыя руки Марусина все время дрожали мелкой болѣзненной дрожью, и вспомнилъ, что ему говорили, будто у него чахотка. Поразили его и глаза Марусина: что-то недолговѣчное и необычайно прозрачное, какъ ключокъ милаго весенняго неба, было въ нихъ. И Мижухевъ подумалъ, что это должно быть очень несчастный чистый и добрый человѣкъ. Пробудилась къ нему теплая жалость.

Ресторанъ до потолка гудѣлъ перекрестнымъ крикомъ, смѣхомъ и звономъ. Порой гдѣ-то съ сухимъ трескомъ падалъ стулъ, рѣзко звенѣла о край стакана неперпѣливая ложечка, и высоко взлетали тонкія нотки женскихъ голосовъ и ихъ захлебывающійся, точно отъ щекотки, призывный смѣхъ. Мелькали лакеи съ салфетками, свѣтъ сверкалъ въ разноцвѣтныхъ рюмкахъ, бутылкахъ, блесткахъ на гладкой полуоткрытой кожѣ женщинъ. А въ широкія окна настороженно смотрѣла неотступная черная ночь.

— Что же вы одни?.. А Марія Сергѣевна?..—спросилъ Опаловъ, и по голосу было слышно, что имя Маріи Сергѣевны вызвало въ немъ неуловимое представленіе о женской наготѣ.

Мижухевъ зналъ, что Марія Сергѣевна на всѣхъ мужчинъ производитъ болѣзненно возбуждающее впечатлѣніе, что о ней даже говорятъ съ особымъ выраженіемъ. Когда-то это льстило ему, было остро пріятно видѣть,

какъ безплодно возбуждаются всѣ мужчины той женщиной, всей наготой которой онъ можетъ пользоваться, когда захочетъ и какъ захочетъ, хотя бы самымъ жестокимъ и безстыднымъ образомъ. Но въ послѣднее время онъ уловилъ въ этомъ что-то оскорбительное и непріятное: онъ сталъ вспоминать, что такъ начали говорить съ ней и о ней только тогда, когда она сошлась съ нимъ. Такъ же прекрасна была она и раньше, но какая-то чистота прикрывала ее. Своимъ прикосновеніемъ онъ какъ-будто стеръ эту чистоту и обнажилъ ее въ унижительномъ и грубомъ видѣ легко доступной самки.

— Она поѣхала въ Семейдъ...—отвѣтилъ Мижуевъ неохотно и глядя въ сторону.

— А!.. Я встрѣтилъ ихъ сегодня... Съ Пархоменко?—обрадовался чему-то Опаловъ, и опять въ этой радости Мижуевъ уловилъ нѣчто особенное: какъ-будто Опаловъ не сомнѣвался, что Марія Сергѣевна должна перейти къ Пархоменко, и рѣшилъ, что это уже началось. Мижуевъ въ его глазахъ былъ уже отставнымъ содержателемъ.

«Онъ не допускаетъ, чтобы могло быть иначе...»--подумалъ Мижуевъ.

— Пархоменко, это тотъ?..—вдругъ спросилъ Подгурскій.

— Тотъ самый...—засмѣявшись своими непонятными японскими глазами, отвѣтилъ Опаловъ.

— А вы съ нимъ знакомы? — спросилъ Подгурскій. — Познакомьте меня... У меня дѣло есть...

— Хотите у него займы взять безъ отдачи?—съ стокровенной шуткой спросилъ Опаловъ.

— А хотя бы такъ... Думаете, не дать?..

— Да, этотъ, пожалуй, не дать,—машинально замѣтилъ Мижуевъ.

— А вы дадите?..—неожиданно повернулся Подгурскій, и безшабашное откровенное нахальство выскочило въ его голосъ.

Мижуевъ помолчалъ отъ неожиданности.

— Можетъ быть... — усмѣхнулся онъ.

— Ну, такъ дайте мнѣ двадцать пять рублей!.. — Отчего же нѣтъ?..

Мижуевъ тяжело посмотрѣлъ прямо въ глаза Подгурскому, подумалъ, опять усмѣхнулся и протянулъ черезъ столъ бумажку. Что-то искреннее понравилось ему въ той наглости.

Подгурскій, видимо, не ожидалъ и не очень-то беспокоился, дать или не дать Мижуевъ, но при видѣ денегъ глазки его сверкнули еще наглѣе. Онъ взялъ бумажку и очень естественно сунулъ ее въ карманъ вползающаго на животъ, не то американскаго, не то клоунскаго, не то просто жалкаго засаленнаго жилета.

— Спасибо...

Мижуевъ замѣтилъ, какъ свѣтлые, открытые, точно у довѣрчивой доброй дѣвушки глаза Марусина съ сдержанной улыбкой поднялись на Подгурскаго и застѣнчиво опустились, не коснувшись лица Мижуева. Четыревъ молча смотрѣлъ черезъ головы внутрь ресторана и, казалось, ничего не видѣлъ.

— А порядочный вы нахаль, Подгурскій!.. — замѣтилъ Опаловъ, и по глазамъ его было видно, что мысль о займѣ поздно пришла и ему въ голову.

— Ну, и наплевать!.. — нагло возразилъ Подгурскій. — Я нахаль, вы—беллетристъ, онъ—милліонеръ, а что хуже, это еще неизвѣстно!..

Опаловъ комически поднялъ къ небу свои странные глаза, въ которыхъ всегда стояло тонкое наблюдательное любопытство. Четыревъ и Марусинъ добродушно засмѣялись, при чемъ этотъ добродушный смѣхъ у желчнаго Четырева поразилъ Мижуева. Но онъ и самъ улыбнулся.

— А знаете, что?..—началъ Подгурскій такимъ тономъ, точно собирался сообщить всѣмъ радостную вѣсть. — Угостите-ка насъ, Федоръ Ивановичъ, шампанскимъ. А?.. Почему же нѣтъ?..

Мижуевъ слегка пожалъ могучими плечами. Его начиналъ забавлять этотъ проходимецъ, съ перваго слова сядящійся ему на голову и притомъ такъ откровенно и просто.

— Что жъ, это можно... Только вы сами распоряжайтесь,—сказалъ онъ.

— Ладно, есть!.. Человѣкъ!—громко закричалъ Подгурскій, не обращая вниманія на то, что весь ресторанъ повернулся въ ихъ сторону.

Распорядитель, маленькій старичокъ съ пышными сѣдыми баками, давно уже стоявшій вблизи Мижуева, точно охотничья собака на стойкѣ, быстро подсеменилъ къ нему, съ самымъ пріятнымъ видомъ потирая свои крошечныя ручки. Подгурскій началъ заказывать ужинъ. Онъ дѣлалъ это такъ увѣренно, точно всю жизнь только и дѣлалъ, что пышно и тонко ѣлъ. Мижуевъ даже посмотрѣлъ на него. Подгурскій съ ловкостью фокусника, все видя и все успѣвая, бросилъ:

— Сейчасъ видно миллионера!.. Они думаютъ, что только они одни ѣдятъ и пьютъ!

— А вы знаете, что думаютъ миллионеры?—высокомѣрно, самъ не замѣчая своего тона, спросилъ Мижуевъ.

— Еще бы... Я все знаю... Когда я былъ знаменитымъ писателемъ...

Всѣ засмѣялись. Но Подгурскій не придавалъ этому никакого значенія.

— ...Я миллионеровъ, что собакъ нерѣзанныхъ перевидалъ. Я вижу ихъ насквозь, какъ рюмку водки!

Принесли шампанское. Запахло льдомъ и сыростью, точно открыли двери въ погребъ. Старичокъ распорядитель вѣжливо трясъ баками, въ чемъ-то урезонивая безапелляціоннаго Подгурскаго. А тотъ ожилъ: порѣдѣвшіе волосы встали у него дыбомъ и ключьями, глазки засверкали нагло и жадно, нелѣпый жилетъ нахально выставился впередъ. Онъ острилъ, кричалъ, пилъ, и видно было, что онъ чувствуетъ себя если не счастливымъ, то, по

крайней мѣрѣ, сытымъ. Мижухевъ смотрѣлъ на него и съ непонятнымъ удовольствіемъ видѣлъ, что этому господину равно нѣтъ дѣла ни до Мижухева, ни до его милліоновъ, ни до Четырева, ни до чего на свѣтѣ. У него есть шампанское, сигары, его остроты, а все остальное важно только постольку, поскольку оно его слушаетъ и кормитъ.

Четыревъ и Марусинъ ничего не пили и почти ничего не ѣли. Они все время молчали, только изрѣдка перекидываясь фразами, и внимательно, какъ слушаютъ только художники, прислушивались ко всему вокругъ. Казалось только, что они совершенно и намѣренно не замѣчаютъ Мижухева. И это мучило его. За то Опаловъ не спускалъ съ него глазъ, попрежнему выжидательно любопытныхъ. Все время онъ старался поддерживать съ нимъ разговоръ, острилъ, забавлялъ, вставлялъ мѣткія замѣчанія, сквозь тонкую игру которыхъ ясно сквозило желаніе поправиться Мижухеву.

За сосѣднимъ столикомъ сидѣла полная, эффектная женщина, съ небольшимъ вырѣзомъ на розовой нѣжной спинѣ.

— Замѣтили вы, Федоръ Ивановичъ, — сказалъ Опаловъ, — что при ресторанномъ свѣтѣ голая кожа у женщинъ всегда кажется мокрой?

— Неудачно!.. — авторитетно отвергъ Подгурскій, и сразу было видно, что онъ прекрасно замѣтилъ тайную угодливость Опалова и смѣется. — Придумайте получше... Это — дешево!.. Почему именно при ресторанномъ?..

Большіе черные глаза чуть-чуть смигнули, но Опаловъ притворился искренно защищающимъ свое замѣчаніе:

— Именно при ресторанномъ... И знаете, это вполне естественно: ресторанный свѣтъ всегда спутанъ влажными парами...

— Просто онѣ потѣютъ!.. — безапелляціонно рѣшилъ

Подгурскій.—А вотъ что: правда, что тамъ, гдѣ много женщинъ, всегда пахнетъ пудрой, духами и падалью?

— Что вы!—усмѣхнулся Мижуевъ.

— А что жъ?.. Пожалуй, вѣрно...—замѣтилъ Четверевъ.

Когда дама за сосѣднимъ столикомъ встала и уронила пуховое боа, Опаловъ мгновенно оглядѣлъ взглядомъ всю ея фигуру и сказалъ Подгурскому, но глядя на Мижуева:

— Ну, такъ вотъ вамъ: когда женщина нечаянно уронитъ съ плечъ боа, спина у нея на мгновеніе кажется голой!

— Это недурно...—одобрилъ Подгурскій.—Вы это Пархоменко скажите... Большія деньги дастъ!..

— Вы, кажется, говорили, что незнакомы съ Пархоменко?.. — замѣтилъ Марусинъ и кротко смутился.

— Развѣ?.. Можетъ, и говорилъ... Ну, значить, совралъ...—хладнокровно отвѣтилъ Подгурскій.

Марусинъ попытался прямо смотрѣть ему въ глаза, но замгалъ, слегка покраснѣлъ и сконфузился такъ наивно и искренно, точно это совралъ не Подгурскій, а онъ самъ.

И опять Мижуевъ съ нѣжной пріязнью подумалъ о немъ:

— Какая милая душа!

— Я его давно, еще съ Москвы знаю...—повѣствовалъ Подгурскій.—Можетъ быть, никто не знаетъ его, какъ знаю я... Онъ у меня вотъ тутъ сидитъ!..

Подгурскій вытянулъ и крѣпко сжалъ широкую потную лапу. И движеніе этой грязноватой, съ черными тупыми ногтями руки было такъ цѣлко и хищно, что всѣ невольно посмотрѣли на нее, и даже Мижуевъ почувствовалъ неловкое и жуткое ощущеніе.

— Когда былъ еще живъ старый Пархоменко, онъ сына въ ежовыхъ рукавицахъ держалъ, билъ и не давалъ ни копѣйки, вѣдь!.. Бывало вечеромъ постучить о при-

лавокъ двумя двугривенными: получай и маршъ... Этотъ Пашка тогда вездѣ денегъ искалъ, подѣ фальшивые векселя, конечно... Такъ мы съ нимъ и спутались... Я занимаю такія художества знаю!.. Мнѣ бы тутъ одинъ документикъ еще достать, такъ я ему такой шантажикъ устрою, что онъ у меня поросенкомъ запоетъ!..

— Развѣ это необходимо?..—кратко спросилъ Марусинъ, съ трудомъ глядя въ лицо Подгурскому и мигая глазами.

— Вы его не знаете, Николай Николаичъ... Это такая гадина!.. Его придавить—сорокъ грѣховъ простится. Глупъ, какъ резиновая калоша, а мерзости на трехъ императоровъ и четырехъ архимандритовъ хватить. Жестокая стерва!.. Вы знаете, какой у него идеалъ?.. Онъ гдѣ-то прочелъ, что германскіе офицеры въ Африкѣ распинали негрятенокъ и стрѣляли въ нихъ изъ револьверовъ на пари... Такъ у него вѣдь это—мечта!.. Распять женщину... И когда-нибудь онъ это сдѣлаетъ... Когда отецъ его умиралъ и уже не могъ говорить, этотъ Пашка Пархоменко первымъ дѣломъ почувствовалъ себя наследникомъ, пришелъ къ нему въ спальню, схватилъ умирающаго за бороду и потрясъ: «Вотъ тебѣ, коршунъ, награда за жизнь воровскую твою!..» А когда получилъ наследство, сталъ хуже старика... Скупъ, вѣдь, какъ цѣпкая собака!.. Дрянъ... Милліонеры существуютъ на свѣтѣ, чтобы на ихъ счетъ шампанское пили, а этотъ и для шампанскаго не годится!

— А вы твердо увѣрены, что милліонеры только для этого и годятся?..—отозвался Четыревъ.

Онъ спросилъ какъ-будто бы шутя, но всѣ, и самъ Мижухевъ почувствовали, что это вызовъ.

— А для какого жъ еще чорта?.. — прекрасно уловивъ тонъ Четырева, нагло отвѣтилъ Подгурскій, съ явнымъ желаніемъ вызвать ссору.

Опаловъ примирительно заглянулъ въ глаза Мижухеву.

— А вы какого мнѣнія о Пархоменко?..—черезчуръ естественно перебилъ онъ.

Мижухевъ высокомерно взглянулъ на него и не отвѣтилъ. Ненависть, сквозившая въ тонѣ Четырева, котораго онъ читалъ и искренно уважалъ, больно и грустно кольнула его. Онъ почувствовалъ себя среди враговъ и почувствовалъ съ болѣзненнымъ и грустнымъ недоумѣніемъ.

— Мнѣ кажется,—тихо замѣтилъ онъ, упорно глядя на свои скрещенныя на столѣ руки,—что это несовсѣмъ справедливо... Можно быть милліонеромъ и годиться на что-нибудь болѣе интересное, чѣмъ спаиваніе шампанскимъ.

Четыревъ поднялъ упрямые ненавидящіе глаза и чуть-чуть усмѣхнулся. Мижухевъ вздрогнулъ и слегка покраснѣлъ.

— Да вы, кажется, обидѣлись?..—двусмысленнымъ тономъ замѣтилъ Подгурскій.

— Я не обидѣлся...—краснѣя еще больше, возразилъ Мижухевъ...—И говорю это вовсе не потому, что я самъ милліонеръ... Пархоменко — исключеніе. Это выродокъ, который можетъ появиться во всякой средѣ. А мнѣ кажется, что человѣкъ можетъ быть такимъ или инымъ независимо отъ количества денегъ въ карманѣ.

— Конечно!.. — воскликнулъ, опять-таки черезчуръ искренно, Опаловъ.

— Пархоменко не выродокъ... — холодно замѣтилъ Четыревъ.—Въ той средѣ, гдѣ все построено на деньгахъ, гдѣ деньги все покупаютъ и за деньги все продаютъ, Пархоменко — явленіе совершенно нормальное. Такимъ и долженъ быть настоящій... милліонеръ. А если есть другіе, то уже скорѣе они—своего рода выродки... живая нелѣпость...

Дуновеніе вражды и приближающейся ссоры пронеслось такъ явственно, что Марусинъ поднялъ голову и

покраснѣлъ, а Опаловъ заерзалъ въ неопредѣленномъ движеніи между Четыревымъ и Мижухевымъ

— Почему же?..—сдержанно спросилъ Мижухевъ, и что-то грустное послышалось въ его голосѣ.—Я...

— Я не о васъ говорю...—небрежно возразилъ Четыревъ, и уже совсѣмъ ясно стало видно, что онъ весь во власти неудержимой упрямой ненависти.

— А хотя бы и обо мнѣ...—тихо и не подымая глазъ замѣтилъ Мижухевъ.

— О присутствующихъ не говорятъ!.. — вмѣшался Опаловъ.—Вы это забыли, Федоръ Ивановичъ!

Мижухевъ потупился еще больше и еще тише возразилъ:

— Нѣтъ, отчего же... Мнѣ очень интересно знать, что думаетъ... Сергѣй Максимычъ, котораго я очень люблю и уважаю, какъ писателя...

Четыревъ вдругъ тоже покраснѣлъ. И, не глядя на него, Мижухевъ понялъ, что онъ не вѣритъ ему и думаетъ, будто Мижухевъ хочетъ его задобрить. Это было страшно больно и обидно. Стало стыдно своей откровенности и недоумѣвающе грустно. Четыревъ искренно казался ему чуткимъ и вдумчивымъ писателемъ, и было непонятно, что этотъ вдумчивый правдивый человѣкъ, почти не зная его, уже за что-то ненавидитъ и хочетъ сдѣлать больно.

Мижухевъ сдѣлалъ надъ собой болѣзненно огромное усиленіе и такъ же тихо сказалъ:

— Я говорю искренно...

Теплая просящая нотка дрогнула въ его голосѣ.

Марусина тронуло, что такой большой, сильный, пожилой человѣкъ такъ кротко стучится къ людямъ, отталкивающимъ его. Легкая досада на Четырева шевельнулась въ немъ.

— Сергѣй Максимычъ, вѣроятно, хочетъ сказать,—заговорилъ онъ, краснѣя и подымая добрые глаза,—что

скопленіе огромныхъ богатствъ въ рукахъ одного чело-
вѣка... есть нелѣпость...

— Ну, это что-то изъ социаль-демократической
программы...—насмѣшливо отозвался Подгурскій.

— Самъ миллионеръ, какъ живой чело-вѣкъ, по-мо-
ему, нелѣпость!—рѣзко перебилъ Четыревъ.

— Что вамъ сдѣлали несчастные миллионеры? —
опять постарался сбить на шутку Опаловъ.

Но это вмѣшательство раздражило Мижучева. Въ лю-
бопытныхъ глазахъ Опалова онъ уловилъ тайное удоволь-
ствіе.

— Нѣтъ, я попросилъ бы васъ дать высказаться Сер-
гѣю Максимовичу,—холодно и властно сказалъ онъ.

Опаловъ несмѣло мигнулъ и неловко улыбнулся.

— Что жъ тутъ высказываться?..—хмуро возразилъ
Четыревъ.—Что я думалъ, я уже сказалъ. Я считаю не-
лѣпой жизнь людей, у которыхъ въ рукахъ сосредото-
чивается имъ не принадлежащая колоссальная сила. Они
не могутъ не сознавать, что сами по себѣ не только нуль,
а ниже нуля... что безъ своихъ миллионовъ они никому
не нужны... Является логическая необходимость или
уйти въ ничто, или использовать эту силу... А какъ ее
можно использовать?.. Что могутъ дать деньги, громад-
ныя деньги?.. Развратъ, власть, роскошь... И странно бы-
ло бы думать, что чело-вѣкъ можетъ отказаться отъ то-
го, что такъ услужливо и легко ему дается. И онъ раз-
вратничаетъ, насильничаетъ... самодурствуетъ...

— Будто только это?.. А Третьяковъ, напри-
мѣръ?..—тихо замѣтилъ Мижучевъ.

— Что жъ Третьяковъ?.. — рѣзко оборвалъ Четы-
ревъ.—Такой же самодуръ, какъ и всѣ... Чело-вѣкъ упо-
требилъ всю свою жизнь на то, чтобы давить на искус-
ство въ угодномъ ему направленіи, создалъ въ Россіи цѣ-
лую полосу тенденціознаго уродливаго направленія, на
десятокъ лѣтъ задержавъ здоровое, нормальное развитіе
искусства.

Рѣзкій, но слабый голосъ Четырева, которому было трудно бороться съ рестораннымъ шумомъ, звучалъ злобно и напряженно.

— Что-нибудь одно: или идя естественнымъ въ своемъ положеніи путемъ, милліонеръ долженъ быть паразитомъ, губить жизнь, высасывая изъ нея соки, чтобы пухнуть, какъ червякъ на падали; или остаться тѣмъ, что есть: ничтожнымъ придаткомъ къ своимъ милліонамъ...

— А развѣ самъ милліонеръ не можетъ быть талантливымъ человѣкомъ, писателемъ, художникомъ, поэтомъ?..—спросилъ Опаловъ.

— Можетъ, конечно!..—коротко пожалъ плечами Четыревъ.—Но для того, чтобы развить талантъ, чтобы создать изъ себя самого нѣчто большое, надо борьбу, страданіе... Что же можетъ заставить страдать человѣка, которому жизнь и безъ того суесть въ руки самыя утонченныя наслажденія?.. Это нелѣпо!..

— Федоръ Ивановичъ... — деликатно перебилъ неслышно подошедшій старичокъ-распорядитель. — Васъ просятъ къ телефону.

Четыревъ внезапно замолчалъ, и глаза у него стали странными, углубленными, точно онъ мысленно продолжалъ свою злобную и страдающую рѣчь.

— Что?..—не сразу понявъ, переспросилъ Мижухевъ.

Лицо его было блѣдно и устало, и страдальческая черточка лежала у печальныхъ глазъ.

— Господинъ Пархоменко просятъ васъ къ телефону.

— Можетъ быть, во многомъ вы и правы,—не глядя на Четырева проговорилъ Мижухевъ,—и я хорошо понимаю васъ, но... знаете, это—жестоко!.. Простите, господа, я сейчасъ...—перебилъ онъ самого себя и пошелъ за лакеемъ.

Любопытныя лица опять провожали его, пока онъ пробирался между столами.

Пархоменко звалъ его въ загородный ресторанъ, говорилъ, что будетъ Эмма—шансонетная пѣвичка, которую немного зналъ Мижухевъ.

— А Марія Сергѣевна?..—машинально спросилъ Мижухевъ.

— Марія Сергѣевна уѣхала домой... — глухо отвѣчалъ невидимый Пархоменко.

— Хорошо...—такъ же машинально отвѣтилъ Мижухевъ.

Въ телефонной будкѣ было темно и душно. Мижухевъ закрылъ глаза и прислонился къ стѣнѣ. Въ ушахъ все еще раздавался слабый ненавидящій голосъ.

— Что жъ... можетъ быть, онъ и правъ... Но почему такая ненависть?.. Почему онъ не видитъ?..

Мижухевъ не кончилъ свою мысль и почувствовалъ, какъ больно и тоскливо сжалось въ груди.

Когда онъ вернулся къ столу, Четыревъ и Марусинъ уже прощались.

— ...Между нимъ и милліонами людей всегда будутъ стоять милліоны рублей, и что-нибудь изъ двухъ: или это совершенно одинокій человѣкъ или звѣрь... нелѣпость, которая въ самой себѣ носитъ свою гибель...

Увидѣвъ Мижухева, Четыревъ коротко оборвалъ и посмотрѣлъ ему навстрѣчу съ холодной вызывающей рѣшимостью.

— Вы уже уходите? — черезъ силу спросилъ Мижухевъ.

— Да.

— Можетъ быть, еще увидимся?.. — спросилъ Мижухевъ, пожимая руки—одну дрожащую отъ возбужденія, другую дрожащую отъ волненія и болѣзни.

— Можетъ быть...—холодно отвѣтилъ Четыревъ, и отъ этого отвѣта еще холоднѣе и жестче повѣяло неприимой враждой.

Мижухевъ съ непонятнымъ ожиданіемъ взглянулъ въ

лицо Марусину. Но оно было смущено, и открытые добрые глаза смотрѣли чужимъ далекимъ взглядомъ.

Страшный приливъ сжалъ горло Мижуху: это была и мучительная боль, и внезапное мучительное желаніе сдѣлать что-то ужасное, злое, показать имъ, что все-таки онъ сильнѣе ихъ и можетъ уничтожить, исковеркать, какъ бурьянъ на пути. Но порывъ мгновенно упалъ, и когда Мижуха глядѣлъ вслѣдъ уходящимъ, лицо его было только блѣдно и странно, какъ у человѣка, обреченнаго на смерть.

V.

Грудью впередъ, точно атакуя, размахивая юбкой, подхваченной выше колѣнъ, и крѣпко и упруго перебирая стройными ногами, влетѣла женщина съ толстыми плечами и въ черной шляпѣ набекрень.

Пили уже давно. Вино, сигарный дымъ, насыщенный электрическимъ свѣтомъ, потомъ и ликерами воздухъ, крикъ и шумъ возбудили уже до того, что женщина была необходима. Нужна была точка, на которую излилось бы чрезмѣрное напряженіе безсонной угарной ночи.

При видѣ ея вспыхнуло буйное, почти бѣшеное движеніе: Пархоменко, красный, съ налитыми кровью глазами и мокрыми черными усами, кинулся навстрѣчу, повалилъ стулъ и, подхвативъ тонкую гибкую талию, обтянутую ажурнымъ корсажемъ, поднялъ женщину на воздухъ и сразмаху поставилъ на столъ. Упала бутылка, и рюмка вдребезги разбилась о полъ.

— Ай!.. Уроните!.. — вскрикнула женщина, и ея неискренній привычно возбужденный голосъ вздулъ безсмысленное веселье.

— Ура!.. — закричалъ Пархоменко. — Да здравствуетъ красота!.. Давайте вина ей... Пусть догоняетъ!

Всѣ сгрудились къ женщинѣ, въ страшной жадной

тѣлоотѣ. Глаза загорѣлись острыми искрами, пальцы плотоядно цѣплялись за выпуклыя бедра, упругія ноги и круглыя полуобнаженные руки. Пархоменко подносилъ смѣющимся пунцовымъ губамъ бокалъ съ желтымъ шампанскимъ. Опаловъ, съ сухимъ румянцемъ на бѣломъ лицѣ, цѣловалъ руку, нагую выше перчатки. Толстый биржевикъ, растянувъ почти на грудь сочный мокрый ротъ, чокался и ржалъ, какъ толстое сытое животное на случкѣ. Казалось, они всѣ были готовы броситься на это розовѣвшее за чернымъ кружевомъ нагое вкусное тѣло и разорвать его, визжа и кусаясь.

Только Подгурскій равнодушно цѣдилъ ликеръ, да Мижуревъ, тяжелый и мрачный, какъ всегда, грузно сидѣлъ на диванѣ и смотрѣлъ сонными большими глазами.

Женщину перенесли на диванъ и уронили, должно быть, сдѣлавъ больно, но она только хохотала, била кончиками безстыдныхъ пальцевъ по хватавшимъ ея тѣло рукамъ и кричала увѣренно и вмѣстѣ фальшиво:

— Не увлекайтесь!.. Не увлекайтесь, господа!.. Прочь руки!.. Дайте мнѣ шампанскаго... Я хочу сегодня быть пьяна!.. Мнѣ весело... Если бы вы видѣли, какъ меня сегодня принимала публика!.. Триумфъ!..

И она неожиданно громко пропѣла отрывокъ бравурной шансонетки.

Опаловъ подалъ ей вино и вдругъ зажегъ подъ бокаломъ карманный электрическій фонарикъ. Желтую влагу пронизали яркія золотыя искры, и шампанское засмѣялось какъ живое. Было очень красиво, и желтыя искры, отражаясь въ смѣющихся черныхъ глазахъ женщины, придали имъ что-то фантастически дикое.

— Ахъ, какая прелесть!.. Душка, еще, еще!..—закричала она, хохоча какъ русалка.

Опаловъ хотѣлъ опять зажегъ, но Пархоменко неожиданно вырвалъ у него фонарикъ и пустилъ бѣлый рѣзкій свѣтъ прямо ей въ глаза. Они стали желты и прозрачны, какъ у кошки. Женщина зажмурилась отъ

боли, потомъ засмѣялась. Но всѣ успѣли замѣтить бѣдный наивный гримъ у рѣсницъ и тайныя жалкія морщинки въ уголкахъ глазъ еще молодой, но уже увядающей женщины. Даже Подгурскому и Опалову стало чего-то жаль и стыдно, но Пархоменко, какъ-будто нечаянно, зацѣпилъ ногой ея кружевной хвостъ, свернувшійся на полу, дернулъ и разорвалъ.

— Ахъ, что вы!..—вскрикнула женщина, и Мижуевъ услышалъ въ ея голосѣ покорный испугъ.

Пархоменко притворился, что едва не упалъ, и еще больше, уже явно нарочно, разорвалъ кружево, обнаживъ полную ногу въ обтянутомъ шелковомъ чулкѣ. Его черноусое лицо сжалось въ жестокомъ движеніи и стало похоже на кошачье.

— Оставьте же!.. — опять крикнула женщина, и въ подрисованныхъ глазахъ ея мелькнула испуганная злость.

Опалову было неловко, и онъ топтался около нихъ, неестественно и несмѣло улыбаясь своимъ страннымъ, какъ у японской куклы, лицомъ. Подгурскій какъ-будто равнодушно смотрѣлъ на нихъ, но въ ту минуту, когда Мижуевъ хотѣлъ безглаголиво вмѣшаться, онъ вдругъ сказалъ:

— Павелъ Алексѣичъ... бросьте!..

Пархоменко отъ восторга даже трясся. Онъ притворился, что поправляетъ платье и потными руками уже мялъ круглыя колѣни, вздернувъ кружево такъ, что показалась полоска голаго розоваго тѣла... Женщина вырвалась и истерически хохотала. Но сквозь смѣхъ слышались наивно простыя слезы. Ей было жаль своего красиваго дорогого платья.

— Бросьте...ну, что въ самомъ дѣлѣ!..—повторилъ Подгурскій.

— Оставьте, Павелъ Алексѣичъ...—поддержалъ Мижуевъ, безглаголиво морщась.

Но Пархоменко уже не слышалъ или не хотѣлъ слы-

шать. Красное черноусое лицо стало совсѣмъ страшно свирѣпой сладострастной жестокостью.

— Да вы слышите?.. Бросьте, я говорю!.. — вдругъ негромко, но съ угрозой крикнулъ Подгурскій. И голосъ его былъ такъ страшенъ, что Мижуевъ съ удивленіемъ оглянулся. Онъ ожидалъ, что Пархоменко сдѣлаетъ что-нибудь скверное. Но Пархоменко сразу отступилъ отъ женщины, и въ его еще горящихъ отъ жестокаго возбужденія глазахъ мелькнуло юркое опасеніе.

— Мы это сейчасъ поправимъ... — примирительно вступился Опаловъ.—Дайте мнѣ вашу шпильку... — сочувственно обратился онъ къ женщинѣ, собиравшей свои кружевные лохмотья.

— Подумаешь какое благородство!.. — нахально и въ то же время трусливо пробормоталъ Пархоменко, отходя и косясь, какъ собака.—Нельзя позабавиться... И не такихъ видали!..

— Есть границы всему... — холодно замѣтилъ Мижуевъ.

Пархоменко на мгновеніе замолчалъ и какъ-будто растерялся, потомъ неискренно оживился и повернулся къ женщинѣ. Онъ понялъ, что выходка его никому не понравилась, и струсилъ.

— Какая тамъ шпилька!.. Пустите, Опаловъ... У меня есть средство получше...

Двѣ сторублевая бумажки очутились у него въ рукѣ, и онъ торжественно засунулъ ихъ за декольтѣ женщины, погрузивъ всю руку въ мягкую, какъ пухъ, пышную грудь.

— Ну, Эммочка!.. Не сердись!..

Эмма сразу присмирѣла, потомъ ея черные глаза сверкнули жаднымъ огонькомъ, и вдругъ она поцѣловала Пархоменко прямо въ черные мокрые усы.

— Ахъ, какой ты добрый!..—сказала она, и нельзя было разобратъ—искренно или нѣтъ. Только глаза стали у нея неестественными.

— Да, добрый!..—отозвался Подгурскій.—Еще бы—
платье порвалъ, денегъ далъ!.. Прелесть!..

У него было такое выраженіе, точно онъ готовъ былъ
броситься и треснуть Пархоменко по круглой, самодо-
вольной фізіономіи.

— И что за манера!..—брезгливо и зло продолжалъ
онъ. — Рвать, бить, потомъ деньги бросать!.. Гостинно-
дворское остроуміе!..

Онъ говорилъ такъ выразительно, какъ-будто мѣтилъ
оскорбить не только словомъ, но и каждымъ звукомъ го-
лоса.

— Вы бы еще попробовали лакеямъ горчицей морды
смазывать.. Что жъ, это тоже хорошо... А то еще соб-
ственнымъ лбомъ зеркала бить!..

Пархоменко съ визгомъ смѣялся, и Мижухевъ съ уди-
вленіемъ видѣлъ на его черноусомъ красивомъ лицѣ
трусливую безсильную злобу, какая бываетъ у мосекъ,
которыя хотятъ и боятся укусить.

— Ну, ладно... Мы знаемъ, что вы нахаль порядоч-
ный!..—бѣгая глазами по сторонамъ, защищался онъ.

Но Подгурскій, точно сорвавшись, уже не отставалъ
отъ него: то онъ предлагалъ ему одному ѣхать въ четы-
рехъ каретахъ, то выкупаться въ шампанскомъ, то ве-
лѣть проломать стѣну на улицу для торжественнаго вы-
хода, какъ сдѣлалъ одинъ московскій купчина.

Пархоменко все неестественнѣе смѣялся, и видно бы-
ло, какъ страхъ безсильно борется въ немъ съ бѣшенною
ненавистью.

Опаловъ даже спросилъ Подгурскаго потихоньку:

— Что вы за рыбе слово противъ него знаете?

— Никакого я слова не знаю,—презрительно серьез-
но отвѣтилъ Подгурскій,—а просто эти господа думаютъ,
что съ ихъ деньгами все возможно... и когда наткнутся
на человѣка, которому на ихъ капиталы въ высокой сте-
пени наплевать, такъ и ослабнутъ... Больше имъ нечего
выдвинуть!

Толстый биржевикъ, съ особой еврейской деликатностью стараясь замѣять непріятную исторію, завелъ разговоръ о продѣлкахъ милліонеровъ вообще и разсказаль два-три анекдота.

Это удалось. Разговоръ сталъ общимъ, и Пархоменко, блестя глазами, съ увлеченіемъ сказалъ:

— Нѣтъ, это что!.. У нихъ нѣтъ чутья... Это все грубо, плоско!.. Мнѣ бы вотъ что хотѣлось: напимѣрь, если бы запретъ въ коляску штукъ пять балеринъ... такъ прямо въ трико и газовыхъ юбочкахъ... и прокатиться по Морской. Вотъ это былъ бы шикъ, это красиво!..

— Какія глупости!..—притворно разсердилась Эмма.—Кто же захочетъ срамиться!..

— Э!.. Дать по тысячѣ-другой, такъ сама Адальбергъ въ корню пойдетъ!

Биржевикъ захохоталъ, и на жирныхъ губахъ у него показался густослюнный водоворотикъ.

— А вы знаете, это дѣйствительно было бы оригинально!

— Еще бы!.. — съ восторгомъ увлеченно крикнулъ Пархоменко.—Вы только вообразите: розовыя ножки, газовыя голубыя юбочки торчкомъ и голыя спинки!.. Можно слегка подхлестывать!.. Нѣтъ, знаете, надо только фантазію, а то хо-орошую штуку можно сочинить!..

Мижухевъ тяжело сидѣлъ на диванѣ и почти ничего не пилъ. Нездоровые глаза его все время сохраняли мрачно брезгливое выраженіе. И чѣмъ дальше, тѣмъ становилось ему скучнѣе и противнѣе. Тоска начинала переходить въ какое-то острое рѣжущее чувство. Но онъ все сидѣлъ и сидѣлъ. Ему было страшно остаться одному, чтобы не думать, не желать чего-то непонятнаго, не желать безсильно и тяжело.

Крики и смѣхъ оглушали его, каждое слово и каждое движеніе было противно. Купеческій сынокъ, похожій то на барина, то на играющаго съ мышью толстаго кота и думающій, что счастье заключается въ томъ, чтобы по-

ротъ голыхъ балеринъ и издѣваться надъ несчастной курортной кокеткой... жирный биржевикъ, чмокающій, точно сладострастно пережевывая и пересасывая рубли... дѣйствительно талантливый Опаловъ, топчущій свою тонкую художественную душу, чтобы пристроиться подъ благосклонность богача... И Мижухеву было страшно думать, что это настоящіе люди и что среди нихъ онъ долженъ будетъ жить еще много лѣтъ. Онъ вспомнилъ Марусина и Четырева и съ холодной грустью представилъ себѣ ихъ непримиримыя далекія, что-то свое, ему непонятное, знающія души. Болѣзненная злоба опять начинала кипѣть въ немъ. Одинъ Подгурскій, занятый ликеромъ и сигарой, внушалъ ему слабую непрочную симпатію.

— Все-таки не побоялся выступить на защиту этой жалкой Эммы...

Было уже совсѣмъ поздно. Выпили массу, перекричались и пересмѣялись. Усталость стала сказываться въ безпокойномъ возбужденіи. Эмма сильно покраснѣлась и вспотѣла. Отъ нея возбуждающе пахло женщиной, пудрой и духами. Гладкая мягкая кожа на плечахъ и груди казалась уже совсѣмъ мокрой и тянула къ себѣ. И уже она сама начала чувствовать истому ожиданія. Желтые какъ у кошки глаза ея стали влажны и безстыдны. Она садилась на колѣни, танцевала матчишъ, щипала за руки, прижималась толыми плечами къ самымъ губамъ. Мужчины начинали свирѣпѣть. Сидѣли только Мижухевъ и Подгурскій, невозмутимо цѣдившіи свой ликеръ. Остальные лѣзли къ ней, и уже видно было, что сейчасъ она достанется кому-нибудь изъ нихъ на пищу самой голой разнузданной страсти.

Эта откровенная, всѣмъ ясная близость момента, когда эту еще одѣтую женщину кто-то изъ нихъ станетъ раздѣвать, сознаніе того, что она готова къ этому, и желаніе быть первымъ, возбуждала мужчинъ до дрожи въ ногахъ.

Опаловъ не могъ сидѣть и, близко нагибаясь къ женщинѣ, такъ что до него долеталъ возбуждающій запахъ подъ ея голыми руками, былъ блѣденъ, какъ больной. Онъ зналъ, что она достанется не ему, но похотливая крохотная надежда не оставляла его.

— Вы дѣйствительно красивы... Такой изломъ бровей, такая линія у затылка, какъ у васъ, мнѣ грезились во снѣ... ахъ, если бы сонъ былъ на яву!—тихо говорилъ онъ, и сквозь намѣренное рыцарское желаніе показать, что онъ «все-таки» уважаетъ ее, жалко и дрянненько звучала одна мысль: «Ну, отдайся мнѣ... отдайся!.. Тебѣ ничего не стоитъ одинъ разъ отдаться такъ... только мнѣ одному!.. Отдайся!..»

Подъ званъ и крикъ Мижухевъ слышалъ его дрожащій шопотъ, и было ему противно и досадно.

Женщинѣ, видимо, нравился Опаловъ, но хотя она смѣялась и обжигала его мгновенными прикосновеніями голыхъ рукъ и горячихъ ногъ, ея кошачьи глаза зорко слѣдили за Пархоменко и биржевикомъ. Мижухевъ тяжело смотрѣлъ на нее, и такъ же жалко и противна была и она: ея сильное женское тѣло, видимо, тянулось къ Опалову, и соединеніе ихъ было бы, должно быть, ярко и сильно, хотя и была она уже кокотка давно. Но она не смѣла отдаваться влеченію и, какъ раба, ждала, кто захочетъ между прочимъ взять и опачкать ее своей равнодушной похотью.

«Жалкіе люди, жалкіе!..»—думалъ Мижухевъ и почему-то еще болѣе жалкимъ и одинокимъ чувствовалъ самого себя.

— Вы знаете, въ моемъ разсказѣ «Огонь» есть женщина, похожая на васъ...—шепталъ Опаловъ, и лицо его покрывалось красными пятнами.

— Плюньте-ка, вы, милый человѣкъ!.. — вдругъ громко перебилъ Подтурскій. — Ни-и-чего вамъ не будетъ!.. Это кушанье не для насъ съ вами!

Опаловъ вздрогнулъ и мучительно растерялся, какъ

пойманный. Все возбужденіе его мгновенно пропало, но чтобы скрыть неловкость, онъ попробовалъ взять наглый тонъ:

— А, можетъ быть!.. Почему знать!.. Правда, Эмма, почему знать?

Онъ спросилъ шутя, но глаза его противъ воли съ тайнымъ вопросомъ длительно потрудились въ глаза Эммы. Она засмѣялась, откинувшись назадъ, и взглядъ ея сталъ русалочьимъ, а открытая, нѣжная какъ пухъ грудь и сильныя привычныя бедра изогнулись въ тайной истомѣ. Но она сейчасъ же испугалась, чтобы этого не замѣтилъ Пархоменко, и исподтишка взглянула на него.

И тотъ какъ-будто прочелъ всѣ ея тайныя чувства и желанія. На черноусомъ лицѣ обрадованно сверкнула прежняя жестокость. Онъ нѣсколько мгновений смотрѣлъ ей въ лицо, слегка подергивая уголкомъ глаза, и вдругъ весь засіялъ безпощаднымъ восторгомъ.

— Слушайте, господа!..—вскакивая на стулъ, закричалъ онъ.—Насъ трое...

— Пятеро!—насмѣшливо вставилъ Подгурскій.

Пархоменко притворился, что не слышитъ.

— А женщина одна!.. Всѣмъ на одну—это варварство!.. Предлагаю разыграть Эмму!

— Фи!—притворно ужаснулась Эмма.

— Или нѣтъ... что разыграть!.. Знаете что: давайте устроимъ турецкій аукціонъ! Это забавно!.. Кто больше!.. Кто больше «за ночь любви и наслажденій»!..

— Прекрасная идея!—подобострастно воскликнулъ биржевикъ.

— Идетъ?.. Ладно!.. Подгурскій, вы будете оцѣнщикомъ!.. Эмма, сюда на стулъ... Кофточку долой!.. Товаръ лицомъ!

— Съ какой стати?..—вскрикнула женщина и коротко засмѣялась, точно на нее брызнули холодной водой. Но сквозь притворный смѣхъ Мижусевъ, какъ давеча, увидѣлъ на лицѣ ея слабый румянецъ.

— Э, нѣтъ, нѣтъ!.. Нечего!.. Турецкій аукціонъ!.. Не упрямся!.. — кричалъ Пархоменко, самъ возбуждаясь отъ своей затѣи.

Мижухевъ неподвижно смотрѣлъ на нихъ.

И передъ глазами его, въ дикой гаммѣ страстей и вожделѣнія, разыгралась возбуждающе нелѣпая сцена.

Эмма не раздѣлась сама и долго отбивалась. Въ ея глазахъ мелькалъ огонекъ затравленнаго убогаго стыда, и щеки покрылись розоватыми пятнами. Пархоменко, уже сопя и вздрагивая, почти насильно стащилъ кофточку съ ея полныхъ блистающихъ плечъ, и вдругъ двѣ упругія молодя, чуть-чуть только располнѣвшія, груди, освободясь отъ тѣснаго корсета и кружева шелковой рубашки, вздрогнули и заколыхались передъ жадными глазами мужчинъ.

Передъ этимъ моментомъ Мижухеву бросилось въ глаза безмысленное лицо Опалова, съ задыхающейся жадностью напрягшагося, какъ струна, чтобы не пропустить ни одного движенія обнажающагося женскаго тѣла. И когда голую до пояса женщину подняли на стулъ и она инстинктивно закрылась руками, Опаловъ покачнулся. Мижухеву показалось, что онъ готовъ броситься и оторвать эти закрывающія руки.

— Э-э-э...—какъ пьяный закричалъ Пархоменко:— Руки, руки... Руки на голову!.. Все должно быть видно! Аукціонъ... такъ нельзя!

Одну минуту Эмма внутренно сопротивлялась, и странно было видѣть эту борьбу въ женщинѣ, которая за деньги отдавалась всѣмъ. Было что-то въ этой сценѣ выходящее за предѣлы ея силъ и оттого еще больше воспалалось желаніе сладострастія и жестокости у мужчинъ. И даже Мижухевъ почувствовалъ, какъ горячая мутная волна подымается въ головѣ его.

Вдругъ въ глазахъ ея мелькнуло какъ-будто даже гордое и въ то же время безпомощное, ненавидящее выраженіе... И она медленно подняла руки.

Теперь женщина стояла вся открытая и вся влекущая своей покорностью. Тѣло безстыдно изогнулось назадъ, груди поднялись, и только потемнѣвшіе глаза на мертво улыбающемся лицѣ смотрѣли почти холодно и жутко. Она была и красива, и страшна, и дико было думать, что это только кокотка, пѣвичка изъ казино.

«А что она думаетъ теперь?»—смутно мелькнуло въ головѣ Мижуева.

— Итакъ... — кричалъ Подгурскій, постукивая ножомъ по стеклу бокала, звенящаго рѣзкимъ страдальческимъ звономъ.—Продается съ публичнаго торговаго двора женщина по имени Эмма!.. Покупатели могутъ осматривать и даже трогать руками!.. Оцѣнка...—онъ замялся и рѣшительно, на удачу, закончилъ:—Ну, триста рублей!.. Кто больше?..

— Четыреста! — крикнулъ Пархоменко, подымая бокалъ.

— Ну, пусть будетъ пятьсотъ!..—мокро захлебнулся биржевикъ, и лицо его стало сразу и жаднымъ, и безшабашно сладострастнымъ.

Подгурскій посмотрѣлъ на него и усмѣхнулся.

— Пятьсотъ... Кто больше?.. — крикнулъ онъ. — Разъ!

Опаловъ, весь красный и мокрый, улыбался растерянно и бессмысленно. У него мелькнула безумная идея—занять у кого-нибудь денегъ. И въ кошмарномъ бессильномъ сплетеніи пронеслись передъ нимъ разомъ и то, что завтра надо платить за номеръ, и обратная дорога въ Москву, и блѣдное/злое лицо жены. Но голое прекрасное женское тѣло стояло передъ нимъ, круглась и сверкая.

— Какъ-нибудь... достану потомъ...—теряя силы, думалъ онъ, но въ то же время отчетливо зналъ, что нигдѣ не достанетъ, что надо ѣхать домой, что онъ не посмѣетъ этого. И совершенно жалкая унижительная улыбка искажала его красивое тонкое лицо.

А торгъ продолжался. Необычная обстановка, полу-голая женщина, выставленная на продажу такъ открыто, какъ на восточномъ базарѣ, все это возбуждало мужчинъ до крайняго, уже опаснаго напряженія. Казалось, что никогда раньше они не видѣли не только этой самой, но и вообще обнаженной женщины. И Мижухевъ замѣтилъ, что это дѣйствуетъ и на него. Его широкія ноздри тихо стали раздуваться. Онъ оглянулъ горящія лица медленно, точно угрожая, провелъ глазами вдоль голаго тѣла женщины, и короткая мысль сверкнула у него въ мозгу.

«А что если вырвать у нихъ изъ-подъ носа?..»

Въ глазахъ его зажглись острые искры. Отуманивало это властное сознаніе своей силы.

— Скорѣе же, господа... Холодно...—вдругъ проговорила Эмма и вздрогнула, сжавъ голыя плечи. Полныя груди колыхнулись и замерли, какъ бичомъ ударивъ по воспаленнымъ тѣламъ мужчинъ.

— Шестьсотъ!.. — взвизгнулъ отъ восторга Пархоменко.

Биржевикъ что-то пробормоталъ съ извиняющимся еврейскимъ акцентомъ.

— Что?

— Это ужъ слишкомъ, господа... Шутка шуткой, но вѣдь Эммкѣ...

— Дѣло не въ Эммѣ!..—восторженно блестя глазами, возразилъ Пархоменко.—Тутъ—штрихъ!

— Н-нѣтъ... Аукціонъ—такъ аукціонъ! — сказалъ Подгурскій.—Кто больше? Шестьсотъ... Кто больше?

Съ Мижухевымъ дѣлалось что-то странное и мучительное: темное жестокое желаніе подымалось снизу и боролось съ гадливостью и сознательнымъ презрѣніемъ ко всѣмъ и къ себѣ самому. Но что-то было сильнѣе презрѣнія.

— Разъ!.. Два!..

Пархоменко подскочилъ къ Эммѣ и она уже инстинктивно покорно подалась къ нему.

— Семьсотъ! — негромко сказалъ Мижуевъ, и его угрюмое лицо исказилось темнымъ выраженіемъ вырвавшейся на волю жестокости и власти.

Пархоменко замллся.

— Разъ, два... Три!.. Продана!.. — крикнулъ Подгурскій.

И вдругъ Эмма стала судорожно смѣяться. На ея подрисованныхъ неискреннихъ глазахъ сверкнули безсильныя, быть можетъ, ей самой непонятныя слезы обиды и стыда.

VI.

Уже свѣтало, и съ далекаго края моря на спящій городокъ шло тонкое голубое сіяніе. Ночь блѣднѣла и тихо уходила въ горы, тѣни сѣрѣли, все казалось прозрачнымъ, и даже горы вдали залегли, какъ предразсвѣтныя тучи въ синеватомъ туманѣ.

Звонко стуча по пустыннымъ улицамъ, извозчикъ промчался къ той дачѣ, гдѣ жила Эмма.

Мижуевъ все еще дрожалъ отъ неожиданно налетѣвшаго дикаго возбужденія. Купленная женщина была у него въ рукахъ, и въ несознаваемомъ чувствѣ полной власти онъ инстинктивно мять доступное женское тѣло, скользящее за сухими складками сѣраго, на шелковой бѣлой подкладкѣ, широкаго манто. Она все еще была одѣта кое-какъ и вся дрожала, но какъ-будто не отъ холода. При свѣтѣ блѣднаго утра ея большіе глаза на блѣдномъ подрумяненномъ лицѣ, съ растрепавшейся прической, глядѣли испуганно и странно.

Что-то особенное было въ ней: какъ сквозь блестящую мелодію шикарнаго и безстыднаго танца иногда настойчиво звучить тайная дрожащая нотка непонятной тоски, такъ изъ-подъ полуобнаженной, раскрашенной кокотки загороднаго кабака робко и тоскливо глядѣла по временамъ какая-то другая—несчастливая и забитая женщина. И когда она хохотала, пила, танцевала и била по ру-

камъ хватающихъ ее мужчинъ, въ уголкахъ подкрашенныхъ губъ и подрисованныхъ глазъ неуволимо скользила тѣнь скрытаго страданія. И это придавало ей острую болѣзненную прелесть. Но тамъ, въ ресторанѣ, при свѣтѣ электричества, оно таилось подъ безстыдной маской жадной продажности, а теперь, когда все было кончено и ей оставалось только ждать того, что сдѣлаетъ съ нею этотъ купившій ее человѣкъ, оно—это странное большое выраженіе—не скрываясь, выступило на поблѣднѣвшемъ усталомъ лицѣ и грустно слилось съ неяснымъ свѣтомъ печальнаго блѣднаго утра.

И именно это бѣшено одурманило Мижуева, наполнивъ все его огромное тѣло острой дрожью неумолимой похоти. И чѣмъ покорнѣе она подавалась въ его рукахъ и чѣмъ печальнѣе и усталѣе смотрѣли ея глаза, тѣмъ темнѣе и тяжелѣе подымалась откуда-то изъ черной глубины души потребность сладострастной жестокости.

И когда у дачи, въ глубинѣ темнаго сада, гдѣ томи-тельно пахли невидимые южные цвѣты, Эмма шла впереди, ведя его къ себѣ, какъ молчаливая и покорная раба, это непонятное желаніе страшной жестокости уже дурманомъ застилало его мозгъ.

Мижуевъ шелъ сзади, и казалось, что въ немъ—два существа: одно ужасалось того, что овладѣло имъ, а другое было пьяно сознаніемъ полной власти и не хотѣло видѣть того, что совершенно ясно понималъ онъ. И чѣмъ больше поднимались въ немъ гадливость къ себѣ и жалость къ этой усталой, такъ, видимо, страдающей и скрывающей свое страданіе женщинѣ, тѣмъ неудержимѣе становилась жажда самой грязной и жестокой похоти. И было такое чувство, точно онъ падалъ въ пропасть, видѣлъ свое паденіе, ужасался его и скользилъ все ниже и ниже во власти проснушагося стараго звѣря, котораго онъ давно считалъ убитымъ въ себѣ. Было больно и жаль чего-то и въ то же время какъ-будто все стало безразличнымъ, кромѣ свирѣпаго и жестокаго желанія.

— Ты... одна живешь?.. — коротко спросилъ онъ, весь дрожа и чувствуя, какъ въ истомѣ ожиданія слабѣютъ ноги. И вдругъ почувствовалъ, какъ что-то сорвалось и ухнуло куда-то внизъ. Нелѣпая мысль сверкнула въ воспаленномъ мозгу, загорѣлся передъ глазами красный огонь, и что-то слѣпое, громадное овладѣло имъ всѣмъ.

Съ послѣднимъ усиліемъ воли онъ крикнулъ себѣ:

— Что это... сумасшествіе? Мерзость!..—но оно безсильно упало и съ глухимъ отчаяніемъ что-то въ глубинѣ души сказало: «Ну, и пусть... почему—нѣтъ, если я могу и хочу? Да — звѣрь, самодуръ... да... ну, и пусть!..»

И даже какое-то дикое злорадство зазвучало въ его голосѣ, когда, точно мстя кому-то, кто былъ лучше и чище его и кого онъ терялъ въ эту минуту, Мижухевъ вдругъ остановилъ Эмму.

— Слушай... — неожиданно, хрипло выговорилъ онъ. — Давай здѣсь!..

Эмма остановилась и, не понявъ сразу, инстинктивно оглянулась на траву въ тѣни подъ деревьями и кустами розъ. Но онъ перехватилъ этотъ взглядъ, понялъ и въ страшномъ взрывѣ беспощадности схватилъ ее за руку.

Эмма отшатнулась, и лицо ея сразу стало такимъ убитымъ и жалкимъ, какъ тогда въ ресторанѣ, когда ее насильно раздѣвали. И она опять оглянулась, но ужъ такъ безнадежно, какъ затравленный, въ конецъ обезсиленный звѣрекъ.

— Что вы!.. Здѣсь нельзя... — прошептала она поблѣднѣвшими губами.

Но когда она отступила, манто слегка раскрылось, и голыя плечи, блѣдныя при слабомъ свѣтѣ синяго разсвѣта, показались среди бѣлаго ломкаго шелка.

— А я хочу!..—коротко и странно усмѣхаясь, проговорилъ Мижухевъ.

Она что-то возразила, отступила, оглянулася тоскливыми огромными глазами. Произошла короткая, судорожная борьба, и почти голая женщина, путаясь въ кружевныхъ лохмотьяхъ, вдругъ, какъ изъ пѣны, встала посреди утренняго сказочнаго сада.

— Ахъ!.. — вскрикнула она.

Мижуевъ схватилъ ее за голую гибкую шею, и съ мучительнымъ наслажденіемъ чувствуя, что ей больно, страшной силой пригнулъ къ землѣ.

Ему хотѣлось сдѣлать какъ можно больнѣе, что-нибудь ужасное, омерзительное. Ярко, какъ молнію, сознавая весь ужасъ и безобразіе своего дикаго порыва и какъ-будто бросая всю ту тяжесть, которая его давила столько времени, на эту несчастную проститутку, онъ злорадно втаптывалъ въ грязь отвратительнаго, безсмысленнаго поступка все свое давнее, никѣмъ непонимаемое, всѣми отталкиваемое страданіе.

Эмма коротко вскрикнула отъ боли, и въ ту же минуту, вмѣстѣ съ потухшей, замершей, послѣдней судорогой полнаго удовлетворенія, огромная волна отвращенія и презрѣнія съ головой охватила Мижуева. Онъ судорожно оттолкнулъ Эмму и сталъ тяжело и мокро дыша, весь въ поту, горячій и ослабѣвшій.

И разомъ все, что только-что было такъ темно, страшно и неодолимо, куда-то исчезло, и Мижуевъ увидѣлъ себя посреди сада, при свѣтѣ утра, надъ замученной женщиной, грязнаго, дикаго и безобразнаго, какъ звѣрь.

Она цѣпко подхватила платье и юбки и мгновенно закуталась въ свои нарядныя кружевыя тряпки. Потомъ обернулась и стала передъ нимъ, непонятно глядя темными таинственными глазами. И въ этихъ глазахъ Мижуевъ увидѣлъ отвращеніе и острую безсильную ненависть.

Она молчала, вся дрожа въ своемъ манто. Мижуевъ улыбнулся, подождалъ и растерянно тронулся съ мѣста, не зная, что дальше сказать и сдѣлать.

Онъ вдругъ почувствовалъ ужасный непоправимый стыдъ и какой-то темный унизительный страхъ. Всѣ люди, которыхъ онъ видѣлъ сегодня,—Четыревъ, Пархоменко, Марія Сергѣевна, Марусинъ, Опаловъ—мгновенно пронеслись передъ нимъ. Ненавидящія карающія глаза Четырева выглянули изъ-за этихъ страшныхъ, полныхъ той же непримиримой ненависти женскихъ глазъ, и онъ чуть не вскрикнулъ отъ боли, стыда и полного отчаянія.

Но неожиданно въ ея глазахъ мелькнула странная тѣнь. Не то страхъ, не то угодливость, не то жадность. Она сдѣлала усилие, чтобы выговорить, губы вздрогнули, и Мижухеву, смотрѣвшему на нее, вдругъ стало страшно.

Это былъ, казалось, уже не человѣкъ, а что-то другое—жалкое и гадкое: глаза ея, и жадные, и злые, смотрѣли лживо и нагло, губы уродливо кривились въ скользкую улыбку. Она сдѣлала два шага впередъ и, поднявъ голую руку, положила ее на плечо Мижухеву.

Блѣдный свѣтъ утра скользнулъ по ея чистымъ линиямъ и затерялся въ мягкихъ тѣняхъ полной пышной груди.

Было нѣчто похожее на испугъ, но въ слѣдующее мгновеніе остались только стыдъ и гадливость. Гадливость и къ ней и къ себѣ. И дико было, что всего одну минуту тому назадъ въ немъ пронеслась эта страшная буря. Казалось, что она разразилась, и тамъ, гдѣ разразилась, не было ничего. Что-то бесплодно и глупо ушло и стало только противно.

— Не надо...—неловко проговорилъ онъ.—Деньги я пришлю потомъ...

Она еще тянулась къ нему, заманчиво улыбаясь лживыми губами, но Мижухевъ круто повернулся и тяжело пошелъ прочь.

Калитка сада съ визгомъ захлопнулась за нимъ. Пах-

нуло пустотой и молчаніемъ, и блѣдно озаренная синяя улица открылась передъ нимъ.

Онъ слышалъ, какъ торопливо пробѣжали по шуршащему гравію легкіе женскіе шаги; шорохъ шелковыхъ юбокъ замеръ, и стало совсѣмъ тихо и пусто.

Холодно и грустно опустѣло и сердце Мижучева, и весь кошмаръ минувшаго вечера ушелъ въ эту пустую безсильную грусть. Тогда Мижучевъ остановился посреди улицы и сухими глазами посмотрѣлъ вверхъ, въ голубоватое небо, на которомъ уже плыли утреннія, чуть розовыя тучки, похожія на караванъ птицъ, улетающихъ въ солнечный край.

VII.

Вечеромъ въ городскомъ саду играла музыка. Огромная яркая раковина эстрады была полна музыкантами, шевелящимися словно какія-то странныя насѣкомыя. Цѣлые ряды изящно тоненькихъ смычковъ, какъ ножки кузнечиковъ, четко сучили вверхъ и внизъ, а черненькій капельмейстеръ, тоже похожій на жучка, вставшаго на заднія лапки, то складывалъ, то распластывалъ свои стрекозиныя крылышки, трепеща ими въ воздухѣ. Сладостно посвистывали флейты, взвизгивали и разбѣгались скрипки, а потомъ серьезная и грустная труба одиноко выводила красивыя и бархатныя слова.

По всѣмъ аллеямъ плыла и не уплывала говорливая толпа. Стоялъ непрестанный шорохъ безчисленныхъ ногъ, а говоръ то усиливался, нарастая, какъ волна, то вдругъ падалъ и убѣгалъ куда-то вглубь темныхъ аллей, чтобы сейчасъ же вернуться съ цѣлымъ каскадомъ смѣха, выкриковъ и звонкихъ блестящихъ женскихъ голосовъ.

Мгновенно появляясь, путаясь, сходясь и расходясь, какъ въ спутанной фигурѣ необыкновеннаго танца, плыли смѣющіяся лица, интересныя и фантастичныя въ смутной игрѣ голубоватаго электрическаго свѣта. А вверху,

высоко; темный бархатъ ночного неба молчаливо и торжественно сторожилъ землю своими яркими южными звѣздами.

Праздникъ жизни сверкалъ беззаботнымъ весельемъ, и Мижуеву казалось, что среди этой нарядной толпы онъ одинъ—угрюмое пятно, печать одиночества и ненужности.

Сегодня Марія Сергѣевна, какъ-то особенно красивая въ своемъ новомъ голубомъ платьѣ, опять куда-то уѣхала съ компаніей Пархоменко, и цѣлый день Мижуевъ чувствовалъ, будто смутная тревога черной тѣнью стоитъ надъ нимъ. Въ послѣднее время молодая женщина стала какъ-то черезчуръ интересна и весела, а Мижуевъ зналъ, что Пархоменко, тайно отъ него, настойчиво и опредѣленно охотится за нею. Можно было представить себѣ, какъ опытно, нагло и самоувѣренно ведетъ онъ свою грязную игру, ловко сужая круги. И возбужденная вѣчнымъ праздникомъ новой жизни, въ которомъ, какъ въ налетѣвшемъ водоворотѣ, послѣ столькихъ лѣтъ бѣдности и скуки, совсѣмъ закружилась она, молодая женщина легко и рискованно скользила надъ краемъ. Даже костюмы ея, остро соединявшіе скромность порядочной женщины съ пикантными намеками на обнаженность кокетки, говорили о томъ головокружительномъ возбужденіи, которое вызываетъ въ ней общая охота за ея въ полномъ блескѣ расплѣтшимъ и убраннымъ тѣломъ.

Она сама, быть можетъ, и не думала объ этомъ, но Мижуевъ зналъ, что въ такомъ состояніи достаточно какой-нибудь случайности—лунной ночи, смѣлой наглости, почти неожиданнаго, несерьезнаго поцѣлуя—и молодая раздраженная женщина опомнится только тогда, когда все будетъ кончено.

Мижуеву было дико и нестерпимо больно представить себѣ эту женщину, отдавшеюся человѣку, для котораго она—только тонкій инструментъ для возбужденія усталой плоти. Это было нелѣпо и не вязалось съ ея

изящнымъ милымъ образомъ. По временамъ казалось, что такое плоское паденіе невозможно: она была прекрасна, умна, интеллигентна и любила двухъ человѣкъ, стоявшихъ выше уровня. Послѣ нихъ это полуживотное, полуидіотъ Пархоменко былъ бы непонятной гадостью.

Но временами набѣгала мучительная мысль:

«А чѣмъ я лучше его?.. Ну, допустимъ, что я умнѣе и тоньше чувствую, чѣмъ онъ... Но развѣ, когда я сходился съ нею, я далъ ей свой умъ и свои мученія, а не ту же животную похоть... Ужъ будто бы мнѣ нужна была ея душа, а не голое красивое тѣло?.. А Пархоменко что?.. Мнѣ даже не представляется, чтобы онъ посмѣлъ и могъ обладать женщиной, которая безконечно выше его. Но я самъ, тамъ, въ саду, терзалъ эту несчастную Эмму, убивалъ въ ней послѣднее человѣческое достоинство, мучилъ, какъ звѣрь, вовсе не думая о томъ, что она можетъ думать и чувствовать въ это время. Если бы я даже узналъ, что она чувствуетъ и думаетъ гораздо тоньше меня, я развѣ не сдѣлалъ бы того же?.. Такъ и этотъ... Если случаемъ или силой она ему достанется, онъ будетъ мять ея тѣло, какъ всякое другое, и то, что она выше его, будетъ только обострять наслажденіе...»

«Когда-то она любила своего мужа, который былъ безконечно лучше, умнѣе и талантливѣе меня, а потомъ отдалась мнѣ потому, что я далъ ей роскошь и веселье... Я увлекъ ее перспективой новой жизни, а Пархоменко возьметъ своей наглостью, самодурствомъ... еще чѣмъ-нибудь... Она пошла ко мнѣ, не любя, только потому, что я богатъ... пошла, какъ послѣдняя тварь и даже хуже, потому что прикрыла свою продажность мнимымъ увлеченіемъ... Мерзость!..»

Было больно думать; такъ больно, какъ-будто, унижая ее, онъ унижалъ и самого себя. А между тѣмъ, въ этихъ беспорядочныхъ кошмарахъ было какое-то острое наслажденіе, точно на кровавую рану онъ капалъ острымъ зудящимъ ядомъ.

Мижуевъ шелъ въ толпѣ, толкавшей его со всѣхъ сторонъ и обдававшей говоромъ, запахомъ духовъ, женщинъ и шелестомъ ихъ платьевъ. Шелъ онъ, невидящими глазами глядя подъ ноги, и больная душа его билась въ тщетной жадѣ чего-то, чего онъ не могъ себѣ назвать.

Въ одной аллеѣ онъ встрѣтилъ старичка-генерала и его дочь, Нюрочку, которая такъ звонко смѣялась, поднимая голову и показывая забавный подбородочекъ. Она увидѣла Мижуева еще издали, присмирѣла и забавно покосилась съ безсознательнымъ, боязливымъ и наивнымъ призывомъ. Оsvѣжающей струйкой пахнуло на Мижуева отъ этого молоденькаго чистаго личика, но онъ сжался и, тяжело приподнявъ шляпу, прошелъ дальше.

На-дняхъ генералъ, собравшись съ духомъ, попросилъ его помочь отправить дочь на курсы въ Москву, и Мижуевъ согласился. Сначѣла это даже обрадовало его: показалось такъ хорошо и пріятно помочь милой дѣвушкѣ, но потомъ въ темнотѣ души родилось угрюмое больное подозрѣніе: представилось, что генералъ навязываетъ свою дочь милліонеру и что она сама не можетъ не знать этого. Мижуевъ ясно, точно старую знакомую картину, увидѣлъ, какъ онъ встрѣтится съ дѣвушкой въ Москвѣ, какъ они будутъ уже съ перваго момента чувствовать себя въ особыхъ отношеніяхъ: связанной и хозяйина, жгущаго благодарности. Постъ непродолжительной борьбы и слезъ она, конечно, приметъ совѣпшившееся, какъ нѣчто неизбежное, и сдѣлается любовницей милліонера. Ново и остро будетъ наслажденіе ея стыдомъ и дѣвственнѣмъ тѣломъ, а потомъ она олънется въ пикарные платья и сдѣлается обыкновенной содержанкой.

Такъ неизбежно, просто и страшно показалось это Мижуеву.

— А почему?..—спросилъ онъ себя.—Можетъ быть, это будетъ вовсе не такъ: можетъ, мы останемся друзья-

ми, или она полюбитъ меня, и въ ея нетронутой жизни и моя станетъ свѣжей и здоровой?.. Почему я жду только мерзости, вѣдь жизнь другая существуетъ—люди живутъ счастливо и искренно... что жъ я?.. Или я самъ ношу въ себѣ зародышъ болѣзни, и все, къ чему прикоснусь, должно обращаться въ пошлость и мертвечину?.. Это кошмаръ!.. Я боленъ и убиваю себя какими-то галлюцинаціями...

Лицо Мижучева покривилось такъ, точно остріе вонзилось въ сердце, и почему-то стало ему страшно оставаться въ этой раздражающей глупой толпѣ. Онъ вышелъ изъ сада, пошелъ въ маленькій ресторанчикъ надъ моремъ и одинъ сѣлъ за столикъ на верандѣ.

— Федоръ Ивановичъ! Что вы тутъ одинъ?—закричалъ кто-то съ набережной, и толстый, наглый и грязноватый Подгурскій, сверкая голодными глазами и выпученнымъ парусиновымъ жилетомъ, подошелъ къ нему.

— Здравствуйте... Скучаете?

Онъ сѣлъ возлѣ и спросилъ:

— Ну, Федоръ Ивановичъ, чего же мы выпьемъ?..

Мижучевъ улыбнулся. Въ присутствіи этого и несчастнаго и наглаго человѣка онъ почему-то чувствовалъ себя легче. Какъ-то просто выходило у Подгурскаго это голодное желаніе поживы. Оно было естественно и совершенно откровенно, а между тѣмъ чувствовалось, что отношенія его къ Мижучеву основаны не на томъ, дать или не дать онъ денегъ.

Онъ сразу увидѣлъ, что Мижучевъ скучаетъ, и на его забулдыжномъ лицѣ отразилось искреннее желаніе развеселить, чтобы было весело вообще.

— А знаете новость?.. Опаловъ вчера выигралъ у Пархоменко тысячу триста рублей?

— Развѣ?..—съ добродушной деликатностью представился заинтересованнымъ Мижучевъ.

— Да. И знаете, что онъ сдѣлалъ прежде всего?.. Сейчасъ же схватилъ ту самую Эмму и помчался куда-

то столь поспѣшно, что даже галстукъ забылъ... То-то блаженство!..

— Немного же ему надо для блаженства! — улыбнулся Мижуевъ.

— Это для васъ немного, а для Опалова, у котораго жена ходитъ въ фланелевомъ капотѣ и беременна каждые три мѣсяца, который думаетъ, что двадцатипятирублевая кокотка изъ Акваріума есть предѣлъ женской прелести, для него это цѣлый новый міръ—духовъ, холеного тѣла, кружевъ, роскоши, изощреннаго сладострастія!.. О!..

Мижуевъ съ презрительнымъ добродушіемъ подумалъ, что для такого маленькаго бѣднаго человѣка, какъ Опаловъ, это и въ самомъ дѣлѣ счастье, и даже нѣчто, похожее на зависть, шевельнулось въ немъ.

— А знаете, что?..—неожиданно оживился Подгурскій.—Поѣдемте въ казино!

— Что мы тамъ будемъ дѣлать?

— Какъ что?—играть!—произнесъ Подгурскій такимъ тономъ, точно обрадовалъ Мижуева.

— Нѣтъ, что жъ... — вяло отозвался Мижуевъ. — Скучно.

— Ну, поѣдемте къ Эммѣ—посмотримъ, какъ Опаловъ тамъ наслаждается!

Мижуевъ не отвѣтилъ, и Подгурскій, мгновенно угадавъ отказъ, быстро перескочилъ дальше:

— Чѣмъ же вамъ угодить?..—онъ съ затрудненнымъ видомъ потеръ лобъ.—Вотъ что!.. Хотите, я свезу васъ въ одно мѣсто?.. Понимаете—однѣ дѣвочки не старше тринадцати лѣтъ... И есть такія, отъ которыхъ еще дѣтской пахнетъ...

Подгурскій чмокнулъ передъ своими собранными въ пучокъ пальцами.

— Ихъ уже раза три закрывали, такъ теперь онѣ напуганы, но если не пожалѣтъ сотни-другой, можно

увидѣлъ штуки такія, что и въ Парижѣ не всегда встрѣтишь! Вдемъ?.. Почему же нѣтъ?..

— Н-нѣтъ, право... — гадливо сморщился Мижухевъ.

— Почему?

— Такъ.

Подгурскій пытливо заглянулъ ему въ глаза.

— Ахъ, эти принципы!..—нагло усмѣхнулся онъ.— А я думалъ, что милліонеры этимъ не страдаютъ!

— Вы не допускаете у милліонеровъ даже простого чувства брезгливости?—серьезнѣе, чѣмъ хотѣлъ, спросилъ Мижухевъ и криво усмѣхнулся, точно судорога свела ему одну щеку.

Подгурскій внимательно посмотрѣлъ на него, и вдругъ переѣнилъ разговоръ. Онъ сталъ рассказывать анекдоты, острить надъ Пархоменко и ялтинской публикой, а потомъ неожиданно попросилъ сто рублей.

Мижухевъ, думая о другомъ, машинально полѣзъ въ карманъ и далъ. Когда онъ открылъ бумажникъ, Подгурскій острыми глазками пронизалъ разноцвѣтные края бумажекъ, торчавшихъ оттуда. И когда Мижухевъ положилъ бумажникъ на столъ, не сразу отвелъ глаза.

— Я не понимаю одного... — медленно выговорилъ Мижухевъ, какъ бы въ отвѣтъ собственнымъ мыслямъ.

— Чего?

Мижухевъ отвѣтилъ не сразу и смотрѣлъ въ сторону съ такимъ выраженіемъ затуманившихся глазъ, точно хотѣлъ и не рѣшался высказать что-то важное и трудное.

— Видите ли,—слегка запинаясь и попрежнему не глядя, сказалъ онъ:—о чемъ бы я ни заговорилъ, что бы ни сдѣлалъ, всѣ смотрятъ не такъ, какъ на другихъ... Никто не говоритъ, что я думаю невѣрно, чувствую неправильно, всѣ говорятъ: «милліонеръ... милліоны...» Если бъ вы знали, какъ это... скучно!..

Мижухевъ неловко улыбнулся, и по этой улыбкѣ видно было, что вмѣсто «скучно» онъ хотѣлъ сказать нѣчто большее и серьезное.

Подгурскій во всѣ глаза посмотрѣлъ на него. Онъ уже забылъ предыдущій разговоръ и не сразу понялъ, почему Мижуевъ говоритъ объ этомъ.

«А вѣдь Четыревъ, пожалуй, правъ!—съ любопытствомъ подумалъ онъ:—его, очевидно, здорового кочевряжить!.. Дуракъ все-таки... съ жиру бѣсится!..»

— Тутъ есть что-то ненормальное,—продолжалъ Мижуевъ, скорбно и болѣзненно морщась...—Почему вы, напримѣръ, смотрите на какого-нибудь Четырева, который зарабатываетъ въ сто разъ больше васъ, совершенно просто, а...

— Что жъ—Четыревъ...—замѣтилъ Подгурскій.—Сколько бы онъ ни зарабатывалъ, онъ все зарабатываетъ собственнымъ горбомъ. Пока есть силы—работаетъ, заболѣетъ или выйдетъ изъ моды и сдѣлается такимъ же, какъ я... Да и что онъ тамъ зарабатываетъ!.. Жизнь его мало отличается отъ моей. А миллионеръ—дѣло другое. Другая жизнь, иныя возможности... Положеніе его исключительное, и отношенія къ нему исключительныя. Я, собственно говоря, не совсѣмъ понимаю, что васъ такъ мучить?..

— Не мучить, а... раздражаетъ...—возразилъ Мижуевъ, болѣзненно почувствовавъ, что его изліяніе приняло характеръ слишкомъ серьезный. Ему стало стыдно, что онъ откровенничаетъ съ Подгурскимъ.

Подгурскій молчалъ и любопытно ждалъ.

— Раздражаетъ это выдѣленіе меня изъ общаго строя,—поддаваясь выжидательному молчанію Подгурскаго, противъ воли продолжалъ Мижуевъ.—Неужели нельзя допустить, что я такой же человѣкъ, какъ и всѣ, такъ же думаю, такъ же чувствую...

— Я думаю не такъ, — улыбнулся Подгурскій: — какъ хотите, а деньги сила большая... И вы не можете не пользоваться ею, потому что всякій живетъ тѣмъ, что у него есть. Тамъ, гдѣ мы разчитываемъ только на свое я, на его хорошія или дурныя качества, тамъ вы неволь-

но пустите въ ходъ свои деньги... И всякій человѣкъ это знаетъ. Мнѣ, напримѣръ... Мнѣ наплевать, а все-таки я чувствую, что вы—не я, не Опаловъ, не Четыревъ... Можеть, вы и ничего мнѣ не сдѣлаете, ни дурного, ни хорошаго, но вы можете это сдѣлать. И... чортъ его знаетъ, что!.. Это, конечно, мѣшаетъ. Я, напримѣръ, сейчасъ сказалъ, что мнѣ на ваши милліоны наплевать и сказалъ искренно, а, между тѣмъ, въ тонѣ-то и сфальшивилъ!..

Подгурскій искренно усмѣхнулся и развелъ руками.

Мижухевъ кивнулъ головой. Онъ смотрѣлъ теперь прямо въ лицо Подгурскому и, казалось, чего-то ждалъ.

— Какъ хотите,—съ какою-то даже досадой сказалъ Подгурскій:—Не могу же забыть, что вы милліонеръ, что вы жили и живете такими наслажденіями и такими возможностями, которыя мнѣ и во снѣ не снились; можете, вотъ, дать мнѣ тысячу рублей, а можете не дать и сдѣлать мнѣ что-нибудь скверное... Возьмите вы Пархоменко...

— Я не говорю о Пархоменко,—возразилъ Мижухевъ, выраженіемъ голоса отдѣляя себя отъ этого имени.

— Да вѣдь для насъ вы—одно и то же!..—опять съ искренней горячностью убѣдительно воскликнулъ Подгурскій.—Вѣдь мы же не знаемъ, что вы думаете, что вы чувствуете...

Онъ на секунду замолчалъ и вдругъ, какъ бы поймавъ что-то:

— Вотъ, васъ раздражаетъ, что на васъ такъ смотрятъ всѣ... Но вы сами, Федоръ Ивановичъ, дѣлаете ли что-нибудь, чтобы показать намъ свою настоящую душу—не милліонера, а просто Мижухева... Вѣдь вы сами ни на секунду не забываете, что вы милліонеръ!.. Въ-сто того, чтобы заслужить хорошее отношеніе, вызвать его чѣмъ-нибудь, вы раздражаетесь, требуете такихъ отношеній... Хочу, молъ, «штопъ!..» Это вѣдь тоже...

— Мнѣ кажется, я держу себя даже слишкомъ просто...—горячо возразилъ Мижухевъ.

Подгурскій чуть-чуть пожалъ плечами.

— Вотъ вы говорите «слишкомъ»... Для меня не будетъ «слишкомъ», если я возьму да и расскажу Опалову, что меня мучаетъ, а вы въ этомъ видите «слишкомъ»: вамъ кажется, что, откровенничая со мной, вы снисходите! Вамъ, пожалуй, уже и стыдно своей откровенности? Вѣдь, правда?

Тонъ Подгурскаго сталъ дерзкимъ, и какая-то непонятная мстительность зазвучала въ немъ.

— Вы сами этого, можетъ быть, и не замѣчаете!— съ торжествомъ сказалъ онъ.

— Вотъ видите...—скорбно сказалъ Мижуевъ и пожалъ широкими плечами.—У другого вы бы и не замѣтили этого, а мнѣ не прощаете... Вы слушаете меня и навѣрное думаете, что я ломаюсь или самодурствую на свой манеръ... Съ жиру бѣшусь...

Подгурскій невольно смутился и засмѣялся.

— Не буду отрицать. Немного есть...

— Да...—грустно кивнулъ головой Мижуевъ.—Вы не хотите видѣть, что я искренно радъ поговорить съ вами, потому что мнѣ кажется, будто вы относитесь ко мнѣ—дурно или хорошо—независимо отъ моихъ милліоновъ!..

— Я думаю!..—сказалъ Подгурскій и противъ желанія припустилъ лишняго благородства.

И разомъ уловивъ эту фальшь, оба замолчали: Мижуевъ угрюмо и бессильно, Подгурскій съ досадой.

«Сумасшедшій какой-то!»—подумалъ онъ, за свою фальшь раздражаясь не на себя, а на Мижуева.

Въ раскрытое окно было видно темное движущееся море; съ набережной долетали глухіе стуки копытъ и отдаленная музыка. Подгурскій чувствовалъ, что надо скорѣе говорить, но сразу не нашелся. Молчаніе продолжалось, и чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе было возобновить разговоръ. Какъ-будто что-то оборвалось. И стало тяжело, точно напрасно и бессмысленно было потрачено то,

чего въ душѣ мало. Мижуевъ тяжело вздохнулъ и расправилъ скрещенныя на столѣ могучія руки.

— Ну, пойду...—выговорилъ онъ.

— Куда? Посидите.

— Нѣтъ, у меня голова что-то болитъ. До свиданья. Подгурскій съ досадою непримѣтно пожалъ плечами. «Тьфу, чортъ, какой тяжелый!..»—подумалъ онъ.

И въ эту минуту ему бросился въ глаза бумажникъ, забытый на столѣ. Подгурскій хотѣлъ позвать Мижуева, но что-то удержало его.

Мижуевъ вышелъ на тротуаръ и тихо побрелъ въ сторону сада.

Нѣчто странное осталось въ памяти и мучило его: не то это былъ тяжелый, неудачный, глупый разговоръ съ какимъ-то проходимцемъ, не то какое-то торопливое движеніе за его спиной, когда онъ выходилъ изъ ресторана.

— Что такое?

И вдругъ онъ вспомнилъ, что забылъ бумажникъ. И прежде чѣмъ подумалъ, почувствовалъ, что произошло скверное. Неясная мысль родилась въ немъ, и одну минуту онъ хотѣлъ скорѣе уйти, но потомъ поймалъ себя на мысли, что Подгурскій украдетъ, и ему стало неловко. Мижуевъ повернулся и вошелъ обратно въ ресторанъ.

Подгурскій чуть не наткнулся на него. И по одному взгляду на слегка растерянное, но въ то же время наглое лицо, съ враждебными, готовыми къ защитѣ глазами, Мижуевъ гадливо понялъ, что это правда.

Съ минуту они смотрѣли другъ другу въ глаза. Потомъ Мижуевъ неловко выговорилъ:

— Я тутъ забылъ кошелекъ.

Подгурскій мигнулъ глазами, вскинулъ брови и весь пришелъ въ движеніе, какъ бы готовый летѣть на поиски.

— Развѣ?.. Я не видалъ. Человѣкъ!

— Не надо...—тихо возразилъ Мижуевъ.

— Какъ не надо... надо поискать...—засуетился Подгурскій, но лицо его стало похоже на пойманнаго, но еще готоваго кусаться звѣря.

Мижухевъ прямо посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Мнѣ, вѣдь, это неважно...—путаясь проговорилъ онъ.

Ему вдругъ страстно захотѣлось, чтобы Подгурскій понялъ, что онъ не можетъ сердиться за эти проклятыя деньги, и прямо, просто сказалъ.

Но лицо Подгурскаго стало еще злобнѣе, и даже какъ-будто оскалились его готовые укусить зубы.

— Что вы хотите сказать?.. Я говорю, что не видалъ!..

Мижухевъ коротко посмотрѣлъ ему въ глаза, криво усмѣхнулся и вдругъ, махнувъ рукой, пошелъ назадъ.

VIII.

Когда Мижухевъ вернулся домой, сѣлъ за письменный столъ и по привычкѣ потянулъ къ себѣ кучу писемъ и телеграммъ, вошла Марія Сергѣевна, вся свѣжая и сіяющая, какъ-будто вносящая съ собой облако горнаго воздуха, запахъ цвѣтовъ и моря. И сразу—по безпричинно улыбающемуся лицу и по ускользающему блеску глазъ—Мижухевъ почувалъ, что она, еще не сказавъ ни слова, чего-то хитритъ. Хитритъ и боится, какъ боятся только красивыя женщины, и тонкая, и прозрачная лукавая игра красоты, слабости, беззащитности и лжи придаетъ имъ раздражающую, неуловимую загадочность.

Она громко позвала его, черезчуръ легко и оживленно подбѣжала и положила теплыя руки на его массивныя плечи.

— А, ты уже вернулся!.. Милый, я за тобой соскучилась!

Мижухевъ посмотрѣлъ ей прямо въ глаза, мелькающіе темными русалочьими искорками, и насупился. Тысячи

острыхъ и больныхъ подозрѣній мгновенно родились въ немъ, и сейчасъ же сердце стало тяжелымъ и неровнымъ.

— Если бы ты зналъ, какъ было весело!.. Мы ѣздили по Симферопольской дорогѣ, далеко-далеко!.. Всю дорогу дурачились, пѣли, хохотали. Потомъ ужинали въ Гурзуфѣ!

Мижухевъ внимательно и молча смотрѣлъ на нее, и подъ этимъ тяжелымъ взглядомъ нѣжное личико слегка порозовѣло, фигурка стала гибка, какъ у кошки, зрачки засвѣтились невѣрнымъ, фальшивымъ свѣтомъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ... Ты не сердишься на меня, Теодоръ, что я такъ вѣтренничаю?..—заглядывала ему въ глаза хорошенькая женщина.—Я тебя совсѣмъ забросила!.. Отчего ты съ нами не поѣхалъ? Такъ было весело!.. А безъ тебя все-таки не то!

Она хотѣла поцѣловать, изогнувшись всѣмъ своимъ гибкимъ тѣломъ и, какъ-будто нарочно, тронувъ его упругостью своей груди.

Мижухевъ раздраженно отодвинулся.

— Слушай, Мэри, не хитри, пожалуйста!..—неловко сказалъ онъ.

— Что такое?..—сдѣлала Марія Сергѣевна большіе искренніе глаза. Но въ нихъ еще прозрачнѣе и свѣтлѣе показалась трусливая женская ложь.

— Я же вижу, что съ тобой что-то случилось,—съ трудомъ проговорилъ Мижухевъ.—Ну, и не лги... говори прямо!.. Это лучше.

Марія Сергѣевна засмѣялась фальшивымъ русалочьимъ смѣхомъ и прильнула къ нему всѣмъ тѣломъ—грудью, руками, ногами и щекочущими волосами, видимо стараясь укротить его дурманомъ своего запаха, жара и упругости.

И отъ этой лживой ласки все тѣло Мижухева вмѣсто обычнаго возбужденія охватило невыносимое физическое раздраженіе.

— Да оставь, я говорю!..—грубо выставилъ онъ плечо навстрѣчу ея ласкъ.

— Какой ты странный... Чего-то сердишься!..—неискренне удивленно начала было Марія Сергѣевна и почти силой попыталась обнять его. Но Мижуевъ оттолкнулъ и, видимо, сдѣлалъ ей больно, потому что хорошенькое лицо стало на мгновеніе испуганнымъ и жалкимъ.—Вотъ ей-Богу...

— Говори же!..—вдругъ бѣшено крикнулъ онъ.

Молодая женщина испугалась и отошла, издали глядя прозрачными, все-таки лгущими глазами.

— Да ничего... такъ, пустяки... Я даже не хотѣла тебѣ говорить...

Холодъ прошелъ подъ волосами Мижуева. Онъ почувствовалъ, что если она сейчасъ же не скажетъ, то онъ потеряетъ сознаніе отъ бѣшенago взрыва и сдѣлаетъ что-то страшное.

И, должно быть, она почувствовала это, потому что осторожно подошла и, точно пробуя, положила на его крутой локоть самые кончики пальцевъ.

— Видишь ли... ты не сердись... тутъ ничего нѣтъ такого... Въ Гурзуфѣ мы ужинали на балконѣ, знаешь, надъ моремъ... тамъ замѣчательно красиво и...

Она тянула, продолжая осторожно держаться пальцами за его локоть, и Мижуевъ чувствовалъ, какъ эти изящные пальцы тихонько дрожатъ.

Увѣренность въ томъ, что случилось что-то гадкое и непоправимое, выросла въ мозгу Мижуева съ безумной силой.

— Говори!.. — въ остромъ порывѣ злобы и боли крикнулъ такъ, что голосъ его полетѣлъ по всей квартирѣ.

Марія Сергѣевна какъ-то осѣла назадъ, и глаза у нея стали совсѣмъ круглые, какъ у испуганной кошки.

— Видишь ли...—торопливо забормотала она, проглатывая слова и не двигаясь съ мѣста:—Я встрѣтила

тамъ Васю... мужа... Попросилъ меня зайти перегово-
рить съ нимъ... Не нужно было?—неожиданно спроси-
ла она, и видно было, что сама знаетъ, что не нужно,
и опять лжетъ, спрашивая объ этомъ.

Мижухевъ молчалъ и дышалъ неровно.

Марія Сергѣевна осторожно подвинулась и опять до-
тронулась до его руки.

— Ты сердишься?..—спросила она тѣмъ же тономъ,
въ которомъ ясно было, что она видитъ его гнѣвъ и ста-
рается представиться наивной, непонимающей этого.

Мижухевъ вдругъ бѣшено поднялся и молча отшвыр-
нулъ ее. Марія Сергѣевна чуть не упала черезъ кресло
и, только извернувшись, какъ падающая кошка, гибко и
цѣлко удержалась за его ручку.

— Какой ты...—начала она поблѣднѣвшими губами.

— Скажи, пожалуйста...—зловѣщимъ сдержаннымъ
голосомъ заговорилъ Мижухевъ, глядя на нее съ холодной
ненавистью:—А ты думаешь, что я могу не сердиться?..
Зачѣмъ ты лжешь!..

— Но что же я такого сдѣлала...—уже искренно без-
защитно пробормотала Марія Сергѣевна.

— Что?.. А то...—Мижухевъ помолчалъ, отыскивая
слово и съ страданіемъ чувствуя, что его не найти, а
скажется другое.—А то... что что-нибудь одно: или пря-
мо признайся, что я для тебя ничто, что ты пошла ко
мнѣ на содержаніе и... или...

Мижухевъ оборвался. Ему вдругъ стало жалко себя:
онъ такъ любилъ эту женщину, пожертвовалъ для нея
дорогимъ человѣкомъ, сдѣлалъ подлое грязное дѣло, об-
манывалъ, лгалъ и думалъ, что хоть за это она будетъ
близка ему. Изъ-за этихъ, уже не разъ настойчиво повто-
ряющихся свиданій съ мужемъ, было столько мучитель-
но унижительныхъ сценъ ревности, онъ даже пересилилъ
себя и признался ей, что его мучить, будто она ушла къ
нему только изъ-за денегъ... И теперь вдругъ увидѣлъ,
что это такъ и есть: она никогда не любила его, любить

того, готова опять отдаться ему, а лжетъ и обманываетъ его, какъ дурака, только изъ страха. Онъ почувствовалъ себя смѣшнымъ, глупымъ и жалкимъ.

— Такъ не сдѣлаетъ послѣдняя тварь!..

Эти слова онъ выкрикнулъ въ цѣломъ взрывѣ бѣшеныхъ грубыхъ словъ, и непобѣдимая потребность охватила его: ударить ее, сдѣлать жестокое и унижительное до послѣдней степени, чтобы доказать, что если она пошла къ нему за деньги, то она и есть его собственность, тварь, съ которою онъ можетъ сдѣлать все, что захочетъ.

И только когда онъ увидѣлъ въ ея глазахъ безсильный страхъ покорной рабыни, Мижуеву вдругъ стало такъ тяжело и гадко, что онъ грузно сѣлъ къ столу, поднялъ руки и схватился за голову, стараясь не видѣть и не думать ничего.

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. Мижуевъ все сидѣлъ, и его огромная голова, беспомощно опущенная на руки, казалась жалкой и беззащитной.

Марія Сергѣевна долго стояла на мѣстѣ и пугливо смотрѣла на него. Потомъ въ глазахъ ея мягко и трогательно засвѣтилась милая женская жалость. Она тихонько шевельнулась, робко подошла, остановилась, и Мижуевъ услышалъ быстрое неровное бѣеніе ея сердца.

Нѣжные теплые пальцы чуть-чуть, какъ дыханіе, коснулись его волосъ.

IX.

Такія сцены были уже не разъ и повторялись все чаще и чаще, съ зловѣщимъ нарастаніемъ. Каждая новая была безобразнѣе и бессмысленнѣе предыдущей. Марія Сергѣевна не понимала ихъ: порой Мижуевъ казался ей сумасшедшимъ, порой она съ жестокимъ раскаяніемъ упрекала себя во всевозможныхъ преступленіяхъ, которыхъ въ спокойномъ состояніи не могла признать. Она

видѣла, что на ихъ жизнь надвигается какое-то неотвратимое несчастіе, но какъ прекратить этотъ кошмаръ, не знала и страдала безсильно и жалко.

И ужаснѣе всего была потеря уваженія къ себѣ и та грязь, которую порождали эти безобразныя сцены. Онѣ унижали и ставили въ какую-то зависимость отъ окружающихъ, даже отъ прислуги. Со всѣхъ сторонъ смотрѣли глаза, и слушали уши любопытныхъ чужихъ людей, которымъ было все равно, страдаютъ или просто дурятъ они, а было только занятно, какъ на представленіи. Приходилось сдерживать голоса, быстро прятать мучительныя слезы, придавать фальшивыя выраженія искаженнымъ отъ боли лицамъ и чувствовать себя несчастнѣе послѣдняго лакея.

Въ послѣднее время такія сцены начали кончаться только съ истерикой, съ полнымъ изнеможеніемъ. Какъ будто съ нихъ обоихъ слетало все красивое, интеллигентное и благородное, и въ дикой ярости корчились какія-то полуумные, которые сами уже не знаютъ, зачѣмъ и что кричатъ другъ другу въ лицо, думая только о томъ, чтобы какъ можно больнѣе уязвить и обидѣть.

Временами являлось уже отчаяніе и желаніе какого бы то ни было, но только конца. Казалось, что уже послѣдняя ссора и за нею все кончено. Но въ ту самую минуту, когда боль и ярость доходили до крайняго предѣла, вдругъ все падало, нервы ослабѣвали, начинались слезы, уступки и вдругъ болѣзненное, неожиданное возбужденіе, бросавшее ихъ другъ на друга въ жгучемъ сладострастномъ припадкѣ. А потомъ наступало сознаніе нелѣпости всего происшедшаго и безнадежнаго, мучительнаго раскаянія.

— Мы сумасшедшіе!—говорила Марія Сергѣевна съ отчаяніемъ и плакала, прижимаясь къ Мижуеву, какъ бы ища защиты, а онъ страдалъ молча и видѣлъ передъ собою черную неизбѣжную пропасть конца.

И такъ же прошла дикая сцена въ этотъ день.

Когда Марія Сергѣевна, замученная, мягкая и горячая, съ мокрымъ отъ слезъ лицомъ и потемнѣвшими глазами, лежала съ нимъ, и еще неудовлетворенное желаніе тянуло ихъ другъ къ другу съ болѣзненно обостренной силой, она тихонько и искренно рассказывала ему:

— Я знаю, что для твоего спокойствія мнѣ не слѣдовало этого дѣлать... Но неужели ты можешь думать?.. Мнѣ просто стало жалко: онъ показался мнѣ такимъ несчастнымъ. Больной... Вѣдь какъ бы то ни было, а все-таки я виновата передъ нимъ!..

И не то усталому, не то прояснившемуся послѣ бури мозгу Мижужева и въ самомъ дѣлѣ казалось, что это такъ просто и естественно:

«Конечно, она виновата передъ нимъ... и какъ бы то ни было, когда-то она любила его...»

А всѣ подозрѣнія казались совершенно нелѣпыми, ни на чемъ неоснованными—какими-то омерзительными капризами.

— Прости меня... Я, правда, сумасшедшій...—страдающая отъ жалости, любви, раскаянія и презрѣнія къ себѣ самому, говорилъ Мижуевъ и цѣловалъ мокрое горячее личико.

И ей казалось, будто все кончилось, теперь они объяснятся, онъ увидитъ всю нелѣпость своихъ подозрѣній, и съ завтрашняго дня все пойдетъ счастливо, какъ никогда. И она торопилась высказаться:

— Я знаю, что ты думаешь, будто я не любила тебя и пошла ради денегъ... Я знаю, ты имѣешь право такъ думать... Я пустая и гадкая, но все-таки это не такъ: я тебя люблю больше жизни!.. Ты мнѣ всегда нравился, давно... Ты такой... большой, сильный, чуткій!..

Въ комнатѣ было темно, и лицо Маріи Сергѣевны смутно бѣлѣло на темной подушкѣ дивана. Глаза казались у нея большими, какъ двѣ пропасти. И голосокъ звучалъ нѣжно и прерывисто, какъ у обиженного ребенка.

— Мнѣ нравилось, что ты сознаешь свою силу, и всѣ подчиняются тебѣ. Конечно, было пріятно, что ты можешь бросить для меня столько, что я и вся того не стою... Но мало ли тамъ было богатыхъ людей! Если бѣ я захотѣла... Но ты больше, сильнѣе всѣхъ!.. Мы, женщины, любимъ въ мужчинѣ силу и власть...

Мижухевъ со слезами нѣжности и умиленія цѣловалъ ее, и было такъ тепло и счастливо отъ ея тихихъ влюбленныхъ словъ. Она шептала такъ торопливо и искренно, была такая горячая, покорная и сладострастная! И являлось гордое сознаніе своей силы, сознаніе, что она любить его и отдается ему, какъ солнцу, выше котораго для нея нѣтъ ничего.

— Я глупая, не могу этого передать,—тихонько шептала Марія Сергѣевна:—У меня была такая однообразная, скучная жизнь... казалось, что уже все кончено, и впереди нѣтъ ничего... а ты внесъ что-то яркое, сильное, я прямо съ ума сошла отъ счастья!.. Мечтала о тебѣ, бѣгала, какъ дѣвчонка, за тобой...

— Но вѣдь это не я внесъ... — съ бессознательной пытливостью спросилъ Мижухевъ, и голосъ его слегка вздрогнулъ отъ страха.

— Нѣтъ—ты! Ты... такой, какъ есть: большой, сильный, могущественный, какъ царь!.. Но это не главное: если бы ты былъ бѣденъ, я все равно отдалась бы тебѣ... Ты мое все!—трогательно стыдясь и стыдливо, и безстыдно прижимаясь къ нему всѣмъ тѣломъ, горячо спорила Марія Сергѣевна.

Она еще что-то шептала, раскрываясь подъ его лаской, какъ цвѣтокъ, и Мижухеву все ничтожнѣе и непонятнѣе казались всѣ прежнія мысли и муки.

«Я просто дикій самодуръ!»—думалъ онъ.

И ему хотѣлось, чтобы она еще говорила, еще разсѣивала его мысли, спорила, доказывала.

— Но, вѣдь... твой мужъ былъ и умнѣе и талантливѣе меня... Что такое, въ сущности, я?..

Онъ допытывался сдержаннымъ голосомъ, скрывая свое желаніе, и пугаясь этого вопроса, какъ-будто скользилъ надъ пропастью. И замирая отъ страха, старался переспорить ее, напомнить ей мужа, доказать, что онъ былъ лучше его.

— За что же ты меня полюбила?.. Не за то же, что я здоровъ, какъ быкъ?—нарочно оскорбляя себя, говорилъ онъ и весь напряглся въ страстномъ ожиданіи милыхъ опроверженій, страстныхъ, возвышающихъ словъ.

Марія Сергѣевна страшно оскорбилась. Все тѣло ея, точно внезапно обнаженное и выброшенное на улицу, возмутилось, и она стала увѣрять, что это не то, не то.

— Такъ что же?

Она не сразу отвѣтила, не найдя ни словъ, ни чувствъ. Было темно, и не видно было выраженія ея глазъ. Мижухевъ ждалъ и съ ужасомъ чувствовалъ, какъ во мракѣ души рождается и ползаетъ скользкое страшное подозрѣніе.

Тогда она стала доказывать, что онъ умнѣе, лучше, оригинальнѣе. Доказывала страстно, волнуясь и слѣша. Но онъ все-таки возражалъ и фальшивымъ, зловѣщимъ голосомъ говорилъ, что мужъ ея замѣчательный, прекрасный человекъ. Онъ рисовалъ его правдиво, нестерпимо мучая и унижая самого себя. И вотъ передъ Маріей Сергѣевной ярко стала вырисовываться знакомая фигура—безсознательное милое до сихъ поръ лицо человека добраго, красиваго, нѣжнаго, оригинальнаго и чуткаго, какъ никто. Гдѣ-то отдаленно, возбуждая тонкую до неуловимости грусть, пробудились воспоминанія о пережитомъ счастьѣ, о первыхъ ласкахъ. Она испугалась и стала спорить, странно, точно оспаривая не Мижухева, а что-то внутри самой себя. И болѣзненно настороженное ухо Мижухева уловило эту странную нотку надломившагося женскаго голоса. Въ его собственномъ шопотѣ что-то зловѣще измѣнилось: онъ спорилъ суше, холоднѣе.

съ непонятнымъ злымъ упорствомъ. И вдругъ Марія Сергѣевна съ ужасомъ замѣтила, что не знаетъ, что сказать, чѣмъ доказать, за что же она полюбила Мижучева, если не можетъ отрицать, что мужъ ея былъ необыкновенный, милый, замѣчательный человѣкъ.

И сквозь страстный шопотъ, среди любовныхъ словъ и увѣреній, незамѣтно стало высываться нѣчто безобразное, неожиданное и ужасное, какъ глумливая рогатая голова ночного кошмара, рожденнаго тьмой.

Сразу безъ словъ стало понятно, что она любила и еще до сихъ поръ не забыла мужа, что ее увлекла именно та жажда новой блестящей жизни, отъ которой она отеклась съ такимъ упорствомъ и, какъ казалось ей, съ такой искренностью.

И договорившись до этого, Марія Сергѣевна, растерянная и ослабѣвшая, вдругъ неловко замолчала, съ ужасомъ сознавая, что каждая секунда этого молчанія губить ее. Мижучевъ ждалъ, попрежнему придавливая ея мягкую грудь тяжелымъ плечомъ и не снимая ноги съ ея круглыхъ теплыхъ ножекъ. Глаза его пристально и прямо глядѣли во тьму, и все тѣло замерло въ этомъ ужасномъ ожиданіи того, что онъ уже видѣлъ. И леденящій неотвратимый холодъ откуда-то изнутри сталъ отдѣлять ихъ другъ отъ друга. Она еще попыталась что-то сказать, но не могла и вдругъ бессильно заплакала.

— Зачѣмъ ты меня мучишь!.. Я ничего не знаю... ничего...

Мижучевъ молчалъ и тяжело дышалъ, чувствуя, какъ все тѣло его, сердце и мозгъ погружаются въ черную пустоту.

Марія Сергѣевна всхлипнула и замолчала. Онъ молчалъ и чего-то ждалъ. Она, не переставая плакать, робко подняла на него глаза, и вдругъ рѣзкая пощечина съ страшной злобой хлестнула ее по лицу.

— Ай!..—крикнула Марія Сергѣевна и отъ ужаса и боли на мгновеніе какъ-будто потеряла сознаніе.

— Дрянь!.. — хрипло выговорилъ Мижувъ. Тяжелый и громадный, не видимый въ темнотѣ, онъ перелѣзъ черезъ нее, стараясь не касаться теплаго неподвижнаго тѣла, и быстро, натываясь впотѣмахъ на мебель, вышелъ изъ комнаты.

— Кончено!.. — глухо сказалъ въ немъ какой-то голосъ.

Онъ остановился посреди кабинета и широко открытыми глазами уставился передъ собой. Тамъ, позади, чуткое ухо ловило какіе-нибудь звуки, но все было тихо, какъ-будто умерло. Онъ боялся двинуться хоть однимъ пальцемъ, и казалось, что, если двинется — будетъ смерть. Все существо его было — одна невѣроятная боль. Страшный стыдъ, глубочайшее одиночество и смертельная разрывающая сердце жалость и къ себѣ, и къ ней хаотически спутались съ холодной злобой радостью, точно онъ наконецъ отомстилъ кому-то, на зло уничтоживъ самого себя.

— Кончено!.. — повторилъ Мижувъ, странно улыбаясь.

Онъ хотѣлъ остановить эту нелѣпую улыбку; но она все ширилась, росла, дергала, онъ не могъ удержать прыгающихъ челюстей, и вдругъ лицо его стало кривиться въ страшной безумной судорогѣ.

Х.

День былъ вѣтренный, и все море, покрытое бѣлыми барашками, рѣзко синее вдали и ярко зеленое вблизи, не двигалось, а какъ-будто крутилось. Все казалось рѣзкимъ и пестрымъ: тѣни, солнечный свѣтъ, нарядные туалеты провожающихъ пароходъ дамъ, борты и снасти парохода. Вѣтеръ все наполнялъ прихотливымъ рвущимъ движеніемъ, и оттого міръ казался непомѣрно большимъ, а люди и городокъ, пестрѣвшій за бухтой, очень маленькими, какъ-будто игрушечными.

Отхода парохода ждали долго, и Мижухеву и Маріи Сергѣевнѣ было такъ грустно, тяжело и неудобно.

Грубо тарахтѣла лебедка, поднимая и опуская въ трюмъ тяжелые ящики. По сходнямъ, на палубѣ и на набережной нетерпѣливо двигалась пестрая толпа, въ которой казалось очень много дамъ. Съ берега кричали на бортъ, съ бортовъ на берегъ, перебрасывались цвѣтами, которые рѣзкимъ вѣтромъ относило въ воду. Дамы придерживали поля шляпъ; ихъ юбки то развѣвались, то обхватывали колѣна, безстыдно показывая мягкія очертанія ногъ, и сообщая всему нетерпѣливый минутный характеръ. И въ то же время казалось, что пароходъ никогда не отойдетъ, никогда не кончится погрузка безконечныхъ ящиковъ. Порой начинала неистово ревѣть пароходная глотка, и ревущій могучій стонъ ея покрывалъ всѣ звуки, подымался все выше и выше, и когда уже уши начинали болѣть и становилось мучительно, ревъ вдругъ обрывался, коротко вскрикивалъ и замиралъ. Становилось странно тихо, и долго было слышно вддали въ горахъ отлетающее эхо. А потомъ опять подымался рѣзкій торопливый говоръ, и неуклюже тарахтѣла лебедка.

Мижухевъ стоялъ на борту и томился страшной гнетущей тяжестью. Онъ чувствовалъ, что Марія Сергѣевна поглядываетъ на него, и искоса видѣлъ ея темные, старающіеся быть спокойными и улыбающимися глаза, въ которыхъ прозрачно стояли слезы.

Она ничего не говорила. Рѣшеніе было принято еще вчера, и послѣ тяжелаго нуднаго разговора теперь уже не о чемъ было говорить.

— Ну, что жъ... Кончено, кончено...—беззвучно повторяла себѣ Марія Сергѣевна, и только рука ея въ бѣлой перчаткѣ безъ нужды перебирала по яркой мѣди борта. Только по этому непрерывному, напряженному движенію Мижухевъ понималъ, что думаетъ и чувствуетъ она, какая невысходная тоска разрываетъ ея маленькое

сердце. Было мучительно жалко ее, и чувствовалась какая-то безконечная вина. Но въ то же время въ душѣ было пусто, и возврата къ прошлому, къ ласкамъ, со-вмѣстной жизни и взаимной теплотѣ нельзя было представить себѣ. Что-то оборвалось, обнаружилась пустота между ними, и теперь хотѣлось одного: не тянуть бы! Оскорѣ!

«Что жъ, проживеть и безъ меня, — думалъ Мижуевъ, неподвижно глядя въ пеструю толпу.—Будетъ жить тою же нарядной веселой жизнью, ни въ чемъ не нуждаясь, кромѣ веселья».

Ему представилось, что она можетъ найти другого мужчину, котораго полюбить такъ же, какъ и его, и который будетъ любить ее уже всегда искренно и благодарно, съ теплымъ умиленнымъ уваженіемъ. Но почему-то этотъ новый не рисовался ему, и вмѣсто него припоминалось то черноусое круглое лицо Пархоменко, то отвислыя губы биржевика.

— И это можетъ быть...—думалъ Мижуевъ:—У нея вѣдь была любовь чистая, искренняя, она смѣнила ее на меня, потому что я далъ ей новыя впечатлѣнія, возможность беззаботной и веселящей жизни. Теперь ей уже трудно вернуться къ прежнему... надо продолжать... И будетъ веселиться, капризно отдаваться, смѣяться, наряжаться... Пока жизнь сама не поблѣднѣетъ и не растаетъ въ пустотѣ... Жалко!.. Но я самъ виноватъ... Что жъ.. А я буду жить, какъ жилъ... будетъ скучно, нудно и одиноко! Пусто!

Заревѣла мѣдная глотка, потрясая воздухъ, задрожала палуба, и одну минуту казалось, что и небо, и море дрожать отъ этого нечеловѣческаго голоса, отдающагося въ горахъ. На палубѣ закричали, задвигались, замахали платками.

Марія Сергѣевна поблѣднѣла, и въ ея темныхъ глазахъ выразилась уже покорная тоска. Сжалось сердце

Мижуева, и въ эту послѣднюю минуту они оба почувствовали безнадежную тоскливую нѣжность.

Нельзя было замѣтить момента, когда сталъ отходить пароходъ, только зеленая мутная полоса воды вдругъ расширилась и стала расти между мокрой стѣной набережной и его чернымъ бортомъ.

Мижуевъ стоялъ на палубѣ и долго смотрѣлъ, отыскивая въ толпѣ свѣтлую, охваченную вѣтромъ фигурку Маріи Сергѣевны. Пароходъ шелъ, и уже между нимъ и берегомъ показались барашки свободныхъ волнъ. Молъ все уменьшался и уменьшался, но еще долго Мижуевъ видѣлъ идущую вслѣдъ за пароходомъ свѣтлую женскую фигурку, платье которой рвало и подымало яркій солнечный вѣтеръ.

Уже не видно было выраженія ея лица, не видно даже, идетъ ли она или стоитъ... только маленькое свѣтлое пятнышко, прилѣпившееся къ длинному сѣрому молу, среди вѣтра, бѣгущихъ волнъ и бѣлой пѣны, срываемой съ ихъ верхушекъ.

Все меньше и меньше. И когда городокъ и молъ, и крошечная женская фигурка слились въ одно кружевное марево дальнихъ солнечныхъ береговъ, острою болью кольнуло сердце, и Мижуевъ почувствовалъ себя однимъ во всемъ мірѣ.

Порвалась прежняя жизнь и навсегда ушла въ голубое прошлое. А впереди, подымаясь и упадая, пустое и движущееся море развернуло свой вѣтренный холодный просторъ.

— Ну, что жъ... — подумалъ Мижуевъ. — Можетъ быть, и къ лучшему... Какъ-нибудь проживу...

На пароходѣ было весело и пестро. Много женщинъ въ красивыхъ платьяхъ и съ цвѣтами придавали ему нарядный праздничный видъ, а когда гдѣ-то на носу неожиданно громко заиграла музыка—стало совсѣмъ похоже на увеселительную прогулку. Пассажиры подѣлились на группы, среди женщинъ появился щеголеватый

капитанъ въ бѣлоснѣжномъ кителѣ, съ видомъ не то пшюта, не то стараго морского волка. Послышались шутки, смѣхъ, женскія восклицанія. А за пароходомъ пѣнилось море и уплывало назадъ въ тающую даль.

Мимо въ голубомъ туманѣ плыли зеленые берега и розоватыя горы. На одномъ выступѣ скалы, высоко надъ моремъ, показался бѣлый монастырь и какъ чайка долго рѣялъ въ воздухѣ, пока не слился съ голубою далью. Море кружилось и двигалось, подымались и упали бѣлыя волны.

Мижуевъ безъ усталости ходилъ по палубѣ, смотрѣлъ на уплывающіе берега и думалъ. Тоненько звучала и ныла въ душѣ тоскливая безнадежная нотка.

— Куда ѣхать? Зачѣмъ?..—думалъ онъ, равнодушно глядя на берега, на солнце и море, которое видѣлъ много разъ—и здѣсь, и у береговъ Италіи, и около Египта—и которое уже ничего не говорило ему о той задушевной голубой красотѣ природы, которая трогаетъ, смягчаетъ сердце человѣка и дѣлаетъ его мягкимъ, веселымъ и свободнымъ, какъ вольная птица въ солнечный теплый день.

Слышалъ онъ только, какъ странно надорванно кричали чайки, провожая пароходъ.

XI.

Посреди своей ванной, облицованной бѣлыми и сѣрыми изразцами, въ которыхъ сверкалъ и дробился электрическій свѣтъ, стояла Марія Сергѣевна и мускулистая горничная ловко и крѣпко вытирала ее мокрой губкой. Голое мокрое тѣло блестѣло на свѣту, и при каждомъ усиліи горничной вся тоненькая гибкая фигурка Маріи Сергѣевны медленно подавалась и выпрямлялась опять. Округлыя груди вздрагивали и колыхались; то подымалась, то опускалась гордая головка съ тяжелой опущенной на спину прической и казалось, что нагая женщина томится одной сладостной физической истомой.

А между тѣмъ, маленькое сжавшееся въ комочекъ

сердце ея вмѣщало столько горя, грусти и мучительнаго недоумѣнія, что порой ей казалось будто она умираетъ.

— Можетъ-быть, холодная, барыня?—спросила горничная, замѣтивъ, что опущенныя плечи Маріи Сергѣевны коротко вздрагиваютъ.

— Что?..—испуганно переспросила Марія Сергѣевна и посмотрѣла на горничную большими тоскливыми глазами.

— Вода не холодная?—повторила горничная.

— Нѣтъ... ничего...

Горничная окунула губку въ теплую воду и опять ловко и равнодушно, думая о своемъ, стала вытирать спину.

Она мучила Марію Сергѣевну: было мучительно стоять голой и мыться, когда сердце разрывается на части. Хотѣлось остаться одной, чтобы весь свѣтъ куда-то пропалъ, и лечь въ подушку головой внизъ. Лечь и замереть навсегда, ничего не видѣть, не слышать, не чувствовать.

Но эта дрессированная холодная прислуга, служившая только у аристократовъ, которую Марія Сергѣевна все еще боялась, какъ боятся аристократической прислуги всѣ бѣдные и кроткіе люди, была тутъ и окружала ее съ самаго утра любопытными холодными и даже какъ-будто ненавидящими подстерегающими глазами. Надо было скрывать то, что произошло вчера, надо было, чтобы они не догадались, что она брошена, что она только содержанка, что ее ударили по лицу, какъ послѣднюю женщину, унизили и бросили.

Съ того самаго момента, какъ послѣ тяжелаго и безнадѣжнаго объясненія, почувствовавъ, что связь порвалась навсегда, Мижухевъ уѣхалъ, Марія Сергѣевна всѣ силы свои тратила на то, чтобы никто не догадался о совершившемся. На пароходѣ она старалась быть веселой и улыбаться; когда ѣхала домой, унося въ сердцѣ безмѣрную боль, старалась быть повелительной съ камер-

дinerомъ; дома принуждала себя дѣлать все, что дѣлала каждый день и чувствовала себя рабой этихъ холодныхъ наемныхъ людей, которымъ не было до нея никакого дѣла.

И когда горничная почтительно объявила ей, что ванна готова, Марія Сергѣевна покорно пошла, раздѣлась и стала, голая и несчастная, подъ ненужныя мучительныя заботы чужой женщины.

Больно сжималось сердце маленькой голой женщины, окруженной тепломъ и свѣтомъ, ласкаемой мягкой водой и теплымъ воздухомъ, насыщеннымъ паромъ и духами. Тяжкое чувство полного одиночества было внутри нѣжимаго тѣла, и ей казалось, будто кто-то издѣвается надъ нею.

— Довольно, Клавдія, хорошо...—съ усиліемъ сказала она, чувствуя, что еще немного и она упадетъ.

— А душъ, барыня? — почтительно освѣдомилась горничная, и не дожидаясь отвѣта, подошла къ эмалированному крану и стала заботливо пробовать рукой теплый дождь, полившійся сверху.

И Марія Сергѣевна пошла подъ душъ, чуть не заплакавъ отъ невыносимой тоски.

А когда наконецъ горничная накинула на нее сухой мягкій капоть и она осталась одна въ спальнѣ, Марія Сергѣевна заломила руки и бросилась лицомъ внизъ въ подушку.

Долго сдерживаемыя слезы прорвались торячей волной, и она заплакала безпомощно и тихо какъ ребенокъ.

Прошла передъ нею вся жизнь ея, всѣ страданія прошлаго и темное будущее, жестокій обманъ и сознаніе ужасающей непоправимой ошибки.

Некому было видѣть безобразную нелѣпость одиночества прекрасной молодой женщины, одинокой среди цѣлаго міра, среди массы людей, которымъ общеніе съ нею могло бы доставить самую яркую радость и величайшее наслажденіе. Но остро сознавала эту нелѣпость ея соб-

ственная душа, заключенная въ роскошное тѣло и даже словами не могущая выразить себѣ свою безсильную муку.

Съ тѣхъ поръ, какъ рѣзко измѣнилась ея жизнь, и прежняя Марія Сергѣевна, жена тихаго добраго и ласковаго человѣка, женщина съ маленькимъ, но солнечнымъ и простымъ міркомъ, исчезла, и на ея мѣсто появилась спокойно красивая женщина, погруженная въ кружева, шелкъ, брилліанты, удобства и пышность,—съ тѣхъ поръ Марія Сергѣевна никогда не вспоминала о прежней жизни. То было что-то свѣтлое, милое, о потери чего нельзя было думать безъ страданія, а страданіе окончательно отняло бы у нея послѣднее оправданіе своего проступка.

Тяжкую драму пережилъ брошенный, когда-то безконечно дорогой человѣкъ, повторявшій въ послѣднюю минуту, сквозь почти безумныя слезы, только одно: «Мама, мамочка!.. Неужели бросишь своего мальчика?.. Что же я буду дѣлать безъ тебя?..» Кошмарная борьба была въ ней самой, и она почти не понимала ее. Сердце рвалось отъ жалости къ плачущему взрослому человѣку, безпомощно и уже бесполезно повторявшему тѣ наивныя слова, которыя еще такъ недавно трогали ее до слезъ. Когда онъ сказалъ, захлебываясь рыданіями: «Что же я буду дѣлать одинъ?..»,—она вдругъ вспомнила, что прежде не могла представить его безъ своей ласки и заботы. Представилось его одиночество, тоска, отравленная тяжелой обидой, его заброшенность, его бѣдность, въ то время, когда она будетъ наслаждаться роскошью, весельемъ и счастіемъ. И на одно мгновеніе ея рѣшеніе показалось ей безумной нелѣпостью.

Она уже стала обнимать и цѣловать мужа, стала прямо рукой утирать его мокрые милые глаза, воспалившіеся отъ горя и слезъ. Сердце рвалось между новой красочной любовью, обѣщавшей неизвѣданно прекрасную жизнь, и безконечной жалостью и нѣжностью къ этому

плачущему человѣку безпомощному какъ покидаемый ребенокъ.

Она чувствовала, что слабѣть, что уходить и падаютъ мечты о новой блестящей какъ сказка жизни, и чтобы спастись, чтобы не бросить все и не остаться, Марія Сергѣевна сжала свое сердце, укрѣпила его жестокостью, мучительной и ужасной для нея самой. И покинутый человѣкъ, исходившій уже послѣдними безнадежными слезами, плакалъ, звалъ и бился объ эту непонятную ему жестокость въ такомъ страданіи, котораго нельзя уже никогда забыть и простить.

Когда она уходила, и въ послѣдній разъ мелькнули передъ нею знакомая комната, знакомая лампа, кровать, на которой она испытала самое счастливое въ своей жизни, этюды, для которыхъ она позировала цѣлыми часами, въ надеждѣ на будущую побѣду и славу милаго человѣка. Эти этюды, которые когда-то составляли часть и ея души, ея гордость, рѣзнули по сердцу съ невыносимой болью. Было что-то ужасное въ ея уходѣ, но она опять въ послѣдній разъ сдавила свое сердце и ушла. А онъ уже не плакалъ, не звалъ, а только задыхался и цѣплялся рукой за оставленную ею старенькую накидку, точно боялся, что и ее—это послѣднее—отнимутъ у него. Этотъ жестъ былъ ужасенъ, и потомъ вспоминать о немъ было не трудно, не мучительно, а прямо страшно, какъ о совершенномъ злодѣяніи.

И для того, чтобы не помнить, чтобы не сознавать этого ужаса каждую минуту, Марія Сергѣевна стала вести дѣйствительно пышную, безумную и легкомысленную жизнь.

Понемногу она забыла, стала весела, вошла во вкусъ роскоши и привыкла къ ней. Театры, Ницца, балы, туалеты, общество извѣстныхъ блестящихъ людей мелькнули передъ нею какъ сонъ, и она уже начала думать, что счастлива.

Только изрѣдка, оставаясь одна, Марія Сергѣевна пе-

реставала видѣть и слышать окружающее и съ тихой ноющей тоской, смутно и печально представляла себѣ гдѣ-то далеко, тамъ, неизвѣстно гдѣ, одинокаго брошеннаго человѣка.

— Что онъ? Что теперь дѣлаетъ?.. — думала она и становилось ей грустно, стыдно, и она шла опять на люди, ѣхала куда-нибудь, смѣялась и кокетничала.

Но эта мишура слетѣла, какъ пыль, и подъ нею обнаружилась голая страшная пустота.

Она растерялась, и въ ея бѣдной головѣ все закружилось. Куда идти, что дѣлать, къ чему прилѣпиться сердцемъ—все исчезло. Осталась одна брошенная содержанка, женщина безъ имени, уваженія и лица. Она перестала быть человѣкомъ и стала вещью, дрянью, которую надо выбросить на улицу.

И съ холоднымъ ужасомъ чувствовала она, что нѣтъ никакого возврата, что она уже не можетъ жить, какъ жила прежде когда-то... Стала на золотой путь и надо идти дальше... Куда?..

— Это возмездіе, возмездіе!—бессознательно повторяла Марія Сергѣевна.

На столикѣ возлѣ кровати лежали деньги, оставленные ей Мижухевымъ, и она съ ужасомъ смотрѣла на нихъ, какъ раздавленное животное царапая подушку окрюченными тонкими пальцами.

ХІІ.

Мижухевъ пріѣхалъ въ Москву въ дождливый, уже совсѣмъ осенній день, и какъ только вышелъ изъ вагона, его насквозь пронизала противная зябкая сырость.

Огромная асфальтовая площадь передъ вокзаломъ блестѣла, какъ озеро, и по ней плыли мокрые извозчики и торопливо шлепали озябшіе отсырѣвшіе люди. Вдали, за мгlistой завѣсой дождя туманно видѣлись безко-

нечныя крыши города, главки церквей и мутныя пятна пожелтѣлыхъ бульваровъ.

Странно и грустно было думать, что здѣсь уже давно, и сегодня, и вчера, и позавчера, и много дней—нѣтъ ни солнца, ни голубого неба, ни веселыхъ цвѣтовъ. Казалось, что всѣмъ этимъ торопливымъ промокшимъ людямъ до смерти надоѣло жить, и живутъ они только потому, что давно махнули рукой на дождь, на сѣрое небо, на холодъ и слякоть и уже не замѣчаютъ ихъ. Казалось, что если бы имъ сказать, что гдѣ-то тамъ, далеко, въ эту самую минуту ярко свѣтитъ солнце, голубѣетъ море и смѣется зеленая трава, они не повѣрили бы такому счастью и только заторопились бы бѣжать дальше по своимъ брызгающимъ холоднымъ лужамъ. Но Мижуевъ не думалъ объ этомъ, потому что давно привыкъ ко всему, и его не радовала золотая весна, и не печалила сѣрая осень.

Онъ никого не извѣщалъ о своемъ приѣздѣ, и потому его никто не встрѣтилъ. Мижуевъ приказалъ комиссионеру забрать вещи, а самъ взялъ извозчика и, дрожа отъ сырости промокшей пролетки, поѣхалъ домой.

Еще издали онъ увидѣлъ знакомый, причудливо громадный, причудливо же отдѣланный въ декадентскомъ стилѣ, серебристо-сѣрый домъ, поперекъ котораго шла колоссальная вывѣска «Братья Мижуевы». У похожихъ на пещеру воротъ шла та же торопливая, вѣчная суета, что и много лѣтъ тому назадъ. Мокрые ломовики грузили на телѣги желтые ящики, изъ которыхъ торчала мокрая солома; подѣзжали желто-черные фургоны, и озлобленная, голодная ругань скудно висла въ промозгломъ воздухѣ. А внутри, въ обширныхъ, такихъ же холодныхъ, какъ площадь, комнатахъ, отдѣленныхъ отъ улицы саженными мутными окнами, сухо зеленѣли электрическія лампочки, и, почти не шевелясь, методично шуршали и щелкали на счетахъ склоненныя головы.

— Все попрежнему... — подумалъ Мижуевъ, какъ-

будто онъ все-таки ожидалъ чего-то новаго, и, раздѣвшись, пошелъ черезъ всю контору. И какъ всегда, когда онъ входилъ въ эту сухую дѣловую атмосферу, лицо его стало высокомернымъ и холоднымъ, какъ-будто онъ ничего не видѣлъ по сторонамъ.

Сидѣвшіе за конторками люди, чистенько и аккуратно одѣтые и причесанные, поспѣшно и молча вставали и кланялись ему вслѣдъ. Мижухевъ кивалъ головой, но многихъ изъ нихъ вовсе не зналъ и не помнилъ, видѣлъ ли когда-нибудь раньше. Только одинъ управляющій, лысый старикъ съ лицомъ, похожимъ не то на смятую рублевую бумажку, не то на угодника Божія, привѣтствовалъ его:

— Съ пріѣздомъ, Федоръ Ивановичъ!.. Братецъ въ кабинетѣ-съ. Давно васъ поджидаютъ-съ. Какъ изволили путешествовать?

Мижухевъ невольно усмѣхнулся: онъ подумалъ, что это довольно слабое путешествіе—изъ Москвы въ Крымъ и обратно,—но потомъ вспомнилъ, что для старика, всю жизнь просидѣвшаго въ этой конторѣ, и такое путешествіе сказочно ярко и громадно.

— Ничего... Спасибо... — холодно ласково отвѣтилъ онъ и, мимоходомъ, подавъ руку, прошелъ дальше.

Братъ его, Степанъ Ивановичъ Мижухевъ, сутуло сидѣлъ за большимъ, какъ гробница, столомъ и писалъ, лѣвой рукой прикидывая на тяжелыхъ счетахъ. Блѣдный синеватый свѣтъ отъ окна слабо блестѣлъ на его широкомъ полусѣвшемъ черепѣ. Вся комната была темная, тяжелая и скучная, какъ огромная прихода-расходная книга, между листами которой шевелился человекъ. При входѣ брата онъ поднялъ голову, и Мижухевъ увидѣлъ знакомые холодно-недовольные глаза. Непріятно и жутко кольнуло выраженіе лица человека, который, еще не зная, кто и зачѣмъ пришелъ, уже подымаетъ враждебно дѣловой взглядъ. Но Степанъ Ивановичъ взглянулъ и вдругъ скупно искривилъ губы въ усталую улыбку.

— А, пріѣхалъ, наконецъ!..—сказалъ онъ, вставая. Братъ поцѣловались.

Степанъ Ивановичъ былъ такъ же громаденъ и тяжелъ, какъ и братъ, но лицо у него было желтое, нездоровое, подъ глазами висѣли дряблые мѣшки, а голосъ былъ такъ слабъ и блѣденъ, какъ-будто онъ смертельно усталъ.

— Очень радъ, что ты пріѣхалъ...—заговорилъ Степанъ Ивановичъ, когда они усѣлись другъ противъ друга и закурили сигары, съ которыми онъ никогда не разставался.—Радъ по многимъ причинамъ: во-первыхъ, конечно, соскучился, во-вторыхъ, необходимо твое присутствіе, такъ какъ у насъ на заводѣ дѣло скверно, а кромѣ того, есть и еще одно личное дѣло... Но о немъ потомъ!..—Степанъ Ивановичъ на мгновеніе отвелъ глаза и опять искривилъ губы въ скупое подобіе улыбки.

— Тебѣ, вѣроятно, уже изъ газетъ извѣстно, что заводъ стоитъ вторую недѣлю? Требования тебѣ, должно быть, тоже извѣстны?

— Да, знаю...—коротко отвѣтилъ Мижухевъ.

— И?..

Степанъ Ивановичъ устремилъ на брата испытующіе, холодные глаза, и Мижухевъ невольно подумалъ, что это не братъ, а компаньонъ по фирмѣ. Ему не хотѣлось говорить о томъ, о чемъ давно и много было говорено безъ всякой пользы и пониманія. Но Степанъ Ивановичъ ждалъ, и Мижухевъ съ трудомъ отвѣтилъ:

— Что жъ. Я нахожу ихъ во многомъ справедливыми...

Онъ невольно мигнулъ и отвелъ глаза, потому что почувствовалъ, какъ враждебно насторожился Степанъ Ивановичъ. Онъ продолжалъ смотрѣть на брата испытующе и молчалъ долго, какъ-будто дѣлая надъ собой какое-то досадное усиліе.

— Да?.. Прекрасно... А скажи, пожалуйста, представляется ли тебѣ, что при современномъ положеніи рынка эти требованія для насъ разорительны?..

— Я не говорю объ этомъ...—съ усиліемъ выговорилъ Мижуевъ.—Я признаю ихъ справедливость и только, а выгодны они или невыгодны для насъ—это другое дѣло.

— Да... — сухо возразилъ Степанъ Ивановичъ. — Но мнѣ кажется, что именно объ этомъ и надо прежде всего подумать.

Мижуевъ вздохнулъ, какъ-будто на него навалилась до смерти надоѣвшая тяжесть, но сдержался и нарочито уступчивымъ голосомъ сказалъ:

— Да, конечно... Мнѣ только кажется, что и вопросъ о справедливости не лишній. Что-нибудь одно: или требованія не справедливы, и тогда о нихъ можно говорить только, какъ о борьбѣ... или они справедливы, и тогда надо подумать объ ихъ удовлетвореніи.

Онъ старался говорить спокойно и даже нарочно хотѣлъ не возбуждать спора, но пока говорилъ, вдругъ почувствовалъ знакомое, тяжкое раздраженіе. Онъ видѣлъ, какъ и всегда, что одни слова его брать слышитъ, а тѣ, которыми онъ самъ волнуется, скользятъ мимо его ушей, какъ что-то совсѣмъ ненужное, скучное и неразумное.

Степанъ Ивановичъ нѣкоторое время молчалъ и продолжалъ въ упоръ смотрѣть на него холоднымъ, чужимъ взглядомъ. Потомъ вздохнулъ, отвелъ глаза, постучалъ пальцами о край стола и сказалъ съ вынужденнымъ видомъ:

— Ну, ладно... Потомъ поговоримъ... Ты, вѣрно, усталъ съ дороги. Завтракалъ?

— Нѣтъ еще.

— Ну, такъ пойдемъ наверхъ, — сказалъ Степанъ Ивановичъ и тяжело поднялся съ мѣста.

Квартиру онъ занималъ небольшую, и странно было думать, что во всемъ громадномъ и роскошномъ домѣ только одинъ уголокъ принадлежитъ дѣйствительно ему, его отдыху, сну, его глазамъ и его тѣлу. Тамъ, вверху, внизу, по бокамъ, какъ пчелы въ ячейкахъ громаднаго

улья, жили и копошились чужіе, незнакомые люди, платили деньги, и многие не знали даже, каковъ изъ себя онъ, Степанъ Ивановичъ Мижухевъ? И даже, есть ли онъ или это только отвлеченный символъ.

Столовая холодно блестѣла лакированнымъ дубомъ и отъ бѣлой скатерти, бѣлой посуды и бѣлаго свѣта изъ оконъ казалась ледяной и мертвой.

— Ну, какъ ѣздилъ?..—спросилъ Степанъ Ивановичъ, усиленно кривя сухія губы и стараясь смотрѣть ласково, какъ ему и хотѣлось. Онъ любилъ брата и жалѣлъ, считая больнымъ и фантазеромъ.

— Недурно...

— Гдѣ же твоя Марія Сергѣевна?.. — улыбнулся Степанъ Ивановичъ, не глядя въ лицо Мижухеву.

— Осталась тамъ... пока...—проговорилъ Мижухевъ, и вдругъ что-то больно кольнуло въ его сердце. Представилась гдѣ-то тамъ, далеко-далеко, маленькая покинутая женщина, которую онъ любилъ, которая любила его и почему-то вдругъ оторвалась отъ его жизни навсегда; стала чужой, будто никогда они не любили другъ друга, не ласкали, не грѣли и не радовали больше всего на свѣтѣ.

И уже теперь не могъ понять Мижухевъ, почему такъ случилось. Все, что тогда казалось ужаснымъ и невыносимымъ, теперь было мелко и выдуманно, рисовалось какимъ-то мутнымъ, нелѣпымъ пятномъ, а между тѣмъ Мижухевъ чувствовалъ, что иначе не могло быть. Какъ всегда, онъ встряхнулся и, стараясь не замѣчать того, что ныло въ сердцѣ, сталъ рассказывать о югѣ и спрашивать о Москвѣ.

Братья сидѣли другъ противъ друга, тяжелые и громадные, казалось, давившіе полъ и все, что копошилось подъ нимъ, страшной тяжестью. Холодный бѣлый свѣтъ ярко блестѣлъ на паркетѣ и на эмали посуды; желтѣло, какъ золото, вино, и казалось, что среди сѣраго мокраго дня въ немъ одномъ сверкаетъ веселое солнце.

Стало теплѣе, и легче заговорилось. Мижухевъ скрестилъ руки на скатерти, а Степанъ Ивановичъ откинулся назадъ и рассказывалъ:

— Тутъ у меня случилась маленькая, непріятная исторія, а такъ какъ ты въ этихъ дѣлахъ опытнѣе меня,—Степанъ Ивановичъ неловко улыбнулся,—то я и хотѣлъ посовѣтоваться съ тобой.

Мижухевъ съ любопытствомъ поглядѣлъ на него.

— Видишь ли, къ намъ поступила кассиршей одна барышня, очень молодая и хорошенькая... Да ты ее увидишь, потому что я хотѣлъ попросить тебя съѣздить къ ней.

Степанъ Ивановичъ закурилъ сигару и, сморщивъ свои мѣшки, шурился сквозь дымъ. Ему, видимо, было неловко и чувствовалъ онъ себя смѣшнымъ.

Мижухевъ дѣйствительно глядѣлъ на него съ веселымъ изумленіемъ. Молоденькая и хорошенькая дѣвушка, не кокотка, не пѣвичка, такъ не вязалась съ Степаномъ Ивановичемъ, что, казалось, будто онъ шутитъ.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ Мижухевъ, стараясь не показать брату своего удивленія.

— Да, въ чемъ дѣло... Сошелся съ ней, вотъ и все!..—съ усиліемъ выговорилъ Степанъ Ивановичъ.

— Ну, такъ что жъ?

— Какъ тебѣ сказать?.. Ты знаешь, что я всю жизнь работалъ и романами не занимался... Но не могу не признать, что эта дѣвушка внесла въ мою жизнь нѣчто новое...

Маленькая, хорошенькая дѣвушка съ такимъ чистымъ и мягкимъ подбородкомъ, что невольно хотѣлось дотронуться и почувствовать теплоту его, представилась Мижухеву. Она, должно быть, звонко смѣялась, радостно и самоотверженно отдавалась всѣмъ своимъ молодымъ тѣломъ и не замѣчала, что у Степана Ивановича полысѣвшій черепъ, сухое лицо и дѣловая, одноцвѣтная душа. А, можетъ быть, замѣчала и старалась согрѣть и

развеселить его, передать ему свое молодое, веселое счастье.

— Она, должно быть, искренно привязалась ко мнѣ,—продолжалъ Степанъ Ивановичъ, все такъ же щу-ря глаза за облаками синяго дыма.—И, конечно, сейчасъ же начала меня передѣлывать въ социаль-демократа...

Степанъ Ивановичъ дѣланно засмѣялся, но что-то нѣж-ное дрогнуло въ его сухомъ смѣхѣ.

— Хм!.. — невольно усмѣхнулся Мижухевъ, и ему стало жаль этой маленькой наивной женщины.

— Ну, это все бы ничего... Но дѣло въ томъ, что она... какъ это... ну, въ инте... забеременѣла..:

— А!..—сказалъ Мижухевъ, и глаза у него стали мяг-ки и жалостливы.

— И чѣмъ дальше, тѣмъ больше я чувствую, что она занимаетъ въ моей жизни мѣсто, съ которымъ при-ходится считаться... Я начинаю бояться спорить съ ней, начинаю уступать, она мѣшается въ дѣла, сердится, тре-буетъ... Однимъ словомъ это пора прекратить!..—вдругъ перебилъ себя Степанъ Ивановичъ, и глаза его, начавшіе было оживать, стали вновь холодными и тусклыми.

— Отчего же прекратить?.. — осторожно и мягко спросилъ Мижухевъ.—Она тебѣ надоѣла?..

— Нѣтъ, какое надоѣла!—дернувшись лицомъ въ мгновенномъ и странномъ выраженіи возразилъ Степанъ Ивановичъ. — Напротивъ, я чувствую, что мнѣ будетъ скучновато безъ нея...

Онъ неожиданно замолчалъ на этой сухой и скупой фразѣ, но Мижухевъ съ теплымъ чувствомъ услышалъ за ней много больше и глубже.

— Такъ въ чемъ же дѣло?.. Ну, и живи съ ней по-прежнему.

— Къ сожалѣнію, она не изъ такого сорта... Она по-требуется или признанія ее передъ всѣми открыто, или... Но содержанкой такія не бываютъ...

— Ну, и признай, даже женись... Можетъ, будешь счастливъ!..

Мижухевъ опять невольно усмѣхнулся.

Но на этотъ разъ на лицѣ Степана Ивановича не мелькнуло симпатичное смущенное выраженіе. Оно осталось дѣловымъ и холоднымъ.

А Мижухевъ уже представилъ себѣ маленькую милую женщину, чистую молодую мать, отъ которой и отъ ребенка ея входитъ въ душу что-то, похожее на солнце и голубое радостное небо. Фигура Степана Ивановича, новая, живая и простая, согрѣтая этимъ солнцемъ, смутно нарисовалась ему. Но все сейчасъ же и пропало.

— Если бы я и женился, то уже навѣрное не на такой женщинѣ, которая садится на письменный столъ, дѣлаетъ тебѣ колпакъ изъ дѣловыхъ бумагъ, и плачетъ, и смѣется въ одно и то же время...

Мижухевъ представилъ себѣ брата въ бумажномъ колпакѣ и засмѣялся. Степанъ Ивановичъ неловко скривился и слегка отвернулся.

— Тебѣ смѣшно,—сказалъ онъ,—а мнѣ, право, не смѣшно... Я не могу простить себѣ такой глупости. Не надо было доводить до этого. А теперь вотъ приходится просить тебя, чтобы ты поѣхалъ объясниться съ нею... Можешь?..

Мижухевъ коротко и грустно пожалъ плечами. Ему вдругъ стало страшно жаль брата, жаль золотого счастья, которое какимъ-то чудомъ пришло къ его мертвой твердой душѣ и которое онъ самъ хотѣлъ оттолкнуть.

«Для чего?—спросилъ себя Мижухевъ:—чтобы опять сидѣть у себя въ конторѣ надъ счетами и векселями?.. Жить долго и скучно?.. Богъ знаетъ, для чего и зачѣмъ!..»

— Я могу, конечно... — сказалъ онъ:—но зачѣмъ?.. Быть можетъ, это можно какъ-нибудь иначе устроить?.. Развѣ это такъ необходимо?.. А можетъ быть...

Короткая странная судорога пробѣжала по желтому лицу Степана Ивановича, и Мижухевъ вдругъ понялъ, какая бесплодная и мучительная борьба уже была въ немъ,

и почувствовалъ, что она бесполезна, какъ бесполезна борьба жизни въ трупѣ. Холодное и тоскливое ощущение пустоты и безсилія охватило его.

— И притомъ,—вдругъ съ трудомъ заговорилъ Степанъ Ивановичъ:—неужели ты думаешь, что я не понимаю, что будь я не милліонеръ, не забавляй ее возможность передѣлать душу милліонера и тому подобное,—она могла бы полюбить меня?.. Кажется, для чего-чего, а для этого занятія я совсѣмъ неподходящій объектъ!

Степанъ Ивановичъ опять усмѣхнулся, и по этой повторяющейся кривой улыбкѣ Мижухевъ увидѣлъ, что брата мучаетъ и нестерпимо унижаетъ этотъ разговоръ.

— Почему же непременно—милліонеръ!—съ трудомъ проговорилъ онъ.

— Ну, это понятно...не глядя отвѣтилъ Степанъ Ивановичъ.

И, помолчавъ, прибавилъ:

— Поговоримъ о другомъ.

Что-то больное пробудилось въ душѣ Мижухева, и старая мысль шевельнулась, точно обрадованная змѣя. Образъ маленькой свѣтлой женщины потускнѣлъ и расплылся. Мижухевъ тяжело вздохнулъ, и глаза его взглянули такъ углубленно, какъ бываетъ у людей, обреченныхъ на смерть.

ХІІІ.

Когда Мижухевъ поѣхалъ къ Николаеву, былъ уже вечеръ, и выпалъ первый ранній снѣгъ, мѣстами размокшій въ водѣ, мѣстами, больше у заборовъ и въ скверахъ, удержавшійся бѣлыми нѣжными пятнами. Снѣгъ и вода, мѣшаясь, казались ярче и моложе; и вода чернѣе и снѣгъ бѣлѣе. Отъ этого и оттого, что пахло какимъ-то молодымъ свѣжимъ холодкомъ, и оттого, что во всѣхъ, уже невидимыхъ, церквахъ звонили ко всенощной и казалось, что вся Москва гудитъ и поетъ мѣднымъ многозвучнымъ голосомъ, — ощущение здоровья и бодрости радостной

волной прихлынули въ утомленную долгимъ разговоромъ съ братомъ голову Мижужева.

Отчаянные рысаки несли его вдоль черныхъ съ бѣлыми берегами прудовъ, въ которыхъ играли отражающіеся золотые огоньки, по улицамъ, въ колокольномъ гудѣ, среди непрерывно текущей съ обѣихъ сторонъ, теперь какъ-будто другой, оживленной и веселой толпы. И сердце Мижужева расширялось радостнымъ нетерпѣливымъ ожиданіемъ.

Онъ уже видѣлъ передъ собою Николаева, съ его широкоплечей энергичной фигурой, молодецкимъ задушевымъ голосомъ и буйными вихрами русыхъ волосъ. Предчувствовалась радость встрѣчи, оживленные вопросы и отвѣты, а потомъ задушевный, «настоящій» разговоръ, въ которомъ, наконецъ, выскажется и растопится многое тяжелое и больное. Мижуевъ даже смотрѣть сталъ веселѣе и почувствовалъ себя такимъ большимъ и сильнымъ, какимъ давно уже не бывалъ.

Непріятно поразило его только то, что въ передней квартиры Николаева висѣли пальто и шляпы, а за дверьми въ залъ слышался нарядно красивый женскій голосъ, съ блескомъ пѣвшій оперную арію. Звенѣлъ и сверкалъ рояль, а изъ щелей двери тянуло пахучимъ сигарнымъ дымомъ и женскими духами. Мижуевъ даже остановился. Онъ какъ-то совсѣмъ выпустилъ изъ виду, что теперь Николаева трудно застать одного, а слѣдовательно, можетъ быть, и не будетъ ни той встрѣчи, ни тѣхъ разговоровъ, ожиданіе которыхъ наполняло его душу радостнымъ волненіемъ. Но въ это время дверь порывисто распахнулась, и, крупно шагая, веселый и открытый, въ синей рубахѣ и шароварахъ, похожій на удалого волжскаго ушкуйника, вошелъ Николаевъ.

— Федя!.. А!.. Здравствуй, голубчикъ!.. Гдѣ жъ ты пропадалъ столько времени?..—закричалъ онъ чуть не на весь домъ, крѣпко хватая его за руку.—Ты что жъ это такой желтый?

Они поцѣловались, и Мижухевъ поцѣловалъ эти крѣпкія добрыя губы съ такимъ трогательнымъ удовольствіемъ, съ какимъ никогда не цѣловалъ женщинъ.

— А ты все тотъ же!—влюбленно глядя, сказалъ онъ.

Когда они входили въ залъ, Мижухевъ тихо спросилъ:

— У тебя много народу?.. Хотѣлось бы поболтать, чтобъ никто не мѣшалъ...

— Наплевать!.. — безшабашно отвѣтилъ Николаевъ.—Не обращай вниманія!.. Ихъ теперь ко мнѣ всегда чортова тьма лѣзетъ. Я привыкъ уже... Ничего, братъ, не подѣлаешь: знаменитостью сталъ.

— Ну, и слава Богу! — съ громаднымъ удовольствіемъ сказалъ Мижухевъ, нѣжно глядя на него съ высоты своего массивнаго тѣла, рядомъ съ которымъ широкоплечій Николаевъ казался изящнымъ.

Мижухевъ вошелъ въ залъ взволнованный до глубины души близостью этого добраго, веселаго, размашистаго человѣка, который если любилъ его, то ужъ дѣйствительно за самого него.

Отъ рояли навстрѣчу имъ пошла высокая и гибкая, какъ красивая змѣя, женщина въ черномъ платьѣ и съ сѣрыми кокетливыми глазами актрисы.

— Вотъ, Лидія,—громко и весело объявилъ Николаевъ:—это тебѣ мой Мижухевъ!.. Смотри, какой здоровенный миллионеръ!

Мижухевъ засмѣялся, засмѣялась и красивая женщина съ сѣрыми глазами. Засмѣялись и ея глаза, но ихъ смѣхъ не понравился Мижухеву.

— Ахъ, очень рада!..—сказала она звучнымъ голосомъ пѣвицы и протянула бѣлую пышную руку, открытую до локтя.

Потомъ представила его своимъ гостямъ. Ихъ было много, но всѣ показались Мижухеву на одно лицо: черезчуръ пріязненное, съ ослабленными зубами и скрытымъ любопытствомъ въ глазахъ. Это было то самое лицо, которое всю жизнь преслѣдовало Мижухева и которое онъ

ненавидѣлъ. Но на этотъ разъ онъ былъ такъ радостно взволнованъ встрѣчей съ Николаевымъ, что не обратилъ на нихъ никакого вниманія.

— Ну, господа! — сказалъ Николаевъ, останавливаясь посреди зала:—Вы тутъ себѣ пойте, кричите, талцуйте, что хотите... а мы съ нимъ пойдемъ потолкуемъ!.. Лидія, можно?

— Ахъ, Боже мой, конечно!—вычурно красиво подняла обѣ руки женщина съ сѣрыми глазами.—Идите, идите, я пришлю вамъ чай.

Въ кабинетѣ Николаева Мижухевъ сѣлъ на широкій турецкій диванъ и радостно обвелъ глазами комнату. Она была все та же: тѣ же книги, бумаги, кучами наваленныя вездѣ,—на полу, въ шкафахъ, на столѣ, котораго совсѣмъ не видно было за ними. И ничего, кромѣ кожанаго дивана, не говорило о комфортѣ, умѣстномъ въ кабинетѣ знаменитаго писателя. Мижухевъ вспомнилъ, что такой же беспорядокъ и хламъ былъ и въ комнатѣ никому неизвѣстнаго студента Николаева. Да и самъ онъ остался такимъ же, только чуть-чуть пополнѣлъ.

Разговоръ начался такъ просто и сразу интересно, какъ все, что начиналъ Николаевъ. И когда черезъ пять минутъ Мижухевъ сидѣлъ на диванѣ и ласково слѣдилъ за шатавшимся по комнатѣ Николаевымъ, тому было извѣстно все: и разрывъ съ Маріей Сергѣевной, и столкновение съ братомъ, и путешествія за-границей, съ ея отелями, театрами и музеями, и та тупая мертвая тоска, которою страдалъ Мижухевъ уже такъ давно.

— Я не понимаю тебя,—сердито и въ то же время любовно говорилъ Николаевъ, размахисто шагая изъ угла въ уголъ: то же самое переживаю и я... Прошло то время, когда люди шли ко мнѣ такъ просто, потому, что имъ нравилось то, что я говорилъ и дѣлалъ. Теперь всякій, кто ко мнѣ подходитъ, преисполняется уваженіемъ къ знаменитому писателю! И, пожалуй, иногда это пріятно. Но, во-первыхъ, это законъ человѣческой при-

роды: человекъ по природѣ рабъ, а, во-вторыхъ, всегда найдутся люди, которые подойдутъ прямо, съ открытой душой.

— У тебя—дѣло другое...—немного грустно возразилъ Мижухевъ:—Ты знаменитый, но ты прежде всего—писатель, то-есть человекъ, который покоришь людей и тянетъ ихъ къ себѣ силой своей собственной души. Если бы я зналъ, что на Руси столько молодыхъ людей и молоденькихъ дѣвушекъ, которые за счастье сочли бы не то что поговорить, а просто посмотрѣть на меня, мнѣ казалось бы, что я весь подхваченъ ихъ молодой волной, и былъ бы, пожалуй, прямо-таки счастливъ.

— Зато есть много людей, которымъ ты помогаешь...

— Это не то...—съ грустной улыбкой покачалъ тяжелой головой Мижухевъ.—Я вѣдь не самъ творю эти деньги, въ концѣ-концовъ, это ихъ же деньги, и я знаю, что тѣ, кому я даю мало,—ненавидятъ меня, тѣ, кому даю много,—сердятся, что не больше, и всѣ съ тайной враждой смотрятъ на все хорошее, что я могу получить самъ черезъ свои деньги. Имъ кажется, что я краду, трачу ихъ добро, ихъ счастье...

Трагическая нотка прозвучала въ голосѣ Мижухева. Николаевъ остановился посреди кабинета и задумался. Лицо его стало серьезно и углубленно.

— Это, пожалуй, правда, а все-таки ты не правъ!—встряхнуль онъ волосами, точно нашелъ то, что чуть было не потерялъ.

И онъ сталъ напоминать Мижухеву о томъ, что онъ могъ бы свои богатства, такъ или иначе уже попавшія ему въ руки, крѣпко зажать въ кулакъ. Правъ или не правъ миллионеръ, скопляющій у себя трудъ массы, но миллионеры существуютъ, и люди не убиваютъ ихъ, напротивъ, даже подчиняются имъ, и во власти каждаго миллионера сдѣлать съ своими миллионами и величайшее зло и благо. Мижухевъ избралъ послѣднее, и это не могутъ не понимать сознательные люди.

Николаевъ страшно оживился, заблестѣлъ глазами, улыбаясь широко и радостно. Мижухевъ сидѣлъ на диванѣ, влажными глазами смотрѣлъ на него и чувствовалъ, какъ что-то теплое вырастаетъ въ немъ, а впереди свѣтаетъ надежда на иной свѣтлый день. Онъ потерялъ свой всегдашній, напряженно неадоровый видъ и сталъ такой добродушный, немного забавный, какъ добрый медвѣдь.

— У тебя въ рукахъ почти десять тысячъ рабочихъ,—съ яркимъ чувствомъ, отъ котораго, видимо, загоралась вся душа его, говорилъ Николаевъ, машинально стараясь заглушить голосомъ звуки рояля и бурныхъ колоратуръ блестящаго женскаго сопрано, долетавшихъ изъ зала.

— У нихъ хозяинъ не одинъ: твой братъ владѣеть ими такъ же, какъ и ты. Отчего же онъ не дѣлаетъ того же, что и ты... или отчего ты не дѣлаешь того, что онъ?.. Вѣдь каждую копейку, которую ты отдаешь рабочимъ, ты отдаешь добровольно... Заставить тебя никто не можетъ! И ты думаешь, что рабочій этого не знаетъ!.. Они знаютъ больше, чѣмъ мы съ тобой!..

Мижухевъ наивно и довѣрчиво смотрѣлъ ему въ лицо.

— Ты знаешь, когда прошла вѣсть о твоёмъ самоубійствѣ, рабочіе не хотѣли вѣрить этому... Мнѣ самому одинъ старый рабочій со слезами говорилъ: «Это быть не можетъ.. такой человѣкъ на себя руки не наложитъ. Это онъ отъ враговъ скрывается, а время придетъ, онъ объявится и покажетъ себя!..» Вотъ!..—невольно вскрикнулъ Николаевъ и блеснулъ глазами въ такомъ восторгѣ, точно увидѣлъ передъ собой великое и святое дѣло.

Мижухевъ почувствовалъ, какъ задрожали у него руки и ноги отъ глубочайшей радости и почти непереносимаго подъема.

Передъ нимъ вдругъ показались необозримыя толпы этихъ черныхъ, замученныхъ, голодныхъ рабочихъ, и онъ увидѣлъ море ихъ глазъ, довѣрчиво и открыто

глядящихъ на него. Увидѣлъ самого себя, не такого тяжелаго и мрачнаго человѣка, какимъ былъ, а, бодрата, дѣятельнаго, смѣло и твердо идущаго къ своей цѣли.

Скользнула острая, какъ иглока, мысль о личной погибшей жизни, но она потонула въ яркомъ наплывѣ могучаго чувства.

— Ахъ, братъ... — дрогнувшимъ голосомъ сказалъ онъ:—Недаромъ я такъ долго думалъ о тебѣ и такъ ждалъ этой встрѣчи!..

Николаевъ, все еще блестя глазами и какъ-будто прислушиваясь къ чему-то внутри себя, блаженно и весело улыбнулся.

Они долго молчали, каждый полный своими большими думами. А за дверью гремѣлъ и разливался могучій блестящій голосъ. Казалось, это и не женщина гѣла.

За ужиномъ въ свѣтлой и шикарной столовой за столомъ, уставленнымъ блестящими бутылками и живыми цвѣтами, Мижуевъ и Николаевъ были веселы и оживленны какъ никогда. Всѣ остальные сидѣли молча и благоговѣнно слушали ихъ.

Николаевъ началъ рассказывать Мижуеву о своей идеѣ новаго яркаго журнала, въ которомъ хотѣлъ соединить всѣ лучшія молодая силы. Онъ предложилъ Мижуеву дать денегъ на это дѣло, и Мижуевъ радостно согласился.

Ему все казалось теперь прекраснымъ, добрымъ и живымъ. Все наполнялъ и оживлялъ Николаевъ, и Мижуевъ не спускалъ съ него глазъ.

Жена Николаева, знаменитая гѣвица, женщина съ сѣрыми глазами актрисы, ухаживала за ними обоими и вилась вокругъ Николаева, какъ-будто обволакивая его лаской, заботами и красотой своей.

«А она искренно любить его, кажется!»—подумалъ Мижуевъ, чувствуя уже къ ней теплое дружеское влеченіе.—«Какими людьми онъ умѣетъ окружать себя. Не

то что я!»—съ горькой внутренней усмѣшкой вздохнулъ онъ.

— А что, Сергѣй Петровичъ,—обратился къ Николаеву господинъ съ угодливымъ влажнымъ взглядомъ еврейскихъ глазъ:—думаете ли вы обратиться съ приглашеніемъ въ вашу «Живую Мысль» къ Четыреву?

— Тамъ видно будетъ,—отвѣтилъ Николаевъ мелькомъ, и по лицу его скользнула непріятная тѣнь.

И Мижухевъ замѣтилъ, что послѣ этого наступила минутная тишина, а по сѣрымъ глазамъ женщины въ черномъ платьѣ, своими бѣлыми руками раздававшей блюдо, промелькнуло враждебное острое выраженіе.

«Неужели онъ боится Четырева?»—съ страшнымъ изумленіемъ подумалъ Мижухевъ.

Онъ зналъ, что Четырева многіе считаютъ выше Николаева, но никогда не могъ бы допустить мысли, что для Николаева это можетъ имѣть какое-либо значеніе. Ему мучительно была мысль о зависти и недоброжелательствѣ къ сопернику у Николаева, и Мижухевъ постарался себя самого упрекнуть за нее. Но въ эту минуту онъ встрѣтился взглядомъ съ сѣрыми глазами, тревожно и хищно смотрѣвшими на Николаева, и машинально подумалъ:

«А вѣдь она любитъ Николаева только потому, что онъ знаменитъ...»

Эта неожиданная мысль больно рѣзнула его по сердцу. Но сѣрые глаза уже были прозрачны, ласковы и непроницаемы, а Николаевъ попрежнему шутилъ, смѣялся и говорилъ горячо и бурно.

Но прежнее настроеніе не вернулось уже къ Мижуху и, когда рысаки опять понесли его по опустѣвшимъ улицамъ спящей громадной Москвы, Мижухевъ угрюмыми глазами слѣдилъ за темными, колеблющимися въ фонарномъ свѣтѣ и вѣтрѣ, фигурками уличныхъ женщинъ, одиноко чернѣющихъ на тротуарахъ, а въ душѣ его тяжело и громадно ворочалась больная зловѣщая мысль.

XIV.

На бѣломъ снѣгу и приземистыя закопченныя зданія завода, и черныя трубы, и заборы, и самая толпа, буйно шевелящаяся на заводскомъ дворѣ и на ближайшихъ улицахъ, казались черно-грязными, точно вываленными въ мокрой сажѣ и грязи.

Заводъ былъ въ рукахъ забастовочнаго комитета. Онъ такъ же, какъ и дворъ, казалось, былъ весь живой и шевелящійся отъ сплошной массы головъ, красныхъ, возбужденныхъ лицъ и машущихъ рукъ. Вызванные дирекціей войска и полиція выстроились правильными сѣрыми и черными линіями въ обоихъ концахъ улицы, и видно было издали, какъ лошади безпокойно махали головами, да прохаживались по снѣгу сѣрые офицеры.

Свободнымъ оставался только проходъ съ Москвы рѣки, и оттуда непрерывной разрозненной толпой все подходили и подходили рабочіе.

Мижухевъ, вызванный по телефону, пріѣхалъ на пролеткѣ въ одну лошадь и прямо влетѣлъ во дворъ. Онъ былъ блѣденъ, и губы у него дрожали. Разбудили его совершенно неожиданно, и онъ еще не успѣлъ сообразить: что дѣлать? Одно онъ чувствовалъ: энергичное желаніе все уладить и вѣру въ то, что это ему удастся. Онъ понималъ, что если возможно подвѣствовать на рабочихъ, то только одинъ онъ можетъ это сдѣлать. И чувство тревожнаго нервнаго возбужденія смѣшивалось въ немъ съ увѣренностью, что рабочіе его слушаются, и ему удастся предотвратить готовящійся ужасъ разгрома.

Еще издали онъ услышалъ нарастающій многоголосый ропотъ, прерываемый отдѣльными рѣзкими вскриками, а когда рысакъ сразмаху завернулъ въ ворота, страшный шумъ оглушилъ его. Онъ торопливо оглянулъ

черную массу головъ и красныя стѣны зданія, изъ каждаго окна котораго выглядывали и махали руками, и, поднявшись на пролеткѣ, заскрипѣвшей подъ его тяжестью, тяжело спустился внизъ.

При его появленіи шумъ вдругъ упалъ, и только въ дальнихъ рядахъ слышался глухой ропотъ и отдѣльные выкрики. Изъ оконъ дирекціи тоже увидѣли его, и между двумя городовыми, стоявшими на крыльцѣ, показался блѣдный и растерянный директоръ Шанцъ.

Внезапный порывъ охватилъ Мижучева, онъ быстро вошелъ на крыльцо и, снявъ шапку, махнулъ ею. Наступила тишина, множество красныхъ и внимательныхъ, молодыхъ, старыхъ лицъ молча смотрѣло на него. Слышно было только, какъ въ заднихъ рядахъ и на улицѣ что-то роптало, падая и поднимаясь, какъ прибой.

— Господа!..—закричалъ Мижучевъ громко и бодро, чувствуя, что его будутъ слушать.—Я только что пріѣхалъ и дѣлю знаю только въ общихъ чертахъ!.. Сейчасъ я отправляюсь для переговоровъ съ остальными хозяевами и дирекціей и прошу васъ до окончанія этихъ переговоровъ не приступать ни къ какимъ дѣйствіямъ... Вы мнѣ вѣрите?.. Да? Согласны?

Еще раньше, чѣмъ разразился громовый крикъ согласія толпы, далеко, въ третьемъ этажѣ фабрики кто-то махнулъ бѣлымъ, и Мижучевъ, не успѣвъ рассмотреть, кто это, какимъ-то инстинктомъ понялъ, что это привѣтствуютъ его, и сердце стало у него теплымъ и радостнымъ, полнымъ бурнаго желанія сдѣлать все... Для нихъ...

Онъ быстро вошелъ въ домъ, унося въ ушахъ тысяче-голосый взрывъ и воспоминаніе о сотняхъ измѣнившихся, привѣтливыхъ и оживленныхъ лицъ.

А первое лицо, бросившееся ему въ глаза, когда онъ вошелъ въ контору, было лысоватое обрюзглое лицо Степана Ивановича, сидѣвшаго за столомъ. На этомъ лицѣ было странное выраженіе не то вражды, не то доса-

ды, не то насмѣшки. Онъ почти не взглянулъ на брата. И это выраженіе приковало къ себѣ Мижучева. Онъ почти не замѣтилъ другихъ и прямо подошелъ къ брату. Степанъ Ивановичъ поднялъ холодные глаза.

— Ну, что жъ ты теперь скажешь?..—тонкимъ голосомъ спросилъ онъ.

— Какъ что?.. — молодое и крѣпко возразилъ Мижучевъ:—Я вижу, что все можно уладить, и если вы предоставите мнѣ свободу, то къ вечеру заводъ пойдетъ!..

Онъ ясно и смѣло смотрѣлъ въ глаза брату, но глазки Степана Ивановича оставались холодны и даже какъ-будто злобны.

— Конечно!..—неискренно сказалъ онъ:—Если къ вечеру мы будемъ разорены, то заводъ пойдетъ... на три дня...

Мижучевъ оглянулся. Всѣ пять человѣкъ, бывшіе въ комнатѣ, смотрѣли на него молча, и на всѣхъ лицахъ было то же враждебное и на что-то рѣшившееся выраженіе. Онъ почувствовалъ себя одинокимъ среди нихъ, и это вызвало въ немъ самое упрямое раздраженіе.

«Теперь мы—враги!..» — подумалъ онъ, мелькомъ взглянувъ на брата. — «Ну, ладно... Посмотримъ, чья возьметъ!»

— Почему же разорены?.. — вадернулъ онъ головой:—Не думаешь ли ты увѣрить меня, что прибавка двадцати процентовъ унесетъ нашъ милліонный дивидендъ?.. Полно, братъ!..

Мижучевъ горько махнулъ рукой.

Было тяжело сознать врага въ братѣ, котораго онъ всегда любилъ и жалѣлъ.

— Тутъ дѣло не въ двадцати процентахъ!..—сухо и не глядя, отвѣчалъ Степанъ Ивановичъ:—Двадцать процентовъ не разорятъ завода, хотя и тяжело лягутъ на него при теперешнемъ положеніи дѣлъ. Но гдѣ гарантія, что за двадцатую не послѣдуетъ сорокъ, пятьдесятъ?.. Не-

ужели ты думаешь, что имъ нужно именно двадцать процентовъ прибавки?.. Это смѣшно! — Степанъ Ивановичъ злобно искривилъ лицо. — Эти двадцать копѣекъ на рубль для нихъ только лишняя бутылка водки!.. Дѣло не въ двадцати копѣйкахъ, а въ непримиримой требовательности людей, вѣрящихъ, что мы — паразиты, а весь заводъ, — всѣ деньги, сто процентовъ, а не двадцать, не сорокъ, все принадлежитъ имъ, и они должны вырвать свое, выбросивъ насъ къ чорту на улицу!

Голосъ Степана Ивановича поднялся тонкій и злобный и свистнулъ на послѣдней нотѣ, какъ собачій визгъ. Мижухевъ смотрѣлъ на него растерянно и возмущенно.

— Какое ты имѣешь право говорить такъ?.. — тихо сказалъ онъ: — Люди умираютъ съ голоду, бьются въ тяжелой работѣ, какой ты не вынесъ бы и два дня, а ты говоришь объ ихъ пьянствѣ, о бутылкахъ водки. Не мы ли прощемъ больше?.. Полно, братъ!.. А я утверждаю, что если теперь, въ настоящую минуту, дать имъ то, что необходимо для нихъ, они пойдутъ на работу, даже не мечтая о большемъ. Потому что они лучше насъ понимаютъ, что не мы создатели этого неравенства, безобразнаго и несправедливаго, и не на насъ обращаютъ свою вражду.

Степанъ Ивановичъ съ недобрымъ раздраженіемъ качнулъ головой, точно услышалъ глупыя и вредныя слова, но промолчалъ. И это молчаніе, это упрямое сухое сопротивление тому, что казалось Мижухеву такимъ простымъ и правильнымъ, озлобило его.

— Ну, что жъ.. Ну не дай, вытолкай ихъ депутатовъ... Они разнесутъ твой заводъ по камешку!.. И пусть... я буду радъ, что это проклятіе будетъ стерто съ лица земли!

Степанъ Ивановичъ криво усмѣхнулся и усмѣшка была такъ зла и презрительна, что Мижухевъ поблѣднѣлъ.

— Все это фразы... — скупно процѣдилъ Степанъ Ивановичъ: — Разносить имъ не дадутъ войска, а «прокля-

тіемъ» этимъ ты, слава Богу, пользовался не меньше меня!.. Эхъ!..

— Войска?..—глухо спросилъ Мижуевъ, чувствуя страшную ненависть къ брату и ясно ощущая, что и тотъ ненавидитъ его.—Мы будемъ стрѣлять въ голодныхъ и правыхъ людей?..Да ты понимаешь ли, о чемъ говоришь?..

— Я все понимаю. Не я содалъ заводы, не я содалъ рабочихъ. Я очень радъ, что когда-нибудь не будетъ ни того, ни другого, но пока что, заводъ принадлежитъ намъ, а не имъ, и если они тронуть хоть одинъ камешекъ, я разнесу ихъ, какъ бѣшеныхъ собакъ!.. Вотъ!

И Степанъ Ивановичъ всталъ, громадный и тяжелый, какъ камень. На его широкомъ черепѣ тускло блеснулъ синій свѣтъ зимняго дня.

— А я не позволю!..—хрипло крикнулъ Мижуевъ.—И если ты будешь стрѣлять, я стану съ ними. Посмотримъ, хватитъ ли у тебя силы тогда...

Степанъ Ивановичъ отвернулся.

— Это твое дѣло!..—глухо проговорилъ онъ и отошелъ къ окну.

Мижуевъ долго стоялъ на томъ же мѣстѣ и чувствовалъ, какъ мучительно дрожать его руки и ноги и бьется сердце.

— Федоръ Ивановичъ!.. — необыкновенно мягко и вкрадчиво заговорилъ у его локтя Шанцъ, и Мижуевъ увидѣлъ передъ собою его острую лисиную мордочку.—Мнѣ кажется, что вы слишкомъ волнуетесь и преувеличиваете положеніе дѣла. Вѣдь въ концѣ-концовъ, мы всѣ понимаемъ, что безъ уступокъ невозможно. Степанъ Ивановичъ, конечно, согласится съ этимъ... Да-съ. Но дѣло въ уступкахъ. Насколько я могъ судить по предыдущимъ совѣщаніямъ нашимъ, вы стоите за полное удовлетвореніе всѣхъ требованій. Это же невозможно, Федоръ Ивановичъ!

Онъ ласково тронулъ его сухой локоть и заглянулъ въ глаза неискренне доброжелательнымъ взоромъ. Мижухевъ отвернулся.

— Извольте взглянуть,—скромно и настойчиво продолжалъ Шанцъ, какъ-будто не замѣтивъ движенія Мижухева, и рукой слегка приглашая его къ столу.—Вотъ я познакомлю васъ сейчасъ съ цифрами, и вы сами увидите, что можно и чего нельзя сдѣлать...

Его ласковый липкій голосъ былъ такъ настойчивъ, что Мижухевъ невольно сѣлъ къ столу и сталъ угрюмо и внимательно слушать.

— Вотъ начнемъ съ существующей расцѣнки...— началъ вкрадчивымъ голосомъ Шанцъ и необыкновенно ловко сталъ излагать Мижухеву сложную сухую систему. Началъ онъ съ того, что показалъ, что положеніе рабочихъ ихъ завода во многомъ лучше положенія рабочихъ этого района вообще. Ловко и кстати онъ упомянулъ о крупныхъ затратахъ на школы, больницы и театръ, на правильную, образцовую даже, постановку потребительнаго магазина. Потомъ раскрылъ полную картину рынка и колоссальную сумму убытковъ, уже перенесенныхъ заводомъ въ прошлую забастовку.

— А между тѣмъ, рабочіе не желаютъ помнить, что эта забастовка была вызвана не нами, а политикой правительства...—какъ бы вскользь замѣтилъ онъ, жестикулируя только кончиками своихъ холодныхъ, костлявыхъ пальцевъ.

Затѣмъ онъ раскрылъ цѣлую грудку аккуратныхъ книгъ, по которымъ стало видно, что введеніе новыхъ машинъ сократило трудъ, увеличило производство и, такимъ образомъ, уже увеличило заработокъ почти въ полтора раза. Если бы полгода тому назадъ поднялся вопросъ о повышеніи платы, и заводъ пошелъ бы на уступки, то и тогда они получали бы на тридцать процентовъ менѣе, чѣмъ теперь. Такимъ образомъ, они спѣшатъ съ новой набавкой, не вызываемой дѣйствитель-

нымъ положеніемъ дѣла, и лишаютъ заводъ возможности приступить къ новымъ расширеніямъ, которыя повели бы къ улучшенію ихъ же собственнаго быта.

И передъ глазами Мижучева туманно и громадно стала разворачиваться картина заколдованнаго круга. Нарисовались безконечныя крыши заводовъ, миллионы трубъ, охватившихъ весь земной шаръ, миллиарды рабочихъ, голодными толпами копошащихся отсюда и до края земли. И стало понятно, что если даже они и разорятся, если они отдадутъ рабочимъ все, то и тогда ничто не измѣнится. Лопнетъ одно звено этого ужаснаго звѣря, лопнетъ ихъ заводъ, настанетъ тяжкая безработица, голодные толпы повалятся на другіе заводы, и тамъ понизятъ плату своимъ предложеніемъ труда во что бы то ни стало.

А директоръ Шанцъ все говорилъ и говорилъ, ловко и быстро спутывая новыя звенья страшной логики. Кончики его мертвыхъ пальцевъ, какъ щупальцы паучка, шевелились передъ Мижучевымъ, и тотъ съ ужасомъ чувствовалъ, что ничего не можетъ сдѣлать, ничего возразить и, слѣдовательно, долженъ согласиться съ тѣмъ, противъ чего возстаетъ вся душа его.

Смутно онъ видѣлъ, что причина этого лежитъ въ томъ противорѣчїи, которое лежитъ въ немъ самомъ: одно возможное, святое рѣшеніе заключалось въ томъ, чтобы правда оставалась правдой, и если для удовлетворенія ея надо разориться—разориться!.. Что будетъ потомъ—дѣло другое!.. Другіе найдутъ, что сдѣлать дальше, а его дѣло—провести свою правду до конца.

Но туманомъ затягивало эту простую и ясную мысль: много лѣтъ онъ уже привыкъ видѣть въ точности этихъ цифръ неизбежный законъ, какую-то другую правду. И теперь мозгъ его, ясный и твердый, передъ желѣзной логикой путался, слабѣлъ и сбивался. Мижучевъ самъ не замѣчалъ уже, что спорить не о справедливости, не о правдѣ, а о томъ, вѣрно ли, что можно

спустить двадцать процентов, или возможно только десять.

За окнами, потрясая ихъ мутныя стекла, что-то рокотало и роптало, какъ отдаленный водопадъ, и по временамъ разсыпалось рѣзкими острыми вскриками.

А Шанцъ все говорилъ и говорилъ и все сыпалъ цифрами, точно высыпалъ изъ безконечнаго мѣшка какихъ-то злыхъ неодолимыхъ уродцевъ, которые путали по рукамъ и ногамъ, залѣзали въ голову и возбуждали тамъ тяжелое чувство полного безсилія передъ силой вещей.

— Пойми же, — вмѣшался Степанъ Ивановичъ уже болѣе спокойнымъ голосомъ: — тутъ не можетъ быть середины. На десять процентовъ они не пойдутъ. Рѣчь шла о тридцати, десять сброшены, депутаты уступили, а десять!..

Мижухевъ поднималъ на него смутные, усталые глаза.

— Надо уступить или все, — опираясь на столъ, говорилъ Степанъ Ивановичъ, — или ничего... Ничего, чтобы послѣ неизбежнаго разгрома имѣть возможность успокоить ихъ же самихъ самостоятельной надбавкой...

— А пока?.. — блѣднѣя спросилъ Мижухевъ.

— А пока...

Степанъ Ивановичъ быстро отвелъ глаза и, скрестивъ пальцы, похрустѣлъ ими.

— Нѣтъ!.. — крикнулъ Мижухевъ, вставая во весь свой громадный ростъ. — Я не могу... не могу допустить, чтобы убивали людей за то, что они голодны, за то, что наши интересы не ихъ интересы...

— Тогда выйди къ нимъ и предложи имъ свои условия, — развелъ руками Степанъ Ивановичъ.

Мижухевъ постоялъ молча, глядя въ полъ. Ему страстно захотѣлось, чтобы тутъ появился Николаевъ. Казалось, что вдвоемъ они сумѣли бы разорвать заколдованный кругъ.

— Я и пойду... лучше ужъ это, чѣмъ...—выговорилъ онъ, и голосъ его болѣзненно сорвался.

— Что жъ, какъ хочешь...—развелъ руками Степанъ Ивановичъ.—Можетъ, тебѣ и удастся, но... я долженъ предупредить тебя, что ты сильно рискуешь...

— Чѣмъ?

— Ты примешь на себя всю ихъ злобу... Вѣдь эти твои рабочіе, за которыхъ ты такъ стоишь, въ одну минуту забудутъ твои хлопоты за нихъ, и стоитъ только тебѣ оказаться противъ нихъ, они возненавидятъ тебя больше, чѣмъ кого бы то ни было, именно за то, что ты уже сдѣлалъ имъ и что они вѣрили въ тебя!

Мижухевъ молча смотрѣлъ на него.

— Слушай, Федя!..—ласково началъ Степанъ Ивановичъ:—Неужели ты думаешь, что мнѣ самому не тяжело?.. Но ты рискуешь самымъ серьезнымъ образомъ... Оставь... я тебя прошу!..

Мижухевъ долго стоялъ на мѣстѣ, потомъ круто повернулся и пошелъ вонъ. Онъ почувствовалъ, что если онъ не выйдетъ, то... и представились ему трескъ выстрѣловъ, крики и кровь. Онъ потрянулъ тяжелой головой и съ глухимъ, мертвымъ чувствомъ въ груди, какъ бы принимая на одного себя какой-то тяжкій крестъ, вышелъ на крыльцо.

Шумъ и бѣлый свѣтъ охватили его. Тысячи лицъ повернулись къ нему выжидательно и многія почти весело. Онъ началъ говорить.

И то, что произошло потомъ, было похоже на внезапно налетѣвшій смертъ. Какъ-будто онъ не слышалъ своихъ первыхъ словъ, но сразу увидѣлъ, какъ страшно и быстро измѣнились лица вокругъ. Мгновенно исчезло выраженіе довѣрія и веселья, и лица стали другими. Мижухевъ почувствовалъ это и сталъ вдругъ одинокимъ въ этой громадной толпѣ. Сталъ одинокимъ и чужимъ ей. Онъ попытался выкарабкаться изъ пустоты, въ которую пошелъ, но слова уже были безсильны. Связь, ка-

завшаяся такой искренней и прочной, разорвалась въ одно мгновеніе, какъ-будто ее не было никогда. И передъ Мижухевымъ стояли одни враги.

Потомъ онъ помнилъ, какъ сталъ возражать знакомый ему токарь, маленькій, черный мужчина съ пронзительными глазами.

— Довольно обмановъ!..—кричалъ онъ:—Вы обнаружили свое настоящее лицо... Между вами и милліонами людей, которые вамъ вѣрили и ждали отъ васъ справедливости, стоятъ ваши милліоны рублей!.. Мы требуемъ своего!.. Стрѣляйте въ насъ, стрѣляйте!.. Дѣлайте свое дѣло!.. Палачи!

Мижухевъ блѣдный, какъ смерть, попробовалъ говорить, но уже не зналъ, что сказать, и вдругъ почувствовалъ страхъ, какъ-будто во снѣ упалъ въ страшную пропасть.

Кто-то схватилъ его за руку, онъ инстинктивно оттолкнулъ и хотѣлъ повысить голосъ, но это движеніе приняли за угрозу. Кто-то еще крѣпче схватилъ его за рукавъ, потомъ за грудь, комокъ снѣга рѣзко ударился въ глазъ, и въ страшномъ ревѣ, растерянный и блѣдный, какъ смерть, Мижухевъ скрылся въ толпѣ. Инстинктивно онъ вырвалъ правую руку и со всей своей страшной силой ударилъ кого-то по головѣ. На мгновеніе передъ нимъ образовалось пустое пространство, и онъ увидѣлъ въѣжающихъ во дворъ красноголовыхъ солдатъ и нагайки въ воздухѣ. Въ страшномъ ужасѣ онъ бросился къ нимъ навстрѣчу, но сзади бросились на него, навалились, и онъ упалъ внизъ, увлекая за собой черненькаго токаря съ разбитой, красной головой.

XV.

Востокъ, омытый и сіяющій, радостно выходилъ изъ моря, все ярче и выше охватывая голубое небо, проснувшееся и загорѣвшееся огнемъ торопливыхъ тучекъ. Чув-

ствовалось, что еще немного, и изъ-за края земли ослѣпительно улыбнется великое веселое солнце.

Но водная даль еще спала. Холодные зеленые волны сонно облизывали борта парохода, и дремотный холодокъ утренней тѣни лежалъ на морѣ и еще синихъ, пустынныхъ склонахъ тяжелыхъ горъ. Только высоко-высоко надъ моремъ, остроконечныя вершинки, со своей счастливой высоты уже увидѣвшія солнце, ярко, какъ языки краснаго, розоваго и золотого пламени, горѣли въ голубомъ небѣ.

Мижухевъ тяжело вылезъ на палубу и оглянулся кругомъ усталыми, горящими отъ безсонной ночи глазами.

На пароходѣ еще спали. Два-три матроса швабрами мыли и терли мокрую блестящую палубу, да изъ трюма доносился неопредѣленный пробуждающійся шумъ. Пароходъ глухо и мѣрно стучалъ, незамѣтно и однообразно журчала вода. Было холодно, и широкія плечи Мижухева сжимались въ мелкой судорожной дрожи. Невыспавшееся лицо было измято, и волосы всклокочены.

Тяжелымъ шагомъ онъ прошелъ на корму и долго стоялъ тамъ, неподвижно глядя не то въ зеленую вспѣнную воду, не то на дальнія вершины горъ, гдѣ, должно быть, уже былъ яркій солнечный день.

Потомъ поднялся на верхнюю палубу и сѣлъ за одинъ изъ мраморныхъ столиковъ, крѣпко привинченныхъ къ мѣсту, неудобныхъ и холодныхъ, какъ ледъ. Скрестивъ на мраморѣ массивныя руки, Мижухевъ сонно и скупо окинулъ завалившимися глазами пустую палубу.

Солнце быстро подымалось гдѣ-то тамъ, за краемъ земли, и горы уже до половины горѣли утреннимъ блескомъ. Видно было, какъ быстро уступая склонъ за склономъ, цѣпляясь въ ущельяхъ и ускользая по нимъ, все ниже и ниже убѣгала синяя холодная тѣнь.

На пароходѣ зашевелилась жизнь. Пробѣжалъ куда-

то кельнеръ въ бѣлой курткѣ съ безобразно большими серебряными пуговицами; прошелъ съ вахты продрогшій сѣрый помощникъ капитана; двѣ молоденькія барышни, съ еще непроснувшимися глазками, вышли изъ перваго класса и оглянулись вокругъ съ такимъ видомъ, словно страшно удивились, что уже такъ свѣтло и красиво, когда онѣ только что встали. Потомъ появился длинный карикатурный англичанинъ въ панамѣ, и сейчасъ же, вытянувъ ноги съ одной скамьи на другую, закурилъ громадную сигару. Выбѣжалъ маленькій мальчикъ въ матросской курткѣ и, мелькая голыми икрами, побѣжалъ куда-то навстрѣчу солнцу. Еще и еще, сонные, жмурящіеся и улыбающіеся люди появлялись на палубѣ, и когда на горизонтѣ вдругъ выглянуло и ослѣпительно брызнуло по верхушкамъ волнъ, по реямъ, по палубѣ и по зеленымъ берегамъ низкое утреннее солнце, пароходъ уже жилъ своей пестрой, праздной и веселой жизнью.

Двѣ французенки, съ весело любопытными глазами, щебеча, какъ птицы, привѣтствующія утро, усѣлись за сосѣднимъ столикомъ, оглянулись направо и налево, увидѣли угрюмаго сосѣда, переглянулись и засмѣялись.

Мижухевъ хотѣлъ уйти — ему были противны всѣ человѣческія лица, голоса, не говорящіе того, что есть, и фальшивые глаза. Но руки и ноги у него дрожали, спина ныла, вѣки рѣзало, и никуда не хотѣлось двигаться. Тогда стукомъ о столикъ онъ позвалъ пробѣгавшаго кельнера и уже открылъ ротъ, чтобы заказать, но поймалъ любопытный взглядъ двухъ французенокъ, уже знавшихъ, что онъ — извѣстный русскій милліонеръ, и промолчалъ. Ему показалось, что если онъ услышитъ звукъ собственнаго голоса, то сейчасъ же вспыхнетъ тотъ припадокъ нервнаго, слѣплого гнѣва, который такъ часто въ послѣднее время охватывалъ его. И еще казалось ему, что во всемъ свѣтѣ нѣтъ ничего противнѣе, глупѣе и ненужнѣе, чѣмъ свой голосъ.

Кёльнеръ стоялъ молча и уже начиналъ изумляться. Тогда Мижухевъ, неожиданно для самого себя, взявъ карандашъ и написалъ на скользкомъ мраморѣ столика:

Дайте мнѣ кофе...

Кёльнеръ, какъ пѣтухъ, собирающійся клюнуть, изогнувъ на бокъ голову, однимъ глазомъ прочелъ надпись, изумился, но мгновенно умчался прочь.

А Мижухевъ обрадовался: какъ это раньше не пришло ему въ голову? Это такъ просто... Можно замолчать совсѣмъ и то небольшое, что ему нужно отъ людей, получать, не слыша ни своего, ни ихъ фальшивыхъ головъ. Даже нѣчто лукавое скользнуло въ мозгу Мижухева, точно онъ нашелъ средство спрятаться отъ всѣхъ.

Когда принесли кофе, онъ слегка отвернулся къ морю, положилъ тяжелую больную голову на ладонь и задумался. Между пальцевъ, сжавшихъ черепъ, дико торчали всклокоченные волосы, и глаза смотрѣли мутно и безжизненно.

Уже много дней жизни являлись для него одной сплошной думой, тяжело и трудно проходившей сквозь мучительную головную боль. А когда онъ забывался болѣзненнымъ короткимъ сномъ и настойчивая мысль исчезала, появлялось кошмарное невыносимое ощущеніе пустоты, въ которой онъ судорожно барахтался, стараясь ухватиться за что-нибудь и безсильно опускаясь все ниже и ниже. За это время онъ проѣхалъ огромное пространство, видѣлъ массу людей, городовъ, горъ и морей, но въ мозгу его все это отпечаталось такъ блѣдно и тускло, точно было воспоминаніемъ о давно минувшемъ. Но настойчиво повторяясь, съ неуклонной точностью и неустрашимостью круга, въ центрѣ котораго была его больная голова, ярко, но кошмарной спутанной яркостью, стояли передъ нимъ одни и тѣ же лица.

И теперь на голубо-зеленомъ маревѣ плывущихъ мимо береговъ, которыхъ онъ не видѣлъ, Мижухевъ внимательно, съ упрямымъ страданіемъ возстановливалъ себѣ:

Сначала появилось растерянное смущенное лицо Николаева: онъ стоялъ посреди своего кабинета— передъ растерзаннымъ, кричащимъ, плохо сознающимъ Мижухевымъ—смотрѣлъ въ сторону и дрожащими пальцами мять кисти своего пояса. Мижухева душило слѣпое бѣшенство, и онъ старался понять: какъ этотъ человекъ, лучший изъ всѣхъ, кого онъ зналъ и любилъ, не могъ почувствовать той ужасной несправедливости, жертвой которой онъ сталъ. Люди-звѣри, которымъ онъ не сдѣлалъ ничего, кромѣ добра, которымъ хотѣлъ посвятить всю жизнь и ради которыхъ шелъ на все, избивали его, били и хотѣли убить!.. Надо было прійти въ ужасъ, въ бѣшенство, возмутиться до глубины души, а вмѣсто того онъ слышалъ смущенный искренній голосъ, который убѣждалъ его, что они не виноваты.

— Это звѣри... бессмысленное, злое, жадное звѣрьё!..—кричалъ Мижухевъ: — Что я сдѣлалъ имъ? За что?..

Но Николаевъ смотрѣлъ въ сторону, и лицо его было странно и даже какъ-будто безразлично.

— Они жестоко заплатились за это... за одного человека...—тихо говорилъ онъ.

— Поплатились!.. Развѣ за это можно заплатить?.. Еще бы!.. Поплатились?..—Жаль, что мало!.. Я радъ, радъ, радъ!..

Мижухевъ кричалъ все громче и громче, точно спѣшилъ вылить въ этомъ дикомъ крикѣ наслажденіе ненавистью, которой захлебывался. Но чѣмъ громче кричалъ онъ жестокія слова, казавшіяся ему тѣми, которыя и были нужны, тѣмъ холоднѣе и безразличнѣе становилось лицо Николаева. А когда Мижухевъ замѣтилъ это и сталъ съ мучительной злобой и ужасомъ упрекать Николаева въ томъ, что онъ не понимаетъ его и не чувствуетъ его боли, Николаевъ съ тихой, но жестокой враждой сказалъ:

— Имъ и не то приходилось выносить... Ну, пусть, это была ошибка, слѣпой взрывъ измученныхъ людей... Но, вѣдь, если говорить правду, что ты для нихъ?—ты имъ такой же врагъ, какъ и всѣ, какъ твой братъ...

— Я?..—съ ужасомъ и укоромъ спросилъ Мижуевъ.

— Ну, и ты!.. Ты такъ же пользовался ихъ потомъ и кровью, какъ и другіе... Если ты и не душилъ ихъ, а иногда помогалъ... такъ... это вѣдь, право... не большая заслуга...

Разбитое, съ нависшей губой и запухшимъ глазомъ лицо Мижуева стало страшно и жалко.

— Значить, они, по-твоему, правы были бы, если бы и убили меня?..—задыхаясь, какъ рыба на пескѣ, съ ужасомъ спросилъ онъ.

Николаевъ поблѣднѣлъ, и только еще сильнѣе задрожали его пальцы, рвущіе кисти пояса.

— А если такъ, ты...—началъ Мижуевъ, чувствуя, какъ падаетъ въ холодную бездну.

И тутъ произошло то, что было самое омерзительное: на лицѣ Николаева мелькнуло трусливое выраженіе, глаза его забѣгали съ затрудненнымъ выраженіемъ какой-то скрытой мысли, и вдругъ онъ сталъ говорить фальшиво звучащія, блѣдныя примирительныя слова. И съ чуткостью маньяка Мижуевъ понялъ ихъ сокровенный смыслъ: Николаевъ боялся ссоры—чтобы Мижуевъ не отказался дать денегъ на задуманный имъ журналъ. И странно — Мижуевъ вдругъ страшно сконфузился. Онъ замолчалъ. Замолчалъ и Николаевъ, и краска выступила на его всегда смѣломъ и мужественномъ лицѣ. Съ минуту они смотрѣли другъ другу въ глаза, и въ теченіе этой минуты безслѣдно растаяла и исчезла та, казавшаяся такой прочной и искренней, связь, которая столько лѣтъ связывала ихъ.

И когда черезъ полчаса Мижуевъ уходилъ, это были уже не два близкіе человѣка, а два врага, ненавидящіе и презирающіе другъ друга.

Потомъ Мижухевъ видѣлъ себя въ вагонѣ, въ длинную глухую ночь. Это было послѣ того, какъ онъ, должно быть, полусумасшедшій, кидаящійся изъ стороны въ сторону въ нелѣпыхъ и безсмысленныхъ корчахъ, очутился у того человѣка, у котораго когда-то отнялъ счастье. Онъ самъ не зналъ, зачѣмъ напелъ этого человѣка, и только увидѣвъ его непонимающій ненавидящій взглядъ, смутно понялъ: должно быть, ему хотѣлось найти хотя кого-нибудь, хотя врага, который бы взглянулъ въ его лицо прямо, какъ въ лицо человѣка.

Мужъ Маріи Сергѣевны стоялъ передъ нимъ худой, съ длинными блѣдными волосами и смотрѣлъ прямо въ глаза горящимъ неуголимой ненавистью взглядомъ.

— Что вамъ угодно?—съ трудомъ спросилъ онъ.— Вамъ мало... вы еще издѣваться надо мной пришли? Вы думаете, что вамъ уже все позволено?..

Мижухевъ не помнилъ, что онъ говорилъ ему, но отчетливо помнилъ, какъ на лицѣ этого человѣка выразилось сначала недоумѣніе, потомъ смутное пониманіе, а потомъ холодная непримиримая и даже торжествующая насмѣшка.

— Ага...—тихо выговорилъ онъ:—значить, оказалось кое-что, чего и за деньги не купишь?.. Это хорошо...

И онъ сталъ смѣяться все громче и громче, а потомъ выгналъ Мижухева, какъ собаку. И Мижухевъ ушелъ. Онъ уже потерялъ ту живую нить, которая привела его къ этому человѣку, и не зналъ, зачѣмъ пришелъ, что надо говорить, какъ уйти.

Ночью въ вагонѣ онъ не спалъ. Неясные, но громадные образы томили его. И рисовался образъ большого человѣка, человѣка, который знаетъ всю жизнь и всю правду о жизни. Какъ и когда пришло ему въ голову ѣхать къ великому писателю, старику, имя котораго онъ съ дѣтства произносилъ, какъ самое большое слово въ мірѣ. Помнилъ только, что когда пришло, то почувствовалась легкость и надежда необычайная. И было

легко и радостно, пока не былъ полученъ отвѣтъ на посланную телеграмму. Но когда онъ понялъ, что великій старикъ согласенъ принять его,—все пропало. Стало казаться, что его принимаютъ только потому, что онъ миллионеръ Мижухевъ, а до него самого нѣтъ и не можетъ быть дѣла и этому единственному человѣку. Тогда все упало, и Мижухевъ увидѣлъ, что это смѣшно, что никуда ему не надо ѣхать, что никто не скажетъ ему ничего такого, чего бы онъ самъ не зналъ. И мелькнула въ немъ первый разъ въ жизни мысль отказаться отъ своего состоянія, стать бѣднымъ, такимъ, какъ всѣ люди. Но еще прежде, чѣмъ мысль эта была имъ понята, онъ уже зналъ, что это невозможно.

— Почему? — спрашивалъ себя Мижухевъ, напряженно вглядываясь въ темные призраки, проносившіеся за окномъ вагона.

И въ отвѣтъ представились ему жалкія и смѣшныя картины: онъ, человѣкъ, который всю жизнь пользовался самымъ лучшимъ, что есть въ жизни, и который *можетъ* пользоваться имъ, вдругъ нарочно станетъ нищимъ, будетъ ходить въ контору, получать двадцать рублей жалованья, а дальше... можетъ быть, женится на скромной барышнѣ, переписывающей на машинкѣ?.. Это глупо!..

— Почему глупо?..

Неизвѣстно почему, но глупо и смѣшно, какъ все сантиментальное и бессмысленное.

Надъ головою повисла темная громада, и знакомое ощущеніе мучительной пустоты охватило со всѣхъ сторонъ. Тогда Мижухевъ впервые почувствовалъ приближеніе конца и съ тѣхъ поръ зналъ его.

Была еще одна судорожная вспышка: онъ вспомнилъ, что гдѣ-то тамъ, далеко, есть женщина, имъ обремененная, несчастная, которая когда-то любила его. Но эта вспышка потухла такъ же быстро, какъ все, что теперь загоралось и потухало въ его мозгу.

Мучительно ясно стало, что ему некуда ѣхать. Онъ былъ всегда и вездѣ тѣмъ, чѣмъ и былъ. Ничто не могло исцѣлить того, что навсегда исковеркано въ его душѣ.

И эта мысль,—мысль, что никуда не надо ѣхать и каждый новый шагъ,—только новое звено тоски и страданій, пришла кругло и отчетливо въ мозгъ Мижучева и теперь.

Онъ тяжело вздохнулъ, оторвался отъ плывущихъ мимо зеленыхъ ненужныхъ береговъ Средиземнаго моря и закрылъ глаза.

И сейчасъ же ему стало слышно, что говорятъ вокругъ.

— А удивительно, знаете,—говорилъ молодой русскій голосъ:—когда ѣдешь скорымъ поѣздомъ съ сѣвера на югъ, кажется, что весна приходитъ не по днямъ, а по часамъ... прямо такъ и летитъ навстрѣчу... Я не могу этого выразить, но мнѣ кажется, что выше наслажденія не можетъ быть. Вчера еще все было сѣро, холодно, сегодня уже попадаютъ проталины и талый снѣгъ между березками... а завтра уже небо голубое... Ахъ, хорошо!..

Мижучевъ машинально открылъ глаза и посмотрѣлъ на того, кто говорилъ. Это былъ молодой человѣкъ, должно быть, больной, и говорилъ онъ совсѣмъ молоденькой женщиной съ живыми веселыми глазами. Они стояли у борта, и вѣтеръ чуть-чуть раздувалъ ихъ мягкіе волосы. И по ихъ сіяющимъ лицамъ и по тому, какъ легко и радостно дышали они, не спуская очарованныхъ глазъ съ береговъ, которые, должно быть, видѣли въ первый разъ, Мижучевъ понялъ, что это дѣйствительно—счастье.

Тогда онъ мутно окинулъ взглядомъ эти берега, увидѣлъ то, что видѣлъ уже сотни разъ, и опять закрылъ глаза, погружаясь въ свою безмолвную черную пустоту.

А съ другой стороны двѣ французженки рассказывали другъ другу о боѣ быковъ.

— И передъ тѣмъ, какъ тореадоръ убиваетъ... всѣ матадоры, съ красными плащами, долго кружатъ быка

все въ одну сторону... понимаешь... все въ одну сторону... пока онъ не одурѣетъ совсѣмъ... Тогда тореадоръ его убиваетъ... Это совсѣмъ некрасиво!

Мижухевъ зналъ это.

И вдругъ передъ его закрытыми глазами высунулась огромная бычья голова съ неподвижными, налитыми кровью глазами. Выглянула прямо ему въ лицо, какъ кошмарный фантомъ. Мижухевъ вздрогнулъ и всталъ.

Вездѣ были люди, болтающіе, смѣющіеся и провожающіе его любопытными глазами. Онъ тихо обошелъ ихъ и добрался до самой кормы.

Тутъ онъ сталъ у борта и долго упорно смотрѣлъ на пѣнистый слѣдъ, вздымающійся за пароходомъ. Казалось, что онъ ищетъ что-то въ его мутной зловѣщей пѣнѣ. И когда ему вдругъ показалось, что онъ нашелъ, Мижухевъ посмотрѣлъ вокругъ, оглянувшись на небо, горы и сидящую вдали кучку веселыхъ разноцвѣтныхъ людей и какъ-то бокомъ, неловко перевернувшись черезъ бортъ и мгновенно сознавая неловкость движенія и стыдъ передъ тѣми, кто видитъ его, тяжело упалъ въ воду.

Страшный шумъ ударилъ въ голову. Въ носъ и ротъ острой рвущей болью попала липкая, жгучая волна. И въ то же мгновеніе безумный, ни съ чѣмъ не сравнимый ужасъ потрясъ его мозгъ. Уродливыми судорогами отбиваясь отъ захлестнувшей его бездны, онъ вынырнулъ, сквозь туманъ лившейся съ волосъ воды, уже далеко увидѣлъ бѣлое пятно парохода и крикнулъ:

— Помогите!..

И сталъ тонуть въ мутной зеленой безднѣ, рвущей на части его грудь. Стая мелкихъ рыбокъ, какъ брызги, бросились во всѣ стороны, но сейчасъ же вернулись и, уставившись со всѣхъ сторонъ круглыми загадочными глазами, смотрѣли на его плавающее вокругъ пальто, на раскаряченные ноги въ желтыхъ ботинкахъ и на мертвую синюю голову, медленно погружающуюся все глубже и глубже въ холодную зеленую мглу.

„Московское Книгоиздательство“

Москва, 1-я Мѣщанская, д. 5, кв. 20. Телефонъ 18-48.

1

„ЗЕМЛЯ“

СБОРНИКЪ ПЕРВЫЙ. Леонидъ Андреевъ.—Проклятіе звѣря. Шоломъ Ашъ.—Грѣхъ. Иванъ Бунинъ.—Тѣнь птицы. А. Купринъ.—Суламинъ. А. Серафимовичъ.—Дочь. А. Ѳедоровъ.—Петля и др.

СБОРНИКЪ ВТОРОЙ. М. Арцыбашевъ.—Рабочій Шевыревъ. Иванъ Бунинъ.—«Небо и Земля», мистерія Байрона. Борисъ Зайцевъ.—Спокойствіе. Н. Крашенинниковъ.—Меблированныя комнаты. Н. Олигеръ.—Бѣлые лепестки. А. Ѳедоровъ.—Король Мустанговъ.

СБОРНИКЪ ТРЕТІЙ. В. Башкинъ.—Липы шумѣли. А. Купринъ.—Яма. Н. Олигеръ.—Осенняя пѣсня. Ѳедоръ Сологубъ.—Старый домъ.

СБОРНИКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ. (Освобожденъ отъ ареста). М. Арцыбашевъ.—У послѣдней черты, ром., ч. I. Шоломъ Ашъ.—Земля. Евгенийъ Чириковъ.—Домъ Кочергиныхъ.

СБОРНИКЪ ПЯТЫЙ. (Наложенъ арестъ Моск. Комит. по дѣл. печати). В. Винниченко.—Честность съ собой. Евгенийъ Чириковъ.—Лѣсныя тайны.

СБОРНИКЪ ШЕСТОЙ. С. Юшкевичъ.—«Miserere». И. Сацъ.—Музыка къ драмѣ «Miserere». А. Кипень.—Мга. Н. Крашенинниковъ.—Жизнь Игнатія Ильича. А. Купринъ.—Гранатовый браслетъ.

СБОРНИКЪ СЕДЬМОЙ. М. Арцыбашевъ.—У послѣдней черты. (Продолженіе). Д. Айзманъ.—Послѣ бури. Евгенийъ Чириковъ.—Шакалы.

СБОРНИКЪ ВОСЬМОЙ.—У послѣдней черты. (Окончаніе). Ѳедоръ Сологубъ.—Звѣриный бытъ. Евгенийъ Чириковъ.—Утро жизни. Саша Черный.—Первое знакомство.

СБОРНИКЪ ДЕВЯТЫЙ. М. Арцыбашевъ.—Сильнѣе смерти. В. Винниченко.—На вѣсахъ жизни.

СБОРНИКЪ ДЕСЯТЫЙ. М. Арцыбашевъ.—Деревянный чурбанъ.—Семень Юшкевичъ.—Вышли изъ круга. Ѳедоръ Сологубъ.—Дымъ и пепелъ, ч. I.

СБОРНИКЪ ОДИННАДЦАТЫЙ. Леонидъ Андреевъ.—Профессоръ Сторицынъ. М. Арцыбашевъ.—О ревности. Ѳедоръ Сологубъ.—Дымъ и пепелъ. (Оконч.).

СБОРНИКЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ. М. Арцыбашевъ.—Мститель. Н. Крашенинниковъ.—Дѣвственность.

СБОРНИКЪ ТРИНАДЦАТЫЙ. М. Арцыбашевъ.—Ревность (драма). Семень Юшкевичъ.—Леонъ Дрей.

СБОРНИКЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ. М. Арцыбашевъ.—Разсказъ объ одной пощечинѣ. В. Винниченко.—Завѣты отцовъ. Евгенийъ Чириковъ.—Гиблое мѣсто. А. Ѳедоровъ.—Арабъ.

СБОРНИКЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ. (Освобожденный отъ ареста). М. Арцыбашевъ.—Война. Н. Крашенинниковъ.—Плачъ Рахили. А. Купринъ.—Яма (часть 2-я).

СБОРНИКЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ. А. Купринъ.—Яма (окончаніе). Н. Крашенинниковъ.—Амеля.

СБОРНИКЪ СЕМНАДЦАТЫЙ (печатается). М. Арцыбашевъ.—Женщина, стоящая посреди. Евгенийъ Чириковъ.—Волжскія сказки. Иванъ Рукавишниковъ.—Убийство.

Подготавливается къ печати сборникъ восемнадцатый.

Обложки работы И. Я. Билибина.

А. КУПРИНЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Томъ I. Молохъ. Ночная смѣна. Болото. Походъ. Одиночество. Ночлеги. Лѣсная глушь. Дознаніе. Въ циркѣ. На покое.

Томъ II. Поединокъ.

Томъ III. Трусъ. Мирное житіе. Корь. Жидовка. Конокрады, Штабсъ-капитанъ Рыбниковъ. Обида. Рѣка жизни. Съ улицы. Allez! Вечерній гость. Собачье счастье. Убійца. Бриллианты. Бѣлая ночь. Пустыя дачи.

Томъ IV. Гамбринусъ. Прапорщикъ армейскій. Осенніе цвѣты. Сентиментальный романъ. На глухарей. Какъ я былъ актеромъ. Черный туманъ. Мелюзга. Изумрудъ. Наталья Давыдовна. Тостъ. Счастье. Демиръ Кая. Искусство.

Томъ V. На переломѣ (Кадеты). Олеся. Морская болѣзнь. Суламинъ.

Томъ VI. Во славу живымъ и умершимъ. Шутки. Очерки и рассказы.

Томъ VII. По-семейному. Леночка. Къ славы. Попрыгунья-стрекоза. Блаженный. Славянская душа. Испытаніе. Чужой хлѣбъ. Сказка. Въ трамваѣ. Лунной ночью. Бѣшеное вино. Королевскій паркъ. Счастливая карта. Психея. Первый встрѣчный. Кустъ сирени. Гранатовый браслетъ.

Томъ VIII. Брегетъ. Маріанна. Капризъ. Кляча. Забытый поцѣлуй. Безуміе. Страшная минута. Картина. Аль-Исса. Въ звѣринцѣ. Столѣтникъ. Лолли. Полубогъ. Бѣлый пудель. Слонъ. Въ нѣдрахъ земли. Палачъ. На рѣкѣ. Гѣдный принцъ. Чудесный докторъ. Надъ землей.

Томъ IX. (Подготавливается къ печати).

Томъ X. Жидкое солнце. Черная молнія. Мученикъ моды. Анаэма. Кислородъ. Свѣтлый конецъ. Слоновая прогулка. Медвѣди. Барбось и Жулька. Бонза. Дѣтскій садъ. Таперъ. Ужасъ. Негласная ревизія. Духъ вѣка. Оборотень. Кровать. Первенецъ. Чары. Пиратка. Сны. Локонъ. Погибшая сила. По заказу. Легенда. Самоубійство. Пасхальныя яйца. Травка. Зачарованный глухарь. Путешественники. О Чеховѣ. Замѣтка о Джекѣ Лондонѣ. Изд. 2-ое.

Томъ XI. Капитанъ. Тараканья щель. Марья Ивановна. Въ медвѣжьемъ углу. Ударъ. Заклятіе. Масленица въ Финляндіи. Люція. Запечатанные младенцы. Фараоново племя. Нарциссъ. Безъ заглавія. Милліонеръ. Винная бочка. Ежъ. Наше оправданіе. Умеръ смѣхъ. Лазурные берега.

Цѣна каждаго тома въ обложкѣ работы М. И. Соломонова—1 р. 50 к.

А. КУПРИНЪ.

ДѢТСКІЕ РАЗСКАЗЫ.

Роскошное изданіе со многими иллюстраціями М. И. Соломонова въ текстѣ и на отдѣльных листахъ. Ц. въ обложкѣ 2 р. 25 к., въ изящномъ переплетѣ по рисунку художн. М. И. Соломонова 3 р. 25 к.

Изданія для народныхъ школъ и библіотекъ:

БѢЛЫЙ ПУДЕЛЬ. Съ иллюстр. М. И. Соломонова. Ц. 40 к.

СЛОНЪ. Съ иллюстр. М. И. Соломонова. Ц. 25 к.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.

ТОМЪ XIV.

САШКА ЖЕГУЛЕВЪ.

М. АРЦЫБАШЕВЪ.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ.

Томъ I. РАЗСКАЗЫ. Паша Тумановъ. Купріянь. Подпрапорщикъ Голо-
ловъ. Кровь. Бунтъ. Жена. Ужась.

Томъ II. РАЗСКАЗЫ. Изъ подвала. Смерть Ланде. Тѣни утра. Кровавое
пятно. Изъ записокъ одного человѣка. Богъ.

Томъ III. РАЗСКАЗЫ. Сильнѣе смерти. Деревянный чурбанъ. Мститель. О
ревности. Преступленіе доктора Лурье. Разсказъ объ одной пощечинѣ. Романъ
маленькой женщины. Злодѣй. Пропасть. Счастье. Записки писателя
О смерти Чехова. Смерть Башкина. О Толстомъ. Отъ малаго ничтожнымъ.
По поводу одного преступленія. Частное письмо. Учителя жизни. Эпидемія само-
убійствъ. Кольцо Пушкина. Проповѣдь и жизнь. Самоубійство.

Томъ IV. РАЗСКАЗЫ. Человѣческая волна. Милліоны.

Томъ V. РАЗСКАЗЫ. Рабочій Шевыревъ. Сказка стараго прокурора. Ста-
рая исторія. Палата неизлѣчимыхъ. Братья Аримаѳейскіе. Смѣхъ. Изъ дневника
одного замѣчательнаго покойника. Разсказъ о великомъ знаніи.

Томъ VI. У послѣдней черты. Романъ, ч. I.

Томъ VII. У послѣдней черты. Романъ, ч. II.

Цѣна cadaго тома 1 р. 25 к.

В. ВИННИЧЕНКО.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ.

Томъ I. РАЗСКАЗЫ. Моментъ. Невольникъ красоты. Глумленіе. Голытьба.
Истинно-украинецъ. Нѣчто большее насъ. Купля. Странное происшествіе.

Томъ II. РАЗСКАЗЫ. Мелочь. Два эпизода. Записная книжка. Контрасты.
Таинственный случай. Антрепренеръ Гаркунъ-Задунайскій. Кузь и Грыцюнь.

Томъ III. РАЗСКАЗЫ. Федька-Халамидникъ. Красота и сила. Мнимый
господинъ. Зина. У молотилки. Таинственность. Исторія Акимова зданія.

Томъ IV. РАЗСКАЗЫ. Талисманъ. Хвостатые. Ожиданіе. Лучъ солнца.
Тайна. Маленькая тайна. На рабочемъ пунктѣ. Исторія съ Костей. Базаръ.

Томъ V. НА ВѢСАХЪ ЖИЗНИ. (Романъ).

Томъ VI. РАЗСКАЗЫ. Радость. Олафъ Стефенсонъ. Терень. Обрученіе.
Побѣдитель. Цѣпи.

Томъ VII. БОЖКИ. Романъ ч. I.

Томъ VIII. БОЖКИ. Романъ ч. II.

Цѣна cadaго тома въ обложкѣ работы худ. М. И. Соломонова 1 р. 25 к.

Н. КРАШЕНИННИКОВЪ.

МЕЧТЫ О ЖИЗНИ. Лѣсной сторожъ. Меблированныя комнаты. Віолон-
чель. Одичалые. Памятка. Конецъ купца Столѣтова. «Чижиково горе». Тишай-
шій. Капитанъ Степановъ 2-й. Хуторъ Терехова. Анжелка. Жизнь Игнатія
Ильнча. Въ чужомъ городѣ. Ц. 1 р. 25 к.

БАРЫШНИ. Романъ. Ц. 1 р. 25 к. (5-е изд.).

СКАЗКА ЛЮБВИ. Повѣсть. Ц. 1 р. 25 к. (изд. 3-е).

ДѢВСТВЕННОСТЬ. Романъ. Съ предисловіемъ автора. (4-е изд.).
Ц. 1 р. 50 к.

НЕВОЗВРАТНОЕ. Изъ вешняго времени. Восемь лѣтъ. Ц. 1 р. 25 к.

ТѢНИ ЛЮБВИ. Разсказы. (изд. 2-е). Ц. 1 р. 25 к.

Н а с к л а д ѣ:

УГАСАЮЩАЯ БАШКИРІЯ. Въмѣсто предисловія. О происхожденіи башкир-
скаго народа. Лѣсной сторожъ. Послѣ зимы. Хазретъ Хайбулла. Башкирскія сказ-
ки. Житье-бытье. Ахметъ Усманычъ. Ночь на пасѣкѣ. Свадьба Сафея. Волтеръ-

ЕВГЕНІЙ ЧИРИКОВЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Томъ I (съ портретомъ автора). РАННІЕ ВСХОДЫ. Ранніе всходы. Единица. Грѣшникъ. Предатель. Обостренныя отношенія. Бродячій мальчикъ. Лошадка. Коля и Колька. Сосѣдка. Хаврюшка. Дуняшка. Добрый баринъ. Волшебникъ. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ II. СТУДЕНТЫ ПРИѢХАЛИ. Студенты приѣхали. *Gaudeamus igitur.* Въ лѣсу. Калигула. На стоянкѣ. Съ ночевой. Прогрессъ. Цензоръ. Лунная ночь. Одуванчикъ. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ III. ЧУЖЕСТРАНЦЫ. Чужестранцы. Инвалиды. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ IV. ЖИТЬЕ-БЫТЬЕ. Въ лошинѣ межъ горъ. Фаустъ. Мужъ. Хромой. Капитуляція. Учитель. Испортилась. Въ сугробахъ. Человѣкъ съ прошлымъ. Чортова жалость. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ V. МАРЬКА ИЗЪ ЯМЪ. Марька изъ ямъ. Танино счастье. Именинница. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ VI. ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ КОМЕДІЯ. На дворѣ во флигелѣ. Иванъ Мironычъ. Марья Ивановна. Царь природы. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ VII. МЯТЕЖНИКИ. Мятежники. Романъ въ клѣткѣ. Блудный сынъ. На порукахъ. Въ отставку. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ VIII. ОБЩЕСТВЕННАЯ ДРАМА. Евреи. Мужики. Домъ Кочергиныхъ. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ IX. ДРАМЫ-СКАЗКИ. Колдунья. Лѣсныя тайны. Черная смерть. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ X. ТИХІЙ ОМУТЬ. Въ погонѣ за прогрессомъ. Что такое исправница. Злоба дня. Таланты и поклонники. Обыватель и микробы. Некому заступиться. Въ услуженіи. На окраинахъ. Балетъ въ пользу дома трудолюбія. Голосъ купца. Про мужиковъ. Объединеніе сословій. Награда къ праздничкамъ. Разговоры. Врагъ внутренній. Юбилей Якова Ивановича. Инциденты. Развлеченія. О взяткѣ и ея эволюціи. Бей его, мерзавца! Доброе имя квартального надзирателя. Дѣло о палкѣ съ набалдашникомъ. Захаръ Петровичъ. Народный театръ. Бѣдные дворяне. Обыватель и полиція. Сосуны. Гражданское мужество. Народные просвѣтителіи. Ученые обыватели. Орловская Коробочка. Бѣда съ мужикомъ! Либеральный директоръ. О воспитателяхъ. Театръ—школа народа. Подъ гнетомъ подозрительности. О родителяхъ и учителяхъ. Посвященіе русскому народу. Что такое—правда. Не суйся, куда не спрашиваютъ! Столпы уѣзднаго земства. О незамѣтныхъ труженникахъ земства. Гоненіе на книгу. Футлярные люди. Инженеры сухопутные и др. рассказы. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ XI. ПЛѢНЪ СТРАСТЕЙ. Плѣнъ страстей человѣческихъ. Сказка жизни. На порогѣ жизни. Товарищъ. Соломонъ и Розалія. Передъ смертью. Баба. Сердянская республика. Волкъ. Миниатюры. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ XII. ЦВѢТЫ ВОСПОМИНАНІЙ. Сирень. Тяга. Кладъ. На козлахъ. Въ дорогѣ. Лушка. Водяной. На току. Русалка. Сосѣдка. Городокъ. Королевна. Эхо. Осенній сонъ. Сказка. Ц. 1 р. 25 к.

Томъ XIII. Жизнь Тарханова. Романъ. Ч. I-я. ЮНОСТЬ. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ XIV. Жизнь Тарханова. Романъ. Ч. II-я. ИЗГНАНІЕ. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ XV. Жизнь Тарханова. Романъ Ч. III-я. ВОЗВРАЩЕНІЕ. Ц. 1 р. 50 к.

ПОѢЗДКА НА БАЛКАНЫ. Замѣтки военнаго корреспондента. Ц. 75 к.

ЭХО ВОИНЫ. З д ѣ с ѣ. Война. Ихъ тайна. Добровольцы. Безъ крыльевъ. Дядя-Алеша. Герой. Чудо. Иванъ въ раю. Сестра. Т а м ѣ. Въ передовомъ отрядѣ. Свиданіе. Ночь въ обозѣ. Подъ огнемъ. Ц. 1 р.

АЛЕКСАНДРЪ АМФИТЕАТРОВЪ.

СЛАВЯНСКОЕ ГОРЕ. I. Отъ автора. II. На порогъ I—II. Римъ,—итальянцы и балканскій вопросъ.—Вѣнская дипломатія и др. Мандль.—Славянская молодежь изъ австрійскихъ земель.—III. Скорбь Черной горы I—II. Страна, которой некуда итти.—Неизбѣжность войны.—Князь Николай.—Антивари и Спицца.—Цетинье.—I. Сербское горе I—IX. Аннексія.—Прошлое Австріи въ Босніи и Герцоговинѣ.—Народное настроеніе къ самозащитѣ.—Жалкія роли русской дипломатіи.—Тяжелые дни, когда «погибла Сербія».—Георгій Карагеоргиевичъ.—Вопросы сербско-русскаго единенія и торговли.—V. Македонія и младотурки I—II. Цѣна 1 р. 50 к.

ЭХО: Въ наши дни. Эзопова линія. Междудумье. Змій. Джигитъ. Отцы и дѣти 1. Отцы и дѣти 2. Евгений Пассекъ 1. Евгений Пассекъ 2. Не тотъ Толстой. Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. Балканская гроза: 1. Наканунъ. 2. Фердинандъ подъ Константинополемъ. 3. Албанскій вопросъ. 4. Живковичъ. Цѣна 1 р. 50 к.

ЗАБЫТЫЙ СМѢХЪ.

Подъ этимъ обширнѣмъ заглавіемъ «Московское Книгоиздательство» выпускаетъ три сборника Александра Амфитеатрова, посвященные русскимъ сатирикамъ пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ.

«Въ первомъ десятилѣтіи XX вѣка», говоритъ составитель въ своемъ предисловіи, «русское общество рванулось было къ сатирѣ: отрадное явленіе, постоянно сопровождающее эпохи пробужденія страны отъ гражданской спячки и вѣрный знакъ, что пробужденіе это совершается во-время. Но порывъ оказался безплоднымъ и безсильнымъ. Освободительное движеніе быстро было смято, а контръ-революціонные годы не замедлили уложить пробудившуюся было сатиру опять на подушку безсрочнаго сна. Нѣкоторую же привычку, пріобрѣтенную обществомъ, предписано удовлетворять суррогатомъ такъ называемаго безобиднаго юмора. Послѣдній, въ роли поставщика забавностей на хохотъ мичмана Пѣтухова и Иванушки-дурачка, чувствуетъ себя сейчасъ весьма недурно: и публика его любитъ и полиція одобряетъ, такъ что ласковому теляти остается только, ведя себя умненько, двухъ матокъ сосать...

Въ эти невыгодные для русской сатиры дни невольно обращаешься мыслью къ воспоминаніямъ о прошлыхъ ея дняхъ, которые были ея побѣднымъ праздникомъ, когда она была весела и грозна, зла и сильна, талантлива и цѣлесообразна. Когда ея отрицаніе, по истинѣ, «строило разрушеніемъ». Когда ея политическая мысль и темпераментъ поставили русское общество подъ свою повелительную фрулу, и страхъ стать жертвою сатиры перевоспитывалъ самыя дикія и упрямія стороны русскаго общественнаго организма на новый ладъ, обтесывая русскую «новъ» въ культуру и гражданственность».

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

СБОРНИКЪ ПЕРВЫЙ.

I. Отъ составителя. «Поморная муза». Вмѣсто предисловія. Девизы «Поморной музы». II. В. С. Курочкинъ. III. Г. Н. Жулевъ («Скорбный поэтъ»). IV. Н. С. Курочкинъ. V. В. И. Богдановъ («Власъ Точечкинъ»). VI. Н. I. Кроль. VII. Козьма Прутковъ въ «Искрѣ». Ц. 1 р. 50 к.

СБОРНИКЪ ВТОРОЙ (печатается).

I. П. И. Вейнбергъ. II. В. П. Буренинъ. III. Амосъ Шишкинъ. IV. Владиміръ Тихановичъ. V. Л. И. Пальминъ. VI. Ломанъ-Гнутъ и стихотворная пародія «Искры». VII. Приложение: Друзья и союзники «поморныхъ»: И. И. Панаевъ, Н. А. Добролюбовъ, П. В. Шумахеръ.

СБОРНИКЪ ТРЕТІЙ (печатается).

I. Д. Д. Миннаевъ. II. Дядя Пахомъ. III. А. Лакида. IV. Позднѣйшіе и второстепенные сотрудники: Стародубскій, Страннолюбскій, Комаровъ, Клеймо и т. д. V. Случайные сотрудники. VI. Приложение: друзья, гости и союзники «Искры»: Губеръ. Бенедиктовъ. Бернетъ. Грековъ. Полонскій. Гербель. Алмазовъ. Мей.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЯ.

въ 7-ми томахъ, около 170 печатныхъ листовъ, съ портретомъ автора (въ перв. томѣ), критико-біографической статьей **Ө. Д. Батюшкова** и предисловіемъ **гр. Л. Н. Толстого** къ роману «Гарденины».

СОДЕРЖАНИЕ:

Томъ	I. Записки Степняка. Часть 1-я.	} Ц. 2 р. 50 к.
"	II. " " " " 2-я.	
"	III. Волхонская барышня. Минеральные воды.	1 р. 50 к.
"	IV. Двѣ пары. Бабій бунтъ. Жадный мужикъ. Карьера	Струкова
		1 р. 50 к.
"	V. Гарденины. Часть 1-я.	} Ц. 2 р. 50 к.
"	VI. " " " " 2-я.	
"	VII. Смѣна. Въ сумеркахъ. Пятихины дѣти. Духовидцы. Специалистъ	
Восторги. Разговоръ. 2 руб.		

А. М. ФЕДОРОВЪ.

ЗЕМЛЯ (Романъ). Ц. 1 р. 25 к.

ЖАТВА. Удостоена Императорской Академіей Наукъ почетнаго отзыва имени А. С. Пушкина. Содержаніе: Жатва. Король мустанговъ. Актриса. Ледъ (Изданіе 2-е). Ц. 1 р. 25 к.

ПРИРОДА (Романъ). Ц. 1 р. 25 к.

БУРУНЫ. Долгъ. На зарѣ. Степанъ Стоговъ. Сказка. Судъ Соломона. Женщина. Съ матерью. Идолъ. Весенній день. Воспитаніе. Пѣвица. Человѣкъ.
Ц. 1 р. 25 к.

СТЕПЬ СКАЗАЛАСЬ (Романъ). Ц. 1 р. 25 к.

КОРОЛЕВА. Королева. Чудо. Птицеловъ. Любовь и смерть. Феноменъ.
Змѣя. Чиновникъ. Коллега. Любовь. Стихи. Ц. 1 р. 25 к.

БАДЕРА. Бадера. Книги. Замокъ слезъ. Гастроль. Счастличикъ. Призна-
вiе. Компенсация. Рыбаки. Ц. 1 р. 25 к.

ЕГО ГЛАЗА (Романъ). Ц. 1 р. 25 к.

МОРЕ. (Романъ). Ц. 1 р. 25 к.

Печатаются:

СЪ ВОЙНЫ. Ц. 1 р. 25 к.

ЗАРЯ ЖИЗНИ. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

КАМНИ. Романъ. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 25 к.

ФЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

ЯРЫЙ ГОДЪ. Правда сердца. Обручальное. Танинъ Ричардъ. Три лампы. Сердце сердцу. Сними трауръ. Визитъ. Незамерзающій мальчикъ. Дѣдъ и внукъ. Тихій зной. Свѣтъ вечерній. Красавица и оспа. Возвращеніе. Надежда воскресенія. Неутомимость. День встрѣчи. Ошибка гофлиферанта (печатается).

Подготовляется къ печати собраніе сочиненій Федора Сологуба.

МАРКЪ КРИНИЦКІЙ.

Маскарадъ чувства. Романъ. Ц. 1 р. 50 к. Изд. 2е.

АЛ. БУДИЩЕВЪ.

СЪ ГОРЪ ВОДА. Съ горъ вода. На красномъ холмѣ. Въ лѣсной избѣ. Петрушка Рокамболь. Одуванчикъ. Пикарь. Пари. Благополучіе. Портсигаръ. Черная топь. Ц. 1 р. 25 к.

СТРАШНО ЖИТЬ. Страшно жить. Таѣа. Въ людской. Бѣсъ ревности. Долгъ совѣсти. Страшный фургонъ. Нервы. Въ городѣ. Игнатка. Глюглю. Голубая жи-рафа. Ц. 1 р. 25 к.

ЛЮБОВЬ—ПРЕСТУПЛЕНИЕ. Любовь—преступленіе. Королева Марго. На другой день. Бѣлая рѣсница. Родька. Боязнь ужасовъ. Сонный зѣвъ. Искушеніе Саверія. Неладное дѣло. Его оруженосецъ. Я и онъ. Ц. 1 р. 25 к.

ДАЛИ ТУМАННЫЯ. Дали туманныя. Оптимистъ и пессимистъ. Болото. Ху-торокъ. Урокъ. Кольцо. Собачья жизнь. Бурной ночью. Молодой другъ. Нордъ-Остъ. Разбойникъ Измерай. Дикарь. Агашка. Доброе дѣло. Письмо. Фидель. Женихи. Епифоркино счастье. Бритва. Среди дымныхъ бугровъ. Ц. 1 р. 25 к.

ДИКІЯ ВСАДНИКЪ. Дикій всадникъ. Оргіи. Она. Лучшій другъ.

БѣДНЫЯ ПАЖЪ. Бѣдный пажъ. На палубѣ. Евтишкино дѣло. Въ дѣтской. Гибель. Мишенька Разуваевъ. Была ночь. Солнечные дни. Ц. 1 р. 25 к.

ИЗЛОМЫ ЛЮБВИ. Изломы любви. Безуміе ли. Вешніе зовы. Распря. Уго-лекъ. Помпей. Астра. Неравный бракъ. Разныя понятія. Черный ангелъ. Лебединая пѣсня. Которая изъ двухъ. Братъ. Дуракъ. Жертва полемики. Благодатное небо. Счастье. Сюрпризъ. Кто я. Препятствіе. Свѣтлый гость. Въ лѣсу. Смерть. Лѣсная идиллія. Жажда жизни. Ц. 1 р. 25 к.

ХАТА СЪ КРАЮ. Х та съ краю. Пріятель. Хамъ. Городъ. Дорогой рубинъ. Малиновка. На страшной доскѣ. Въ непріятной компаніи. Домикъ въ лѣсу. Ка-тастрофа. Подъ вой Ріона. Лгунья. Разбойники. Воронъ. Пастухъ. Смагинъ. Фальшивая монета. Капканщики. Бѣлая акація. Дочь клоуна. Ц. 1 р. 25 к.

ЛУННЫЙ СВѢТЪ. Лунный свѣтъ. Пять хлѣбовъ. Сонъ послѣ боя. Лили Казанцева. Одинъ на одинъ. Могло быть. Богатство. Страшная рукопись. Девятая пятница. До востребованія. Какъ поступить дѣвушкѣ. Мутнымъ вечеромъ. Каюта № 6. Филинъ. Ц. 1 р. 25 к.

ВЗДОРНЫЕ РАЗСКАЗЫ. Экспро. Злоумышленники. Добился своего. Волчья елка. Странная исторія. Было на разумѣ. Родинка. Винтъ съ выходящимъ. Пере-утомился. Ничего такого. Самозванецъ. Лучшая. Охота на слона. Новѣйшія изо-брѣтенія. Полѣно. Горькая правда. Ученый пудель. Шесть выстрѣловъ. На паро-возѣ. Разсказъ несчастливца. Страшилище. Местъ. Святая душа. Наслѣдственность. Птица-Іѳима. Такой случай. Кавалеръ Кардильякъ. Вешній вечеръ. Сродство душъ. Трусъ. Голубые чулки. Все къ лучшему. Ц. 1 р. 25 к.

Печатаются:

ЛѢСНЫЯ БРАТЯ (разказы). Ц. 1 р. 25 к.

КРИКЪ ВО ТЬМѢ (разказы). Ц. 1 р. 25 к.

ИВАНЪ РУКАВИШНИКОВЪ.

АРКАДЬЕВКА. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

БЛИЗКОЕ и ДАЛЕКОЕ. Эврика. Я, ты, онъ. Ненависть. Романъ въ Крыму. Анна. Пасторальный триптихъ. Карма. Бѣлый слонъ. Тиранъ. Когда пали стѣны храма. Ц. 1 р. 25 к.

ПРОКЛЯТЫЯ РОДЪ. Романъ въ 3-хъ частяхъ.

Ч. 1-я. Семья желѣзнаго старика. Ц. 75 к.

Ч. 2-я. Макаровничи. Ц. 1 р. 50 к.

Ч. 3-я. На путяхъ смерти. Ц. 1 р.

СТИХОТВОРЕНІЯ. Ц. 1 р. 25 к.

ТРАГИЧЕСКІЯ СКАЗКИ. Мельница. Монахъ. Царица Перепетуя. Часовщикъ. Ц. 1 р. 25 к.

СТО ЛЕПЕСТКОВЪ ЦВѢТКА ЛЮБВИ (печатається).

ЗИНАИДА ГИППУСЪ.

ЧЕРТОВА КУКЛА. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
РОМАНЪ-ЦАРЕВИЧЪ. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

А. КИПЕНЪ.

РАЗСКАЗЫ. Томъ I. Метеорологическая станція. Шпіонъ. Вицъ. Запасный лафетъ. Бирючий островъ. Аграрный вопросъ. На берегу залива, Ливерантъ. Иже еси на небеси. Мга. Ц. 1 р. 25 к.

АННА МАРЪ.

НЕВОЗМОЖНОЕ. Невозможное. На волю. Жена. Мертвые листья. Обычное. Вода. Вѣтеръ. Люля Бэкъ. Пріѣздъ Риты. Любовь. Двѣ. Горе. Ой, бѣда! Одинъ день. Вербочки. Дурманъ. Ея сочельникъ. Янина. За вышиваніемъ. Настроенія. Подруги. Исповѣдь. Женщина. Признаніе. Стаканъ кофе. Мертвое. Правда. Ц. 1 р. 25 к.

ИДУЩІЕ МИМО. Идущіе мимо. Богъ. Лампады незажженные. Ц. 1 р. 25 к.

ВЛАДИМИРЪ ЛЕНСКІЙ.

ПОДЪ ГНѢЗДОМЪ АИСТА. Подъ гнѣздомъ аиста. Невѣста. Такъ бываетъ. Мать. Ц. 1 р. 25 к.

БѢЛЫЯ КРЫЛЬЯ. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Цѣна каждой части 1 р. 25 к.

ЛЮБОВЬ—МЕЧТА. Танникъ. Любовь—мечта. Душа человѣческая. Страшное. Испытаніе. Обреченные. Воры. Агнія. Ц. 1 р. 25 к.

ЗОРИ НОЧНЫЯ. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

Н. КИСЕЛЕВЪ.

МИРАЖИ. Жестокость. Подъ одѣяломъ. Леночка. Мигъ единый. На зарѣ. Темный домъ. У грани. Ошибка. Амариллисъ. Смерть. Марево. Ц. 1 р. 25 к.

СЕМЕНЪ ЮШКЕВИЧЪ.

УЛИЦА. Повѣсть. Ц. 75 к.

Н. ОЛИГЕРЪ.

РАЗСКАЗЫ. Ночныя тѣни.—Вишни.—Заповѣдное.—Обреченные.—За штатомъ.—Разломъ.—Одинъ. Ц. 1 р. 25 к.

Д. КРАЧКОВСКІЙ.

ЗОЛОТАЯ КАРЕТА. Золотая карета. Знаменитый скульпторъ. Весна въ Москвѣ. Ледяныя сосульки. Жемчужное ожерелье. Тайна. Розовое перо. Ц. 1 р. 25 к.

М. ПРИШВИНЪ.

ЗАВОРОШКА. Манифестъ 17-го октября въ деревнѣ. Какъ я укрѣплялъ тещу Никифора. Поляна и Аграмачъ. Какъ быть съ мужиками. Дубовый долъ. Дружная весна. Тютенькинъ логъ. На свѣтлой землѣ. Адамъ и Ева. Первые земледѣльцы. У Чертова озера. Соловки. Спасъ-чекрякъ. О братцахъ. Не отъ міра сего. Голгофское христіанство. Отклики на смерть Толстого. Сборная улица и др. Ц. 1 р. 25 к.

В. В. БРУСЯНИНЪ.

МУЖЧИНА. Мужчина. Они жили втроемъ. Колясочка. Отецъ. Изъ записокъ сквернаго человѣка. Ц. 1 р. 25 к.

ОПУСТОШЕННЫЯ ДУШИ. Опустошенныя души. Мать. На свободѣ. Рыжковскій пустырь. На полѣ жизни. Жизнью пользуйся живущій. Мой дядя. Кладбищенскіе люди. Кто первый запѣлъ колыбельную пѣсню? Ц. 1 р. 25 к.

КОРАБЛЬ МЕРТВЫХЪ. Корабль мертвыхъ. Бѣлый голубокъ. Вѣчная могила. Трагическая пустота. Въ лунную ночь. Вѣрный часовой. На бѣлой лошади. Добрая бабушка. Серебряныя тѣни. На пограничномъ посту. За двоихъ. Старая война. Поѣздъ мертвецовъ. Кончилась фамилія Вершининыхъ. Корабль рождественскаго дѣда. Ц. 1 р. 25 к.

Готовится къ печати:

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІИ

А. ВОЛЫНСКАГО.

Томъ I. Леонардо-да-Винчи. Эпоха Возрожденія. Рафаэль Санціо и Микель Анджело. Легенда о Леонардо-да-Винчи. Интермеццо. Демоническое искусство. Апокрифы. Новые матеріалы: «Джіоконда». Мадонна Леонардо-да-Винчи въ Россіи. Рафаэль Санціо и Леонардо-да-Винчи. «Звѣриное безуміе» (война). «Кедры Ливана» (пророки на плафонѣ «Сикстинской Капеллы»). Гимнъ солнцу («пророки»). Эженъ Мюнтцъ о Леонардо-да-Винчи. Статья итальянскаго историка Верга о работахъ Волынскаго для института Леонардо-да-Винчи. Умственный геній Леонардо-да-Винчи. Общая исторія Манускриптовъ. Изданіе Французскаго Института. Трактатъ о птицахъ. Анатомія. Хрестоматическое изданіе Рихтера. Трактатъ о живописи. Атлантическій Кодексъ. Кодексъ Тривульціо. Источники и матеріалы. Анонимное обвиненіе противъ Леонардо-да-Винчи. Хронологическій указатель. Каталогъ.

Томъ II. Ф. М. Достоевскій. Преступленіе и наказаніе. (Раскольниковъ). Красота (вводная статья къ разбору «Идіота»). Подробный анализъ «Идіота»: «Настасья Филипповна», «князь Мышкинъ», «Рогожинъ». «Царство Карамазовыхъ», «Инфернальная женщина», «Женщина Великаго Гнѣва». «Федоръ Павловичъ Карамазовъ», «Митя Карамазовъ», «Иванъ Карамазовъ», «Алеша». Монахи. «Книга Великаго Гнѣва». Разборъ «Бѣсовъ»: Ставрогинъ, Шатовъ. Кирилловъ, Верховенскій-отецъ. Новая волна.

Томъ III. Н. С. Лѣсковъ. «Петербургскіе пожары». «Навѣты». Мелкіе рассказы. Романы. Иконописецъ русской литературы.

Томы IV—VI. Русскіе критики. Бѣлинскій. Добролюбовъ. Писаревъ. Чернышевскій. Аполлонъ Григорьевъ. Страховъ. Майковъ. Михайловскій. Идеинныя бури 60-хъ годовъ. Современныя теченія въ критикѣ.

Томъ VII. Статьи по философіи. Спиноза. Кантъ. Шопенгауеръ. Вундтъ. Карлейль. Ницше. Л. Н. Толстой. Критическія замѣтки о современныхъ русскихъ философахъ. Буддизмъ и христіанство.

Томъ VIII. Борьба за идеализмъ. Что такое идеализмъ. Литературная лѣтопись. Западно-европейскіе и русскіе авторы. Polemica. Статьи на темы общественнаго характера.

Томъ IX. Современная русская литература. Лекціи и статьи.

Томъ X. Театръ. Эстетика театра. Сатрый и новый репертуаръ. Вѣра Федоровна Коммисаржевская.

Томъ XI. Балетъ.

Томъ XII. Автобіографическія замѣтки. Архивъ писателя. Характеристики. Война. Переводы.

Р. КИПЛИНГЪ.

ИЗБРАННЫЕ РАЗСКАЗЫ.

Переводъ подъ ред. И. Бунина.

Книга первая. Возвращеніе Имрѣя.—Могилы предка.—Мостостроители.—На голодѣ.—Рикша съ того свѣта.—Трагикомедія.—Три солдата.—Дѣло развѣсого.—Среди отверженныхъ.—Лиспетсъ.—Безъ благословенія.—Всѣ мы трое—одно.—Въ шахтѣ.

Книга вторая. Въ городской стѣнѣ.—Близнецы.—Въ разливѣ.—Бизеза.—Начальникъ области.—Въ лѣсу.—Молодые сатрапы.—Въ проходѣ.—Пираты маяка.—На полицейскомъ посту.—Судъ Дунгары.—На краю пропасти.—Ревности орангутанга.—Ви Вилли Винки.—Бывшій человѣкъ.—Дочь полка.—Припадокъ рядового Ортериса.—Съ главнымъ карауломъ.—«Лисбовъ женщинъ».—Исчезнувшій полкъ.—Ложь.

Книга третья. Исторія Мугаммедъ Дина.—Дверь Ста Печалей.—Въ домѣ Судгу.—Сансъ миссъ Югхэль.—Покинутый всѣми.—Квиквернъ.—Королевскій анкъ.—Откуда пошелъ страхъ.—Нашествіе Джунглей.—Рыжія собаки.—Весна идетъ.—Могильщики.—Тумзи Слоновъ.—Бѣлый тюлень.—Чудо Пурунъ Багата

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. Рикки-тикки-тави. Истинное происшествіе. Его Величество король. Казнь Гатимъ Таи. Слоненокъ. Крабъ, который игралъ съ моремъ. Мотылекъ, который топнулъ ногой. Кошка, которая гуляла сама по себѣ. Бѣгство бѣлыхъ гусаръ. Брабанщики. Великая перепись. Сурджунъ. Погоня за чудомъ. Привидѣніе. Дѣти Зодіака. Ложный разсвѣтъ. Гармъ-заложникъ. Новобрачные. Братья Моугли. Каа охотится. Тигръ-Тигръ.

Обложки работы И. Я. Билибина. Цѣна каждого тома 1 р. 50 к.

Рерърдъ Киплингъ съ самыхъ первыхъ дней своего выступленія на литературномъ поприщѣ получилъ почетную извѣстность сначала въ Англіи, а затѣмъ скоро и во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Эта извѣстность, съ выходомъ въ свѣтъ каждого новаго его произведенія, распространялась все шире и шире, что и засвидѣтельствовано присужденіемъ въ 1908 г. Р. Киплингу, на международномъ конкурсѣ современныхъ представителей изящной литературы, преміи Нобеля.

Не преувеличивая можно сказать, что никто изъ современныхъ писателей не превзошелъ Киплинга въ яркости рисуемыхъ имъ картинъ и жизненности изображаемыхъ типовъ. Особенно характерными въ этомъ отношеніи являются тѣ изъ его произведеній, темы которыхъ взяты изъ англо-индійской жизни, но ошибочно было бы думать, что интересъ ихъ обусловливается исключительно тою сказочною для европейца стороною природы Индіи и быта многочисленнаго населенія ея, которая до Киплинга почти только и затрогивалась художниками печатнаго слова и кисти. Киплингъ первый заговорилъ объ Индіи реальной, будничной, и потому имѣющей общечеловѣческое значеніе. Въ своихъ произведеніяхъ, на яркомъ фонѣ своеобразной англо-индійской жизни, онъ далъ рядъ глубокихъ психологическихъ анализовъ духовнаго міра туземцевъ. Рядомъ съ этимъ съ неподражаемымъ искусствомъ, съ тонкимъ юморомъ, съ одной стороны, и глубокой правдивостью—съ другой, изобразилъ онъ и типъ соотечественниковъ во взаимоотношеніяхъ ихъ съ коренными жителями страны.

Подготавливается къ печати книга пятая.

ВЛАДИСЛАВЪ РЕЙМОНТЪ.

БАМПИРЪ. Авторизованный переводъ Е. Загорскаго. Ц. 1 р. 25 к.

ВИКТОРЪ ТИССО.

ПРУССКАЯ ТАЙНАЯ ПОЛИЦІЯ. Переводъ съ французскаго подъ ред. Г. Рачинскаго. Ц. 1 р. 25 к.

ЛЮБОВЬ

ВЪ ПИСЬМАХЪ ВЫДАЮЩИХСЯ ЛЮДЕЙ XVIII и XIX вѣка.

Письма собраны и переведены Анастасіей Чеботаревской. Предисловіе Ѳедора Сологуба. Обложка С. Ю. Судейкина. Заставки С. Ю. Судейкина и Н. К. Калмаюва.

Въ собраніе вошли письма: Бодлера, Байрона, Бальзака, Бетховена, Бѣлинскаго, Берне, Вагнера, Вольтера, Гамбетты, Гарибальди, Гейне, Гёте, Грибоѣдова, Гюго, Герцена, Державина, Екатерины II, Ж. Зандъ, Жуковскаго, Ибсена, Клейста, Лассаля, Ланкло, Ленуа, Мирабо, Мюссе, Эдгара По, Наполеона I, Огарева, Пушкина, Потемкина, г-жи Роланъ, г-жи Сталь, Вл. Соловьева, Стендаля, А. Толстого, Л. Толстого, Тургенева, Успенскаго, Фихте, Флобера, Чернышевскаго, Шатобріана, Шиллера, Шумана, Эртеля и др.

Страницъ 568. Цѣна 2 р.

Печатается:

Ж. Ж. НОВЕРРЪ.

Письма объ изобразительныхъ искусствахъ вообще и о танцѣ въ частности.

Переводъ, предисловіе и примѣчанія М. Ликиардопуло.

Новерръ—знаменитый балетмейстеръ XVIII-го вѣка, прозванный «Шекспиромъ танца». Чрезвычайно видное сочиненіе его, переводъ котораго впервые предлагается русскимъ читателямъ, давно признано и оцѣнено всѣми изучающими и интересующимися не только танцемъ, но и изобразительными искусствами вообще, какъ одно изъ классическихъ сочиненій по эстетикѣ театра. Свыше 150 лѣтъ тому назадъ Новерръ требовалъ отъ исполненія балета и оперы осмысленности и логичности, отъ актера—переживанія и «воплощенія» въ игрѣ, т.-е. тѣхъ качествъ, за которыя въ наши дни борются передовые дѣятели сцены.

Вотъ, что писалъ Новерру Вольтеръ по поводу его книги: «Я прочелъ ваше гениальное сочиненіе... заглавіе его говоритъ только о танцѣ, но вы озаряете яркимъ свѣтомъ всѣ искусства... вашъ стиль столь же краснорѣчивъ, какъ балеты ваши вдохновенны...

Изящное изданіе съ портретомъ автора и др. иллюстраціями.

ЭЛЬЗА ІЕРУЗАЛЕМЪ.

КРАСНЫЙ ДОМЪ. Романъ въ двухъ томахъ. Переводъ подъ редакціей Я. Бермана. Обложка А. М. Ариштама. Цѣна за оба тома 1 р. 75 к.

АНРИ БЕРНШТЕЙНЪ.

ИЗРАИЛЬ. Драма въ 3-хъ актахъ. Переводъ Н. П. Корелиной, съ предисловіемъ Г. А. Рачинскаго. Ц. 75 к.

ТОМАСЪ МАННЪ.

ЕГО КОРОЛЕВСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО. Романъ. Переводъ подъ редакціей Г. А. Рачинскаго. Ц. 1 р. 50 к.

КРУШЕНІЕ СЕМЬИ (Будденброки). Романъ, ч. I. Переводъ Ю. Спасскаго. Ц. 1 р. 25 к.

ДУШЕВНАЯ ЖИЗНЬ ДѢТЕЙ.

БИБЛИОТЕКА ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ПСИХОЛОГИИ.

Подъ ред. прив.-доц. Н. Д. Виноградова и А. А. Громбаха.

Подъ этимъ общимъ заглавіемъ «Московское Книгоиздательство» имѣеть въ виду издать рядъ наиболѣе выдающихся сочиненій по дѣтской психологіи, принадлежащихъ иностраннымъ авторамъ и до сихъ поръ недоступныхъ значительной части русскихъ читателей.

Цѣль этихъ сочиненій—освѣтить внутренній міръ ребенка, прослѣдить развитіе его душевныхъ способностей, уяснить совершающіеся въ немъ процессы, поскольку это достигнуто современною наукою, т.-е. дать извѣстныя положительныя знанія, которыя помогутъ воспитателю понять душевную жизнь ребенка и, слѣдовательно, наиболѣе цѣлесообразно на нее воздѣйствовать.

Все изданіе составитъ 15 том., въ которые войдутъ слѣд. сочиненія:

У. Друммондъ. Введеніе въ изученіе ребенка. Ц. 2 р.

Книга Друммонда представляетъ собою, какъ показываетъ самое заглавіе—«Введеніе въ науку о дитяти». Въ очень доступной и интересной формѣ авторъ характеризуетъ различные методы изслѣдованія обѣихъ сторонъ дѣтскаго существа—физической и духовной, не забывая при этомъ указать на предосторожности, которыя необходимы въ этой сложной и тонкой работѣ. Какъ врачъ, авторъ удѣляетъ достаточно мѣста изученію біологическихъ основъ дѣтской психики, но онъ не игнорируетъ и высшихъ проявленій духа ребенка, останавливаясь на выясненіи роли и такого фактора въ жизни дитяти, какъ религія. Въ послѣдней части работы содержатся указанія относительно различныхъ ненормальныхъ проявленій въ области дѣтской жизни.

Д. А. Колоцца. Дѣтскія игры. Ихъ психологическое и педагогическое значеніе. Ц. 1 р. 50 к.

Эта работа профессора Палермскаго университета, какъ указываетъ ея подзаголовокъ, разбираетъ одно изъ важнѣйшихъ явленій дѣтской жизни—игру—съ двухъ точекъ зрѣнія. Прежде всего здѣсь дѣлается попытка выяснить психологическое значеніе игры, прослѣдить ея возникновеніе и развитіе, опредѣлить ея роль въ общемъ строѣ душевной жизни ребенка. Затѣмъ игра рассматривается какъ средство воспитанія, и авторъ, критикуя часто неразумное отношеніе взрослыхъ къ играмъ и игрушкамъ дѣтей, даетъ въ то же время нѣкоторыя цѣнныя положительныя совѣты въ этой области. Средняя часть книги—«Игра въ исторіи педагогики»—представляетъ собою обзоръ мыслей, высказанныхъ по вопросу объ игрѣ крупнѣйшими мыслителями древняго и новаго времени.

Е. Пэре. Нравственное воспитаніе, начиная съ колыбели. Ц. 1 р. 50 к.

Терминъ «моральный» берется авторомъ въ болѣе широкомъ смыслѣ, тѣмъ наше понятіе «нравственный», и, благодаря этому, въ этомъ сочиненіи предлагается достаточно матеріала для характеристики самыхъ разнообразныхъ проявленій дѣтской психики. Авторъ рассматриваетъ послѣдовательно развитіе воли у ребенка, значеніе повиновенія, возникновеніе нравственныхъ привычекъ, роль чувствъ (обонянія, зрѣнія, слуха, осязанія, мускульнаго и температурнаго чувства) въ нравственномъ воспитаніи, а затѣмъ переходитъ къ высшимъ (нравственнымъ и безнравственнымъ) формамъ душевной жизни дѣтей. Здѣсь отдѣльныя главы посвящены вопросамъ о гнѣвѣ, страхѣ, инстинктѣ собственности, любопытствѣ, симпатіи къ людямъ и животнымъ, стыдливости, лжи, самолюбіи и пр.

М. О Ши. Роль активности въ жизни ребенка. Ц. 1 р. 50 к.

Возставая противъ современной системы воспитанія, которая отводитъ главное мѣсто «знаніямъ», авторъ стремится показать, что болѣе значеніе имѣетъ для дѣтей собственное «дѣланіе». Только дѣлая что-нибудь, ребенокъ вполнѣ усваиваетъ различныя познанія—проповѣди этой истины посвящена книга О'Ши. Но способности ребенка къ различнымъ дѣйствіямъ развиваются въ определенной послѣдовательности, и авторъ выясняетъ эту послѣдовательность, показывая въ то же время, какъ къ ней должно примѣняться обученіе.

А. Чемберленъ. Дитя. Очерки по эволюціи человѣка. (Въ двухъ томахъ).

Цѣна каждого тома 1 р. 50 к.

Подобно Болдуину, и Чемберленъ рассматриваетъ развитіе ребенка въ связи съ развитіемъ человѣческаго рода. Но онъ подходитъ къ вопросу съ иныхъ сторонъ, и главы его книги трактуютъ о значеніи безпомощности въ младенческомъ возрастѣ, о смыслѣ дѣтскаго возраста и игры, о дѣтской рѣчи и дѣтскомъ искусствѣ, объ общихъ чертахъ у ребенка и дикаря, у ребенка и преступника, у ребенка и женщины.

Д. Болдуинъ. Духовное развитіе дѣтскаго индивидуума и человѣческаго рода. (Въ двухъ томахъ). Цѣна каждого тома 1 р. 50 к.

Привести въ связь индивидуальное развитіе ребенка съ развитіемъ человѣческаго рода, объяснить первое послѣднимъ—такова задача этой книги. Авторъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ современныхъ психологовъ, рассматриваетъ цѣлый рядъ проявленій душевной жизни ребенка—распознаваніе цвѣтовъ, движенія (въ частности, причины преобладанія правой руки), внушаемость, подражаніе, вниманіе и т. д.—и даетъ обстоятельный научный анализъ каждого изъ нихъ.

С. Холлъ. Собраніе статей по педологіи и педагогикѣ. Ц. 2 р. 50 к.

С. Холлъ—одинъ изъ первыхъ и наиболѣе ревностныхъ проповѣдниковъ той истины, что для руководства ребенкомъ необходимо прежде всего научиться его понимать. И Холлъ самъ много сдѣлалъ какъ для изученія психологіи дѣтства, такъ и для широкой популяризаціи знаній въ этой области. Имя его пользуется большой извѣстностью не только на его родинѣ, въ Америкѣ, но и въ Европѣ (собраніе статей Холла существуетъ въ нѣмецкомъ переводѣ), и ознакомленіе русскихъ читателей съ работами Холла нельзя не считать желательнымъ. Въ настоящій сборникъ войдутъ статьи американскаго психолога, печатавшіяся разрозненно въ періодическихъ изданіяхъ и касающіяся различныхъ сторонъ душевной жизни дѣтей, напримѣръ, дѣтской лжи, страха и т. д.

Б. Перэ. Дитя отъ трехъ до семи лѣтъ. Ц. 1 р. 50 к.

Въ настоящей работѣ авторъ рассматриваетъ тотъ періодъ, когда у ребенка вполнѣ сознательная жизнь начинаетъ преобладать надъ жизнью растительною. Здѣсь разбираются высшія формы умственной дѣятельности, воображеніе и отвлеченное мышленіе, рассматривается развитіе памяти и вниманія, эстетическихъ чувствованій и воли. Какъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, авторъ и здѣсь пользуется многочисленными примѣрами изъ дѣтской жизни, иллюстрируя и оживляя ими свое изложеніе.

Д. Болдуинъ. Духовное развитіе съ соціологической и этической точки зрѣнія. (Въ двухъ томахъ). Ц. каждого тома 1 р. 50 к.

Это сочиненіе удостоено преміи Датскою Королевскою Академіею по докладу Г. Геффдинга. Здѣсь авторъ, опираясь въ значительной степени на выводы предшествующей своей работы, старается показать, какъ складывается въ ребенкѣ «соціальное существо», благодаря вліяніямъ окружающей среды. Поставленные и разрѣшаемые здѣсь вопросы находятся въ тѣсной связи съ важнѣйшими вопросами воспитанія, и такимъ образомъ книга Болдуина на

Печатается:

М. Шиннъ. Записки о развитіи ребенка. (Въ двухъ томахъ).

Это—одна изъ немногихъ работъ, гдѣ вдумчивый психологъ излагаетъ свои систематическія наблюденія надъ жизнью ребенка. Миссъ Шиннъ слѣдила изо дня въ день за развитіемъ своей племянницы, начиная со дня рожденія послѣдней до трехлѣтняго возраста. Близость къ ребенку и естественное пристрастіе къ нему уравновѣшивались здѣсь серьезною научною подготовкою, которая заставляла автора строго отдѣлять дѣйствительные факты отъ того, что обычно склонны видѣть въ ребенкѣ любящіе взрослые. Въ этой объективности, которая учитъ познавать и понимать постепенно усложняющіеся процессы, происходящіе въ душѣ безсловеснаго вначалѣ, а затѣмъ лишь лепечущаго дитяти,—главное значеніе книги.

Печатается:

С. Холлъ. Ранняя юность.

Вопросу о переходномъ или критическомъ возрастѣ посвящена эта работа, представляющая собою сжатое изложеніе (мѣстами измѣненное и дополненное) большого двухтомнаго труда того же автора. Сознвая всю важность этого возраста, требующаго особаго вниманія со стороны воспитателя, авторъ не ограничивается однимъ лишь сообщеніемъ чисто научныхъ данныхъ, но присоединяетъ къ нимъ практическіе выводы, вытекающіе для педагога изъ научныхъ положеній. Одну изъ главъ авторъ посвящаетъ специально дѣвочкамъ и ихъ развитію въ тотъ періодъ, когда въ нихъ начинается формироваться женщина. Какъ и О'Ши, Холлъ, настоятельно рекомендуетъ удѣлять много вниманія физическимъ упражненіямъ, и этотъ походъ противъ современнаго, преимущественно словеснаго обученія, составляетъ одно изъ существенныхъ достоинствъ его книги.

Принимается подписка.

Подписная цѣна на 15 томовъ—22 р. 50 к. Въ изящныхъ коленкорovýchъ переплетахъ—31 р. 60 к.

Условія уплаты: при подпискѣ на изданіе въ переплетахъ—задатокъ 1 р. 60 к. и при полученіи каждаго тома по 2 р.; безъ переплетовъ—задатокъ 1 р. 50 к. и при полученіи каждаго тома—по 1 р. 40 к. Доставка и пересылка за счетъ издательства.

РИХАРДЪ АВЕНАРИУСЪ.

О ПРЕДМЕТѢ ПСИХОЛОГІИ.

Переводъ И. Маркова. Ц. 60 к.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ВУНДТЪ.

ОЧЕРКИ ПСИХОЛОГІИ.

Переводъ прив.-доц. Моск. унив. Д. Викторова. Ц. 2 р. 50 к.

БЕННО ЭРДМАННЪ.

НАУЧНЫЯ ГИПОТЕЗЫ О ДУШѢ И ТѢЛѢ.

ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДЪ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИИ

ФРИДРИХА НИЦШЕ

при сотрудничествѣ: Андрея Бѣлаго, В. Я. Брюсова, Т. Б. Гейлихмана, Е. К. и А. К. Герцыкъ, М. О. Гершензона, Вячеслава Иванова, И. А. Ильина, Л. С. Мееровича, Э. К. Метнера, А. С. Петровскаго, С. Л. Роговина и др.

Томъ I-й. Рожденіе трагедіи и др. Пояснительныя статьи: проф. Э. Зѣлинскаго, Е. Фёрстера-Ницше. Ц. 3 р. 50 к.

Томъ II-й. Несвоевременныя размышленія. Мы филологи. Пояснительныя статьи: Е. Фёрстеръ-Ницше, Э. Метнера, С. Франка. Ц. 3 р.

Томъ III-й. Человѣческое слишкомъ человѣческое. Отдѣльныя замѣчанія о культурѣ, государствѣ и воспитаніи. Указатель афоризмовъ. Пояснительныя статьи: Е. Фёрстеръ-Ницше, С. Франка. Ц. 3 р.

Томъ IX-й. Воля къ власти. Пояснительныя статьи: Е. Фёрстеръ-Ницше, Г. Рачинскаго. Ц. 3 р.

ПЕЧАТАЮТСЯ: Томъ IV-й. Человѣческое слишкомъ человѣческое. П. Статьи о Рихардѣ Вагнерѣ. Томъ V-й. Утренняя заря. Взглядъ на прошлое и будущее народовъ. ПОДГОТОВЛЯЮТСЯ КЪ ПЕЧАТИ: Такъ говорилъ Заратустра, въ пер. Вячеслава Иванова, и др. томы.

Печатается:

РЕНЭ ДЕКАРТЪ.

ПРАВИЛА ДЛЯ РУКОВОДСТВА УМА.

Переводъ съ латинскаго М. С. Марковой подъ редакціей прив.-доц. Имп. Моск. Унив. Д. В. Викторова.

Р. ФАЛЬКЕНБЕРГЪ.

ИСТОРИЯ НОВОЙ ФИЛОСОФИИ.

Переводъ и редакція прив.-доц. Моск. унив. Д. Викторова.

Съ шестого нѣмецкаго пересмотрѣннаго и дополненнаго авторомъ изданія. Ц. 3 руб. 75 коп.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ:

Новый переводъ книги Фалькенберга представляетъ цѣнное пріобрѣтеніе для русской философской литературы. Отсутствие хорошаго перевода этой книги давно уже являлось значительнымъ пробѣломъ въ ряду немногочисленныхъ русскихъ общихъ курсовъ по исторіи новой философіи, а достоинства самаго сочиненія заставляли чувствовать этотъ пробѣлъ съ особенной силой. При значительной ясности и простотѣ изложенія Фалькенбергъ даетъ почти всегда сознаніе того, что излагаемая идеи труднѣе, сложнѣе и глубже, чѣмъ онѣ могутъ быть охарактеризованы въ изложеніи; отношеніе его къ чужимъ мыслямъ всегда осторожно, внимательно, вдумчиво, и это даетъ ему возможность учсть и указать читателю такіе отѣнки и стороны системъ, которые или не замѣчаются или просто отрицаются менѣе объективными изслѣдователями. Книга Фалькенберга есть прекрасное руководство для начинающихъ. Переводъ выполненъ хорошо, въ философскомъ отношеніи очень точно и ясно. Нѣсколько сдержанный и сухой языкъ нѣмецкаго оригинала вышелъ по-русски болѣе живымъ и изящнымъ...

«Русск. Вѣд.» 17-го ноября 1909 г.

У. Ф. БАРРЕТЪ.

ЗАГАДОЧНЫЯ ЯВЛЕНІЯ ЧЕЛОВѣЧЕСКОЙ ПСИХИКИ.

К. МАРКСЪ.

КАПИТАЛЪ.

Первый полный переводъ подъ редакціей В. Базарова и И. Степанова. **Общая редакція А. Богданова.**

Томъ I (съ приложеніемъ алфавитныхъ указателей ко всѣмъ
тремъ томамъ) . . . . . Цѣна 2 р. 75 к.
" II . . . . . 2 . 50 .
" III часть I . . . . . 1 . 75 .
" III . II. . . . . 1 . 75 .
Въ трехъ изящныхъ полукожаныхъ переплетахъ 11 р. 50 к.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ:

«...но и въ 1905 г. второй и третій томы «Капитала» существовали на русскомъ языкѣ только въ явно негодномъ переводѣ Николая—она. Пробѣлъ этотъ взяли восполнить Н. Ленинъ, А. Богдановъ, В. Базаровъ и И. Степановъ... Они начали со второго тома и въ 1907 и 1908 годахъ выпустили второй томъ и оба выпуска третьяго. Скоро долженъ выйти и первый томъ... Я не свѣрялъ всѣ 1300 страницъ новаго перевода съ подлинникомъ, но я свѣрилъ достаточно мѣстъ, чтобы имѣть право сказать, что новый переводъ—вполнѣ серьезное научное предпріятіе, выполненное, дѣйствительно, съ полною добросовѣстностью и съ полнымъ знаніемъ дѣла. Чего-либо подобнаго невѣжественнымъ курьезамъ Николая—она здѣсь нѣтъ и слѣда. Попадаютъ, правда, неточности, но все это мелочи, неизбежныя при такомъ колоссальномъ трудѣ, какъ переводъ «Капитала», и не искажающія коренныхъ теоремъ автора). А переводъ Николая—она сплошь и рядомъ давалъ именно такое искаженіе»...

А. Изгоевъ («Русская Мысль», августъ 1908 г.).

В. ІЕРУЗАЛЕМЪ.

УЧЕБНИКЪ ПСИХОЛОГІИ.

Переводъ съ четвертаго изданія подъ редакціей прив.-доц. Моск. унив.
Д. В. Викторова.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ въ качествѣ руководства для среднихъ учебныхъ заведеній.

Стр. VII—300. Цѣна 1 руб. 20 коп.

В. ІЕРУЗАЛЕМЪ.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ФИЛОСОФІЮ.

Переводъ подъ ред. прив.-доц. Н. Д. Виноградова. Ц. 1 р. 50 к.

Печатается:

ДЖЭМСЪ ЭНЖЕЛЛЬ.

ПСИХОЛОГІЯ.

Переводъ съ англ. подъ ред. прив.-доц. Д. В. Викторова. Ц. 1 р. 25 к.

Печатается:

Д. М. БОЛДУИНЪ.

ИСТОРІЯ НОВОЙ ПСИХОЛОГІИ.

